

9
14/1
ИРЯ
-47
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СЛАВЯНСКИЙ АРХИВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1963

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКИЙ
АРХИВ

СБОРНИК СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1963

Редакционная коллегия:

С. А. НИКИТИН (ответственный редактор),

Е. П. НАУМОВ (ответственный секретарь),

П. Н. ОЛЬШАНСКИЙ, Г. Э. САНЧУК

9
С 47

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН СССР

59017

СТАТЬИ

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

О ФОРМУЛЯРЕ НОТАРИАЛЬНЫХ АКТОВ ИЗ ТРОГИРА

В советской исторической литературе вопросы экономической, социальной и политической жизни далматинского города до сих пор не нашли достаточного освещения¹. В частности, не был изучен и формуляр, по которому в средневековых далматинских городах составлялись акты. А между тем анализ формуляра позволил бы отделить шаблонную форму источников от их конкретного, живого содержания и облегчил бы понимание городской жизни. Хорватская историография накопила уже некоторый опыт анализа средневековых, в том числе и городских, грамот² и самой нотариальной процедуры. Развитие этой процедуры представляется в следующем виде.

Понятие «нотарий», *notarius* широко употребляется в городских куриях и при королевском дворе уже в XI в.³, по нотариат XI в. еще не представляет собой сложившегося института. Как правило, функции нотариа исполняют священники или даже епископы из королевского окружения⁴. Изготавливаемые ими до-

¹ См. А. Е. Москаленко. Ремесло и промыслы в Сплите в XIII—XIV вв. «Труды ист.-фил. факультета Воронежского ун-та», т. 38, 1955, стр. 45—62; его же. Данные хроники Фомы Сплитского о классовый борьбе в Сплите в конце XII—первой половине XIII в. «Славянский сборник», вып. ист., Воронеж, 1958, стр. 31—42; его же. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. «Византийский временник», т. XIII, 1958, стр. 136—161.

² M. Šufflay. Die dalmatinische Privaturkunde. «Sitzungsberichte d. kaiserl. Akademie d. Wissenschaften», phil.-hist. Klasse, Bd. 147. Wien, 1904; J. N a g y. Diplomatičko-paleografske studije. «Vjesnik kralj. državnog arhiva», XXIII, Zagreb, 1925; V. N o v a k. Supetarski kartular. Zagreb, 1952, str. 143—186; V. N o v a k. Zadarski kartular. Notae diplomaticae et chronologicae, Zagreb, 1959, str. 119 i sl.

³ F. R a č k i. Hrvatska dvorska kancelarija i njezine isprave za vladavine narodne dinastije. «Rad JAZU», knj. 35, 1876.

⁴ J. N a g y. Isprave iz doba hrvatske narodne dinastije. Zagreb, 1925, str. 10.

кументы мало отражают положение дел в городе: интересы священников-нотариев целиком связаны с церковью⁵. Развитие городской и внегородской (в том числе и королевской) документации идет различными путями⁶, и нотариат по-настоящему развивается только в городах. Здесь возникает потребность в знакомстве с опытом соседних стран, в городе появляются канцеляристы-иностранцы, приносящие с собой практику нотариального дела из итальянских коммун⁷. Но проследить результаты их деятельности и получить возможность охарактеризовать состояние делопроизводства в далматинских городах удается только с середины XIII в. — времени, когда до нас доходят первые нотариальные книги⁸.

Один из исследователей этой проблемы, Я. Стипишич, установил важные закономерности в развитии городского нотариата. По его мнению, влияние итальянских канцеляристов заметно сказалось в городах, подвергшихся сильному славянскому влиянию (например, в Сплите)⁹. Там же, где сохранились прочные традиции римского права — в Задаре, — документы продолжали составляться по римскому образцу.

Подробно характеризует службу нотариев в Которе А. Маринович, который приходит к выводу, что для каждого рода сделок — завещания, займа, акта купли-продажи и т. д. — была установлена определенная не нарушавшаяся форма документа¹⁰. Так мы подходим к проблеме устойчивости того формуляра, по которому изготовлялись документы в средневековом далматинском городе.

Осветить эту проблему мы попытаемся на материале актов из Трогира, относящихся ко второй половине XIII в. Акты были изданы М. Барадой в трех томах, в два первых вошли акты го-

⁵ J. Stipišić. Razvoj splitske notarske kancelarije. «Zbornik Historijskog instituta JAZU», I, 1954, str. 111 i sl.

⁶ И. Надь полагал, что негородские (или, как он выражался, «хорватские») грамоты создавались под сильным влиянием городской практики (J. Nagy, *Isprave...*, str. 6—7). И. Клаич, напротив, отрицает это влияние и отмечает различие в характере тех и других документов уже с IX в. (N. Klaić. *Rapski falsifikati*. «Zbornik Instituta za historijske nauke u Zadru», Filozofski fakultet u Zagrebu (далее — ZIHN), 1955, str. 56—57).

⁷ J. Nagy. *Isprave...*, str. 6; A. Marinović. *Razvitak vlasti u srednjovjekovnom Kotoru*. «Historijski zbornik», god. X, 1957, str. 87. В. Новак полагает, что приглашение нотария-иностранца было вызвано потребностью обеспечить беспристрастие при оформлении документов (V. Novak. *Zadarski kartular*, str. 128, nap. 43).

⁸ Особенно много этих книг (свыше 500 тетрадей) сохранилось в архиве Задра. К сожалению, опубликована лишь ничтожно малая часть («Spisi zadarskih bilježnika Henrica i Creste Tarallo 1279—1308», Zadar, 1959, «Kotorski spomenici od god. 1326—1335», Zagreb, 1951).

⁹ J. Stipišić. *Razvoj splitske notarske kancelarije*, str. 113.

¹⁰ A. Marinović. *Razvitak...*, str. 85—87, 89.

родской канцелярии (1263—1294)¹¹, а в последний — протоколы городского суда примерно того же времени (1266—1299)¹².

Некоторые документы из Трогира уже были предметом пристального изучения. Но рассмотрены были не нотариальные акты, а диплом венгерского короля Коломана, пожалованный городу в подтверждение его свобод¹³. Этот акт был дарован Трогиру, когда город еще не достиг заметной ступени развития, и поэтому не может быть показателем городского производства и обмена. Иное дело — акты 1264—1299 гг. Они были составлены в то время, когда Трогир стал значительным центром торговли и ремесла на Адриатике. Их анализ позволит судить о развитии городской жизни и прежде всего о том, в каких формах закреплялись правовые отношения товаропроизводителей.

Мы остановимся на материале первых двух томов; акты, вошедшие в III том (судебные протоколы), записаны по произвольной форме и лишены четкого формуляра. К документам, составленным 30 лет, приложили руку многие лица, акты сведены в 16 тетрадей (*quaterni*), составлявшихся поочередно десятью нотариями. Почти все они занимали свой пост в городской канцелярии недолгое время. Так, Петр Бонаventura оформлял документы около двух лет (октябрь 1263—август 1265 г.); Франческо из Анконы — меньше года (июнь 1270—май 1271 г.), Франческо Анджели, оставивший после себя наибольшее количество актов (557 грамот, сведенных в две тетради), — также меньше двух лет (август 1271—май 1273 г.). Немногим больше года были нотариями Франческо из Кремоны, Николай Пальмери и Сирокти из Анконы; исключение составляет лишь Франческо де Чингуло, имя которого появляется на страницах нотариальных книг трижды — в 1274—1275, 1278 и 1286—1287 гг. Составителями актов из Трогира были либо местные уроженцы (если судить по отсутствию в их именах локального прозвища), либо пришельцы из Анконы, Кремоны и других городов, принесшие с собой разные традиции делопроизводства.

Содержание актов весьма многосторонне. В них преобладают акты купли-продажи (наиболее подробную формулу такого акта см. табл. II) и займа денег (см. табл. I), здесь встречаются завещания (т. I, стр. 10 или 53), раздел совместного имущества родственниками (т. I, стр. 7—8), аренда (т. II, стр. 134), передача полномочий на совершение сделок (т. II, стр. 134), наем ученика (см. табл. III) или слуги (там же), отпуск раба на свободу (т. I, стр. 46).

¹¹ «Trogirski spomenici», Prepisao i uredio M. Barada, d. I, sv. I—II (Zapisci pisarne općine trogirске), Zagreb, 1948—1950.

¹² «Trogirski spomenici», d. II, sv. I (Zapisci sudbenog dvora općine trogirске), Zagreb, 1951.

¹³ «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae», ed. T. Smičklas, vol. II, Zagreb, 1904, № 16, str. 19; N. K l a i ć. O autentičnosti privilegija trogirskog tipa. ZIHN, knj. II, str. 77—88.

Т а б л и ц а I (долговое обязательство)

a) Bonaventurae Petri	b) Francisci Anconitani	c) Francisci Angeli
19.I 1264 (sv. I, str. 26)	23.III 1271 (sv. I, str. 193)	21.II 1272 (sv. I, str. 314)
(Datum)	(Datum)	(Datum)
(Testes, examinador)	(Testes)	(Testes)
(Intitulatio)	(Intitulatio)	(Intitulatio)
a) ...Fuerunt confessi et manifesti se dare debere... LXV libras... ex causa mutui, quas ab eo confessus...	...Fuerunt contenti et confessi se nomine mutui habuisse et recepisse et apud se habere (libras...).	...Fuit contentus, confessus et manifestus se dare debere...
d) renuntians etc.		
b) Quas libras promiserunt per se suosque heredes restituere et solvere... infra unum annum... sub obligatione suorum bonorum.	Quas... libras... per se suosque heredes, stipulatione promiserunt... dare et solvere adque restituere hinc ad quinque annos... sub obligatione suorum bonorum.	Quas... libras... per se suosque heredes promisit dare et solvere... hinc ad festum sancti Dompni proxime venturum sub... obligatione suorum bonorum.
c) In que bona si ei non satisfacerint intra terminum dictum... liceat ingredi (creditor) sua auctoritate et ex bonis vendere... quod voluerit...	Renuntiantes... omnibus iuribus et exceptionibus eis competentibus in hoc toto contractu.	Et si ad dictum terminum... non solverit... sit licitum sua auctoritate intrare in bonis dicti... et vendere sine requisitione curiae et eius... venditio sit firma non obstante capitulare communis Traguriensi.
e) Et venditionem... promiserunt habere ratam non obstante... consuetudine Traguriensi.		
Actum...	(Actum) Publicatum	(Actum absit) Publicatum

В специальной литературе уже давно разобран состав формулы, лежащей в основе документов IX—XI вв. Как правило, это: 1) протокол, состоящий из invocatio (обращение к богу), даты (datum) и intitulatio составителя, 2) текст, т. е. agenda (мотивировка акта), narratio и dispositio — основные части акта, излагающие его смысл, и formula roenalis или sanctio, 3) эсхатокол с именами свидетелей и подписями¹⁴. Но уже в X—XI вв. редкая грамота состояла из всех названных частей¹⁵. Еще больше отличий можно заметить в трогирских актах.

Обратимся к формуле долгового обязательства, одной из самых распространенных сделок в городе. В ней, как правило,

¹⁴ D. Janković. Istorija država i prava naroda FNRJ, I. Beograd, 1954, str. 70—72.

¹⁵ V. Novak. Zadarski kartular, str. 119 isl.

нет «инвокации», отсутствует объяснение причин, вызвавших сделку — нет аренды, но зато обстоятельно и подробно изложена «диспозиция» — само содержание сделки. Если мы хотим разобратся в его составе, нам следует выделить в нем несколько повторяющихся частей. Место этих частей в акте, их объем, даже формулировки могут быть различными, но их суть, выраженная каким-нибудь одним повторяющимся словом, остается неизменной. По этим словам мы условно назвали составные части «диспозиции»: а) *confessus* — признание должником своего долга; б) *promisit* — обязательство уплатить деньги в срок; в) *licet ingredi* — право кредитора вступить в распоряжение имуществом должника, если последний не вернет долга; д) *renuntians* — отказ от возможных претензий; е) *ratam habere* — признание нерушимости заключенной сделки.

Подписи обычно отсутствуют, только Франческо де Чингуло имеет обыкновение некоторые акты заканчивать словами: «*Ego Franciscus notarius scripsi*» (т. II, стр. 250—263).

У нотариуса Петра Бонавентуры эта формула выдерживается почти без всяких изменений, разве что в документе появится упоминание о залоге и о том, как следует поступить, если залог погибнет. Почти полностью сходны с актами Бонавентуры и грамоты, составленные Франческо Анджели (различие лишь в формуле «*licet ingredi*»). Изменения можно заметить только в актах, принадлежащих перу Франческо из Анконы (см. табл. I, раздел б). Формула «*promisit*» у него содержит регулярно повторяемое упоминание о соглашении — *stipulatione*, а право распоряжаться имуществом неплательщика дается без разрешения городской курии; более серьезным дополнением является полностью приведенная формула отказа от претензий, данная у остальных нотариусов лишь в сокращении — «*renuntians etc.*» В остальных же актах нотариуса из Анконы отличаются лишь во второстепенных деталях. И даже в документах, составленных Франческо де Чингуло через полтора десятилетия, отличия выражаются лишь в относительной краткости акта (да и то не всякого) или в том, что формула «*licet ingredi*» выражена герундием — *dedit licentiam et liberam potestatem... intrandum et vendendum* (например, т. II, стр. 257). В составе же *dispositio*, в последовательности перечисленных выше составных частей совпадение является почти полным.

Сходные наблюдения можно сделать, рассматривая акты купли-продажи (табл. II). И здесь *dispositio* распадается на ряд формул, с большим или меньшим постоянством встречающихся во всех нотариальных тетрадах. Это — формула «*vendidit*» — сообщение о самом факте продажи, «*iures*» — перенос на покупателя титула собственности, «*pretium*» — сообщение о цене. Акт завершается признанием нерушимости заключенной сделки — «*rata habere*» и обязательством защищать акт продажи от всяких

посягательств — «defendere». В том или ином порядке, иногда меняясь местами, нередко в разных выражениях, но тем не менее с большой последовательностью эти составные части акта купли-продажи проходят через оба тома нотариальных тетрадей на протяжении 30 лет.

Сходство формы иногда бывает настолько велико, что под ней не сразу обнаруживается различное содержание. Так обстоит дело с формулой найма; здесь одинаковые по составу грамоты фиксируют совершенно различные операции. Обратимся к табл. III. Если первый случай (раздел А) свидетельствует о найме ученика в обучение на обычный принятый в ремесле срок — девять лет, то второй пример (раздел В) — это акт закабаления за пищенскую сумму в три лиры на 25 лет!

Так может создаться впечатление о неизменности формуляра трогирских актов. Однако оно было бы ошибочным. Если на протяжении всех 30 лет почти нигде не исчезают основные части, из которых складывается *dispositio*, то заметно изменяются протокол и эсхатокол и значительно уменьшается объем акта. Читая грамоты, невольно задаешься вопросом, чем вызываются перемены в начальной и заключительной частях даже однотипных грамот, почему в одних случаях упоминания о свидетелях помещены в начале акта, а в других — в конце, почему в ряде грамот эсхатокол состоит из формулы «*facta est cartula*» (акты Петра Бонавентуры), в других — «*publicatum*» (тетради Франческо Анджели), а в третьих отсутствует вовсе (тетради Сирокти). Непостоянным является и место в акте, где упоминаются свидетели и «экзаминатор» (*examinator*)¹⁶. Если Петр Бонавентура, Франческо из Анконы и Сирокти называют их в начале грамоты, то де Чингуло, Скори, Пальмери упоминают их в эсхатоколе. Наконец, остается неясным, почему целые тетради содержат акты краткого состава, а другие — не меньшие — состоят из обстоятельных развернутых грамот. Нельзя предположить, что первые нотариусы составляли развернутые грамоты, а последующим оставалось только сокращать их: акты 1270-х годов кратки, а 1280-х годов очень объемисты. Остается предположить, что одной из важнейших, если не определяющих причин изменений в актах является индивидуальная манера каждого нотариуса. Это обстоя-

¹⁶ Одним из первых об «экзаминаторах» упомянул М. Шуффлай («Die dalmatinische Privaturkunde», S. 57—58, 107—110). В последнее время о них писали довольно часто (М. В а г а д а. Trogirski spomenici. Predgovor, d. I, sv. I; Н. К л а и ć. Rapski falsifikati, str. 50; V. Н о в а к. Zadarski kartular, str. 211, нар. 236). В Которе функции «экзаминаторов» выполняли «аудиторы» (А. М а г и н о в и ć. Razvitak vlasti. . . , str. 87). Отметим факт, не нашедший отражения в литературе: если нотариусы меняются каждые полтора-два года, то несколько «экзаминаторов» — Марин, Сильвестр, Деса Дуйм Доминик, Матео Луче и два Николая — Водовари и Касокти — исправляют свои должности неизменно на протяжении тридцати лет.

Т а б л и ц а II (акт купли-продажи)

2. XII 1263 (sv. I, str. 9, N 22)	1. IV 1287 (sv. II, str. 256, N 9)
(Bonaventurae Petri)	(Francisci de Cingulo)
(Datum)	(Datum)
(Testes, examinador)	
(Intitulatio)	(Intitulatio)
a) ... Presente et volente... viro suo... vendidit et dedit jure proprio... suum locum cum chararda...	... Jure proprio ... vendidit et dedit... sex vretenos terre...
b) ... cum omnibus suis pertinentiis et juribus... et cum omni jure etc.	... ad habendum, tenendum, possidendum... cum introitu et exitu... et cum omnibus juribus... pretio opto librarum (sic)
c) pro pretio quadraginta librarum...	promictens (sic) dictus venditor... de predicta re litem aliquam... ab omni persona legitime semper defendere...
d) et si fuerit ei dicta res ab aliquo calumpniata et litata, eam sibi defendere teneatur omnibus suis expensis;	
e) promittens hanc venditionem... rata habere.	
(Actum)	(Actum absit)
Facta est cartula.	(Testes, examinador)
	Ego, Franciscus notarius scripsi.

ательство и не позволяет говорить о постоянном, неизменном формуляре трогирских актов.

Но если деловой почерк нотариев различен, то каждый из них, за небольшими исключениями, строго придерживается собственного шаблона, и тем интереснее и необычнее должен показаться единственный случай, когда нотариус меняет формулы своих актов. Это — нотариус Скори, которому принадлежит 185 актов, относящихся к октябрю 1278 — декабрю 1279 г. (т. II, стр. 177—242). Казалось бы, что на таком сравнительно небольшом материале трудно рассчитывать найти какие-либо изменения, иные тетради содержат до четырехсот документов, и в них формула акта не меняется на всем протяжении (т. I, стр. 269—507). А вот акты Скори дают возможность проследить известную эволюцию их формуляра, прежде всего полноты акта. Ни один из его предшественников не позволял себе сокращать свои же собственные акты, исключая те случаи, когда приходилось в один день выдавать по нескольку документов одним и тем же лицам. Однако это было исключением из правила. Впервые приступив к записи сделок, Скори облакает их в обширную и необычную для трогирских нотариев торжественную формулу: он начинает с призыва имени бога, вводит invocatio («In Christi nomine amen»). Трогирские нотариусы XIII в. не употребляли религиозных формул в актах; таким образом, можно допустить, что Скори приносит эту фор-

Т а б л и ц а III (договор найма ученика и слуги)

- A) 3.I 1264 (sv. I, str. 17, № 40) B) 24.III 1276 (sv. II, str. 130, № 10) C) 26.VIII 1279 (sv. II, str. 193, № 37)
- a) ...Boghedana... filium suum Stoianem presentem et volentem... *locavit pacto cum magistro Stephano*
- a) ...Peruenni... et Stana eius uxor *dederunt et locaverunt Radostam suam filiam ibidem presentem et volentem cum Maria...*
- a) ... Carta facta... de *locatione* Radosclavi... facta Ob-rado Debene
- b) ad artem calcolariae discendam
- c) ... hinc ad viginti-quinque *annos* proxime venturos
- c) per *annos* VIII
- d) promittens dicta mater... quod dictus filius *stabit* cum dicto magistro et ab eo non recedere usque ad terminum dictum completum;
- d) ... dicta Radosta debeat continue per totum dictum tempus XXV annorum *stare* cum dicta Maria...
- b) quem de arte calcolariae docere debet
- e) et si dictus puer recesserit a dicto magistro sine sua voluntate dedit ei licentiam, ut possit eum capere... et *re e ducere ad suum servitium*.
- e) et si aufugerit ipsa Maria [possit] eam *ad suum servitium reducere*
- g) et si defraudaret aliquam rem... eius pater et mater *emendare teneatur*.
- m) Et hoc fecerunt pro tribus libris ven[etiarum] par[vulorum], quas confessi et contenti fuerunt ab eadem Maria habuisse, recepisse...
- f) Et quod *faciet ei servitia*...
- h) Et dictus magister *debet* dictum puerum... *suam artem*... *docere* bona fide
- i) ... dicta Maria *promisit* ipsi Radoste dare *vestimenta*, calciamenta...
- i) et dare sibi *victum* et *restitum* per illud tempus (debet) etc.
- i) et dare teneatur ipsi puero *vestimenta* et calciamenta et alimenta...
- l) Predicta omnia inter se... promise-runt... *observare*... *sub obligatione suorum bonorum*.
- i) Et hec omnia promise-runt inter se, ut dictum est *observare*... *sub obligatione suorum bonorum*.

(Курсив везде мой. — М. Ф.)

мулу со стороны. Однако присмотревшись к актам, составленным непосредственным предшественником Скори — Франческо де Чингуло, мы увидим, как в них совершенно неожиданно (стр. 175)

появляются те же «In Christi nomine amen» и даже датировка от рождества Христова. С тех пор эта формула становится привычной для де Чингуло, свидетельствуя о его религиозных симпатиях, а может быть, и о связях с церковью. Не поддержкой ли церковных кругов, кстати, объясняется тот факт, что он — единственный из всех трогирских нотариусов — дважды возвращается на свой пост?

Во всяком случае, Скори, занявшему место де Чингуло, было чему следовать. Его первый акт от 9 октября 1278 г. до мельчайших подробностей копирует последнюю грамоту де Чингуло от 30 сентября. Напыщенная и громоздкая формула протокола затем повторяется на протяжении целого года. На страницах нескольких десятков актов Скори сохраняет верность избранной им формуле. А затем его как подменяют — религиозная формулировка начисто исчезает из протокола, акт сокращается до нескольких строк, пропадают все упоминавшиеся выше составные части грамоты, остается лишь самая суть сделки и многочисленные etc. Табл. III (раздел C) дает представление о том, как сжимается до предела акт найма ученика. Самым характерным для грамоты становится поразительная сухость и деловитость, как бы «обнаженность» ее содержания. Чтобы понять, насколько отошел Скори от традиционных приемов составления документов, достаточно сравнить его записи с работой преемников, например Пальмери, и перед нами вновь возникнет очень широкая и застывшая формула. Таким образом, пример Скори не нашел последователей в Трогире, тем не менее его опыт может дать материал для некоторых выводов.

Судя по тому, как щедро Скори употреблял религиозные формулы в своих первых актах, он был новым человеком в Трогире, где, так же как в соседнем Сплите, влияние церковников на городскую канцелярию было ничтожным¹⁷. Явилось ли пребывание Скори в городской курии победой церковных кругов или же он долго перенимал формулировки у своего преемника — сказать трудно. Гораздо важнее то, что Скори не удалось сохранить избранную им громоздкую манеру составления актов. Отказ от нее объяснялся не только тем, что она оказалась слишком многословной, но и тем, что она была предельно насыщена чуждыми горожанам религиозными оборотами, а это свидетельствовало о проникновении в курию церковного влияния. Когда же этот шаблон был сломан, на страницы документов пробилась деловая жизнь торгового и ремесленного города, требовавшая краткого и точного оформления. Так крутой переход от громоздких грамот к коротким записям в тетради Скори позволил судить о росте деловых потребностей в городе, что должно было быть обусловлено развитием его производственной основы.

¹⁷ J. Stipišić. Razvoj splitske notarske kancelarije, str. 113 isl.

О. И. ПОДОБЕДОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ МИНИАТЮР
ИСТОРИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ
КАК ИСТОЧНИКА ДЛЯ ИСТОРИИ
ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

В источниковедческой и исторической литературе, как правило, уделяется весьма мало внимания миниатюре как историческому источнику. Чаще всего стилистические особенности миниатюры в числе прочих палеографических признаков служат для датировки рукописи, и лишь изредка предмет исследования составляют сами изображения. Можно назвать только немногие работы, где наряду со стилистическими признаками само содержание миниатюр служит основой для датировки рукописи, помогает выяснить историю ее создания или определить ее состав. В числе таких исследований следует назвать труды Н. П. Лихачева¹, А. Е. Преснякова², касающиеся происхождения и состава Лицевого летописного свода второй половины XVI в., ряд статей Д. В. Айналова³ о рукописи Хроники Георгия Амартола, «Жития Бориса и Глеба» или Радзивилловской летописи. К содержанию миниатюр исследователи обращались иногда и для выяснения личности ее заказчика и исполнителя⁴, рассматри-

¹ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1. СПб., 1899, стр. СLIV—СLXXX, 300—318.

² А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893; его же. Московская историческая энциклопедия XVI в. ИОРЯС, т. V, кн. 3, СПб., 1900, стр. 824—876.

³ Д. В. Айналов. Миниатюры древнейших русских рукописей в музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. — «Краткий отчет о деятельности общества древнерусской письменности и искусства за 1917—1923 гг.», Л., 1925, стр. 12—33; его же. Иллюстрации к хронике Георгия Амартола. ТОДРЛ, т. III, М.—Л., 1936, стр. 13—21.

⁴ Д. В. Айналов. О некоторых сериях миниатюр Радзивилловской летописи. ИОРЯС, т. XIII, кн. 2, 1909, стр. 307—323; его же. Миниатюры Сказания о св. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. ИОРЯС, т. XV, кн. 3, 1910, стр. 1—128.

вали они и отдельные элементы миниатюры, например ее пейзажные или архитектурные фоны.

Однако обобщающий труд А. В. Арциховского «Древнерусская миниатюра как исторический источник» (М., 1944) явился почти единственным исследованием среди работ советских ученых, в котором с такой полнотой привлечены данные миниатюры как таковой. И несмотря на то, что со времени выхода в свет этой книги прошло уже около двух десятилетий, почти ни один из интереснейших вопросов, поставленных автором, не стал предметом дальнейших исследований.

В еще меньшей мере русские ученые обращались к изучению греческих и славянских лицевых исторических рукописей.

В трудах Н. П. Кондакова, Д. В. Айналова, А. И. Некрасова можно найти лишь краткое упоминание о библейских сюжетах в Хронике Барбары или Александрийской Хронике⁵.

Несколько шире упоминания о миниатюрах болгарской летописи Манассии по Ватиканской рукописи (Cod. Slav. II) или греческой рукописи Хроники Иоанна Скилицы, хранящейся в Мадриде (Эскориал 5—3, № 2). Д. В. Айналов⁶ и А. И. Некрасов обращаются к ним, приводя в качестве аналогий для некоторых миниатюр Хроники Георгия Амартола и Радзивилловской летописи.

Стилистический анализ украшающих их миниатюр дает В. Н. Лазарев. Он указывает на архаический строй форм в миниатюрах Хроники Скилицы⁷ и особенно отмечает более высокое качество изображений в Хронике Манассии⁸. Первую он датирует XIII в., но указывает на архаизирующую манеру исполнения и различает руку нескольких мастеров. Вторая, исполненная в 1339—1344 гг. для царевича Ивана Асеня, в части своих миниатюр обнаруживает следование образцам XII в., а также содержит миниатюры, характерные для художественной культуры Болгарии XIV в. Особенный интерес ее миниатюры представляют для историка искусства потому, что памятники монументальной живописи, относящиеся ко времени царствования Иоанна Александра, разрушены турками и лишь на основании миниатюр группы рукописей, датирующихся серединой XIV в., можно составить представление о характере болгарской художественной культуры этой поры.

Таким образом и здесь лицевые рукописи рассматривались вне общей проблематики лицевого летописания в славянских странах.

⁵ Д. В. Айналов. К истории древнерусской литературы. II; его же. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола, стр. 17.

⁶ Д. В. Айналов. Указ. соч., стр. 15—17.

⁷ В. Н. Лазарев. История Византийской живописи, т. 1. М., 1947, стр. 168, 341.

⁸ Там же, стр. 241, 380.

Исследователями не только не выяснено место этих хроник в истории лицевого летописания восточных и южных славян, но и не предпринималась попытка установить истоки их иконографии, установить их связи с историческими миниатюрами других рукописей, определить круг социально-исторических представлений, нашедших в них отражение.

Между тем само содержание миниатюр, как и их стилистические особенности, будь то памятник русского или болгарского летописания, не только служат одним из оснований датировки, но и сами по себе расширяют наши представления об истории формирования данной рукописи, данной редакции текста, являясь, помимо того, источником сведений о событиях в них изображенных.

Д. В. Айналлов, занимаясь миниатюрами «Жития Бориса и Глеба» и миниатюрами Радзивилловской летописи, как известно, указал, что наличие сходных изображений погребения Владимира Святославича свидетельствует об общности первоисточника или близости начальной части Радзивилловской летописи памятнику, впитавшему материалы ранних великокняжеских житий⁹. В процессе дальнейших наблюдений удалось несколько конкретизировать эту точку зрения, указав на непосредственную связь между архаическим строем миниатюр начальной части Радзивилловской летописи и составом и происхождением ее текста. В свою очередь обратный ход доказательств позволил Д. В. Айналлову утверждать, что «Житие Бориса и Глеба», входящее в состав Сильвестровского сборника, имело своим первоисточником житие, бывшее частью летописного повествования или входившее в состав сборника великокняжеских житий¹⁰. Однако подобные работы едшичны. Даже А. В. Арциховский, дав исчерпывающее описание реалий и сделав ряд ценнейших замечаний по поводу отражения в древнерусской миниатюре своего рода «феодалной таблицы о ранге», тем не менее брал каждую лицевую историческую рукопись несколько изолированно.

Между тем представляется возможным проследить определенную связь и взаимозависимость между дошедшими до настоящего времени историческими лицевыми рукописями. «Хроника» Георгия Амартола, возникшая между 1304—1307 гг. и оконченная около 1375 г., Радзивилловская летопись, исполненная между 1485—1499 гг. и подвергшаяся повторной прорисовке около 1528 г., наконец десять томов Лицевого летописного свода второй поло-

⁹ Д. В. Айналлов. О некоторых сериях . . . , стр. 307, илл.

¹⁰ К этому выводу позволило прийти наличие изображения погребения Владимира Святославича, предшествовавшего так называемой выходной (фронтисписной) миниатюре, на которой были представлены князя-мученики, молящиеся Спасу (см. Д. В. Айналлов. Миниатюры Сказания. . . , стр. 1—128).

вины XVI в. (начало работы над хронографической частью Свода между 1547—1552 гг., работа над последующими томами между 1556—1570 гг.)¹¹ представляют собой отдельные звенья той непрерывной цепи лицевого летописания, начало которого теряется в глубокой древности Русского государства (X—XI вв.)¹², а бережно сохраняемые традиции прослеживаются в летописи второй половины XVI в.

Прежде всего следует со всей ясностью определить то значение, какое имели миниатюры в древнерусском летописании.

Постепенно превращаясь из погодных записей истории рода в обстоятельный исторический документ, летопись приобретает первостепенное значение для обоснования внешней и внутренней политики древней Руси.

Повествуя о событиях 1432 г., летописец определяет степень законности и источники обоснования притязаний обоих претендентов на великое княжение. Он указывает, что «много пря бысть межю их [князей Юрия и Василия], князь великы по отечеству и по дедству искаше стола своего, князь же Юрьи *летописци и старыми списки* и духовною отца своего великого князя Дмитрея»¹³. В другом случае летописец под 1392 г. предлагает для выяснения взаимоотношений новгородцев с князьями обратиться к «Великой русской книзе», т. е. к летописанию «от великого Ярослава и до князя нынешнего»¹⁴. Позднее московские князья берут с собой для ведения переговоров дьяков, умеющих «говорить по летописям».

Произведения живописи издавна почитались на Руси «книгами для неграмотных», в изобразительном искусстве ценилась способность «малыми знамены токмо и шары» (т. е. линиями и красками) передавать зрителю «должайшие истории». Нередко произведения живописи, будь то икона, фреска или миниатюра, сравнивались с «неусынными проповедниками», ораторами, способными в общедоступной форме передать сложное содержание¹⁵.

¹¹ Изменение общепринятых датировок сделано автором настоящей статьи в отношении Хроники Георгия Амартола, Радзивилловской летописи и Лицевого летописного свода в работе «Миниатюры русских исторических рукописей» (М., в печати). См. также О. И. Подобедова. К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI в. «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961, стр. 280—332.

¹² Д. В. А й н а л о в. О некоторых сериях...; см. также Н. П. К о н д а к о в. Заметки о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи. СПб., 1902, стр. 115—127.

¹³ Московский летописный свод конца XV в. ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 249. Курсив мой. — О. П.

¹⁴ Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 439.

¹⁵ Ю. Н. Д м и т р и е в. Теория искусства в письменности Древней Руси. «Труды отдела древнерусской литературы», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 104.

Именно в таком качестве рассматривались в древней Руси миниатюры исторических рукописей, нередко получавшие первенствующее перед текстом значение.

Наглядной передачей содержания летописного текста удобно было пользоваться во внешнеполитических сношениях, когда золотоордынский хан и его двор, его послы или послы западных правителей зачастую с трудом или только через толмача воспринимали русскую речь. Это же значение наглядной передачи «малыми знаменами токмо и шары» содержания «должайших историй» миниатюры лицевых летописей не утрачивали и во внутренних взаимоотношениях князей, посадников и «передних людей» древней Руси. Далеко не все они в равной мере были способны самостоятельно знакомиться с содержанием «летописной книги». Достаточно напомнить, что если Михаил Ярославич Тверской отличался любовью к книгам, был «книгочеем», то Дмитрий Донской «был чужд книжного научения». Такое положение сохранилось до конца XVI—начала XVII в., когда после «книгочее» Ивана IV на «престол московского государя» взошел Борис Годунов, который «был вовсе не книжен»¹⁶.

Вот это утилитарное значение миниатюры в русских летописях определило в основном путь ее развития, во многом своеобразный и отличный от судеб миниатюры, призванной украшать страницы культовых книг.

* * *

Средства художественного выражения в миниатюрах лицевых летописей изменялись по мере усложнения задач, какие ставились перед данным летописным памятником. Вместе с тем стилистические особенности исторической миниатюры изменялись в зависимости от самого характера древнерусского летописания. Так, миниатюры, иллюстрирующие ранние летописные тексты,

¹⁶ Хотя свидетельство о чуждости Годуновца книжной культуре (а просту и об отсутствии грамотности) исследователи находят лишь у Ивана Тимофеева, враждебно относившегося к Борису, тем не менее в краткое царствование Годунова сокращается деятельность царской мастерской «книжников» и «золотописцев». Уничтожается огромная дружина исполнителей Лицевого летописного свода, которому придавалось такое значение Иваном IV и его окружением. Последней работой, которую можно приписать мастерам Царской школы, следует считать Годуновскую псалтирь 1591 г. (Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1, стр. CLXXXI; Ю. А. Кожина. Одно из художественных течений русской живописи XVI—XVII вв. «Русское искусство XVII в.», Л., 1929, стр. 63—84). Вкладные годуновские Евангелия и Псалтири вряд ли можно считать чем-либо большим, нежели обычными «делами благочестия». Иных свидетельств о книжной культуре Годуновых не известно. Личная грамотность Годунова весьма сомнительно подтверждается подписью только под одним документом.

в соответствии с лаконичной погодной записью воспроизводят ее содержание в наиболее краткой форме, используя одно- или дуплановые композиции, прибегая к приему передачи общего через частное, или целого через часть (простейший пример — одно дерево символизирует лес, одна башня изображает город).

С усилением содержания, с усилением повествовательного и морализирующего начала, с нарастанием публицистических элементов в летописном тексте усложняется язык миниатюриста, появляются новые композиционные приемы передачи длительного рассказа. Наивная символика ранних изображений пополняется новым содержанием, само изображение усложняется множеством реалий.

Меняется также и соотношение миниатюры и текста. Если в ранних лицевых летописях изображение акцентирует наиболее существенные моменты повествования, то в Лицевом своде второй половины XVI в. главенствующее значение отводится миниатюре, а текст ее лишь сопровождает¹⁷.

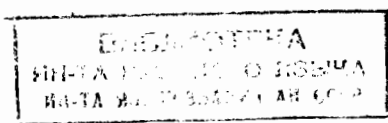
Утилитарное назначение миниатюры в русских летописях определяет и внешний вид рукописной книги. При тщательности и мастерстве письма лицевые летописи не украшаются орнаментальными буквицами и заставками. Их незамысловатые кироварные инициалы и заглавия служат скорее для внутреннего членения текста, а не для украшения книжной страницы.

Сами миниатюры чаще всего исполняются мастерами-ремесленниками, работающими в самом тесном содружестве с составителями и «писателями» летописных текстов. Их хитрое мастерство, весьма скромное по эстетическим качествам, уже в силу своего содержания и своей направленности представляет одну из примечательнейших граней русской средневековой культуры. Именно здесь исследователь находит в наиболее наглядной и не стесненной догматическими требованиями форме непосредственные впечатления действительности, окружавшей мастера, или оценки исторических событий, свидетелем которых он являлся.

До нашего времени сохранились в основном три иллюстрированные летописи. Однако уже их анализ позволяет сделать немало наблюдений и выяснить основные пути развития лицевого летописания.

Исходя из требований исключительной наглядности, мастера исторической миниатюры разработали принципы иллюстрирования и композиционные приемы, позволившие им со всей полнотой свидетельствовать о событиях в их временной последовательности и в соответствии с композиционными особенностями летописного повествования.

¹⁷ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. CLIV—CLXXX, 300—318; О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. Глава, посвященная работе мастеров рукописной книги (в печати).

Обогащая средства художественного выражения прежде всего путем развития композиционной стороны изображений, мастера-миниатюристы нашли формы для передачи краткой и пространной летописной записи, а также выработали принципы построения обширных циклов миниатюр, призванных запечатлеть «в лицах» исторические повести, вошедшие в состав летописного текста.

Задача исторической достоверности в передаче разнообразных событий, задача воплощения сложного исторического повествования с предельной обстоятельностью и конкретностью, какой требовало назначение летописи как исторического и дипломатического документа, заставила мастеров-миниатюристов особенно заботиться о средствах художественного выражения для передачи времени и места каждого конкретного действия. Постоянное стремление ответить на вопрос, где, когда и как совершалось данное событие, во многом определило пути развития художественного языка мастера-миниатюриста. Это, пожалуй, самым существенным образом отличает историческую иллюстрацию от древнерусской фрески и частично иконописи. Средства художественного выражения, доступные в каждый период мастеру-миниатюристу, в процессе использования первооригиналов постепенно обогащаются, не только неся в себе следы новой художественной культуры, но и воплощая свойства данной эпохе социально-исторические представления¹⁸.

Древнейшую традицию лицевого летописания, возникшую в Киевской Руси и получившую дальнейшее развитие в отдельных княжествах в период феодальной раздробленности, доносят до нашего времени прежде всего Хроника Георгия Амартола и Радзивилловская летопись.

И если Хроника частью сохраняет эту традицию неприкосновенной, частью передает особенности первооригинала в интерпретации тверского мастера начала XIV в. и осложняет ее новым содержанием, возникшим в Твери, взявшей на время инициативу централизации Русской земли, то Радзивилловская летопись представляет собой еще более сложный сплав нескольких систем художественного выражения.

Элементы лицевого летописания, унаследованные от Киевской Руси, мастера-исполнители получили в преломлении южнорусской (Переяславль южный, Галицко-Волинская земля) и северорусской (Владими́ро-Суздальское и Ростовское княжества) художественных школ. Переосмысляя образный строй первооригинала (или первооригиналов), мастера XV в., исходя из прин-

¹⁸ В этой связи представляется возможным обратиться к миниатюрам Хроники Иоанна Скилицы и Хроники Манассии. Не только их художественная система (в особенности в миниатюрах первой из них) обнаруживает множество точек соприкосновения с русским лицевым летописанием, в частности с Радзивилловской летописью, но и общность некоторых сюжетов заставляет настойчиво ставить вопрос об их сравнительном изучении.

ципов более поздней тверской и частью московской ¹⁹ художественной культуры, не могли не внести элементы своего видения, привести миниатюры в соответствие с изобразительными приемами, требованиями и вкусами своего времени. Они также не могли не внести в свои миниатюры ряд социально-исторических представлений, свойственных взглядам их самих и их современников (прежде всего заказчиков рукописи) на историческое прошлое Русской земли.

Это сложное сочетание разновременной работы миниатюристов делает Радзивилловскую летопись особенно ценной в истории лицевого летописания, так как именно ее миниатюры позволяют составить представление об отдаленных периодах сложения русской художественной культуры, сведения о которых все еще очень фрагментарны. Но образный строй миниатюр отражает не только соответственный этап в развитии общерусской художественной культуры, он находится в прямой зависимости от характера местного летописания.

Еще более сложный сплав разновременных памятников древнерусского лицевого летописания представляет собой Лицевой летописный свод второй половины XVI в.

Но если Хроника и Радзивилловская летопись довольно свободно позволяют определить источники изобразительной части рукописей и охарактеризовать предполагаемые первооригиналы, то вопрос о первооригинале Лицевого свода значительно сложнее.

Текст Лицевого летописного свода, впитав в себя многие и разнообразные источники, в том числе местное летописание, до известной степени нивелировал и растворил в своем составе его особенности, в первую очередь подчинив тенденциям и политической ориентации московского летописания второй половины XVI в. Одновременно мастера-миниатюристы, получив в свое распоряжение разнохарактерный материал местного лицевого летописания, не могли не подчинить его общей направленности грандиозного общерусского свода.

Однако процесс объединения изобразительного материала происходил несколько сложнее, нежели объединение текста. Более свободно отражая местные вкусы и симпатии ²⁰, мастера-миниатюристы бережно сохранили местные исторические реалии, остались верны некоторым особенностям трактовки отдельных

¹⁹ Московский мастер, очевидно, последним вносил те поправки в образный строй миниатюр Радзивилловской летописи, которые говорят о стремлении привести изобразительную сторону рукописи в соответствие с требованиями, предъявляемыми к исторической иллюстрации в самом начале XVI в.

²⁰ Вспомним, что к «государеву делу» была собрана многочисленная дружина художников из разных концов земли русской.

явлений, донесли до зрителя отзвуки древней фольклорной основы некоторых образов, но полностью подчинили образный строй миниатюр новым принципам иллюстрирования летописного текста.

* * *

Если учитывать отражение древнего лицевого летописания в Хронике Георгия Амартола и Радзивилловской летописи и принимать во внимание элементы местного летописания, прослеживающиеся в Лицевом своде, то можно говорить о сохранении непрерывной традиции древнерусской исторической иллюстрации на протяжении XI—XVI вв.

Историческая миниатюра донесла до нас представления о характере социально-исторических отношений, о быте и уровне культуры разных периодов, начиная с дружинной Руси и кончая становлением единого централизованного государства. Все разнообразие сюжетов, все множество исторических фактов, все богатство идей, чувств, представлений человека древней Руси нашло выражение под пером и кистью мастера исторической иллюстрации. Это в свою очередь вызвало к жизни и стройную систему средств художественного выражения.

На основании изучения миниатюр трех исторических рукописей можно с уверенностью говорить о существовании традиционной светской иконографии, сохранившейся столь же непреложно, как и иконография культовых изображений. Эта иконография обладала достаточной емкостью для передачи всего сложного содержания летописного повествования. В ней сочеталась предельная конкретность и наглядность с элементами символики, призванной, главным образом, выражать представления (о власти, отношениях сюзерена и вассала, о состоянии мира или военной угрозы, о клятве в верности и т. п.), сложившиеся в феодальной России.

Сохраняясь неизменно в своей основе, историческая иконография претерпевала некоторые изменения в первую очередь в связи с изменением природы тех событий, передать которые она была призвана. Прежде всего изменялись изобразительные схемы, призванные передать сущность феодальных отношений. В данном случае иконография переосмыслилась в связи с процессом централизации и создания единого государства.

В качестве примера отражения феодальных отношений в лицевом летописании можно привести миниатюры, изображающие начало княжения (или царствования) великих князей, а также дарование инвеституры.

Наиболее раннее изображение начала правления появляется среди миниатюр Хроники Георгия Амартола. Это прежде всего начало правления Иисуса Навина (л. 71 об.), где он представлен восседающим на троне и держащим на коленях до половины вы-

нутый из ножен меч. Позади него воины, перед ним в покорных позах — иудейские старейшины. Поза Иисуса Навина, его воинское одеяние, а главное меч, лежащий на коленях, — все это обнаруживает крайнее сходство с прославленной иконой Дмитрия Солунского из Дмитровского собора во Владимире — палладиумом князей владимирских. Это свидетельствует об устойчивости данного иконографического типа для представления о великокняжеской власти в домонгольский период.

В той же рукописи изображено, как Юлий Цезарь, сидя на престоле, принимает из рук воина в качестве знака власти окровавленный меч (л. 131 об.). Вокруг восшедшего на престол Константина Великого стоят воины в латах, с копьями и щитами (л. 203). Все это, с одной стороны, имеет аналогии еще в византийской миниатюре²¹, а с другой — отражает представление о власти, основанной на военном могуществе. Таким образом, иконография содержит отзвуки ранних феодальных представлений дружинной Руси, очевидно отложившихся в тех ранних памятниках лицевого летописания, о наличии которых есть все основания говорить с полпой уверенностью²².

Весьма примечательна с точки зрения феодальных представлений сцена дарования инвеституры. Троян, наделяя властью епарха, передает ему меч со словами: «Прими оружие се аще добре владею по мне да будет, аще ли зле на мя се будет» (л. 187 об.). При этом в данной миниатюре соблюдены мастером все оттенки феодальной «табели о ранге». Троян в царском венце сидит на престоле, он протягивает епарху обнаженный меч, который держит за острый конец. Напротив него епарх сидит на меньшем сидении, в шапке с полукруглым орнаментом.

На близкую этой сцену дарования инвеституры в Радзивилловской летописи обратил внимание в своем исследовании А. В. Арциховский²³.

²¹ На близость образного строя миниатюр Хроники Иоанна Скилицы Куропалата отчасти указывает Д. В. Айналов («Иллюстрации Хроники Георгия Амартола», стр. 15). Однако можно сделать более последовательные сопоставления начальной части Хроники Георгия Амартола (до 100 л.) с миниатюрами Серальского кодекса (см. Ф. И. Успенский. Серальский кодекс Восьмикнижия. «Известия русского археологического института в Константинополе». София, 1906, альбом; см. также В. Н. Виноградский. Миниатюры Ватиканской библиотечной рукописи XII в. «Сборник на 1873 г., издаваемый Обществом при Московском публичном музее», М., 1873, стр. 139 и сл.

²² А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. «Радзивилловская летопись», т. II, СПб., 1902, стр. 115—127; его же. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 56; М. Д. Присьелков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 95—111.

²³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 34.

Восседающий на троне Владимир Всеволодович протягивает меч в золотых ножнах стоящему перед ним с непокрытой головой Андрею Владимировичу, которого он посылает на княжение во Владимир Волынский (л. 157 об., нижняя миниатюра). Там же имеется еще более наглядное изображение. Посылая на княжение в Новгород Святослава Ольговича, Всеволод Ольгович в знак дарования инвеституры протягивает ему обнаженный меч (л. 171, верхняя миниатюра). «Феодальная табель» вновь подчеркивается и одеждой и позой сюзерена и вассала. Всеволод Ольгович восседает на престоле, на нем шапка с опушкой. Святослав Ольгович стоит, протянув обе руки для принятия меча. На нем коническая шапка без опушки. На заднем плане — группа воинов²⁴. Весьма характерно, что близкую иконографию для сцен, передающих особенности феодальных отношений, можно встретить и в Хронике Иоанна Скилицы. Это особенно относится к сценам приема власти²⁵.

В Радзивилловской летописи последовательно проводятся некоторые изменения в сцене вокняжения великого князя. Он изображается на престоле (л. 8 об.: вокняжение Рюрика, Синеуса и Трувора), чаще всего на фоне башни или здания с двускатной кровлей, символизирующего палаты стольного города. Ему предстоят «передние люди» или данники с предметами дани в руках, одежда и шапки отличают их от князя. Примечательны моменты призвания князя в Новгород и сцены своеобразного «торга» новгородцев с великим князем во время выбора правителя. Особенно показательны в этом отношении миниатюры на л. 204 (переговоры новгородцев с Андреем Боголюбским) и л. 217 (приглашение на повгородский стол Ярополка Ростиславича). В последнем случае шапка с опушкой в руках новгородского посла представляет атрибут княжеской власти²⁶.

Характерно, что в этих миниатюрах меч как символ княжеской власти заменяется шапкой (а позднее — жезлом), между тем эти миниатюры относятся к последней части Радзивилловской летописи, очевидно впитавшей в себя памятники владими́ро-суздальского и ростовского летописания, т. е. они связаны с иным этапом феодальных отношений и следующим звеном в сложении и развитии русского летописания.

В Лицевом летописном своде, хранящем следы многих разновременных недошедших до нас лицевых летописей местных княжеств, запечатлены три вида или три момента закрепления феодальной власти: восшествие на престол великого князя, получение

²⁴ А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 31.

²⁵ G. Schlumberger. *Épopée byzantine*, vol. II. Paris, 1900; Н. П. Кондаков. Русскиеклады. СПб., 1896, стр. 212—213.

²⁶ А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 30.

ние князем удела и призвание князя в феодальную республику. Озабоченный точным выражением сущности феодальных отношений, миниатюрист следует нескольким, очевидно строго установленным, композиционным схемам, которые призваны выразить различия в степени власти, широту полномочий властителя и взаимоотношения его с «подданными».

Простейшая композиция, изображающая начало княжения киевского великого князя или позднее владимиристо-суздальского, тверского и московского²⁷, выглядит так: на фоне княжеских хором или города (чаще представленных несколькими условными зданиями) на престоле восседает князь в традиционной шапке с опушкой. В руках у него жезл с Т-образной выгнутой рукояткой. Перед ним или по обе стороны — толпа бояр, воинов, горожан (последние отличаются одеждой, а главное — шапками).

Эта схема претерпевает дальнейшее усложнение. В ней получают отражение и интерес к родословию князей, связанный с идеей преемственности великокняжеской власти, и конкретные обстоятельства вокняжения данного князя. Так, в центре миниатюры, изображающей начало княжения Александра Ярославича, представлен сам Александр Невский, сидящий на престоле. В руке его жезл, на голове шапка с опушкой. Левую руку с раскрытой ладонью он простирает к толпе подходящих к нему «передних людей» в шапках с косым отворотом, горожан с непокрытыми головами и монахов. На переднем плане — стол со стоящей на нем чашей и хлебом. Позади, в верхнем левом углу, изображен родоначальник русских князей — Владимир Святославич в царском венце, нимбе и с жезлом в руках. Ниже, на фоне небольшого здания, восседает ордынский хан, даровавший Александру Ярославичу ярлык на великое княжение²⁸.

В сцене вокняжения Дмитрия Донского феодальные отношения получают дальнейшую конкретизацию. По правую руку традиционного престола, на котором восседает Дмитрий Донской с жезлом в руках, стоит соправитель Владимир Андреевич Серпуховской в княжеской шапке с опушкой, за ним — бояре в шапках с косым отворотом; по правую сторону помещается группа старцев с непокрытыми головами (горожане)²⁹. Это подчеркнутое разделение социальных групп, подвластных великому князю, исчезает, когда речь идет о едином централизованном государстве. По обе стороны трона Ивана III в миниатюре, посвящаемой началу его княжения, изображены старцы с непокрытыми головами в знак того, что значение удельных властителей уже утрачено. Сам

²⁷ Напомним, что великими княжествами в период между 1380—1424 гг. именуется Московское, Тверское, Рязанское, Нижегородское и Смоленское (см. подробнее: А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 112).

²⁸ Лаптевский том Лицевого свода. ГПБ, Ф. IV. 233, л. 898.

²⁹ Древний летописец, т. II. БАН, л. 525.

Иван III в шапке с меховой опушкой³⁰. Позади его трона — группа воинов, — напоминание о военном могуществе³¹.

Такова эволюция, которую претерпевает традиционная схема «вокняжения».

Такие же изменения можно обнаружить и в изображениях крестного целования, заключения договоров, принесения клятвы. Однако этим ценность миниатюры как исторического источника не исчерпывается.

Ее стилистические особенности, самый строй и содержание образов позволяют в ряде случаев отсылать более ранние пласты текстов от более поздних, прослеживать архаическую основу, обнаруживать «швы» контаминации текстов, наконец, выявить реалии, относящиеся к самым отдаленным периодам.

Так, если обратиться к наиболее ранним тверским известиям, вошедшим в состав Никоновской летописи, начиная с записи под 1285 г. о закладке каменного Собора Спаса, и сравнить между собой все миниатюры, иллюстрирующие тверские события, то совершенно ясно выявится цикл изображений, отличных от остальных по стилистическим особенностям и ряду характерных признаков. Например, на протяжении всего этого цикла Собор Спаса в Твери сохраняет одни и те же только ему присущие архитектурные формы.

Точно так же выделяется и группа известных владими́ро-суздальских и ростовских. Это наглядно прослеживается в особенностях архитектурных фонов данных миниатюр.

Свободно можно проследить ту строгую последовательность, с которой мастера-миниатюристы воспроизводят формы одноглавого Успенского собора во Владимире, постройки Андрея Боголюбского (см. Лаптевский том, Ф. IV. 233, лл. 184 об., 208, 233, 844). Едва лишь речь заходит о более поздней поре, собор приобретает многоглавие. Так же тщательно передаются в известии о пожаре 1167 г. формы ростовской деревянной церкви, которая, по словам летописца, была «чюдна и zelo преудивлена, таковая убо не бывала и потом не вем будет ли», с ее громадным центральным куполом, с несколькими ярусами кокошников, опоясывающих высокий барабан, с двумя шатрами по бокам (Лаптевский том, л. 209 об.). Спустя 20 лет, сообщая о завершении росписи новой каменной церкви, возведенной вместо сгоревшей, мастер изображает храм с закомарами и типичным трехчастным делением фасада (там же, л. 427).

Миниатюристам хорошо известны индивидуальные особенности большинства прославленных зданий древней Руси, будь то одноглавая Лаврская церковь в Киеве (Голицынский том,

³⁰ Шапка с меховой опушкой сохраняется еще в сцене венчания Дмитрия Ивановича, внука Ивана III. Позднее Иван IV везде, начиная с младенчества, изображается в царском венце о пяти (или о трех) зубцах.

³¹ Голицынский том Лицевого летописного свода. ГПБ, Ф. IV. 225, л. 889.

Ф. IV. 225, л. 271 об., 272), собор Киевского Михайловского монастыря (там же, л. 181), Троицкий собор во Пскове (Шумиловский том, Ф. IV. 232, л. 703 об.) или соборы Московского Кремля. Поскольку эта точность воспроизведения архитектурных памятников, которые далеко не все сохранили свои особенности ко времени создания Лицевого свода и могли быть лишь скопированы с ранее существовавшего лицевого оригинала, является лишним свидетельством существования местного лицевого летописания, анализ архитектурных фонов миниатюр лицевой летописи может способствовать выявлению основных текстов местных летописей.

Наконец, изображения природы в Лицевом летописном своде доносят до нашего времени некоторые особенности художественного языка, свойственного устной народной поэзии. Речь идет о приеме «психологического параллелизма», которым так богата песенная и былинная поэзия.

Анализ пейзажных фонов позволяет выяснить еще более глубокие основы русского летописания, восходящие к устному эпосу.

Миниатюрист, следуя традиции, объединяет в одном изображении известия о «небесных знамениях», о событиях из жизни природы с судьбами исторических деятелей. Рождение, смерть, брачный пир или пострижение, набеги врагов, как и победы над врагами, находят под пером и кистью мастера параллели в изображениях природы. Например, в тексте под 1120 г. имеется известие о смерти митрополита киевского Никифора, а под 1221 г. — известие о затмении солнца 10 марта и луны 20 марта. Миниатюрист объединяет все это в одну композицию, помещая померкшую луну и скорбный лик солнца над ложем умершего митрополита и осеняя это ложе тремя тонкими лучами, ниспадающими от солнечного диска (Ф. IV. 225, л. 25).

Лунное затмение сопровождает известие под 1291 г. о пострижении дочери Ярослава Ярославича, причем миниатюрист стремится колористическими и композиционными приемами объединить кровавый лик луны и скорбный облик постигающейся девушки.

«Дивное знамение на небесах» предшествует известию о смерти Ярополка Владимировича (Ф. IV. 225, л. 60).

Три солнца сияют на небе и три святящихся столпа восходят от земли к небу в момент похорон Андрея Владимировича (Ф. IV, 225, л. 75 об.). Характерно, что миниатюрист Лицевого свода второй половины XVI в., бережно сохраняя фольклорную традицию, объединяет в композиции сцену погребения с небесным знаменем, заставляя необычные столпы света как бы нисходить к гробу, тогда как мастер Радзивилловской летописи воспроизводит часть изображения, сохраняя «небесное знамение» во всех его подробностях и показывая дивящихся ему людей, но опуская, вопреки тексту, изображенное погребение Андрея Владимировича

(Радзивилловская летопись, л. 172). Это еще раз свидетельствует о наличии общего протооригинала, известного как мастеру Радзивилловской летописи, так и миниатюристу Лицевого свода второй половины XVI в.

Все это лишний раз показывает, сколь богатый материал содержат миниатюры для изучения истории возникновения текста, а равным образом и для выяснения его состава.

Наконец, предметом изучения должны явиться сами изобразительные средства миниатюристов, эволюция этих средств, процесс их обогащения под влиянием усложнения их содержания. Правильно прочесть содержание миниатюры позволяет уяснение художественного языка создавшего их мастера. И здесь в качестве примера можно обратиться к способам характеристики действующих лиц изображаемых событий и уточнению места действия.

В отличие от создателей произведений станковой и монументальной живописи древней Руси, мастер исторической миниатюры никогда не делает смысловым центром своих изображений лица героев летописного рассказа.

Их эмоции (как и взаимоотношения между ними) миниатюрист передает через жесты, позы, силуэт. Язык жестов выработан на протяжении веков, его истоки следует искать в византийской и даже эллинистической миниатюре. Именно в этом отношении богатый материал содержат Хроника Иоанна Скилицы и Хроника Манассии. Каждый жест имеет строго определенное смысловое (чаще эмоциональное) значение, однако и здесь можно наблюдать некоторую эволюцию. В качестве простейшего примера следует привести традиционные знаки печали: наиболее древний — поднятые или прижатые к лицу руки со спущенными рукавами (см. Хронику Георгия Амартола, л. 64, 219), пола платья, прижатая к лицу (Радзивилловская летопись, л. 216) и, наконец, рука, прижатая к щеке или поднятая до уровня лица (многочисленные миниатюры Лицевого летописного свода второй половины XVI в., например, Шумиловский том F. IV, 232., л. 651; Древний летописец, т. II, лл. 110, 262). Те же наблюдения можно сделать и по поводу жеста повеления, милости, как и жеста приема приказа (согласия), покорности. Богатство оттенков, разнообразие в употреблении жестов не нарушает строгой логики и искренности этого способа выражения.

Помимо раскрытия чувств и характеров своих героев, миниатюрист, как об этом говорилось выше, всегда озабочен наиболее точной передачей места действия. Можно проследить, с какой настойчивостью мастера-миниатюристы стремятся показать, что действие происходит на строго ограниченном пространстве, связать его с городом, палатой, храмом.

Однако, оставаясь в рамках средневековых пространственных представлений (обратная перспектива, сочетание обратной и резко

сходящейся прямой перспективы, развертывание объема вдоль плоскости или вверх плоскости книжного листа), мастер не мог раскрыть так называемые «нутровые палаты», хотя во второй половине XVI в. и подошел к решению этой задачи.

Чтобы показать, что действие происходит в здании, миниатюрист разрабатывает систему приемов, постепенно развивающихся и усложняющихся. Прежде всего он помещает действующих лиц на фоне здания, в котором происходит действие, всячески расширяя дверные проемы и не только размещением, но и общностью цвета объединяя их с фигурами действующих лиц. Он придвигает вплотную лежа умирающих или колыбели новорожденных к дверным проемам. Он втискивает фигуры всадников или пешеходов под арки или в проемы ворот. Наконец, на фоне дверного проема или на фасаде здания он изображает те предметы, которые должны находиться внутри. Так, в Лицевом летописном своде пиры изображены на фоне расширенных до размера арок дверных проемов горниц, а пиршественный стол с пирующими нередко как бы огибает здание.

Показывая, что действие совершается в храме, мастер выносит на фасад изображения Деисуса, алтарную завесу размещает во входных дверях, откуда виднеется престол, а паникадило помещает перед дверями.

Всемерно стремясь к достоверности места действия, мастер замыкает композицию со всех сторон (или только с двух — передней и задней) городскими стенами, когда он должен изобразить событие, происходящее в данном городе. Древнейшие изображения осажденных внутри городских стен можно видеть в миниатюрах Хроники Георгия Амартола (лл. 22, 25, об., 131 об.) и большинстве сцен осады в Радзивилловской летописи. В Лицевом летописном своде условное изображение града до некоторой степени сохраняется в более архаических по стилю миниатюрах, относящихся к событиям не позднее XIII—XIV вв. В остальных — это в разной мере конкретизированное место действия с развитыми формами стен, башен, валов и прочих городских укреплений. Однако и здесь есть определенные приемы, которыми миниатюрист пользуется, чтобы передать действие, совершающееся одновременно (или последовательно), но в разных удаленных друг от друга местах (или же передать разновременные, следующие одно за другим события).

Условный, своеобразный и вместе с тем строго продуманный язык миниатюриста всегда подчинен одной и той же цели: с предельной наглядностью выразить, где, как и в какое время совершались события, упомянутые в летописном тексте.

Условность изображаемого в первую очередь вызвана особенностями средневекового мышления, общим уровнем художественной культуры и всякий раз, как уже говорилось, вполне соответствует особенностям построения летописного текста.

Сама иконографическая система исторической миниатюры, как и средства художественного выражения, присущие определенным этапам в сложении русского лицевого летописания, весьма мало изучены. В еще меньшей мере изучена их общность с лицевыми историческими рукописями иных славянских стран и историческими миниатюрами византийских рукописей.

Однако даже сравнение изолированно взятых нескольких наиболее популярных миниатюр Хроники Манассии и в особенности Хроники Иоанна Скилицы позволяют выделить в них наиболее архаическую часть, в значительной мере близкую и по средствам художественного выражения и по сюжетам Троицкому списку Хроники Амартола и Радзивилловской летописи.

И если в начальной части Хроники Георгия Амартола миниатюры обнаруживают близость изображениям библейских событий в лицевой Хронике Манассии, то Хроника Иоанна Скилицы содержит немало изображений не только стилистически, но и по содержанию имеющих аналогии в Радзивилловской летописи. Изображения многочисленных походов и битв, в частности битвы Святослава с печенегами, как и эпизодов княжения Владимира Мономаха среди миниатюр Хроники Скилицы не только позволяют говорить о точках соприкосновения Хроники с русским лицевым летописанием, но и заставляют настойчиво ставить вопрос о необходимости их сравнительного анализа и изучения в связи с общим развитием славянского лицевого летописания.

Общность развития исторической миниатюры приобретает первостепенную важность, едва только миниатюры русских лицевых исторических рукописей войдут в научный оборот как полноправный исторический источник, а таковыми до сих пор еще не стали в полной мере ни миниатюры Хроники Георгия Амартола, ни Радзивилловской летописи, ни Лицевого летописного свода второй половины XVI в. Рассмотрение их в качестве сохранившихся до нашего времени памятников различных этапов сложения русского лицевого летописания с только им присущей изобразительной системой прольет свет и на историю местного лицевого летописания, позволит выявить характерные черты местных летописных сводов и обогатит наши знания о социально-исторических представлениях, отразившихся в лицевом русском летописании XIII—XVI вв.

Сравнительный анализ памятников славянского летописания позволит значительно шире поставить вопрос об общности исторического и культурного развития.

В. М. ФОМЕНКОВА

СТАТУТЫ КАЗИМИРА III КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ФЕОДАЛЬНОЙ ПОЛЬШЕ

Рассматриваемый нами памятник — статуты Казимира III — стал предметом исследования уже в XVIII в. Самой ранней работой, положившей начало критическому изучению статутов, была книга Мнишека «Казимир Великий», изданная в Варшаве в 1777 г. Затем огромная источниковедческая работа была проведена польскими учеными в XIX и начале XX в., в частности Т. Чацким¹, И. Ковнацким², И. Лелевелем³, И. Бандтке⁴, Р. Губе⁵, А. Гельцлем⁶, Ф. Пекосиньским⁷, С. Кутшебой⁸, О. Бальцером⁹.

¹ T. Czacki. Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich. O źródłach praw, które miały moc obowiązującą w Polsce i Litwie.— Dzieła T. Czackiego, zebrane i wydane przez Raczynskiego. t. III, Poznań, 1844.

² I. Kownacki. Statut Wielkopolski (Piotrkowski). Pamiętnik Bientkowskiego, 1820.

³ J. Lelwel. Początkowe prawodawstwo polskie aż do czasów Jagellońskich. Warszawa, 1822; J. Lelwel. Krytyczny rozbiór statutu Wiślickiego z tablicami dla objaśnienia składu tego statutu. Warszawa, 1828.

⁴ J. Bandtkie. Jus Polonicum codicibus veteribus manuscriptis et editionibus quibusque collatis edidit. Varsoviae, 1831.

⁵ R. Hube. Statuta ziemi Krakowskiej. «Tygodnik Petersburski», 1839, № 42—44; R. Hube. Prawo polskie XIV wieku. Warszawa, 1881.

⁶ A. Z. Helcel. Historyczno-krytyczny wywód tak zwanego Wiślickiego prawodawstwa Kazimierza Wielkiego. В кн.: «Starodawne prawa polskiego pomniki», t. I, Kraków, 1856.

⁷ F. Piekosiński. Uwagi nad ustawodawstwem Wiślicko-Piotrkowskim. «Rozprawy A. U. wydz. filozoficzno-historycznego», t. XXVIII, Kraków, 1891.

⁸ S. Kutszeba. Historia ustroju Polski w zarysie. Wyd. III, Lwów, 1912; S. Kutszeba. Historia źródeł dawnego prawa polskiego, t. I. Kraków, 1925.

⁹ O. Balcer. Corpus juris polonici medii aevi. «Kwartalnik historyczny», t. V, Lwów, 1893; O. Balcer. Królestwo Polskie 1295—1370, t. 1. Lwów, 1919; [O. Balcer.] Statuty Kazimierza Wielkiego w opracowaniu O. Balcera. Poznań, 1947.

Они разыскивали и публиковали рукописи статута, делая их достоянием широкого круга ученых и читателей, стремились установить первоначальный текст и точное время издания статута Казимира III.

Польские исследователи обращались к статутам Казимира III как к источнику права. Научный спор, возникший в польской юридической и исторической литературе XIX в. по поводу статута, почти исключительно касался источниковедческих вопросов: когда были изданы статуты, какой появился раньше — Вислицкий или Петрковский, сколько всего было издано статута Казимира Великого, какое количество статей включает каждый из них. Почти никто из них не обратился к статутам как к памятнику, важному при изучении многих сторон исторической действительности Польши XIV в.

Среди трудов польских буржуазных историков, посвященных статутам Казимира III, особого внимания заслуживает монография Р. Губе «Польское право в XIV веке. Законодательство Казимира Великого»¹⁰. В ней автор дал глубокий анализ статута: описал правовое положение различных слоев польского общества, начиная с феодальной знати и кончая челядинцами, слугами, проследил все нормы права как гражданского, так и уголовного, установил отношение статута Казимира Великого к существовавшим в Польше земским обычаям, сходство и отличие Вислицкого и Петрковского статута между собой. С полным основанием можно сказать, что другого такого всестороннего анализа законодательства Казимира III как памятника права мы не встречаем в польской литературе. Но Губе — историк права, и его прежде всего интересуют различные правовые нормы, правовое положение отдельных сословий. Как представитель буржуазной историографии, Губе при описании положения различных сословий Польши XIV в. рассматривал каждое из них обособленно, не замечал кардинальной противоположности между эксплуататорами и массой феодально зависимого крестьянства, ошибочно утверждая о равенстве всех сословий перед лицом права¹¹.

Однако им было положено начало использованию статута Казимира III для изучения жизни феодальной Польши XIV в.

С тех пор многие польские историки при исследовании отдельных проблем польского феодализма неизбежно обращались к этому интересному и важному памятнику XIV в., чаще всего в связи с изучением истории польского крестьянства. В этом плане заслуживают внимания две работы: монография А. Свен-

¹⁰ R. H u b e. Prawo polskie...

¹¹ Там же, стр. 113.

тоховского «Очерки по истории польских крестьян»¹² и реферат К. Тыменецкого «Постановления статуты Казимира Великого по крестьянским делам»¹³.

А. Свентоховский, описывая положение польских крестьян в XIV в., большое значение придавал Вислицкому статуту. По его мнению, Вислицкий статут является единственным в своем роде актом, отразившим все знаменательное, т. е. все лучшее для XIV в.¹⁴ Он очень тепло говорит о Казимире III, называя его инициатором и творцом самых благородных распоряжений, проявившим заботу о благе людей¹⁵. Идеализируя жизнь польских крестьян, сглаживая противоречия феодального общества, отрицая классовую борьбу, Свентоховский умалчивал об отрицательных сторонах законодательства Казимира III в отношении крестьян.

Названная выше работа К. Тыменецкого представляет интересную попытку автора извлечь из статуты Казимира III все, относящееся к положению крестьян. Следуя во многом за Губе, Тыменецкий вместе с тем не ограничивался только анализом статуты, он сравнивал данные статуты со сведениями о судебной практике, существовавшей в Великой и Малой Польше и Мазовии в XIV в. С этой целью он использовал судебные записи и другие источники права того времени. Однако трудно судить о достигнутых им результатах проделанной работы, так как в сжатом изложении даны только выводы без фактического материала.

Ученые народно-демократической Польши продолжают обращаться к статутам Казимира III. З. Качмарчик¹⁶, Ю. Бардах¹⁷, И. Башкевич¹⁸ и другие польские историки-марксисты использовали статуты как для анализа и установления правовых норм, источников права, так и для характеристики отдельных сторон социальной действительности Польши XIV в.

Русские и особенно советские историки также неоднократно использовали данные статуты Казимира III при изучении отдельных исторических проблем. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов, исследуя немецкое право в Польше и Литве, обратился к законо-

¹² A. Ś w i ę t o c h o w s k i. Historia chłopów polskich w zarysie. Lwów—Poznań, 1925.

¹³ K. T y m i e n e c k i. Postanowienia statutów Kazimierza Wielkiego w sprawach kmiecych. «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności», t. XXXIX, № 6, Kraków, 1934.

¹⁴ A. Ś w i ę t o c h o w s k i. Указ. соч., стр. 135—136.

¹⁵ Там же, стр. 135.

¹⁶ Z. K a c z m a r c z y k. Kazimierz Wielki. Warszawa, 1948; «Historia państwa i prawa», Warszawa, 1959.

¹⁷ J. B a r d a c h, A. G e j s z t o r, H. Ł o w m i a ń s k i, E. M a l e c z y ń s k a. Historia Polski do r. 1466. Warszawa, 1951; J. B a r d a c h. Historia państwa i prawa Polski do połowy XV w. Warszawa, 1957.

¹⁸ J. B a s z k i e w i c z. Powstanie zjednoczonego państwa polskiego (na przełomie XIII i XIV w.). Warszawa, 1954.

дательству Казимира III, в частности к Вислицкому статуту, и подверг анализу статьи о правилах ухода крестьян из деревень, устроенных на польском и на немецком праве¹⁹. Но его интересовали только правовые нормы, установленные статутами.

В соответствующих разделах своей «Истории западных славян» обращался к статутам Казимира III М. Любавский²⁰.

Б. Д. Греков в своем замечательном труде «Крестьяне на Руси», сопоставляя положение крестьян на польском и немецком праве, дал блестящий анализ статей Вислицкого статута о крестьянском выходе²¹.

В своих «Очерках по истории польских крестьян» при описании быта и хозяйства крестьян в XIV в. также привлекла и использовала отдельные статьи полного свода статут Казимира III Л. В. Разумовская²².

Статуты Казимира III как юридический памятник, необходимый при освещении таких вопросов, как источники права, субъект и объект права, право собственности, семейно-брачные отношения, наследование, уголовное право, судопроизводство, анализировал К. Е. Ливанцев²³.

Итак, на протяжении более полутора столетий статуты Казимира III привлекали внимание многих исследователей—польских, русских и советских. Но, постоянно используя статуты при освещении тех или иных проблем польской истории, никто из ученых не обобщил данные по статутам как историческому источнику.

Настоящая статья представляет попытку показать значение статут Казимира III как источника по истории аграрных отношений в Польше XIV в. Автор статьи сознательно ограничивается одним историческим памятником — статутами Казимира III с тем, чтобы обратить внимание на те новые явления в аграрных отношениях, которые происходили в XIV в., на то, как они закреплялись феодальными законоположениями Казимира III и каким образом статуты Казимира III способствовали развитию аграрных отношений в Польше.

Все переводы цитируемых статей Вислицкого, Петрковского и полного свода статут Казимира III, а также других источников, используемых в данной статье, сделаны ее автором. Автор приносит глубокую благодарность доктору исторических наук Л. В. Разумовской за ценные указания и советы.

¹⁹ М. Ф. Владимирский - Б у д а н о в. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868, стр. 74—78.

²⁰ М. Л ю б а в с к и й. История западных славян. М., 1918, стр. 264.

²¹ Б. Д. Г р е к о в. Крестьяне на Руси. Изд. 2, ч. 1, 1952, стр. 335—340.

²² Л. В. Р а з у м о в с к а я. Очерки по истории польских крестьян от древних времен до XV в. М.—Л., 1958, стр. 334.

²³ К. Е. Л и в а н ц е в. История государства и права феодальной Польши XIII—XIV вв. Л., 1958.

Под статутами Казимира Великого принято понимать два судебника, появившихся в период правления этого польского короля: Вислицкий, утвержденный на сейме малопольских феодалов в Вислице, и Петрковский, или Великопольский, принятый на сейме в Петркове. Позднее, может быть после смерти Казимира III, из этих двух статутов с дополнениями был составлен полный свод статутов. Оригинал рукописей статутов до сих пор не обнаружен. Поэтому даты и место издания статутов приходится давать предположительно. Все сохранившиеся рукописи относятся к XV в. Самая ранняя рукопись Вислицкого статута датирована 1400 г., Петрковского — 1441 г.²⁴

Немалые трудности встречают исследователи при датировке статутов, так как в сохранившихся рукописях нет указания на точное время их принятия. Весьма туманны сведения и о месте сейма, на котором был утвержден Вислицкий статут. В первой статье Вислицкого статута и полного свода говорится: «... чтобы все наши постановления, принятые ныне на общем сейме в Вислице...»²⁵.

Сообщение о Вислицком сейме мы находим также у Яна Длугоша. Этот польский историк XV в. указывает, что в 1347 г. король Казимир «приказал созвать общий сейм в Вислице, городе Сандомирской земли в четвертое воскресенье поста, так называемое Лотаря»²⁶ (т. е. 11 марта). Мнение Длугоша продержалось несколько столетий. Как доказано в XIX в. учеными, Длугош не имел в своем распоряжении достаточно данных, чтобы более детально и конкретно рассказать о принятии законов в Вислице и Петркове. Современник Казимира Великого гнезненский архидьякон Ян Чарнковский, говоря о законодательстве короля, совсем не упоминает дату издания его законов.

А. З. Гельцель весь обширный рассказ Длугоша о Вислицком законодательстве считает не чем иным, как домыслом, канвой для которого послужило введение к Вислицкому статуту²⁷. В то же время само введение, по его мнению, представляет продукт более позднего времени, чем статуты²⁸. О Петрковском статуте данных еще меньше. В сохранившихся рукописях г. Петрков не упоминается как место великопольского сейма, созданного для утверждения статута. Сохранившаяся от XV в. рукопись

²⁴ A. Z. Helcel. Указ. соч., стр. VII.

²⁵ Zwód zupełny statutów Kazimierza Wielkiego (далее — Zwód). Wyd. A. Z. Helcel. «Starodawne prawa polskiego pomniki», t. I, Kraków, 1856, str. 47; см. также «Volumina legum», t. I, Petersburg, 1853, p. 2.

²⁶ J. Długosza Dzieła wszystkie, wydane staraniem Aleksandra Przedzieckiego, t. IV, ks. IX. Kraków, 1868, str. 211.

²⁷ A. Z. Helcel. Указ. соч., стр. CCIII.

²⁸ Там же, стр. LVIII.

статута Великой Польши скреплена печатью короля в Вислице 1347 г.

Из приведенного обзора становится ясным, насколько сложен источниковедческий анализ статута Казимира III. И если в настоящее время многое уже прояснилось в отношении года и места издания статута, то этим мы обязаны большому труду польских ученых XIX и начала XX в. Их путь был нелегким, было немало ошибок, споров, дискуссий. Так, Лелевель, исследуя рукописи статута XV в., полагал, что Казимир Великий принципиально нового ничего не сделал, что он лишь продолжил законодательную деятельность своего отца Владислава Локетка, при котором были утверждены общие законы для всей страны. По его мнению, Казимир Великий поручил малополянам и великополянам записать свои статуты и принести их на общий сейм в Вислицу. Великопольский статут определялся в основном стародавними местными обычаями, Малопольский же включал в свой состав законы разных веков и сеймов. Казимир III из этих двух статутах создал один, положив в основу Малопольский и добавив лишь некоторые статьи из Великопольского. Так был составлен Вислицкий статут²⁹.

Вслед за И. Лелевелем И. Бандтке издал несколько рукописей статутах и попытался восстановить весь великопольский статут, известный до этого частично по изданию Ковнацкого. Однако Бандтке не сделал никаких выводов по интересовавшим ученых источниковедческим вопросам.

Разысканием и исследованием новых рукописей статутах занялся Р. Губе. На основе анализа рукописей, хранившихся в Публичной библиотеке в Петербурге, и сравнения их с рукописями, изданными Бандтке, особенно с рукописью, обозначенной В-IV, Губе пришел к выводу, во многом сходному с выводами Лелевеля: что еще в XIII в. существовал статут Краковской земли, а также статут Великой Польши. На сейме, созванном Казимиром III в Вислице, были представлены эти два статута, каждая из сторон согласилась на некоторые изменения и дополнения. Так были созданы для Великой и Малой Польши особые статуты. После сейма в Вислице к статуту Малопольскому прибавилось еще 47 статей, и среди них 26 преюдиатов, т. е. статей, в которых предусмотрены конкретные юридические казусы³⁰. Позднее возник новый уклад статутах, названный Краковско-великопольскими дигестами³¹.

В 1856 г. с новой гипотезой выступил А. Гельцель. Опровергая мнения Лелевеля, Бандтке, Губе, Гельцель утверждал, что

²⁹ J. Leliewel. Krytyczny rozbiór statutów Wiślickich. «Polska wieków średnich», t. III. Poznań, 1851, str. 211—247.

³⁰ A. Winiarz. Prejudykаты w statutach Kazimierza Wielkiego. «Kwartalnik historyczny», rocz. IX, zes. 1, Lwów, 1895.

³¹ R. H u b e. Prawo polskie. . . str. 31—32.

статуты представляют собой продукт XIV в. Он отметил наличие четырех статутов XIV в.: 1) Великопольского статута, принятого в феврале 1347 г. в Петркове; 2) Вислицкого статута, утвержденного на сейме в Вислице 11 марта; 3) Второго Малопольского статута, изданного между 1354—1356 гг.; 4) четвертого статута Казимира, которым был всеобщий статут, оглашенный в Вислице в 1368 г.³²

Гипотезу Гельцеля о четырех статутах приняли В. Мацевский³³, Ф. Пекосиньский и другие польские историки. Губе выступил против этой гипотезы. Окончательный вывод Губе сводился к признанию существования только двух статутов — Малопольского, принятого в Вислице 11 марта 1347 г., и Великопольского, утвержденного несколько позднее в Петркове.

Результаты всей источниковедческой работы польских ученых XIX в. по статутам Казимира суммировал С. Кутшеба. Анализируя известные рукописи, а также используя данные своих предшественников, он сделал вывод о существовании двух сводов — Малопольского, насчитывавшего первоначально 59 статей, и Великопольского. Затем, на протяжении второй половины XIV в., к Вислицкому, или Малопольскому, статуту было добавлено еще 48 статей, т. е. всего полный Малопольский кодекс насчитывает 107 статей, Великопольский — 46, а также 5 статей «экстравагантов» (постановлений, изданных Казимиром III после 1347 г.). Всего в обоих статутах Кутшеба насчитывает 157 статей. К этому он добавляет, что в результате разделения или слияния статей их количество может увеличиться до 164—165 или уменьшиться до 151—154³⁴.

Вопросам происхождения статутов Казимира III уделил большое внимание и З. Качмарчик в монографии «Монархия Казимира Великого»³⁵. Тщательно изучив рукописи статутов, он пришел к выводу, что самая ранняя часть Малопольского статута (24½ статьи по рукописи В-IV) была утверждена на сейме в Вислице в 1346—1347 гг. Остальные же статьи более позднего происхождения и могли быть изданы на последующих сеймах. Он отметил существование общего свода, появившегося, по его мнению, до 1359 г.

Известный польский историк О. Бальцер поддержал гипотезу Гельцеля. Он также придерживался мнения, что, помимо областных статутов, Казимир издал и всеобщий — для всего Польского государства. При этом он ссылаясь на одно место в хронике Яна

³² A. Z. Helcel. Указ. соч., стр. CLVI, CCXIX—CCXXVI.

³³ W. Maciejowski. *Historia prawodawstw słowiańskich*, t. 1. Warszawa, 1856, str. 185—190.

³⁴ S. Kutszeba. *Statuty Kazimierza Wielkiego*. В кн.: «*Historia źródeł dawnego prawa polskiego*», t. 1. Kraków, 1925, str. 166.

³⁵ Z. Kaczmarczyk. *Monarchia Kazimierza Wielkiego*, t. 1. Organizacja państwa. Poznań, 1939, str. 74 etc.

из Чарнкова³⁶. Однако Бальцер не закончил своего исследования и не сделал окончательных выводов.

Большое значение в решении вопросов, связанных с временем и местом издания статута XIV в., имеет монография современного польского ученого С. Романа «Возникновение статута Казимира Великого», недавно вышедшая из печати³⁷. После обширного, почти исчерпывающего обзора всей предшествующей источниковедческой литературы Роман дает глубокий анализ сохранившихся рукописей статута и делает выводы, во многом отличные от заключений его многочисленных предшественников. Они сводятся к следующему:

1. Казимир Великий проводил бурную законодательную деятельность и до середины XIV в. издавал отдельные законы, которые существовали в стране в составе разных сводов, но до нас не дошли.

2. Первый толчок к собиранию отдельных законов в единый свод был дан гнезненским архиепископом Ярославом. Он собрал церковное право Польши в так называемый синодик Ярослава и огласил его на церковном съезде в Калише в 1356—1357 гг.

3. По поручению короля архиепископ Ярослав произвел обработку великопольских законов, собрав их в единый свод. В результате этого появился так называемый Великопольский статут, который был оглашен и утвержден на сейме в Петркове также в 1356—1357 гг. или несколько позднее.

4. Великопольский статут был первым, наиболее ранним статутом, изданным Казимиром III только для Великой Польши.

5. При настоящем состоянии архивных материалов невозможно установить точную дату издания Вислицкого статута, но он появился позже Великопольского.

6. Вислицким статутом было положено начало обширному Малопольскому своду, имевшему тенденцию в дальнейшем стать общим сводом законов для всей страны.

Эти выводы С. Романа оригинальны, основательно аргументированы и, по-видимому, окажут серьезное влияние на дальнейшую источниковедческую работу над статутами Казимира III. В настоящее время на основании многочисленных исследований польских ученых мы можем утверждать следующее:

1. Статуты являются плодом законодательной деятельности Казимира III, в которой участвовали светские и духовные феодалы, в частности архиепископ гнезненский Ярослав Богория.

2. Статуты Казимира Великого складывались постепенно, в ходе издания отдельных законов. Они подвергались изменениям и дополнениям. Изданные в разное время, соединенные потом

³⁶ O. B a l c e r. Statuty... , str. XVII.

³⁷ S. R o m a n. Geneza statutów Kazimierza Wielkiego. Studium źródłoznawcze. Kraków, 1961.

для чисто практических целей, они стали действующим правом в судах.

3. Несомненно при Казимире были утверждены два статута: Малопольский на сейме в Вислице и Великопольский на сейме в Петркове. Относительно времени издания и соотношения их не лишено основания предположение Гельцеля (а затем — С. Романа)³⁸ о более раннем появлении Великопольского статута. Недавно вышедшее фундаментальное исследование С. Романа заставляет пересмотреть ставшую традиционной дату издания статута — 1347 г. Предложенная им датировка — 1356—1357 гг. (и вплоть до 1362 г.) — весьма правдоподобна, и мнение автора убедительно. Однако этот большой источниковедческий вопрос не имеет для данной статьи особо важного значения, и поэтому мы ограничимся лишь кратким изложением этих точек зрения.

В основу статута было положено обычное право, действовавшее в судебной практике Великой и Малой Польши. Следовательно, при их выработке были использованы различные судебные книги, имевшиеся в то время.

Издание двух статута, по-видимому, было вызвано различием традиций, складывавшихся в течение длительного времени в период феодальной раздробленности Польши. На это различие обращали внимание уже Гельцель³⁹, Губе⁴⁰ и другие ученые. Но не только это послужило основой двух отдельных статута. Нам кажется, что немаловажное значение имел здесь также сепаратизм великопольских феодалов, проявившийся именно в середине XIV в. Примером тому служит конфедерация великопольской шляхты, выступившей в 1352 г. против короля и великопольского старосты.

4. Как совершенно справедливо отмечают польские исследователи, между Вислицким и Петрковским статутами имелись существенные различия. Вислицкий статут не только фиксировал действующее право, но и включал новые законы, изданные Казимиром III; Петрковский статут фиксировал в основном уже сложившиеся правовые нормы. Таким образом, Вислицкий статут, задуманный как общепольский свод законов, более полный по содержанию, чем Петрковский.

В основу полного свода статута был положен Вислицкий, составивший главную часть законодательства Казимира, из Петрковского статута были взяты статьи, не противоречившие нормам права Вислицкого судебногоника.

5. Первоначальные тексты статута имели различное количе-

³⁸ A. Z. Helcel. Указ. соч., стр. CCXXVI; S. Roman. Geneza. . . , str. 190.

³⁹ A. Z. Helcel. Указ. соч., стр. CCXXVI.

⁴⁰ R. Hube. Prawo polskie. . . , str. 223

ство статей. Губе, опираясь на кодекс Бандтке (B-IV), полагал, что первоначальный текст Вислицкого статута содержал 59 статей, Петрковского — 34 статьи⁴¹. Гельцель насчитывал в первоначальном тексте Вислицкого статута 69 статей, в Петрковском — 30 статей⁴². Предположения Губе, поддержанные Кутшебой, в настоящее время считаются наиболее правильными.

Первоначальные тексты статута подверглись изменениям очень скоро после их утверждения. К ним были добавлены новые законы, изданные Казимиром III и его преемниками, так называемые экстраваганты. С первоначальными текстами были воссоединены также и отдельные статьи, сформулированные как казусы, основанные на судебной практике, — преюдицаты.

Кроме названных двух статута, сохранилось еще семь различных списков объединенной записи Вислицкого и Петрковского статута. Губе называет их Краковско-великопольскими дигестами. Самая ранняя рукопись их относится к 1441 г., самая поздняя — к 1472 г.⁴³

Неизвестный автор Краковско-великопольских дигест не просто механически соединил Вислицкий и Петрковский статуты. В основу был положен Вислицкий статут, а из Петрковского выбраны те статьи, которые не противоречат Вислицкому. Так получился свод законов для Великой и Малой Польши.

Возникновение дигест большинством историков относят к третьему десятилетию XV в.: Губе предполагает, что дигесты созданы после 1423 г.⁴⁴, Ветуляни и Роман называют период между 1420 и 1422 гг.⁴⁵ В этой редакции статута Казимира III были переведены на украинско-русский язык, по-видимому, в 1423—1434 гг.⁴⁶

При анализе аграрных отношений в Польше XIV в. мы использовали следующие печатные издания статута:

1. Статуты Казимира Великого в издании А. З. Гельцеля⁴⁷ (как наиболее полное, систематизированное и удобное для пользования).
2. Вислицкий статут, изданный в сборнике законов в 1853 г.⁴⁸

⁴¹ R. H u b e. Указ. соч. стр. 55. Эти же сведения содержатся в книге Бардаха «Historia państwa i prawa Polski do r. 1795» (Warszawa, 1957, str. 376).

⁴² A. Z. H e l s e l. Указ. соч., стр. 173—182, 183—190.

⁴³ R. H u b e. Prawo polskie. . . , str. 31—32.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ А. Ветуляни и С. Роман. О времени перевода земских статута Казимира Великого и Владислава Ягелло на украинско-русский язык. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. IV, М., 1951, стр. 348.

⁴⁶ «Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego» Opracowali i wydali Stanisław Roman i Adam Wetulani, Wrocław—Kraków 1959, str. 29.

⁴⁷ A. Z. H e l s e l. Starodawne prawa polskiego pomniki, t. 1.

⁴⁸ «Volumina legum», t. 1.

В начале текста имеется пометка: «Vislicia, anno, 1347». Статьи имеют названия, но отсутствует их нумерация.

3. Петрковский статут, напечатанный в кодексе дипломов Великой Польши ⁴⁹ под номером 1261.

4. Вислицкий статут в реконструкции О. Бальцера ⁵⁰. Ценность указанного издания очевидна, ибо автор при выяснении подлинного текста проделал огромную скрупулезную работу над каждой строкой, каждым словом, привлек большое число рукописей и путем критического анализа выяснил первоначальный текст Вислицкого статута. В качестве образца наиболее правильного текста он взял рукопись от 1400 г., сохранившуюся в библиотеке Оссолинских. В его обработке Вислицкий статут содержит 106 статей, сюда вошли законы малопольские и общепольские, изданные после 1347 г.

* * *

Появление статутов Казимира III было обусловлено теми экономическими и политическими процессами, которые происходили в Польше в период развитого феодализма.

Главным событием всей политической жизни Польши XIV в. было создание единого централизованного государства на основе усиленного экономического развития.

Относительно быстрый рост производительных сил в конце XIII и особенно в XIV в. (развитие ремесла, как специальной отрасли хозяйства, дальнейший рост польских городов, оживление внутренней и внешней торговли, усиление экономических связей между отдельными областями страны, победа и повсеместное распространение трехпольной системы севооборота, а также усиление внутренней колонизации) создал предпосылки для политического единства феодально раздробленной Польши.

Политическое объединение страны, начатое в конце XIII в. великопольским князем Пшемислом II, продолженное брестско-куявским князем Владиславом Локеткой, было завершено в середине XIV в. королем Казимиром Великим, включившим в состав Польши в основном все польские земли, кроме Силезии и Гданьского Поморья ⁵¹.

В условиях объединенного государства появилась необходимость создания единых польских судебныхников, в результате чего

⁴⁹ «Codex diplomaticus Majoris Poloniae» (далее — CDMP), t. III, Kraków, 1877—1879, N 1261.

⁵⁰ O. Balcer. Statuty...

⁵¹ Централизация Польского государства была неполной и непрочной в силу того, что база королевской власти была очень узкой. Привилегированное положение немецкого патрициата в польских городах мешало городам быть надежной опорой королевской власти (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 370).

появились на свет статуты Казимира Великого — Вислицкий, Петрковский, а позднее полный свод законодательства Казимира.

Названные статуты явились важным событием во всей жизни феодальной Польши XIV в. В них отразились перемены, происходившие в экономике и обществе. Статуты охватывали все основные проблемы частной и общественной жизни, вопросы гражданского и уголовного права, взаимоотношения отдельных сословий, а также внутрисословные отношения господствующего класса феодалов. Они фиксировали новые законоположения, способствовавшие дальнейшему развитию страны. «Желаем, чтобы все наши законы, изданные теперь на всеобщем съезде в Вислице, относились бы к настоящим и будущим делам, а не к минувшим»⁵², — гласит 1-я статья Вислицкого статута. Этой же статьей начинается и полный свод статутов.

Статуты Казимира III составляют важнейшую веху в развитии аграрных отношений Польши XIV в. Они отчетливо отражают господство феодальных отношений. Класс феодалов — в центре внимания законодательства Казимира III.

Представители господствующего класса обозначены в статутах различными названиями: благородные люди (*nobiles, illustris*)⁵³, рыцари (*miles*)⁵⁴, бароны, господин (*barones, dominus*)⁵⁵.

Губе заметил, что статуты отличают шляхту от рыцарей, но иногда эти термины совершенно тождественны. При этом он подчеркнул благородное происхождение шляхты⁵⁶. Это утверждение верно, но недостаточно развернуто и полно. Терминами «*miles*», «*barones*» нередко статуты обозначают все сословия феодалов без различия их происхождения и имущественного состояния (так, уже в предисловии к статутам читаем: «Мы, Казимир, божьей милостью король польский, совместно с баронами нашего королевства. . .»)⁵⁷. Затем в статье III полного свода и соответствующей статье Вислицкого статута термин «*miles*» употреблен в смысле представителя феодального сословия вообще, без градации «*quilibet miles aut simplex*» («какой-либо рыцарь или простолюдин»). В таком же точно смысле этот термин употребляется и в статьях XI⁵⁸, LVIII⁵⁹, LXXXVI⁶⁰, XCVII⁶¹, CLVI⁶².

Нет сомнения в том, что термин «*miles*» в приведенных статьях

⁵² Zwód, стр. 47.

⁵³ Там же, ст. III, стр. 49; ст. XXIX.

⁵⁴ Там же, ст. III, стр. 49.

⁵⁵ Там же, ст. XV, стр. 59; ст. XXIV.

⁵⁶ R. H u b e. Prawo polskie. . ., str. 108.

⁵⁷ Zwód, стр. 46.

⁵⁸ Там же, стр. 55.

⁵⁹ Там же, стр. 94.

⁶⁰ Там же, стр. 113.

⁶¹ Там же, стр. 119.

⁶² Там же, стр. 163.

обозначает представителей господствующего класса феодалов, т. е. всех тех, кто имел рыцарское право (*jus militare*), в противоположность простолюдинам (*simplex*), всем тем, кто не имел рыцарского права (ст. LXXXVI: «. . .qui non habet jus militare»).

В то же время по некоторым статьям статута можно проследить довольно четкое разграничение на отдельные категории внутри господствующего сословия, обозначенного общим термином «рыцари», а в польском переводе «шляхта». В этом отношении большой интерес представляет статья ХСVII полного свода.

«Если кметь нанес один или несколько ударов рыцарю (*włodyce* в польском переводе), он должен уплатить штраф XV ⁶³ побитому и судье XV. Если же (удар) будет нанесен палкой и покажется кровь, заявляем, что за него надо дать удовлетворение (как) за рану, нанесенную мечом. Но если это будет нанесено рыцарю, шляхтичу, тогда уплатит 60 гривен, скартабеллу — 30 гривен, рыцарю, произведенному из солтысов или крестьян, — 15 гривен за голову, рыцарю за рану, нанесенную шляхтичем, — 10 гривен, скартабеллу — 5 гривен; за раны, нанесенные рыцарем солтысу или кметю, постановляем, чтобы заплачено было три гривны» ⁶⁴.

В приведенной статье все феодалы разделены на различные группы: 1) шляхта потомственная, т. е. рыцари благородного происхождения, 2) шляхта мелкопоместная, скартабеллы ⁶⁵, владыки; 3) рыцари, выходцы из солтысов или кметей ⁶⁶. Статуты строже охраняли жизнь шляхтича потомственного, чем рыцаря — выходца из горожан. Еще в более неравноправном положении по сравнению с вышеназванными слоями шляхты были рыцари из солтысов или кметей. По-видимому, рыцарей из солтысов и кметей было довольно мало, и законы определяли их неравное, приниженное положение в среде феодалов.

ХСVII статья очень важна и для определения положения польских крестьян. Анализ ее в этом плане будет дан ниже.

Статуты до некоторой степени позволяют судить и об имущественном положении различных групп феодального сословия.

⁶³ Штраф XV (поена XV) равнялся трем гривнам (R. H u b e. Prawo polskie. . ., str. 132).

⁶⁴ *Zwód*, str. 119. В переводе данной статьи, помещенном в «Хрестоматии памятников феодального государства и права» (М., 1961) на стр. 760—761 имеется серьезное упущение: при переводе слов «*militi creato de scultetovei smetone*» опущено слово «*smetone*», что приводит к искажению смысла; затем слова «*pro capite*» переведены «за одного», что не соответствует подлиннику.

⁶⁵ Губе по поводу скартабеллов указывает, что это были горожане, произведенные в рыцари или получившие рыцарское право (R. H u b e. Prawo polskie. . ., str. 108).

⁶⁶ Губе утверждал, что солтысы и кметы получали звание рыцаря и рыцарское право за храбрость (там же, стр. 108).

В одних статьях говорится о господине деревни (*dominus villae*)⁶⁷, в других речь идет о бедных шляхтичах (*pauperes milites*)⁶⁸.

Феодалная собственность в статутах обозначена различными терминами: наследство (*hereditas*)⁶⁹, деревня, поместье (*villa*)⁷⁰, владения (*bona dominorum*)⁷¹, собственность (вотчина — *progría*)⁷². Проследить различия между ними и иерархическую структуру невозможно. Может быть, К. Е. Ливанцев и прав, отмечая, что иерархическая структура феодалной собственности в Польше XIV в. ограничивается всего лишь двумя звеньями: монарх — сюзерен и его вассалы — феодалы⁷³. Внутреннее соподчинение между феодалами по статутам Казимира установить также нельзя.

Статутами Казимира Великого строго охранялась феодалная собственность. Статья СXXXI полного свода определяла наказание за выгон свиней в чужой лес на желуди⁷⁴. Статья LXXXII запрещала рубить дубы в лесу без разрешения на то феодалного собственника⁷⁵. Следовательно, сельская община уже юридически лишалась права пользования лесом, т. е. статуты узаконяли феодалную собственность и на общинные угодья.

Статуты строго преследуют и наказывают за воровство, т. е. за покушение на чью-либо собственность. За кражу ржи у рыцаря, духовного лица, мещанина или какого-либо другого человека пострадавший имеет право отобрать у виновника не только украденное, но и лошадей, и если вор будет убит, то за его убийство не следует никакого наказания. В этой статье обращают внимание слова: «. а тот господин, из чьего дома вышли такие разорения, обязан нам уплатить штраф Пятнадцать»⁷⁶. В данном случае вполне определенно можно предположить, что воры — это зависимые крестьяне какого-либо феодала, по его указке совершающие кражу ржи. За их преступление расплачивается их хозяин, иначе они сами за себя отвечали бы перед судом.

Статуты предусматривают многие случаи разнообразных покраж и перечисляют различные денежные штрафы⁷⁷ — единственный род наказания. В этом нет ничего нового. В статьях о кражах зафиксировано то, что давно было определено обычным правом. Гельцель в дополнении к полному своду статут приводит

⁶⁷ Zwód, ст. XV, XXIV, LXIX, СXXXIV.

⁶⁸ Там же, ст. XVII.

⁶⁹ Там же, ст. II, XXXIX, XLIV и др.

⁷⁰ Там же, ст. XV, XXIV и др.

⁷¹ Там же, ст. LXIX.

⁷² Там же, ст. СXXXI.

⁷³ К. Е. Ливанцев. Указ. соч., стр. 110

⁷⁴ Zwód, стр. 143.

⁷⁵ Там же, стр. 111.

⁷⁶ Там же, ст. LXXXIII, стр. 112.

⁷⁷ Там же, ст. XLII, XCIII, XCIV.

одну статью, несколько отличную от других, хотя тоже предусматривающую наказание за кражу. «... Если же на нашем дворе или какого-либо рыцаря кто-нибудь возьмет что-либо, тот должен быть наказан отсечением уха»⁷⁸. Членовредительство — очень редкий вид наказания виновного в XIV в. Юридические памятники, как правило, зафиксировали денежный штраф. Можно предположить, что за кражу на королевском дворе виновный наказывался строже, чем за такое же преступление, совершенное в другом месте.

Феодалы составляли слой, находившийся в вассальной зависимости от короля. Основной обязанностью королевских вассалов была военная служба: «Поскольку от вооруженной шляхты зависит честь короля и защита всего королевства, то каждый рыцарь (шляхтич в польском переводе) должен служить государству известным числом вооруженных людей, согласно размерам своих владений и доходам»⁷⁹.

Приведенная статья определяет основную обязанность феодалов — служить «людно и оружно» согласно феодальному праву. Каждый рыцарь во время военных действий должен был стоять под определенным знаменем.

Но обязательная военная служба рыцарей ограничивалась только пределами страны. Об этом говорит совершенно отчетливо статья CXLIX: «Но за границей королевства они не обязаны нам служить, за исключением тех случаев, когда будет дано надлежащее удовлетворение, либо мы будем их просить и приглашать»⁸⁰.

Таким образом, согласно статутам феодальное право со всеми его атрибутами существовало в Польше так же, как и в других странах в эту эпоху. Четко были определены обязанности вассалов по отношению к сеньору. Сеньором был король, а все феодалы его непосредственными вассалами. Проследить в статутах другие формы сеньориально-вассальных отношений не представляется возможным.

* * *

Важное место в статутах Казимира Великого занимают статьи о крестьянах. Для обозначения этой части польского общества в статутах употреблено несколько терминов: кмети (*cmetones*)⁸¹, слуга, челядинец (*famulus*)⁸², сельские жители (*villani*)⁸³, нередко

⁷⁸ Там же, ст. CXL, стр. 154 (в издании «*Volumina legum*», t. 1, p. 23: «... *auris periculo et privatione sit subjectus*»).

⁷⁹ Там же, ст. CXX, стр. 133. В Вислицком статуте эта статья носит название «*Milites et nobiles ad expeditionem bellicam sunt obligati et debent servire armati...*» («*Volumina legum*», t. 1, p. 19).

⁸⁰ Там же, стр. 159—160.

⁸¹ Там же, ст. LIII, LV, LXIX, LXXXVI, LXXXIII.

⁸² Там же, ст. XCIV и др.

⁸³ Там же, ст. XV, XXIV, LXIX и др.

употребляется общий, собирательный термин — население, жители (*incolae*)⁸⁴. Но по отношению к господствующему классу все они называются простолюдинами (*simplices*)⁸⁵. Эта терминология (кроме термина «простолюдины») широко отражена в других официальных документах XIV в., в различного рода королевских грамотах, локационных договорах, следовательно в статутах использованы уже существовавшие названия.

Статуты содержат статьи как о феодально зависимых, так и о свободных крестьянах.

О феодально зависимых крестьянах говорится в XV, XVII, LIII, LXIX, XCIV, CXXXIV статьях полного свода статутов⁸⁶, в CLI статье «Дополнений» к полному своду⁸⁷. В нескольких статьях Великопольского статута также говорится только о несвободных крестьянах⁸⁸.

В XV статье полного свода излагаются правила вызова на суд господина деревни и его крестьян. В ней указывается, что если жители деревни и их господин вместе виновны в каком-либо преступлении, то они все вместе вызываются на суд. В случае же, если виноват только господин деревни, то крестьян не следует трогать. Одно предложение этой статьи наводит на глубокие размышления о действительном положении зависимых крестьян: «ибо часто из-за ненависти к господину и из-за мести ему и гнева имеют обыкновенные незаслуженно мучить невинных крестьян»⁸⁹. Эти слова свидетельствуют о произволе над крестьянами, настолько нетерпимом, что правительство Казимира III было вынуждено вмешаться.

О лично зависимом, крепостном крестьянине, обязанном всем своему господину, речь идет в LIII статье полного свода, отмечающей установившееся издавна право наследования имущества умершего бездетного крестьянина его господином. Это право нашло отражение в Польской правде, в статье XXII⁹⁰. Феодально зависимых крестьян касается и LXIX статья, в которой излагаются правила ухода крестьян от одного господина к другому. В статье указаны случаи, когда крестьяне имеют право без воли господина покинуть его землю, деревню и могут уйти к другому феодалу. На первом месте называется насилие над женой или дочерью кметя⁹¹. Видимо, это было довольно распространенным явлением, если его

⁸⁴ Zwód, ст. LXIX.

⁸⁵ Там же, ст. III, V, LXXXIII.

⁸⁶ Там же, стр. 59, 62, 92, 100—101, 116, 147—150.

⁸⁷ *Dopełnienie zводу statutów Kazimierza Wielkiego* (A. Z. Helcel. Указ. соч., стр. 162).

⁸⁸ CDMP, t. III, № 1261: «Об убийстве и ранении рыцаря и кметя», «О беглом кмете» и др.

⁸⁹ Zwód, ст. XV, стр. 59.

⁹⁰ A. Z. Helcel. *Starodawne prawa polskiego pomniki*, t. II, Kraków, 1870, стр. 26.

⁹¹ Zwód, стр. 100: «Si dominus villae opprimat filiam aut uxorem sui cmetonis. . .»

фиксирует законодательство Казимира III. На втором месте — грабеж имущества крестьян в качестве наказания провинившемуся господину. В XCIV статье также говорится о жестокости богатого по отношению к бедному: «Также, когда бедный человек призывает богатого (в суд) за жестокость. . .»⁹².

О феодально зависимых крестьянах говорится и в статьях, определяющих штраф за убийство кметя. Это 23-я статья Великопольского статута: «Если кто убьет кметя, тот платит 10 гривен, из которых 6 жене или детям, а остальные 4 господину убитого. Если же убитый и убийца принадлежали двум господам, то названные 4 гривны делятся между двумя господами. Ранивший кметя платит гривну самому пострадавшему, а господину его, если ранивший и раненый принадлежат одному господину, целиком выплачивается штрафная гривна, а если разным господам (принадлежат они. — В. Ф.) — гривна делится на двоих»⁹³.

Об этом идет речь и в статье CLI в «Дополнении» к своду статутів Казимира Великого, определяющей несколько меньший штраф за убийство зависимого кметя: «Если же кто убьет кметя, тот должен уплатить шесть гривен, из них — три жене либо детям, а остальные три — господину, которому кметь принадлежал, должны быть полностью уплачены. А если убитый и убийца принадлежали двум различным господам, тогда указанные оставшиеся три гривны должны быть разделены между ними. А если кто-нибудь ранит кметя, то должен этому раненому полгривны. А господину его, если раненый и тот, который нанес рану, оба из деревни одного господина, должен уплатить целую гривну в качестве штрафа. Если же ранивший и раненый принадлежат двум разным господам, то эта гривна (*marca roenalis*) должна быть разделена между ними» (т. е. между господами.—В. Ф.)⁹⁴. Между прочим, такой статьи нет в Великопольском статуте. Неясно, откуда она появилась в дополнении. Может быть, это более поздняя вставка? Почему штраф за убийство зависимого кметя определяется вместо десяти гривен в шесть? Возможно, это более позднее добавление к статуту, относящееся к XV в., когда положение крестьян в сравнении с XIV в. несомненно ухудшилось.

В исследуемом источнике встречается еще одна группа сельского населения, близко стоящая к феодально зависимым крестьянам, а иногда сливающаяся с ними, обозначаемая различными терминами — «*famulus*» и «*familiares*».

Для понимания первого термина важна статья XCIV полного свода: «если слуга, называемый голоменка, причинит какой-нибудь ущерб или насилие соседу своего господина, то его господин должен дать за него (т. е. слугу. — В. Ф.) удовлетворение»⁹⁵.

⁹² Там же, стр. 117.

⁹³ CDMP, t. III, N 1261.

⁹⁴ *Dopelnienie Zwodu*, стр. 162.

⁹⁵ *Zwód*, стр. 117.

В приведенной статье речь идет о слуге господина, его челядинце, т. е. о человеке, настолько зависимом, что он отвечает только перед своим господином. Переводчик статута на польский язык, чтобы подчеркнуть, что в статье речь идет о слуге, челядинце, использует немецкий термин «*uskhacht*» (Hausknecht).

Термин «*familiaries*» в статутах имеет более широкое употребление. Им обозначены слуги, служащие феодала, как, например, в статье CVI: «Когда господин имеет основание обвинить управляющего или другого своего слугу. . . тогда этот самый управляющий или слуга. . . должен очиститься шестью свидетелями»⁹⁶.

Этот же термин употреблен для обозначения челядинцев (слуг) шляхтича, прелата, горожанина или какого-либо простого человека⁹⁷.

В статье, где речь идет о королевских слугах, также употреблен термин «*familiaries*»: «какие-либо наши слуги. . .»⁹⁸.

По-видимому, если *famulus* означает слугу, челядинца, т. е. человека крестьянского происхождения, то *familiaries* — термин более широкого значения. Им обозначались не только челядинцы феодала, но и слуги короля, различного рода прислужники, приживальщики, т. е. придворные короля в широком смысле слова.

Статьи о свободных кметях занимают также немаловажное место в статутах Казимира III. Отчетливый вывод о свободных крестьянах можно сделать при анализе LV статьи полного свода, где определен штраф за убийство кметя. «Если кметь убьет кметя, то в наказание за убийство он должен выплатить четыре гривны в качестве штрафа каштелянии, в которой он совершил убийство, или тому, кому укажет закон. Родственникам же или ближайшим друзьям убитого мы постановляем платить шесть гривен. Если убийца не будет в состоянии заплатить, то он будет схвачен и предан смертной казни»⁹⁹.

Свободный кметь, подлежащий суду каштелянии, а не феодала, имеется в виду и в LXXXVII статье полного свода, определяющей штрафы за ранение кметя. «Если кметь ранен с пролитием крови или его избьют чрезмерно, то из всех штрафов, которые следует уплатить за раны или избиеие, мы приказываем две части дать

⁹⁶ Zwód, стр. 123.

⁹⁷ Там же, ст. LXXXIII, стр. 111—112.

⁹⁸ Там же, ст. XVI, стр. 60.

⁹⁹ Там же, стр. 93. В Вислицком статуте эта статья названа «О кмете или крестьянине, убившем другого и о плате головной пени» («De kmethone seu rustico alium occedente et solutione poenae capitis». «*Volumina legum*», р. 2). Нельзя не отметить небрежность перевода данной статьи, помещенного в «Хрестоматии памятников феодального государства и права» (стр. 758). В переводе совсем опущены слова «*Consanguineis vero sive amicis proximioribus sex marcas decernimus persolvendas. . .*»

пострадавшему, а третью часть суду, в котором разбиралось дело»¹⁰⁰.

Примечателен одинаковый размер штрафа за убийство феодально зависимого крестьянина и свободного кметя — 10 гривен в том и другом случае (мы не принимаем во внимание статью из дополнения к статутам, ибо она неясного происхождения).

Статуты Казимира не проводят резкой грани между различными категориями крестьян, они лишь отделили господствующий класс феодалов от эксплуатируемой массы. В этом отношении особый интерес представляет уже приводившаяся статья XCVII полного свода. В ней строго разделены кмети и шляхта¹⁰¹.

На различие в положении шляхты и крестьян указывает и статья LXXXVI. «Если шляхтич другому шляхтичу или знатный знатному нанесет удар без пролития крови, то знатный, которому нанесен такой удар, должен получить от нанесшего штраф, называемый «Пятнадцать». Если же подвергнется нападению тот, кто не имеет рыцарского права, тогда за такую же рану гривна грошей, а за избивание кметя должен быть уплачен штраф шесть гривен»¹⁰².

Еще более убедительно прослеживается различие в положении крестьян и шляхты по штрафам за убийство. Статья LVIII определяет штраф за убийство шляхтича шляхтичем в 60 гривен¹⁰³. За убийство же кметя кметем в приводимой уже LV статье штраф определялся в 10 гривен, т. е. в шесть раз меньше¹⁰⁴.

Подвергнутые анализу статьи полного свода представляют яркий материал и позволяют сделать вывод о том пониженном положении, в котором находился польский крестьянин в эпоху феодализма. Феодальное законодательство юридически закрепляло неполноправное положение основных производителей материальных благ. Оно отражало господство феодального класса и действовало исключительно в его интересах.

Крестьяне как свободные, так и феодально зависимые выступают в статутах как держатели земельных наделов и владельцы движимого имущества. В LIII статье называется движимое и недвижимое имущество крепостного крестьянина¹⁰⁵, в статье

¹⁰⁰ Zwód, стр. 113—114.

¹⁰¹ См. прим. 65.

¹⁰² Zwód, стр. 113. В примечании к этой статье Гельцель указывает, что в других рукописях вместо штрафа в 6 гривен (роена VI marças) указан штраф в 6 шкойцев (роена sex scottorum), т. е. совсем небольшой штраф, ибо гривна делилась на 24 шкойца, один шкойц равнялся двум грошам, т. е. штраф в шесть шкойцев составлял всего четверть гривны (12 грошей). В «Хрестоматии памятников феодального права» (стр. 759) при переводе приведенной статьи допущена ошибка, искажающая смысл: латинские слова «absque sanguinis effusione» переведены: «так что будет пролита кровь».

¹⁰³ Zwód, стр. 89.

¹⁰⁴ Там же, стр. 93.

¹⁰⁵ Там же, стр. 92.

LXIX говорится об имуществе крестьян¹⁰⁶. Все свое имущество крестьяне имеют право передать по наследству¹⁰⁷ своим сыновьям или ближайшим родственникам, что несомненно служило большим стимулом для дальнейшего развития хозяйства. О праве крестьян на продажу, залог или обмен земельными участками, недвижимым имуществом в статутах не находим никаких данных. Другие документы XIV в. дают возможность судить о праве крестьян покупать земельный надел¹⁰⁸.

* * *

В Вислицком и Петрковском статутах Казимира III отчетливо прослеживается так называемое немецкое право. Оно в условиях дальнейшего развития производительных сил и товарно-денежных отношений в XIV в. было наиболее выгодным. Однако немецкое право, особенно в судопроизводстве, прививалось с трудом, поэтому LXVII статья полного свода констатировала, что есть много шляхтичей, которые по милости короля или его предков имеют в своих деревнях «немецкое право, однако, несмотря на это, они, оставив немецкое право, руководствуются во многих делах польским правом». Законодательство преследует такое отступление от правил и устанавливает, чтобы «тот, кто совершил проступок, был судим и приговариваем по тому праву, которым пользуется та деревня, в которой он совершил преступление»¹⁰⁹.

Статуты Казимира III различают крестьян, устроенных на польском и немецком праве. Это различие особенно ясно выступает в статьях, касающихся правил ухода крестьян от феодала.

Но чем отличалось, кроме того, положение крестьян на польском праве от положения крестьян на праве немецком — из статут-ов мы узнаем мало. Совершенно ясно, что и те и другие крестьяне в XIV в. платили чинш. В CXXXIV статье полного свода статут-ов, в 38-й статье Великопольского статута и точно такого же содержания статье Вислицкого статута указаны условия освобождения беглого крестьянина, если он будет обнаружен своим господином. Если беглый крестьянин не пожелает вернуться к своему господину, он обязан заплатить ему три гривны штрафа и целиком *годичный чинш*. Это имело место, когда кметь сидел на земле по «земскому», т. е. польскому, праву¹¹⁰. «А кметь, который сидит

¹⁰⁶ Zwód, стр. 100.

¹⁰⁷ Там же, ст. LIII, стр. 92.

¹⁰⁸ CDMP, t. II, № 1149. В 1335 г. аббат Лендского монастыря продает некоему Павлу и его наследникам право пользования ланом земли с теми же повинностями, что выполняли предшественники нового покупателя.

¹⁰⁹ Zwód, стр. 99—100.

¹¹⁰ Там же, стр. 148; «Volumina legum», p. 24; CDMP, t. III, № 1261: «... extunc decernimus quod idem fugitivus domino suo tres marcas pro poena, et *censum anni* (курсив мой. — В. Ф.) ex integro, quem solvebat, solve-re tene

на земле по тевтонскому праву, никоим образом не имеет права уйти, пока не выплатит *чинш* за столько лет, сколько пользовался льготой. . .»¹¹¹. О том, что крестьяне на немецком праве в XIV в. платили чинш, нам известно и из многочисленных локационных грамот¹¹², но при скудости документов, характеризующих положение крестьянства, оставшегося в XIV в. на польском праве, вышеприведенное свидетельство статута о ренте крестьян приобретает громадное значение.

О размерах чинша в статутах ничего не сказано, но другие документы, в частности многочисленные локационные грамоты, дают возможность судить, что чинш вносился крестьянами деревень на немецком праве и натурой (чаще всего 12 мер, малдрат трех или четырех сортов зерна) и деньгами¹¹³.

Документы, хотя и очень немногочисленные, о повинностях крестьян, сидевших в XIV в. на польском праве, дают возможность предполагать также выплату чинша натурой и деньгами. Так, например, в грамоте Казимира III от 1369 г. указывалось, что король освобождает деревню Вельке Компеле от старых княжеских поборов и переводит на оброк. В связи с этим крестьяне должны были платить с лана по гривне, кроме того, давать к пасхе две курицы, 20 яиц, один сыр, к рождеству две курицы и меру овса и две курицы, если бы королю пришлось приехать в деревню¹¹⁴.

Можно предполагать, что статуты Казимира III в известной мере закрепляют переход к оброку не только натуральному, но и денежному. Это было вызвано поступательным развитием всей экономической жизни страны. Колонизация и освоение новых земель требовали большей производительности крестьянского труда. Крестьянин, посаженный на оброк, был более заинтересован в увеличении производства продуктов, он получал большую самостоятельность и проявлял больше инициативы в ведении хозяйства.

* * *

Статуты Казимира III дают некоторую возможность судить об устройстве польской деревни XIV в., в частности о наличии общины.

bitur et per hoc a domino suo liberabitur fugitivus antedictus. Hoc tamen in jure terrestri intelligi volumus».

¹¹¹ Zwód, стр. 149.

¹¹² «Codex diplomaticus Poloniae», Warszawa, 1847, t. I, № 117, 121; CDMР, т. III, № 1315, 1332, 1333, 1335, 1348, 1361, 1362, 1365, 1381, 1384, 1385, 1393 — 1867 и т. д.

¹¹³ CDMР, т. III, № 1279 (каждый крестьянин деревни Любен в 1348 г. должен был уплачивать с лана земли две меры пшеницы, две меры овса, фертон грошей за каждый обед), № 1333 (крестьяне деревни Пробошевице должны платить малдрат и деньги).

¹¹⁴ Л. В. Р а з у м о в с к а я. Очерки. . ., стр. 324.

О польской общине в статутах имеются скудные, но вполне определенные сведения. В XLVIII статье полного свода статут приводится конкретный случай: «Крестьянин Нагод подал жалобу на своих соседей-крестьян, так как у него ночью был украден конь, то он обратился к своим соседям и настоятельно просил, чтобы они помогли ему преследовать вора для возвращения коня. Но крестьяне отказались бежать за вором, и Нагод лишился вышеупомянутого коня. Мы в таком случае объявляем, что упомянутые крестьяне должны быть присуждены к уплате вышеупомянутому Нагоду за коня»¹¹⁵.

. В описании приведенного выше казуса вполне определенно представлена сельская община, известная из VIII и IX статей Польской правды¹¹⁶.

Община продолжала существовать в деревнях на польском праве и возникала вместе с новыми деревнями, устроенными на немецком праве. Основой этой организации была территориальная общность крестьян, в частности общее пастбище для скота. Наличие общины в польских деревнях в XIV в. подтверждают и другие источники. В них она выступает под названием «*communitas*». Так, например, в 1356 г. настоятель Костянского монастыря при переводе деревни Келчево на немецкое право определяет обязанность общины (*communitas*) дважды в году устраивать для него большой обед¹¹⁷. При определении повинностей деревни Ново Добро указано, что к празднику Пасхи крестьяне всей общиной должны платить тушу мяса или фертон¹¹⁸. Крестьяне деревни Рабовице были обязаны платить всей общиной двух коз¹¹⁹.

Статуты Казимира III вполне ясно указывают на сокращение прав общины в XIV в., в частности отдельные статьи Вислицкого и Великопольского статуты запрещают пользоваться лесом как общинным угодьем для выпаса свиней, а также запрещают крестьянам рубку леса без разрешения феодального собственника земли.

¹¹⁵ Zwód, стр. 90: «Nagod villanus deposuit». Эта же статья в Вислицком статуте гласит: «de fure, utrum debeat insequi per vicinos villanos aut non» («*Volumina legum*», р. 10).

¹¹⁶ «Księga prawa», стр. 18—19. Ст. VIII: «... Если кто-нибудь будет убит в деревне или около деревни и крестьяне поймут убийцу и выдадут его господину или судье, то они не несут никакого ущерба. Подобным же образом, если кто-нибудь будет убит около деревни, а крестьяне не смогут схватить убийцу и гоняться за ним по следу до другой деревни, тогда тоже им не будет ущерба, но эта деревня должна дальше с криком преследовать убийцу до другой деревни. Таким же образом каждая деревня должна гнаться по следу от одной деревни до другой, пока не будет пойман тот, кто совершил преступление...». Ст. IX: «Таким же образом гонятся по следу за грабителем и вором от ополя к ополю, от деревни к деревне, как сказано выше».

¹¹⁷ CDMP, т. III, № 1335.

¹¹⁸ Там же, № 1446.

¹¹⁹ Там же, № 1558.

«Если кто-нибудь собственных свиней в чужой лес выпустит на желуди, то тот, чей лес, в первый раз одну свинью, во второй раз двух свиней пусть возьмет и, если застанет их в третий раз, то может всех свиней гнать к ближайшему нашему дому и разделить их с нами пополам»¹²⁰. Таким образом, половина штрафа шла в пользу пострадавшего, а вторая половина — королю.

По-видимому, крестьяне не мирились с захватом общинных угодий феодалами, с превращением лесов и пастбищ в феодальную собственность и постоянно нарушали запреты. Именно такое поведение крестьян заставило польских феодалов ввести в полный свод статутow статью LXXXII: «Мы постановляем: если кто срубит дуб, годный на ось, во владении другого господина, либо наполнит свой воз меньшими дубами, либо другими деревьями, тот должен уплатить штраф, что называется 6 гривен, тому господину, в чьем (лесу. — В. Ф.) они были срублены»¹²¹.

В статутах имеется всего две статьи подобного рода. Они свидетельствуют о наступлении феодалов на сельскую общину, о сокращении прав крестьян-общинников пользоваться общинными угодьями.

Устройство сельской общины в польских деревнях, основанных на так называемом немецком праве или переведенных на немецкое право, отражено в статутах скупо. Но его достаточно четко можно представить по другим источникам того времени, особенно по локационным договорам.

Известно, что центральной фигурой в деревне на немецком праве был солтыс, локатор или осадчик, который вербовал крестьян на новые земли, распределял наделы и т. д. Феодал заключал с солтысом локационный договор, в котором обычно указывались права и обязанности солтыса, размеры его земельного надела, определялись льготные годы, т. е. время освобождения крестьян от повинностей, пока они устраивались на новом месте, повинности с каждого крестьянского хозяйства, количество крестьянских наделов в деревне, иногда их размеры.

Выходцы из различных слоев общества, преимущественно из мечан, солтысы по имущественному положению резко отличались от крестьян. Их наделы в два, пять, шесть раз превышали крестьянские¹²² и были освобождены от уплаты чинша. Помимо этого, солтысы получали от феодального землевладельца право безвозмездного пользования корчмой, мельницей, кузницей, лавками — мясной, рыбной, хлебной, сапожной. Они получали также часть судебных штрафов, так как при формальном праве феодала на верховный суд над крестьянами фактический суд осуществлял

¹²⁰ Zwód, ст. CXXXI, стр. 143.

¹²¹ Там же, стр. 111.

¹²² CDMP, т. I, № 412, 448, 453; т. II, № 690, 727, 757 и т. д.

солтыс. Феодал оставлял за собой право три раза в год совершать так называемый большой суд, т. е. разбирать наиболее тяжелые случаи преступлений — убийство, поджог, изнасилование. Остальные дела солтысирал солтыс. Таким образом, имущественное положение солтысов, административные и судебные обязанности ставили их на второе место после феодалов. Естественно, что в законодательстве Казимира III институту солтысов отводится важное место.

Статуты свидетельствуют, что солтысы могли получать рыцарское звание. Статья ХСVII называет рыцаря из солтысов («*militi creato de sculteto. . .*»). Статуты устанавливают воинскую повинность солтысов. «. . . Постановляем, что все солтысы — безразлично как духовных, так и светских лиц — обязаны следовать с нами на любую войну, согласно их имуществу»¹²³.

Эта статья имеет важное значение в определении положения солтыса в феодальном обществе. Она свидетельствует о ленной зависимости солтыса от феодального собственника. Он наряду с рыцарями или шляхтой обязан нести воинскую службу королю. Таким образом, солтысы, хотя они и не были собственниками земли, не имели зависимых крестьян, стояли ближе к феодалам, чем к крестьянам.

В лице солтысов росла сила, способная конкурировать с феодалами. Господствующий класс феодального общества, боясь этой конкуренции, стал урезать их права. CVII статья полного свода статутов впервые запрещает приобретение солтыства без согласия на то владельца деревни, мотивируя это запрещение тем, что «несправедливо, чтобы они (т. е. солтысы. — В. Ф.) были более крупными и сильными лицами, чем господа тех деревень, где они приняты на солтыство»¹²⁴.

* * *

Статуты наряду с другими документами являются важным источником при изучении классовой борьбы в XIV в. Они позволяют судить о формах этой борьбы. LXIX, CXXXIV статьи полного свода говорят об уходе, о бегстве крестьян от феодала. Классовая борьба в XIV в., очевидно, приняла особенно острый характер, если в статуты включены статьи, ограничивающие право выхода крестьян, излагающие четко условия, при которых крестьянин имел право уйти от своего господина, т. е. фактически ограничивали право крестьянина свободно уходить от феодала. Очевидно, самовольный уход крестьян был таким частым и распространенным явлением, что феодалы вместе с королем

¹²³ Zwód, ст. VII, стр. 52.

¹²⁴ Там же, стр. 123—124.

решили положить ему конец и специальными статьями статута прикрепить крестьян к земле.

«Так как из-за ухода подданных без всякой на то причины опустошаются имения господ, то нам и нашим баронам было угодно решительно противодействовать этой опасности», — говорится в LXIX статье полного свода¹²⁵. Далее, определяя условия ухода крестьян, статья ограничивает их выход: «... чтобы из одной деревни в другую могло уйти одновременно не более одного или двух кметей без воли господина той деревни, в которой они живут»¹²⁶.

По-видимому, угрожающие размеры антифеодальной борьбы крестьян заставили короля и польских феодалов несколько ограничить произвол над крестьянами. Названная статья предусматривает случаи, когда не только один или два крестьянина, но и вся деревня может уйти от своего господина, не дожидаясь его разрешения: «... если господин деревни изнасилует дочь или жену своего кметя, если за вину господина крестьяне лишаются своего имущества или если их (кметей. — В. Ф.) отлучают от церкви за вину их господина»¹²⁷.

В приведенной статье речь идет о правилах ухода кметей, без учета права, по которому они были устроены.

CXXXIV статья полного свода статута уже дифференцирует условия ухода крестьян, пользовавшихся польским правом или поселенных в деревнях с немецким правом.

«Кметь никоим образом не должен уходить от своего господина, кроме как оставив дом, хорошо и надлежащим образом огородив его и только на Рождество Христово, согласно соблюдавшемуся до сих пор обычаю. И если он имел раньше свободу (льготу. — В. Ф.), то он должен столько же лет служить своему господину, не уходя от него, сколько пользовался ею. И это в том случае, когда (кметь. — В. Ф.) сидит на польском праве. Когда же кметь поселен на тевтонском праве, ему никоим образом невозможно уйти, пока не выплатит чинш за столько лет, сколько лет пользовался свободой; но и тогда ему этого не сделать, пока не поселит на свое место равно состоятельного кметя или не обработает, не выкорчует всех своих полей и не засеет озимыми и яровыми, и только тогда ему разрешается уйти»¹²⁸.

38-я статья Великопольского статута повторяет условия выхода крестьян, устроенных на польском и на немецком праве¹²⁹, изложенные в вышеуказанной статье полного свода.

¹²⁵ Там же, стр. 100.

¹²⁶ Там же, стр. 100—101.

¹²⁷ Там же, стр. 101.

¹²⁸ Там же, стр. 149—150.

¹²⁹ CDMP, t. III, № 1261.

Эти статьи имеют весьма важное значение, так как впервые в польском законодательстве определяют условия ухода крестьян от своих господ.

LXIX статья совершенно четко устанавливает, что без разрешения господина только один-два кмета могут уйти из деревни. СXXXIV статья полного свода и 38-я статья Великопольского статута точно определяют день (рождество), когда условленное число крестьян может уйти из деревни, в которой они живут.

Нет сомнения в том, что фактическое ограничение перехода крестьян от одного феодала к другому существовало в Польше и раньше.

Однако юридически это ограничение было оформлено только статутами Казимира III. На протяжении полутора веков будет происходить дальнейшее ограничение прав крестьян, будут вводиться новые стеснения крестьянского перехода, пока статья «о сыновьях крестьян» в Петрковском статуте 1496 г. не запретит окончательно уход крестьян из деревни¹³⁰.

Основным принципом регламентации «выхода», отраженного в статутах Казимира III, было сохранение крестьянского хозяйства как экономической единицы, которая давала определенный доход феодалам. Даже в случае ухода крестьян доходы феодала не должны были уменьшаться.

В СXXXIV статье полного свода предусматривается розыск беглых крестьян и возвращение их к прежним господам. Гельцель приводит два варианта этой статьи, несколько различных по структуре и содержанию. Первый вариант устанавливает условия возвращения беглых и получения ими свободы, когда крестьяне устроены на земском (т. е. польском) праве, а также определяет условия выхода крестьян, поселенных на немецком праве. Во втором варианте зафиксированы условия выхода крестьян по польскому и немецкому праву и повторены причины свободного ухода крестьян от своего господина, приводимые в LXIX статье. В начале второго варианта СXXXIV статьи говорится и об условиях возвращения кмета, бежавшего от господина в ночное время.

В данном случае нас интересуют те места статьи, где речь идет о беглых крестьянах. Первый вариант: «Кроме того, постановляем, что если от нас или от какого-нибудь другого господина, нашего подданного, убежит кметь без вины господина, он не найдет никакого права, пока господину его не станет известно его местопребывание. Если его господин будет знать о его местопребывании и в продолжение года не будет требовать его обратно по суду, то по прошествии года он не сможет этого сделать по земскому праву, если бы и захотел. Если же беглец, боясь верну-

¹³⁰ «Volumina legum», t. I, p. 119.

ться из-за жестокости господина, не пожелает сделать этого, по велению закона он обязан заплатить своему господину три гривны штрафа и целиком годичный чинш и таким образом освободиться. Мы желаем, чтобы так было, [когда кметь] на земском праве»¹³¹.

Второй вариант статьи СХХХIV гласит: «Кроме того, по-становляем — если от нас, либо от какого-нибудь другого господина, нашего подданного, кметь убежит ночью, то вещи, которые он, убежав, оставил в доме, господин имеет право забрать себе; и, кроме того, господин, принявший бежавшего кметя, должен первому господину, от которого тот убежал, заплатить штраф, что называется «Пятнадцать», вернув ему кметя со всем имуществом, которое он к нему принес»¹³².

Приведенные варианты СХХХIV статьи представляют для исследователя значительный интерес. Во-первых, они свидетельствуют о конкретных формах борьбы польского крестьянства — бегстве от феодала. Во-вторых, в указанных статьях устанавливается срок розыска беглых крестьян (один год).

В отношении срока розыска беглых статуты Казимира представляют по сравнению с прежним законодательством некоторое облегчение. XXVIII статья Польской правды утверждает право бессрочного розыска беглых крестьян: «Если от какого-нибудь господина убегут его собственные люди (*eigene lute*) в другую землю и этот господин посылает своего посланца со своим письмом или же известного посланца без письма к господину той земли, то господин должен вернуть ему их . . . Но если они убегают в немецкую землю или город, или в деревню, где действует немецкое право. . . он (господин. — В. Ф.) того, кто туда сбежал, через жалобу должен получить обратно»¹³³. Как видно из приведенной статьи, Польская правда не ограничивает время розыска беглых крепостных каким-либо сроком. При этом надо учесть, что в Польской правде говорится о бегстве и возвращении только одной категории крестьян — *eigene lute*, наиболее зависимой от феодалов; в статутах же — вообще о всех кметях польской деревни.

Каковы были причины бегства крестьян от своих феодалов? Анализируемый источник позволяет нарисовать достаточно яркую картину произвола, угнетения и насилия над крестьянами со стороны феодалов, государственных и судейских чиновников.

Для полноты представления о действительном положении польских крестьян в XIV в. к ранее отмеченному в настоящей статье — насилиям феодалов над крестьянскими женами, дочерьми,

¹³¹ Zwód, стр. 147.

¹³² Там же, стр. 147.

¹³³ «Księga prawa», str. 32—33.

грабежам крестьянского имущества с наказанием за вину господина их деревни¹³⁴ и другим притеснениям феодалов¹³⁵ — следует добавить еще ряд фактов.

Вплоть до статутов Казимира III повсеместно было распространено право феодалов наследовать имущество умершего крестьянина¹³⁶. Бесчинства шляхты имели место во время военных походов, когда отряды вооруженной шляхты останавливались в деревнях, забирали у крестьян скот, лошадей, расхищали имущество¹³⁷.

Невиданный произвол царил в судопроизводстве. Судейские чиновники нередко вымогали взятки под угрозой вызова на суд без всякой на то причины¹³⁸. Сборщики судебных штрафов, врываясь в какую-нибудь деревню, грабили крестьян¹³⁹. Во время судебного разбирательства судьи были пьяны, и от них трудно было требовать правильного решения дел¹⁴⁰. О произвольном повышении судебных штрафов за неявку на суд говорится в статье XXIII: если с какого-либо села следовало взять шесть волов, определенных судом, судейские чиновники брали 30 и 40 волов и делили их между собой¹⁴¹.

Такое положение дел не могло не сказаться отрицательно на всем феодальном хозяйстве, ибо в результате разорения крестьян сокращалась феодальная рента. Законодательство Казимира III, действуя в интересах феодалов, призвано было ограничить царивший произвол и беззаконие: право феодала забирать имущество умершего крестьянина отменялось. «И мы, этот фальшивый обычай порицая, постановляем, чтобы из имущества этих умерших, если столько у них будет найдено, за полторы гривны справить для приходской церкви чашу, а остальное имущество без всяких препятствий должно перейти ближайшим родственникам или свойственникам»¹⁴². Эта статья преследовала цель сохранить крестьянское хозяйство, как источник доходов и феодалов и государственной власти. С одной стороны, она облегчала до некоторой степени положение крестьянина, не имеющего прямых наследников, с другой, вызывала заинтересованность у крестьянина в хозяйстве, стимулировала улучшение обработки земли, разведение садовых и огородных культур. Крестьянин теперь знал, что если он и не имеет сыновей, то после его смерти часть имущества все же достанется родственникам.

¹³⁴ Zwód, ст. LXIX, стр. 100.

¹³⁵ Там же, ст. XCIV, стр. 117.

¹³⁶ Там же, ст. LIII, стр. 92.

¹³⁷ Там же, ст. LXXVIII, стр. 107.

¹³⁸ Там же, ст. XVII стр. 62.

¹³⁹ Там же, ст. XXIV стр. 69—70.

¹⁴⁰ Там же, ст. XIII стр. 56—57.

¹⁴¹ Там же, ст. XXIII стр. 68—69.

¹⁴² Там же, стр. 92.

В более поздних источниках второй половины XIV и в XV в. упоминание о праве «мертвой руки» уже не встречается. Это обстоятельство дает основание предполагать, что LIII статья статута оставалась в силе.

Статья LXXVIII запрещала под угрозой штрафа шляхтичам, идущим на войну, грабить крестьянское имущество, угонять скот, лошадей.

Упорядочивалось и судопроизводство. Статьей XXIV запрещалось судебным чиновникам брать без причины штрафа, судебным служащим запрещалось вызывать в суд без особого приказа на то судьи, в противном случае следовало строгое наказание: лишение имущества, службы и клеймение лица¹⁴³. Приводилось в систему и взимание штрафов за неявку на суд: если виновные кмети не явились на суд, то XXIII статья определяла взимание с них в виде штрафа по одному волю с каждого, при этом штраф должен идти только в пользу короля и судей. Статья XX полного свода устанавливала порядок вызова на суд: судья имел право вызывать в суд лишь через определенное должностное лицо или возного.

Статуты несколько увеличивали штраф за убийство кметя кметем: вместо трех гривен, издавна выплачивавшихся в таком случае, статья LV устанавливала штраф в 10 гривен¹⁴⁴.

Таким образом, статуты Казимира III давали некоторые права и льготы крестьянам Польши: личность кметя охранялась законом, повышен был штраф за убийство кметя, отменялось право «мертвой руки». В отдельных случаях крестьяне получили право уйти от господина без его согласия. Статуты ограничивали право господина на возвращение бежавшего кметя одним годом. Но самое основное, что характерно для статутов Казимира, — они утверждали господство новых форм феодальной эксплуатации — оброчную или чиншевую систему вместо примитивной барщины.

В то же время проявляется другая сторона законодательства Казимира III. Статуты были первым законодательным актом, ограничивающим крестьянский «выход». Последнее обстоятельство почти не учитывалось буржуазной историографией. Вот почему Казимир III вошел в польскую историографию с прозвищем «короля хлопов».

Современники Казимира III высоко оценивали его деятельность. «Увенчанный королевской короной, — писал в своей хронике Ян из Чарнкова, — правил он доверенным ему богом государством и народом энергично и с пользой, потому что любил мир, правду и справедливость, был самым горячим опекуном

¹⁴³ Там же, ст. XVII, стр. 62.

¹⁴⁴ Там же, ст. LV, стр. 93: «Хотя издавна соблюдалось, что если кметь убил другого кметя, он освобождался от наказания за убийство, заплатив три гривны деньгами, все-таки такая оплата не была достаточной карой».

и защитником добрых и справедливых, самым строгим преследователем злых, грабителей, насильников и клеветников. . . В его время ни один из могучих панов или шляхты не смел чинить насилие — все это судилось согласно справедливости»¹⁴⁵.

Польский хронист XV в. Длугош также очень высоко оценивал законодательную политику Казимира. «Народ польский, — писал он под 1347 г. в своей «Истории Польши», — принял мягкие обычаи и с ними черту человечности и справедливости. Кто же не назвал бы этого короля счастливым, достойным вечной и величайшей похвалы. Кто же из поляков, если только он любит свой род и справедливость, не почтил бы с благодарностью его имя и даже его останки. Он . . . привел поляков от варварского образа жизни к правильной жизни, справедливости и благочестию. . . Он первый дал права полякам и заслужил этим великое и достопочтенное имя законодателя, которого у него не отнимет ни один наследник, не утратят никакие лета, не сумеют стереть никакие века. Достоин он большей хвалы и возвеличивания в песнях, чем у афинян Солон, у спартанцев Ликург»¹⁴⁶.

Польские историки идеализировали Казимира, в частности его «крестьянскую» политику. Даже некоторые современные польские историки не до конца изжили эти представления. В большой интересной монографии З. Качмарчика, посвященной Казимиру Великому, также заметна некоторая идеализация деятельности этого короля. Он пишет, что все усилия Казимира III были направлены на улучшение экономического и правового положения крестьян. Такой свободы, как при Казимире, якобы не знали крестьяне раньше. Они перестали убегать от своих панов, занялись обработкой земли. Богатые кметы добивались солтыства, проникали в города, в ремесленные и купеческие сословия, даже входили в состав шляхты¹⁴⁷.

Несомненно, подобное толкование «крестьянской» политики Казимира III глубоко ошибочно. Следует отметить, что законоположения Казимира в основном фиксировали уже происшедшие в связи с ростом материальных производительных сил сдвиги в социально-экономических отношениях, и проводимые королем мероприятия вовсе не являлись плодом его прекраснорудия и демократизма, как вслед за хронистами утверждают многие польские историки. Отражая экономическое и правовое положение крестьянства, статуты Казимира III служили интересам господствующего класса феодальных землевладельцев. Если учесть, что в Польше в то время феодал или совсем не вел собственного производящего хозяйства, или же оно было весьма незначительным и что почти

¹⁴⁵ «Kronica Jana z Czarnkowa». Warszawa, 1905, str. 4—5.

¹⁴⁶ J. Długosz. Указ. соч., стр. 211—212.

¹⁴⁷ Z. Kaszmarczyk. Kazimierz Wielki. Warszawa, 1948, str. 352—353.

единственный доход феодала составляли поборы с крестьян, то станет ясно, что поднять благосостояние самих помещиков и обеспечить государству регулярное поступление значительных доходов и сохранение основного резерва военной силы можно было только путем укрепления крестьянского хозяйства и обеспечения ему необходимых для дальнейшего развития условий, а это в свою очередь требовало известного улучшения социально-экономического и правового положения крестьян. Отражая насущные требования экономики, статуты Казимира III только фиксировали замену многих повинностей и различного рода служб крестьян постоянным чиншем, наиболее выгодной формой эксплуатации в условиях развивавшихся товарно-денежных отношений.

Е. П. НАУМОВ

КЕМ НАПИСАНО
ВТОРОЕ ЖИТИЕ СТЕФАНА ДЕЧАНСКОГО?

Второе житие сербского короля Стефана Уроша III Дечанского¹, как уже неоднократно отмечалось в историографии, является одним из наиболее интересных памятников сербской средневековой литературы и ценным историческим источником². Однако до сих пор это житие не было предметом подробного источниковедческого исследования. В частности, в исторической литературе вплоть до настоящего времени встречаются самые противоречивые датировки этого памятника (создание его относят к концу XIV в., к 1407—1408 гг., к 1403—1404 гг. и т. п.)³.

¹ Это житие издано Я. Шафариком («Гласник Друштва српске словесности», св. XI. Београд, 1859, стр. 35—94). Текст его, опубликованный И. Кукулевицем-Сакцинским («Архив za povjestnicu jugoslavensku», knj. IV, Zagreb, 1857, str. 1—29), мало удовлетворителен. Современный сербский перевод жития помещен в сборнике «Старе српске биографије XV и XVII века». Београд, 1936, стр. 1—40.

² См., например, «Старе српске биографије. . .», стр. XXVIII—XXIX, XXXII; А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 285; В. С. Киселков. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956, стр. 246—247.

³ Так, например, П. Й. Шафарик датировал житие концом XIV в. (P. J. Schaffarik. Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bei den Serben und anderen Südslawen. «Jahrbücher der Literatur», Bd. 53, Anzeige—Blatt für Wissenschaft und Kunst, LIII. Wien, 1831, S. 53). Этой точки зрения придерживается и Киселков (В. С. Киселков. Проуки. . ., стр. 246). По мнению Я. Шафарика, житие было написано около 1400 г. («Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 35), по мнению В. Качановского — около 1402 г. (В. В. Качановский. История Сербии с половины XIV до конца XV в., т. 1. Киев, 1899, стр. 20). Как утверждал А. Яцимирский, Цамблак написал житие в 1407—1408 гг. (А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 45, 143; ср. стр. 141). Д. Радоичич датирует этот памятник 1403—1404 гг. (см. «Гласник Српске Академије наука», књ. 1, св. 1-2, 1949, стр. 174—175; а также в других работах Д. С. Радоичича).

В исторической литературе пока еще не был подробно изучен и весьма важный вопрос об авторстве этого агиографического памятника. С 20-х годов XIX в., после появления работ митрополита Евгения (Болховитинова) и П. Й. Шафарика, в историографии полностью утвердилось мнение, что житие было написано Григорием Цамблаком (около 1364—1419)⁴, видным деятелем православной церкви, ставшим в начале XV в. митрополитом Киевским. Однако это мнение обычно приводилось без всякой аргументации, и попытка обосновать его предпринималась лишь П. Й. Шафариком.

В данной статье мы попытаемся подробнее рассмотреть доказательства, которые приводились в пользу мнения об авторстве Григория Цамблака, и выяснить, возможно ли и в какой мере обоснованно отождествление автора второго жития Стефана Уроша III, Григория, бывшего игумена Дечанского монастыря (как гласит заглавие этого памятника), с Григорием Цамблаком.

* * *

В своем обзоре средневековых сербских литературных памятников П. Й. Шафарик поместил и «Историческое сочинение дечанского игумена Григория, т. е. *Григория Цамблака*, — а именно житие св. Стефана Дечанского»⁵. При этом Шафарик отметил, что в своих трудах по истории Сербии Й. Х. Энгель и Й. Рач упоминали об этом дечанском настоятеле, историческое сочинение которого было использовано в хронике Бранковича. Однако Шафарик, опираясь на высказанное в 1827 г. митрополитом Евгением (Болховитиновым) мнение об авторстве Цамблака,

⁴ См., например, митр. Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. Изд. 2, т. 1. СПб., 1827, стр. 103; P. Schaffarik. Указ. соч., стр. 53—54; еп. Макарий. О Григории Цамблаке, митрополите Киевском, как писателе. «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. VI, вып. 2. СПб., 1857, стлб. 142; F. Rački. Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srpsku poviest srednjega vieka. «Književnik», II, 1865, str. 230, 385; V. Jagić. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga. Zagreb, 1867, str. 188; П. П. Соколов. Киевский митрополит Григорий Цамблак (Очерк его жизни и деятельности). «Богословский вестник», 1895, кн. VII, стр. 71; А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 44—45, 141—145, 149—150; В. С. Киселков. Митрополит Григорий Цамблак. София, 1943, стр. 14—15; Б. Пенев. Българска литература. София, 1946, стр. 128; В. С. Киселков. Проуки. . . , стр. 236, 246—248; Д. Павловић и Р. Маринковић. Из наше књижевности феудалног доба. Изд. 2. Сарајево, 1959, стр. 124; В. Велчев. Творчество на Григорий Цамблак в светлината на јужнославјанскиј ренесанс. «Език и литература», 1961, № 2, стр. 17, 20; И. Снегаров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV в. В сб. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 269; и др. (см. выше прим. 1—3).

⁵ P. J. Schaffarik. Указ. соч., стр. 53; это мнение повторено и в его работе «Geschichte der südslawischen Literatur» (Bd. III, Abt. 1. Prag, 1865, S. 243).

счел возможным не ограничиться одной лишь ссылкой на Раича и Ангеля.

«Я предполагаю, — писал он, — что этот игумен Григорий не кто иной, как Григорий Цамблак, в последующем — в 1414—1419 гг. — киевский митрополит»⁶. В пользу такого мнения Шафарик привел следующие аргументы. Во-первых, Цамблак, как указал митрополит Евгений, был настоятелем Дечанского монастыря. Во-вторых, в одной сербской хронике XVI в. сказано, что Цамблак написал службу Стефану Дечанскому и его житие. Наконец, само житие Дечанского, как обнаружил митрополит Евгений, находилось в библиотеке Иосифова-Волоколамского монастыря вместе с сочинениями Цамблака⁷.

Примечательно, что эти аргументы не заставили А. А. Майкова признать автором жития вместо дечанского игумена Григория — Григория Цамблака⁸. Но точка зрения об авторстве Цамблака была принята другими учеными, которые не привели в пользу ее новых доводов. Между тем третий аргумент Шафарика совершенно неубедителен. То обстоятельство, что житие хранилось вместе с произведениями Григория Цамблака, не может еще служить доказательством того, что автором его был Цамблак.

Второй аргумент П. Шафарика также нельзя не признать весьма шатким. Действительно, в Карловацком родослове, в разделе о Стефане Дечанском сказано, что «службу его (т. е. короля Стефана. — *Е. Н.*) и житие написал Григорий Цамблак»⁹. Но этому указанию, которого нет в других сербских летописях и родословах, вряд ли можно доверять. Как известно, в Карловацком родослове немало баснословных сведений (например, о происхождении сербской династии Неманичей от римского императора Константина I, об убийстве сербского царя Уроша V братьями Мрнявчевичами — Вукашином, Угледей и Гойком, и т. п.). Составитель родослова, вероятно для восхваления Дечанского, приписал второе его житие и церковную службу Цамблаку, пользовавшемуся известностью в церковных кругах.

Отметим, что эти данные родослова о написании Цамблаком службы в честь Стефана Дечанского уже подвергались сомнению в современной историографии. Так, например, В. Киселков считает, что эта служба написана не Цамблаком, а неизвестным сербским клириком, притом гораздо ранее. Киселков указывает, что в службе не названо имя Цамблака, а сам Григорий Цамблак никогда не писал таких церковных служб¹⁰.

⁶ P. J. Schaffarik. Указ. соч., S. 54.

⁷ Там же. Ср. митр. Евгений. Указ. соч., т. 1, стр. 103.

⁸ А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа. М., 1857, стр. 23, 234; ср. стр. 50, прим. 1.

⁹ Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд. 1927, стр. 34.

¹⁰ В. С. Киселков. Проуки. . . , стр. 248.

Тем самым мнение об авторстве Цамблака в действительности может основываться лишь на утверждении, что Григорий Цамблак находился некоторое время в Сербии (вероятно, в конце XIV или в начале XV в.), где он был игуменом Дечанского монастыря, и написал это житие, а также рассказ о переносе мощей св. Параскевы-Петки в Сербию. Но об этом пребывании Цамблака в Сербии, как признают его биографы, нет никаких сведений в исторических источниках, если не считать рассказа о св. Петке и заголовка второго жития Дечанского ¹¹.

Поэтому мы рассмотрим вначале рассказ Цамблака о св. Петке. Здесь Цамблак описывает перенос останков Петки из Тырнова в Видин и затем, после захвата Видина турками, — в Сербию. Он превозносит благочестие сербских правителей — княгини Евгении (Милицы) и ее сыновей, деспота Стефана и Вука Лазаревичей; он возносит хвалу и стране этих «премудрых» государей — Сербии, где множество монастырей и монахов, где народ отличается благочинием и добродетелями ¹².

Все эти славословия позволяют нам судить о несомненных симпатиях Цамблака к «благочестивейшим» преемникам сербского князя Лазаря, они позволяют нам даже достаточно определенно датировать сам рассказ и отнести его написание к 1402—1405 гг. ¹³ (в частности, об этом свидетельствует упоминание княгини Евгении, умершей в 1405 г., и Стефана Лазаревича, который носил титул «деспота» с 1402 г.). Однако повествование не дает точных и конкретных данных о местонахождении самого автора. Нам кажется вероятным, что Цамблак мог написать этот рассказ и за пределами Сербии, в частности в одном из валашских монастырей, которым покровительствовали князь Лазарь и Стефан Лазаревич. Правда, Григорий, говоря о Сербии, в двух местах употребляет обозначение «здесь», однако, по нашему мнению, это лишь служит обычной антитезой, так как для Болгарии, которую он в этих двух местах сравнивает с Сербией и противопоставляет ей, он применяет понятие «там» ¹⁴. В этом же сочинении несколько ранее, говоря о переносе мощей в Сербию, он пишет, что сербские правители доставили их «в свою землю» (но не «сюда», как можно было бы предположить) ¹⁵.

¹¹ См., например, А. И. Я ц и м и р с к и й. Григорий Цамблак. . . , стр. 45, 141; Е. Г о л у б и п с к и й. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, стр. 375, прим. 1; В. В е л ч е в. Указ. соч., стр. 17.

¹² П. И в а н о в. Български старини из Македонија. София, 1931, стр. 433—436; ср. В. В е л ч е в. Указ. соч., стр. 22.

¹³ Ђ. С. Р а д о ј и ч и ћ. О Григорију Цамблаку. «Гласник Српске Академије наука», књ. 1, св. 1—2, 1949, стр. 175 (датирует концом 1404 или 1405 г.); В. С. К и с е л к о в (Проуки. . . , стр. 249—250) датирует этот рассказ концом 1402 или началом 1403 г. Ср. В. В е л ч е в. Указ. соч., стр. 21 (в 1402—1405 гг.).

¹⁴ П. И в а н о в. Указ. соч., стр. 436. Ср. В. С. К и с е л к о в. Проуки. . . , стр. 249.

¹⁵ П. И в а н о в. Указ. соч., стр. 435.

Укажем в этой связи, что Цамблак не знал точно, куда были помещены останки св. Петки. Он ограничился лишь кратким и весьма неясным замечанием, что эти мощи поместили «в святой церкви», «в доме их» (т. е. сербских правителей)¹⁶. Однако при этом он не назвал ни города, ни церкви. Разумеется, если бы Григорий написал этот рассказ в Сербии, при дворе преемников князя Лазаря, он знал бы точное местонахождение мощей, и эта осведомленность, несомненно, нашла бы отражение в тексте произведения.

Таким образом, анализ этого сочинения Цамблака не дает нам полной уверенности в том, что он действительно находился в 1402—1405 гг. в Сербии. Как нам представляется, нельзя считать невероятным и предположение, что рассказ о Петке был написан им в румынских землях, в частности, в Молдавии или, возможно, в валашских монастырях Тисмена и Водица, расположенных близ сербской границы и получавших богатые дары от князя Лазаря и деспота Стефана Лазаревича¹⁷. Быть может, он был написан Цамблаком в Константинополе, где, как известно, он бывал в начале XV в.

Перейдем к рассмотрению второго жития Стефана Уроша III Дечанского и прежде всего его заголовка, который, как указывается в литературе¹⁸, содержит данные о пребывании Цамблака в Сербии, о том, что он был настоятелем в Дечанском монастыре.

Заглавие гласит, что «житие святого великомученика среди царей Стефана Сербского, который в Дечах» (т. е. в Дечанах) написано «Григорием монахом и пресвитером, бывшим игуменом этой (Дечанской. — *Е. Н.*) обители»¹⁹. Однако в этом заголовке нет фамилии Цамблака, как, например, в начале упоминавшегося выше рассказа («О Петке Цамблаково») ²⁰. Далее, ни одно из всех прочих сочинений, приписываемых Цамблаку, не называет его бывшим настоятелем Дечанского монастыря. Большей частью в этих произведениях он именуется Григорием, архиепископом (или епископом) российским, а нередко просто монахом и пресвитером; в похвале Киприану он назван игуменом плинаирским, а в некоторых сочинениях — игуменом обители Пантократора ²¹.

¹⁶ И. Иванов. Указ. соч., стр. 435.

¹⁷ С. Новаковић. Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, стр. 752 (в грамоте деспота Стефана Лазаревича от 1405 г., инд. XIV).

¹⁸ См., например, Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 375, прим. 1; А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак..., стр. 45; В. С. Киселков. Проуки..., стр. 246.

¹⁹ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 43.

²⁰ И. Иванов, Указ. соч., стр. 433.

²¹ См., например, еп. Филарет. Обзор русской духовной литературы (862—1720 гг.). «Ученые записки второго отделения АН», кн. III, СПб., 1856, стр. 90—91; еп. Макарий. Указ. соч., стлб. 100—143; С. П. Шевырев. История русской словесности, ч. III. М., 1858, стр. 383—386.

Название монастыря Пантократора в литературе нередко считали доказательством того, что Цамблак был в Дечанах²². Но такое отождествление Дечанского монастыря и этой загадочной обители Пантократора, по нашему мнению, нельзя признать вполне убедительным. Известно, что монастырь Пантократора был и в Константинополе, где Цамблак жил в начале XV в. и где он стал игуменом Плинарского (или Плинаирского) монастыря. Долгое время многие ученые считали также, что эта обитель Пантократора, игуменом которой был Цамблак, находилась в Молдавии и называлась монастырем Нямцу²³. Правда, недавно Киселков доказал, что монастырь Нямцу назывался Вознесенским, а не Пантократоровым²⁴. Однако это, по нашему мнению, еще не дает основания отождествлять монастырь Пантократора лишь с Дечанским, как это делает Киселков. Возможно, что в данном случае речь идет не о монастыре Нямцу, а о Пантократоровом монастыре в Молдавии или в Константинополе.

Отметим в этой связи еще одно немаловажное обстоятельство. Ранее Цамблаку приписывалось также житие Иоанна Нового (Аккерманского), автором которого, как убедительно показал Киселков²⁵, был одноименный румынский церковный писатель (его мы можем назвать Григорием Молдавским, или Сучавским). Между тем это житие, как гласит его заголовок, было написано Григорием, монахом и игуменом обители Пантократора и пресвитером церкви Молдовлахийской²⁶. Следовательно, можно полагать, что и другие сочинения Григория, игумена Пантократора, написаны не Цамблаком, а Григорием Молдавским, и они тем самым не подтверждают тезиса о пребывании Цамблака в Дечанах. Итак, если не считать второго жития Уроша III, игуменство Цамблака в этом монастыре, как и признавал уже Яцимирский, «ничем не засвидетельствовано»²⁷.

Укажем, наконец, что безоговорочному отождествлению этой загадочной обители Пантократора с Дечанами противоречат и данные сербских источников конца XIV—начала XV в., т. е. того периода, когда Цамблак, как обычно указывается в литературе,

²² Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 375, прим. 1; П. П. Соловьев. Указ. соч., стр. 70, прим. 3; В. С. Киселков. Проуки. . . , стр. 236.

²³ Митр. Евгений. Указ. соч., стр. 97; А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. . . , стр. 105, 110—112; И. Снегаров. Духовнокультурный взрыв между Бельгия и Русия през средните векове (X—XV вв.). София, 1950, стр. 75; И. Снегаров. К истории культурных связей. . . , стр. 270.

²⁴ В. С. Киселков. Проуки. . . , стр. 244.

²⁵ Там же, стр. 255—258.

²⁶ А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Неизданные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила. СПб., 1906, стр. XXII—XXIV; ср. В. Киселков. Проуки. . . , стр. 256.

²⁷ А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. . . , стр. 150.

находился в Сербии. Сербский монастырь Пантократора-Вседержителя, основанный Стефаном Урошем III, как правило именовался просто Дечанским или обителью Пантократора-Дечанского. В заглавии второго жития Уроша III, как мы упоминали выше, этот монастырь назван «той обителью», которая расположена «в Дечанах»²⁸. В III Дечанской грамоте, изданной в 1395/96—1402 гг. (или в 1397—1402 гг.)²⁹, мы также читаем о «Дечанском монастыре», «обители святого господина короля Стефана Уроша III»³⁰. В других записях, относящихся к 1389—1402 гг. (возможно, к 1400—1401 гг.), говорится лишь о «церкви дечанской святого Пантократора» и даже просто «церкви дечанской»³¹. И ранее, в первой половине XIV в., этот сербский монастырь также нередко назывался лишь Дечанским, а в том случае, когда именовался Пантократоровым, добавлялось указание о его местонахождении («в месте Дечани») или же обыденное его название — Дечани («дом Пантократоров, зовомъ Дечани») ³².

При изучении вопроса об авторстве второго жития Стефана Дечанского, разумеется, решающее значение имеет не столько рассмотрение заголовка, сколько анализ всего текста этого памятника и в особенности сопоставление и сравнение его с другими источниками той же эпохи — III Дечанской грамотой и рассказом Цамблака о Петке.

В частности, III Дечанская грамота содержит чрезвычайно важные данные по истории этого монастыря и феодального монастырского землевладения в южной Сербии, которые позволяют датировать и второе житие короля Стефана Уроша III. Эта грамота была издана после того, как владения Вука Бранковича в юго-западной Сербии (и тем самым район Дечанского монастыря) в 1395—1396 гг. перешли в руки наследников сербского князя Лазаря — его вдовы Евгении (Милицы), Стефана и Вука Лазаревичей. Как гласит грамота, княгиня Евгения, прибыв в Дечанский монастырь, увидела, что это творение Стефана Уроша III «сожжено и разрушено нечестивыми народами исмаилитскими (турками. — *Е. Н.*), и разорено и разграблено держав-

²⁸ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 43.

²⁹ С. Новакович относил эту грамоту к 1397 г., а позднее — к 1389—1405 гг. (С. Новакович. Срби и Турци XIV и XV века. Изд. 3. Београд, 1960, стр. 273; его же. Законски споменици. . ., стр. 655). По мнению Д. С. Радоичича, она была издана 9 июня 1397 г. («Гласник Српске Академије наука», кн. 1, св. 1—2, 1949, стр. 175). Подробнее о ее датировке см. «Славянский архив», М., 1962, стр. 4 и 21—24 (здесь, на стр. 4, 21 и 22, ошибочно указано, что Н. Вучо датировал ее 1398 г., тогда как он относил грамоту к 1389—1405 гг.).

³⁰ Г. Юришич. Дечански првенац. Нови Сад, 1852, стр. 41; М. С. Милојевић. Дечанске хрисовуље. Београд, 1880, стр. 138.

³¹ Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, кн. I. Београд, 1902, стр. 65—66, записи № 204—206 (о датировке их см. также «Гласник Српске Академије наука», кн. I, св. 1—2, стр. 174).

³² Там же, стр. 28, 29, 34, 36, записи № 61, 65, 87, 93; ср. записи 63, 92, 96.

шими прежде нас (т. е. прежними правителями южной Сербии. — *Е. Н.*), и метохи (монастырские владения. — *Е. Н.*) отнять», так что Дечанская обитель и ее владения были близки к запустению³³.

Ввиду этого Евгения, объявив себя и своих сыновей вторыми ктиторами Дечанского монастыря (т. е. правопреемниками первого ктитора, основателя его — короля Уроша III), вернула этой обители целый ряд селений, отобранных прежними феодальными государями этих районов и светской знатью, и даже даровала несколько новых сел³⁴.

Все эти немаловажные события — разграбление Дечан и захват дечанских владений светскими феодалами или южносербскими династами, разрушение и поджог монастыря турками, наконец, возвращение прежних дечанских имений новыми ктиторами и покровителями — княгиней Евгенией и ее сыновьями — несомненно, должны были найти отражение на страницах рассматриваемого нами жития, если оно действительно было написано в конце XIV или в начале XV в.

Между тем автор жития вообще ничего не говорит о набегах и опустошениях турок, о вторых ктиторах — Лазаревичах, о их благочестивых и щедрых пожалованиях монастырю, хотя он подробно описывает захват Дечанской обители двумя сербскими светскими феодалами (сначала челником Ивом, а затем неким Юнцом)³⁵. Текст жития свидетельствует о том, что и во время написания жития этот монастырь еще подвергался посягательствам и нападениям светских феодалов, стремившихся захватить его земельные владения³⁶.

Тот поразительный факт, что в житии вообще не упоминаются княгиня Евгения и Стефан и Вук Лазаревичи (которых, как указывалось выше, Цамблак восхвалял в рассказе о переносе мощей св. Петки), югославский ученый Д. С. Радоичич пытался объяснить следующим образом. По его словам, Цамблак написал житие в Дечанах в 1402—1404 гг., когда в южной Сербии (и в районе Дечан) вновь установилась власть Бранковичей, враждовавших тогда с Лазаревичами. Эта датировка жития, согласно Радоичичу, подтверждается словами жития о междоусобных войнах и о присылке во время этих междоусобиц «благочестивыми правителями» (Бранковичами, по его мнению) в Дечанский монастырь феодала Юнца³⁷.

³³ Г. Юришић. Указ. соч., стр. 42; М. С. Милојевић. Указ. соч., стр. 139; С. Новаковић. Законски споменици. . ., стр. 655.

³⁴ Г. Юришић. Указ. соч., стр. 42—43; М. С. Милојевић. Указ. соч., стр. 139; С. Новаковић. Законски споменици. . ., стр. 655—656.

³⁵ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 87—92.

³⁶ Там же, стр. 87, 92.

³⁷ «Гласник Српске Академије наука», књ. I, св. 1—2, 1949, стр. 174.

Это объяснение, однако, представляется нам весьма натянутым и малоубедительным. Конечно, автор жития, ввиду вражды Бранковичей и Лазаревичей, мог не назвать в своем произведении княгиню Евгению и ее сыновей. Однако вряд ли можно поверить, что Цамблак, славословивший и превозносивший наследников князя Лазаря, остался в Дечанах после того, как эти районы южной Сербии были потеряны Лазаревичами. Несомненно, он мог стать игуменом Дечанского монастыря лишь в 1395/96—1402 гг.; когда и юго-западные сербские земли принадлежали княгине Евгении и ее сыновьям. Именно в это время Евгения, чтобы упрочить свою власть в этих областях и привлечь на свою сторону местное духовенство, сделала богатые пожалования Дечанской обители. Одновременно она, как второй ктитор обители, могла назначить настоятелем Дечан Григория Цамблака, своего преданного и верного сторонника. Однако, как мы отмечали выше, остается маловероятным, чтобы Цамблак вообще жил в Сербии.

Не подтверждают, по нашему мнению, точку зрения Д. С. Радоичича и слова жития о «междоусобных войнах» и «благочестивых правителях». Эти слишком туманные и неопределенные сведения можно отнести не только к событиям 1402—1404 гг., не только к периоду после восстановления власти Бранковичей в окрестности Дечанского монастыря. Как известно, весь период после распада Сербского царства Стефана Душана был заполнен частыми междоусобными войнами и набегами, бесконечными распрями сменявших друг друга правителей отдельных княжеств. В частности, районы юго-западной Сербии с Дечанами входили не только в состав владений Бранковичей, но и в число земель, например, Балшичей (по-видимому, после них здесь стали править Вук и Гргур Бранковичи).

Между тем Д. Радоичич не дает никакого объяснения тому примечательному факту, что в житии не сказано ничего о турках — «нечестивых измаильтянах», «агарянах» — и о возвращении Дечанскому монастырю владений, отнятых светскими феодалами. Как известно, Григорий Цамблак страстно ненавидел турецких захватчиков, покоривших его родину — Болгарию, и об этой ненависти к османам красноречиво свидетельствует его рассказ о переносе мощей Петки³⁸. Если бы житие было действительно написано Григорием Цамблаком, он, несомненно, обратился бы в тексте жития к св. Стефану Дечанскому с мольбой о помощи против «безбожных агарян», которая встречается и в других аналогичных сербских памятниках конца XIV—начала XV в. (например, во втором житии короля Милутина³⁹, в похвальном слове Евфимии князю Лазарю⁴⁰). Однако такого

³⁸ Й. И в а п о в. Указ. соч., стр. 434—436; ср. В. С. К и с е л к о в. Проуки. . . , стр. 250.

³⁹ «Глас Српске Краљевске Академије», СХХХVI (72), 1929, стр. 66.

⁴⁰ Љ. С т о ј а н о в и ћ. Стари српски записи. . . , књ. I, стр. 61—62.

обращения в житии Дечанского нет, и это позволяет нам предположить, что оно было создано еще до 1381—1389 гг., т. е. до первых вторжений османских завоевателей на территорию собственно Сербии.

Вместе с тем следует обратить внимание и на другое весьма любопытное обстоятельство. Как уже отмечал П. Попович, сербский патриотизм и антиболгарская направленность некоторых разделов второго жития Дечанского позволяют сомневаться в том, что оно было написано болгариним, а не сербом⁴¹. В. Киселков также признавал, что житие «проникнуто чисто сербским национальным духом в угоду сербской светской и духовной аристократии»⁴². Следовательно, и этот факт не подтверждает точки зрения об авторстве Григория Цамблака.

Наконец, для решения вопроса о том, кем написано данное сочинение, мы можем использовать и сведения последней части жития. Здесь автор, говоря о захвате Дечанского монастыря светским феодалом Юнцом и последовавшей затем смерти «скверного Юнца», замечает, что и он сам был свидетелем бесчинств этого сербского феодала в Дечанах («очи наши видеше») ⁴³. Это дает основание предполагать, что житие было написано через некоторое время после смерти Юнца, и для датировки его (и одновременно решения вопроса об авторстве источника) нам необходимо установить примерные даты жизни Юнца.

Текст данного памятника дает возможность утверждать, что у этого сербского феодала было другое имя. Автор жития, как он сам признает в начале «повести» об Юнце, называет его так потому, что Юнец «делом стяжал такое имя», явившись в Дечанский монастырь подобно дикому быку («юнцу») ⁴⁴. По-видимому, дечанский игумен Григорий в риторических целях несколько изменил имя Юнак, встречающееся изредка в средневековых сербских источниках. Так, в 1323 г. упоминается некий севаст Юнак ⁴⁵, а в одной записи, относящейся к началу XV в., сказано, что дедом монаха Евсевия был «Юнак севастократор» ⁴⁶. Известный югославский историк М. Динич полагал, что в обоих случаях речь идет об одном и том же сербском феодале ⁴⁷. Мы в свою очередь считаем возможным отождествление севастократора Юнака и феодала Юнца. Такое предположение может быть обосновано анализом записи монаха Евсевия и изложенной в ней его родословной и краткой биографии. Так как Евсевий в молодости был слугой султана

⁴¹ «Старе српске биографије...», стр. XVI.

⁴² В. С. Киселков. Проуки... стр. 246—247.

⁴³ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 88.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Зборник радова Византолошког института», кн. 2, 1953, стр. 141; М. Пуцић. Споменици српски, кн. II. Београд, 1862, стр. 4.

⁴⁶ Љ. Стојаповић. Стари српски записи..., кн. IV. Београд, 1923, стр. 21.

⁴⁷ «Зборник радова...», кн. 2, стр. 141.

Баязида I (1389—1402), видимо, попав в плен к туркам, его дед мог быть одним из приближенных царя Уроша в 50—60-х годах XIV в. Укажем для сравнения на другую (надгробную) надпись конца XIV в., обнаруженную, между прочим, в Дечанах. В ней сказано, что Иваниш Алтоманович был внуком деспота Иваниша и племянником князя Лазаря (правившего в 1371—1389 гг.)⁴⁸. Иваниш Алтоманович, следовательно, жил при Лазаре, тогда как его дед, деспот Иваниш, упоминается еще в Архангельской грамоте Душана (т. е. деспот Иваниш умер после 1348 или 1346—1353 гг.)⁴⁹.

В том, что захват Дечанского монастыря Юнцом (Юнаком) следует отнести к 60—70-м годам XIV в., нас убеждает и строгая хронологическая последовательность всего повествования в житии Стефана Уроша III. Автор его вначале описал жизнь Стефана до вошествия на престол, восхваляя затем его правление (1321—1331), сообщил о свержении его и мученической смерти (1331), о последующей канонизации (1338—1339) и, наконец, о захвате Дечанской обители двумя сербскими феодалами (Ивоем, а позднее — Юнцом). Весьма важно то обстоятельство, что в житии «повести» об Юнце автор предпослал рассказ о том, как Дечанами завладел приближенный царицы Елены, челник Ивое (или Вой)⁵⁰. Без сомнения, Ивое подчинил себе Дечанский монастырь в 1356—1357 гг. (или в 1356—1359 гг.), когда вдова Душана, царица Елена (с 1359—1360 гг. монахиня Елизавета) принимала деятельное участие в правлении вместе со своим сыном Урошем⁵¹. Характерно, что автор жития, видевший сам «бесчинства» Юнца, не назвал себя, однако, и очевидцем «нечестивых деяний» Ивоя, — следовательно, после захвата Дечанского монастыря челником Ивоем и до перехода монастыря под власть Юнца прошло уже, по-видимому, несколько лет.

К тому же и сам титул севастократора Юнака заставляет нас искать его среди вассалов царя Уроша (1356—1371). Именно при Уроше, после распада Сербо-греческого царства, как отметил К. Иречек, почетные звания севастократоров и кесарей раздавались даже мелким феодалам. В 60-х годах XIV в. появляются, например, эфемерные севастократоры Влах Матаранго и Вратко,

⁴⁸ Љ. Стојановић. Стари српски записи..., књ. I, стр. 55 (запись № 174).

⁴⁹ С. Новаковић. Законски споменици..., стр. 694; Б. Ферјанчић. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960, стр. 159.

⁵⁰ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, 1859, стр. 87—88.

⁵¹ Ср. А. В. Соловьев. Кад је Дечански проглашен за свеца? (Краља Душанова повеља Лимском манастиру). «Богословље», 1929, стр. 293, прим. 3 (по его мнению, эти события, вероятно, следует датировать периодом после смерти Душана). См. также С. Новаковић. Законски споменици..., стр. 175—176, 187, 308—311.

кесари Гргур и Новак⁵². Возможно, Юнак стал севастократором в последние годы царствования Уроша, когда его соправителем был король Вукашин (1365—1371). В этом случае мы имели бы основания полагать, что дечанский игумен Григорий подразумевал под «благочестивыми правителями» Уроша и Вукашина или же, может быть, Вукашина и его сына Марка. Вероятно, слова жития о кровопролитных войнах и осаде какого-то города, в которой участвовал Юнец, в действительности относятся к военным действиям в районе Котора или Призрена⁵³. Правда, нельзя забывать и о том, что Юнак, получив титул севастократора от Уроша, после его смерти (или даже ранее), возможно, был вассалом Балшичей или Вука и Гргура Бранковичей.

Рассмотренные выше данные позволяют нам, таким образом, предположить, что второе житие Стефана Дечанского было написано не ранее 1356—1357 гг. и не позже 1381—1389 гг. (по всей видимости, в 60-х или 70-х годах XIV в.). В таком случае автором этого памятника, разумеется, не мог быть Григорий Цамблак, родившийся, как указывается в исторической литературе, в 1362 или 1364 г.⁵⁴

* * *

Рассмотрение вопроса об авторстве второго жития Стефана Дечанского позволяет нам считать недоказанным и весьма маловероятным распространенное в историографии мнение, будто этот источник принадлежит перу Цамблака, а не одноименному сербскому монаху. Однако было бы неправильным ограничиваться только этим выводом. Как известно, в исторической литературе биография и творчество Григория Цамблака во многом основаны на весьма шатких и в известной мере уже опровергнутых мнениях и отождествлениях Цамблака с одноименными сербскими и румынскими церковными деятелями и писателями. До недавнего времени истории в перечне сочинений Цамблака называли и житие Иоанна Нового Белградского (Аккерманского), которое, как мы отмечали выше, в действительности было написано молдавским монахом Григорием. Ранее в исторической литературе Цамблаку приписывалось также житие Ромила пустынножителя, автором которого был Григорий Синаит из сербского монастыря Горняк, ученик Ромила⁵⁵. Полностью отвергнуто в настоящее время и отождествление Григория Цамблака

⁵² К. Жиречек. *Историја Срба*, т. II. Београд, 1952, стр. 24—25.

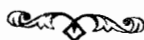
⁵³ Ср. А. В. Соловьев. *Указ. соч.*, стр. 293, прим. 3. По его мнению, здесь речь идет, быть может, о войнах князя Воислава, т. е. военных действиях 1358—1362 гг., или же более поздних.

⁵⁴ К тому же Цамблак еще в 1379 г. находился в Болгарии (в г. Тырново) (см. В. С. Киселков. *Проуки*..., стр. 232).

⁵⁵ Ћ. С. Радочић и Ђ. Григорије из Горњака. *«Историски часопис»*, књ. III, 1952, стр. 91—93.

с молдавским монахом Гавриилом Уриком, с молдавским митрополитом Григорием. Однако до сих пор в биографии и творчестве Цамблака осталось немало спорных и неясных вопросов, которые могут быть решены лишь после тщательного литературного и стилистического анализа (в частности, вопрос об авторстве службы Стефану Дечанскому и ряда других произведений, приписываемых Цамблаку, в особенности сочинений, подписанных Григорием, игуменом обители Пантократоровой⁵⁶, вопрос о пребывании Григория Цамблака в Молдавии). Решение этих вопросов биографии и творчества Цамблака весьма важно для исследования истории болгарской, сербской, русской и молдавской литератур, для изучения средневековых культурных связей — русско-болгарских, болгаро-сербских, болгаро-молдавских и русско-сербских.

⁵⁶ В. С. Киселков. Проуки. . . , стр. 258.

В. М. ЧЕРНОВ

**МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ДОКАЗАННЫМ,
ЧТО ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ ЯВЛЯЕТСЯ ИСТОЧНИКОМ
V И IX ГЛАВ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ?**

Источниками Соборного Уложения являются: 1) правила святых апостолов и святых отцов и градские законы; 2) судебники; 3) царские указы и боярские приговоры, не противоречащие судебникам; 4) статьи, по которым не было указа или боярского приговора (судебная практика)¹.

Кроме этих четырех источников, составители Соборного Уложения знали еще один, о котором имеются пометки на подлинном свитке Соборного Уложения — «из Литовского».

В. М. Строев, написавший первую монографию о Соборном Уложении, полагал, что составители его этой пометкой отмечали заимствование из Литовского Статута, и поэтому считал Литовский Статут пятым источником Соборного Уложения². Статей на подлинном свитке с пометкой «из Литовского» насчитывается 56³.

Последующие исследователи Соборного Уложения были согласны с его мнением.

М. Ф. Владимирский-Буданов на основании свода материалов о Соборном Уложении, собранных С. А. Пахманом в «Истории кодификации» и вскрывших ряд неясностей и неточностей в сведениях об этом памятнике, написал работу об отношении Литовского Статута и Соборного Уложения и подвел прочную базу под этот его источник.

¹ Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. «Памятники русского права», вып. 6, под ред. К. А. Софроненко, М., 1957, стр. 19.

² В. М. Строев. Историко-юридическое исследование Уложения царя Алексея Михайловича. СПб., 1838, стр. 27.

³ И. Е. Забелин. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачева, кн. I. М., 1850, отд. II, стр. 17—18; Г. Шмелев. Об источниках Соборного Уложения 1649 г. «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, № 10, стр. 379.

По его мнению, II—V, VII и IX главы составляют целиком или частично буквальный перевод или довольно точный пересказ Статута ⁴. При наличии в X главе о суде характерных черт московского права, заимствований в ней значительно больше, чем указано Пахманом. Много заимствований из Литовского Статута содержится также в XXII главе. Из Литовского Статута приказы заимствовались до составления ⁵ Соборного Уложения. Заимствованные статьи подверглись большой переработке («Рецепция Статута в Уложение. . . самостоятельное творчество права») ⁶. Статут сохранил в обилии древние законы русского права. Он, как и Уложение, является частью русского права ⁷.

К. Верховский, вопреки мнению Владимирского-Буданова, считает, что заимствование из Литовского Статута могло быть сделано составителями Соборного Уложения и, полагая, что малейшее сходство дает право говорить об этом, указывает на гораздо большее количество статей, взятых из него, чем отмечено Владимирским-Будановым ⁸. По Гр. Шмелеву из Литовского Статута заимствовано 172 статьи ⁹.

Большим событием в изучении источников Соборного Уложения было обнаружение И. И. Лаппо Литовского Статута, переведенного в XVII в. на русский язык. Этот список, названный Московским переводом-редакцией, заставил пересмотреть вопрос о времени заимствования из Литовского Статута. Хотя Лаппо считал, что перевод-редакция Статута не повлиял на Соборное Уложение ¹⁰, А. В. Соловьев, сопоставляя перевод и другие списки Литовского Статута с Соборным Уложением, пришел к следующему выводу: 1) из него заимствовано 60 статей, 2) есть заимствования из Эрмитажного списка и 3) самое большое количество заимствованных из Литовского Статута статей взято из его издания на западно-русском языке (Мамоническое издание) ¹¹. Своеобразное объяснение сходства статей Соборного Уложения с артикулами Литовского Статута мы находим у одного из первых собирателей памятников старины Н. В. Семенова. Им обнаружен ряд правовых институтов, сходных не только у Соборного Уложения и Литовского Статута, но и у других юридических памят-

⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Об отношении между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г. «Сборник государственных знаний», т. IV, СПб., 1877, стр. 5—28.

⁵ Там же, стр. 30—32.

⁶ Там же, стр. 21—24.

⁷ Там же.

⁸ К. Верховский. Источники Уложения царя Алексея Михайловича. «Юридический вестник». М., 1889, т. 3, кн. 2, стр. 370—372.

⁹ Гр. Шмелев. Об источниках Соборного Уложения 1649 г. «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, № 10, стр. 379.

¹⁰ И. И. Лаппо. Литовский Статут в московском переводе-редакции. «Журнал Министерства народного просвещения», 1914, № 2, стр. 233.

¹¹ А. В. Соловьев. Вновь открытый московский перевод Литовского Статута. «Исторические известия», 1917, № 1, стр. 39—44.

ников Московского государства и Литвы, составленных до Соборного Уложения. Н. В. Семенов после всех размышлений о взаимоотношении юридических памятников Московского государства и Литвы пришел к выводу, что «обычное русское право в XV, XVI и XVII столетиях постоянно сохранялось одинаково как в Восточной, так и в Западной Руси. . . сходство. . . свидетельствует не одну простую выписку статей подобных. . . но что законы сии заимствованы из одного родного источника, т. е. из обычного русского права общего. . . Западной. . . и Восточной Руси»¹².

Таким образом, на заимствование из Литовского Статута наметились две точки зрения: 1) он был источником многих статей Соборного Уложения, 2) «сходство. . . свидетельствует, что законы. . . заимствованы из одного родного источника, т. е. из обычного русского права общего. . . Западной. . . и Восточной Руси».

Профессор С. В. Юшков эти точки зрения объединил так: Литовский Статут был источником Уложения, но «в буржуазной литературе часто до крайности преувеличивали значение иноземных источников Уложения (византийского и литовского). Забывали, что литовское право является системой русского права, системой, развившейся из основных начал Русской Правды: Литовский Статут и составлен был на русском языке»¹³. Такого же мнения держится доктор юридических наук К. А. Софроненко: «К числу главных из них [источников] следует отнести и Литовский Статут. . . сам Литовский Статут основывался на началах Русской Правды, был написан на русском языке, поэтому литовское право является системой Русского права»¹⁴.

Мнение о заимствовании статей Соборным Уложением из Литовского Статута плохо увязывается с происхождением их от одного общего источника — обычного русского права. Невольно возникает вопрос об установлении существования общих для Западной и Восточной Руси норм русского права, а также о пересмотре аргументов, устанавливающих заимствование.

В 1958 г. автор настоящей работы, критически рассмотрев некоторые положения сторонников заимствования, пришел к выводу:

1. Фраза «А буде кто» есть не переделка «Кгды бы кто», но оба эти выражения развились из начальных фраз Русской Правды.

2. Казуальность Уложения не заимствована из Статута, а присуща правотворчеству в Московском государстве конца XVI и начала XVII в.

¹² А. В. Семенов. О сходстве древних узаконений Восточной и Западной Руси. «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 19, 1854, стр. X—XI.

¹³ С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1, М., 1950, стр. 255.

¹⁴ Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., стр. 12—13.

3. Мнение М. Ф. Владимирского-Буданова, что «система Уложения есть система Статута», неосновательно.

4. У М. Ф. Владимирского-Буданова были очень веские основания отрицать заимствование из Статута в момент составления Уложения.

Усомнившись в заимствовании из Литовского Статута, мы высказали предположение о возможности допустить «происхождение Соборного Уложения и Литовского Статута от одного общего основания, положив в основу идею развития русского права одновременно как на Западе, так и в Восточной Руси»¹⁵.

В нижеприводимом разборе источников V и IX глав Соборного Уложения предпринимается попытка найти корни общего русского права, существовавшего до составления Литовского Статута и Соборного Уложения.

1

Пятая глава Соборного Уложения состоит из двух статей, сходных с 17-м артикулом 1-го раздела Литовского Статута, что видно из их сопоставления.

Соборное
Уложение¹⁶

Литовский
Статут¹⁷

Московский
перевод-редакция
Литовского
Статута¹⁸

Глава 5, статья 1

Раздел 1,
артикул 17

Статья 1,
глава 17

«Которые денежные мастера учнут делати медныя, или оловяныя, или укладныя деньги, или в денежное дело, в серебро учнут прибавляти, медь, или олово, или свинец, и тем государеве казне учнут чинити убыль, и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертью залити горло».

«Тех, хтобы монету нашу фалшовал переправовал и обрезывал так теж мышцары наши которие, золото, серебро, и иньшую матерю нележащую и прислухающую, ку мынцы фальшовали бы зливали мешали ку пожитку своему а ку шкоде речи посполитое, а того бы се на них досветчоно тые мають быти на горле огнем карани без милосердыя».

«Такожде естли бы кто золотые или яфимки обрезывал и какие ни будь деньги портил, или бы денежные мастера наши в золото и в серебро меди или олова примешивали для своей бездельной корысти».

¹⁵ В. М. Чернов. К вопросу о влиянии Литовского Статута на Соборное Уложение. «Краткие сообщения Института славяноведения», (далее—КСИС), 1958, № 24, стр. 83—89.

¹⁶ Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., стр. 44.

¹⁷ Статут великого князства Литовского 1588 г. «Временник имп. Московского об-ва истории и древностей российских», кн. 19. М., 1854, стр. 17—18.

¹⁸ И. И. Лапко. Литовский Статут в московском переводе-редакции. «Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1915 г.», вып. 28. Пг., 1916, стр. 47.

«А будет золотых и серебряных дел мастера возмут у кого золотое и серебряное дело и учнут в золото и в серебро мешати медь же, и олово и свинец: и их по сыску за то бити кнутом. А что они кому учинят убытка тем, что в золото, или в серебро подмешают меди, или олова, или свинцу: и то на них доправя отдати тому, кому они такой убыток учинят».

потому ж и золотары которые золото серебро фальшуют, и межи того мешають, медь, цин, або олов а в том были бы дознани, тогда сами на горьле огнем мають быть карани, а з их маетности тому кому шкоду учинили маеть быть плачно, вежде работа тая и материя без которое бы тое ремесло их справовано быти не могло, подьлуг звьклости еето фальшомь разумно быти немаеть».

или какие ни будь золотари и серебряники в какое ни будь дело применяли меди и олова, и то бы на них сыскалося, и таких без милосердия и без пощады огнем жечь. А кому своим делом убыток учинят, и то заплатить из животов их».

Разница содержания статей V главы Соборного Уложения и 17-го артикула 1-го раздела Литовского Статута весьма существенна. По Соборному Уложению за порчу золотых и серебряных изделий бьют кнутом, по Литовскому Статуту — смертная казнь — залить горло металлом. По Соборному Уложению убыток взыскивается полностью, а по Литовскому Статуту орудия труда не идут в погашение долга. По Соборному Уложению в фальшивые деньги подмешивают медь, олово, свинец, а по Литовскому Статуту нет этой конкретности, сказано: «мынцы фальшовали». По Уложению фальшивые деньги делают медные, оловянные, укладные, по Литовскому Статуту «монету переправовал, обрзывал».

Столь большие изменения в 17-м артикуле 1-го раздела Литовского Статута в момент составления Соборного Уложения внести не могли. Поэтому мнению М. Ф. Владимирского-Буданова о более раннем заимствовании: «рецепция. . . предлагала уже готовой в указанных книгах приказов»¹⁹, — заслуживает большого внимания.

Для установления времени заимствования рассмотрим подробнее сходство и различия V главы Соборного Уложения и 17-го артикула 1-го раздела Литовского Статута, сравнивая нижеследующие сходные выражения:

Соборное Уложение
денежные мастера
в серебро учнут прибавляти
медь или олово
государеве казне учнут
чинити убыль
тех казнити смертию залити
горло

Литовский Статут
мынцары
золото, серебро, и иньшую
материю зливали мешали
ку шкоде Речи Посполитое
тые мають быти на горле
огнем карани

¹⁹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 30.

Золотых и серебряных дел мастера возмут у кого золотое и серебряное дело учнут мешати и их по сыску А что... кому учинят убытка... отдати тому...

золотары золото, серебро фальшуют... и мешают а в том были бы дознани кому шкodu учинили маеть быть плачно

Можно выделить их общую часть (протограф):

1. Которые денежные мастера (мынцары) в серебро учнут прибавляти медь или олово и тем государю (государевой казне) учнут чинити убыль (шкoda) тех казнити смертию залити горло.

2. Золотары возмут у кого золотое и серебряное дело, а учнут мешати медь же и олово, а будет дознано и то на них доправя отдати.

Протограф состоит из двух частей. В первой устанавливается наказание денежным мастерам за подмешивание примесей в серебряные деньги, а во второй говорится о взыскании с золотарей за недоброкачественное изготовление изделий из золота и серебра.

Такое постановление могло быть в любом русском княжестве, чеканившем свои деньги, что надо отнести ко времени до издания Литовского Статута и Соборного Уложения. Известны монеты различных князей Киевской, Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. Русские денежные знаки изготовлялись из серебра. О серебряных деньгах говорится в договорах и завещаниях князей. О них говорит араб Ибн-Батута²⁰. Лица, бравшие в долг деньги, назывались серебряниками. Естественно ожидать, что в каждом княжестве, имевшем свои монеты, в XIV и XV вв. оберегалась их полноценность суровостью меры наказания за подмешивание в серебро меди и олова.

Текстуальные различия таковы:

Соборное Уложение

«Которые денежные мастера учнут делати медныя или оловяныя или укладыя деньги... медь или олово или свинец... зато бити кнутом».

Литовский Статут

«Теж кто бы монету нашу фалшовал переправовал и обрезывал а того бы се на них досветчено... цын... ведже работа тая и материя без которое бы тое ремесло их спровавано быти не могло подьлуг звыклости ее то фальшомь разумно быти не маеть... сами на горле огнем мають быть карани».

В Литовском Статуте 1-я статья дополнена постановлением о тех, кто монету «переправовал и обрезывал», а 2-я статья —

²⁰ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. 1. СПб., 1884, стр. 302—303. «На день пути от этого города горы русских... из страны их привозят саумы, т. е. серебряные слитки, на которые продается и покупается (товар) в этом крае. Вес сауме пять унций».

определением наказания за недоброкачественное изготовление изделий из золота и серебра и указанием, что взыскание убытков не распространяется на орудия труда. Обе статьи объединены в один артикул. Вторая статья присоединяется к первой фразой: «потому ж и золотари. . .». В Московском переводе-редакции Литовского Статута эта связь двух разных статей разрушена, и переводчик излагает 17-й артикул логично и стройно в виде краткой единого содержания статьи. В Старом Статуте этого артикула нет.

Тексты Статутов в 1566 и 1588 гг. сходны. Поэтому надо полагать, что две статьи протографа существовали до 1566 г. и в этом году объединены в один артикул. В этом же году было запрещено изготовление денежных знаков без разрешения великого князя литовского. В 3-м артикуле 1-го раздела сказано: «мынцу без воли наше бил», что в Московском переводе-редакции переведено: «если бы кто без ведома нашего деньги делал». В этом же артикуле говорится об изменниках родине. Таким образом, лица, делавшие деньги, были причислены к этой категории преступников и наказывались смертной казнью. Одновременно с этим был отредактирован и 17-й артикул, карающий фальшивомонетчиков и золотарей.

В Соборном Уложении сохранились обе статьи протографа с дополнениями: 1-я статья — постановлением о наказании денежных мастеров за изготовление монет из меди, олова и укладных денег, а 2-я статья — определением наказания для золотых и серебряных дел мастеров за недоброкачественное изготовление изделий из золота и серебра.

Различия текстов Соборного Уложения и Литовского Статута значительны. Такие переделки текстов не соответствуют практике составления статей Соборного Уложения. Обычный порядок составления его состоял в выписывании решенных и нерешенных статей из приказных книг или судебныхников. Статьи выписывались полностью и лишь в нерешенных статьях к выписям добавлялась санкция. Здесь же мы видим переработку содержания.

Сличение V главы Соборного Уложения с грамотой в Пермь Великую от 10 февраля 1637 г. «Об учененном наказании делателям ложной монеты» устанавливает сходство некоторых выражений первой статьи с этой грамотой («денежное дело», «а иные. . . в серебре. . . мешали медь»).

Резко бросается в глаза своей простотой, конкретностью и выработанностью специальной терминологии слог Соборного Уложения и вышеназванной грамоты, указывающий на долгую применяемость положений V главы Соборного Уложения и длительную борьбу с фальшивомонетчиками («укладные деньги», «денежное дело», «учнут делати», «денежные мастера», «золотых и серебряных дел мастера», «убыток», «денежные воры», «деньги делали на чекапы медные»).

В грамоте «об учиненном наказании делателям ложной монеты» говорится о том, что «в прошлых годах и в нынешнем 145 г.» (1637 г. н. э.) обнаружены крупные организации фальшивомонетчиков в Москве и по другим городам.

Борьба с этими преступлениями велась долго и упорно. Был неудачный опыт заменить смертную казнь торговой, но эта мера не помогла и московское правительство снова решило применять смертную казнь.

Введение этой меры наказания было оформлено посылкой грамот по всем городам и объявлением их по торгам и селам. В целях борьбы с фальшивомонетчиками были установлены награды обнаружившим их, принесшим повинную и выдавшим своих соучастников.

Изменение наказания в 1637 г. отмечено соответствующей грамотой. Но если отмена торговой казни проведена грамотой, то и введение ее должно было быть оформлено тем же порядком. Следовательно, был указ о введении смертной казни, до нас не дошедший, но существовавший до царствования Михаила Федоровича.

В грамоте 1637 г. сказано: «А в прежних летех при прежних Великих Государех таким вором была казнь смертная, заливали тем их воровскими деньгами горло»²¹. «При прежних Великих государех», надо понимать — издавна, закон этот был московским, что подтверждается следующим сообщением Синодальной летописи, где под № 365 сказано: «В лето 7042 (1533 г. н. э.) сентября на Москве казнили многих людей в деньгах. . . а казнь была: олово лили в рот, да руки секли»²².

Московские приказные считали закон о фальшивомонетчиках своим старым законом и не заметить заимствования его из Литовского Статута в последней четверти XVI в. они не могли. Зная о заимствовании, они не преминули бы отметить это на подлинном свитке, но на нем соответствующих пометок не имеется.

Анализ текстов V главы Соборного Уложения и 17-го артикула 1-го раздела Литовского Статута приводит к мысли о существовании их общего протографа до 1566 г. Если предположить заимствование, то можно думать, что два положения — о наказании фальшивомонетчиков и взыскания с золотарей убытка — были в 1566 г. объединены в один артикул, а потом этот артикул в период 1566—1613 гг. заимствовали московские приказные, снова разделив на две статьи протографа и внеся в него дополнения. Более правдоподобным кажется другое предположение.

В XIV и XV вв. в отдельных русских княжествах, чеканивших свою монету, в целях борьбы за полноценность серебряных денег

²¹ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук», т. III, № 266.

²² Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., стр. 45.

могли применяться жестокие меры к денежным мастерам, изменившим количество серебра в монетах. Такое положение могло существовать во многих княжествах как Юго-Западной, так и Северо-Восточной Руси. Одновременно с этим разрешались князьями споры из-за недоброкачественного изготовления серебряных и золотых изделий и существовала практика, а может быть, и положения о разрешении этих претензий. В 1566 г. эти два положения были включены в Литовский Статут с некоторым изменением. В Московском государстве они находились в соответствующем приказе, а при составлении Соборного Уложения были включены в него в виде V главы.

2

IX глава Соборного Уложения состоит из 20 статей. Против 19-й статьи свитка Уложения написано: «Из указа 154 г.» (т. е. 1646 г. н. э.). Такого указа до нас не дошло. Сопоставление 1, 2, 19 и 20-й статей IX главы Соборного Уложения с указом 7150 г. (1642 г. н. э.) устанавливает почти дословное сходство с ним 19 и 20-й статей и одновременно этим же подтверждается образование их из указа 7154 г. (1646 г. н. э.), включившего в себя указ 7150 г. и другие постановления о мытах, так как трудно допустить, чтобы составители Соборного Уложения не знали о законе 7154 г., составленного за два-три года до составления Соборного Уложения, и ошибочно написали этот год на его свитке.

Сходство же 1 и 2-й статей Соборного Уложения с 30-м артикулом 1-го раздела Литовского Статута незначительно. Общий характер этих статей и 30-го артикула различен по содержанию. По Литовскому Статуту: «Князем. . . и шляхте. . . даем тую волю. . . везде ездити и продавать безмытно и безошплинно. . . пахотной хлеб». По Соборному Уложению запрещается «мыт и перевоз» брать со «служилых людей, с их людей и с запасов и с гонцов, которые посланы будут для государевых дел». Сходных текстов, конечно, нет. Сходство 3-й статьи IX главы Соборного Уложения с 30-м артикулом 1-го раздела Литовского Статута также отдаленное. Одинаковы субъекты: «люди», «крестьяне», но они рассматриваются в разных положениях. По Соборному Уложению устанавливается наказание за взятие мыта с хлеба служилого, если этот факт подтверждается присягой его людей. По Литовскому Статуту освобождается от мыта хлеб, если «люди» подтвердят под присягой, что он господский. 4—8-я статьи IX главы Соборного Уложения никакого сходства ни с 29-м, ни с 30-м артикулами 1-го раздела Литовского Статута не имеют.

15-я статья IX главы дополняет 14-ю статью. В Литовском Статуте ее нет. Сопоставление 1—8-й статей IX главы с 30-м артикулом 1-го раздела Литовского Статута установило, что этот артикул не был источником вышеназванных статей и мнение

М. Ф. Владимирского-Буданова о их заимствовании из Литовского Статута неправильно ²³. Сходство 9—14, 16—18-й статей Соборного Уложения с 29-м артикулом 1-го раздела Литовского Статута большое, что, по мнению А. В. Соловьева, доказывает заимствование 9—11, 14, 16 и 17-й статей IX главы Соборного Уложения из Литовского Статута через посредство его Московского перевода-редакции ²⁴.

Для того, чтобы согласиться с мнением А. В. Соловьева, необходимо установить следы возможной переделки текста 29-го артикула 1-го раздела Московского перевода-редакции Литовского Статута составителями Соборного Уложения.

Рассмотрим этот вопрос относительно каждой из вышеназванных статей.

Статья 9. Перечень объектов, на которых не было мыта и на которые новые мыта устанавливать нельзя, в статье 9 Уложения ближе к подлинному Литовскому Статуту, а не к его Московскому переводу-редакции.

Соборное
Уложение

Московский
перевод-редак-
ция, 29-й артикул,
1-й раздел

Литовский
Статут
1588 г., 29-й артикул,
1-го раздела

«А в которых селех и в деревнях и по дорогам на мостах, и на плотинах, и на реках, и на перевозех и на торгах истари мыта не было...»

«... Никаких мыт по вых на мостах, ни на перевозах, ни на дорогах, по торгам не вымышляти...»

«... Не смел новых мыт вымышляти... а ни на дорогах, ни на мостах, а ни на греблях, а ни на реках, а ни на перевозех, а ни в торгах, а ни на местечках и стодолах...»

В 9-й статье дается перечень мест, где истари мыта не было, а в Московском переводе-редакции — перечень мест, где запрещается «вымышляти» мыт.

В Московском переводе-редакции изложение статьи следует тексту Литовского Статута, в Соборном Уложении порядок изложения иной.

Вначале дается описание мест, где истари мыта не было, а потом запрещается в этих местах новые мыта «вымышляти». По Литовскому Статуту и Московскому переводу-редакции запрещается новые мыта «вымышляти» на мостах, перевозах, дорогах и торгах. 9-я статья конкретна и своеобразна. Трудно допустить, что она образовалась из менее конкретного текста Московского перевода-редакции и была потом исправлена по подлинному Литовскому Статуту со столь своеобразным от него отклонением.

²³ М. Ф. Владимирский-Буданов. Об отношении между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г., стр. 15—28.

²⁴ А. В. Соловьев. Вновь открытый московский перевод Литовского Статута. «Исторические известия», 1917, № 1, стр. 39—44.

10-я статья. Текст Московского перевода-редакции, соответствующий 10-й статье, есть сокращенный перевод Статута 1588 г. Поэтому по объектам 10-я статья отличается от соответствующего текста Московского перевода-редакции. В 10-й статье запрещается заводить вновь мыт, перевоз и мостовщину, а по Московскому переводу-редакции — вновь «вымышлять» мыт по дорогам и по торгам.

Соборное Уложение

Московский
перевод-редакция
Статута

«А кто мыт или перевоз, или мостовщину заведет вновь для своего пожитку своим вымыслом без указа, и у него то все взяти на государя».

«А естли бы *это* в своем именье каким нибудь обычаем мыто по дорогам и по торгам новое своим произволом, без нашей государской грамоты вымышлял, и то именье его отписать на Речь Посполитую и на нас, государя».

Второе серьезное различие — по содержанию. По статье 10-й «все взяти на государя», по Московскому переводу-редакции «и то именье отписать на Речь Посполитую и на нас государя». Не имело смысла вносить вставку «для своего пожитку» и выбрасывать «по дорогам и по торгам», «в своем именье какими ни будь обычаем», — такие обороты речи имеются в текстах других статей о мыте.

Указанные различия не дают основания считать 10-ю статью переделкой соответствующего ей текста 29-го артикула Московского перевода-редакции.

Более обоснованно мнение о происхождении 10-й статьи и ей соответствующего текста 29-го артикула 1-го раздела Старого Статута от одной основы в более раннее время, чем период составления Соборного Уложения.

Соборное Уложение

Старый Литовский
Статут,
21-й артикул, 1-й раздел

«А кто мыт, или перевоз, или мостовщину заведет вновь для своего пожитку своим вымыслом без указа, и у него то все взяти на государя».

«А хто бы колвек мел установляти новые мыта, тогда тое имене, у которм установил, тратит и спадает на нас господаря».

Общая часть: «А кто установит новые мыта, и у него то все взяти на господаря».

Интересно сходство: по статье 10-й — «взяти на государя», Старый Статут — «спадает на нас господаря». В последующих же литовских статутах — «отписать на Речь Посполитую и на нас Господаря».

11-я с т а т ь я. Московский перевод-редакция дает довольно точный перевод соответствующего 11-й статье текста 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута, но текстуально и по содержанию отличается от 11-й статьи Соборного Уложения.

С о б о р н о е У л о ж е н и е

«А которые мосты и перевозы за кем в вотчине, или в поместье, по жалованным грамотам из давных лет, и тем людям в тех своих вотчинах по дорогам гати и мосты и плотины починивати собою, и были бы у них те гати и мосты крепки, чтобы на тех мостах и гатех проезжим, всяким людям ни за чем простою и задержания и убытков не было».

В 11-й статье говорится о мостах и перевозах «издавних лет. . . за кем». Московский перевод-редакция говорит «о тех, кто мыто берет». По содержанию она отличается от Литовского Статута требованием хорошо исправлять мосты и гати, чего нет ни в подлинном Литовском Статуте, ни в его Московском переводе-редакции. Такие переделки едва ли могли быть сделаны составителями Уложения.

14-я с т а т ь я:

С о б о р н о е У л о ж е н и е

«А буде кто помещики, или вотчинники старые дороги потопят прудами или вспашут к своей земле для своей корысти: и тем помещиком и вотчинником вместо тех старых дорог, учинити на своей земле близко тех старых дорог, новыя дороги таковы же, каковы старыя дороги были, чтобы теми новыми дорогами всяким проезжим людям с тяжелыми возы ездити было мощно и не далеко».

Текст Московского перевода-редакции, соответствующий 14-й статье, очень сходен с ней до фразы «для своей корысти», но такое же сходство имеется и с подлинным Литовским Статутом. С этой фразы тексты сильно разнятся. Как видно из вышеприведенного сопоставления текстов, Московский перевод-редакция является сокращенным текстом 14-й статьи. В Уложении вся статья изложена типичным юридическим языком приказной практики. Язык Московского перевода-редакции типично бытовой.

М о с к о в с к и й
п е р е в о д - р е д а к ц и я
Л и т о в с к о г о С т а т у т а

«А у которых есть на тое мыто наши государские грамоты, и тем своим накладом в ыменьях своих по дорогам мосты и гати и рвы мостить и плотины починивать».

М о с к о в с к и й
п е р е в о д - р е д а к ц и я
Л и т о в с к о г о С т а т у т а

«А есть ли бы которые князи и бояре, и шляхты, и всяких чинов люди старые дороги прудами своими затопили или заорали для своей корысти, и вместо тех старых дорог новые дороги учинить, чтобы без убытку проезжим людям было как напрямее и чтобы с тяжелыми возы мощно было переезжати».

Можно полагать, что переводчик знал уже 14-ю статью IX главы Соборного Уложения, а поэтому и переводил текст соответствующего ей 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута свободно и сокращенно. Он даже не перевел из Литовского Статута фразы: «А к тому и иные стародавние дороги на именьях и на грунтех своих в местцах потребных поприговати, мост мостити, гати гатити, тые которые з стародавна людьми своими то робливали и впреде будут повинны».

16-я статья. Текст Московского перевода-редакции, соответствующий 16-й статье Уложения, является довольно точным переводом Статута, но резко отличается от 16-й статьи Уложения и по содержанию и текстуально.

Соборное Уложение

Московский
перевод-редакция
Литовского Статута

«А будет в чьем поместье или в вотчине на дороге проезд худ, на грязях гатей и на грязных реках мостов нет и истари не бывало, и тот помещик или вотчинник учтет бити челом, чтобы ему на тех грязных местех велети для проезду всяких людей, сделати мосты, а за протори его сбирати ему с проезжих людей мостовщину, против иных мостов и о тех новых мостех делати указ по досмотру и по сыску».

«А где бы в чией вотчине на дорогах злой проезд был, и тот бы шляхтич хотел те злые места мостами и гатями намащивать, и хотел бы ис того какой пожиток себе иметь, и тому шляхтичу об том бити челом нам, государю. А мы, государь, комисарем нашим велим про то сыскать и велим дать нашу государьскую грамоту, что ему от купцов и от иных проезжих людей мыто иметь, смотря по его накладу и по нашему государьскому рассмотрению, окроме тех людей, с которых по нашему уложению нигде мыт, ни перевозу, ни мостового иматъ не велено».

Такую большую переделку Московского перевода-редакции при составлении Уложения допустить трудно.

17-я статья:

Соборное Уложение

Московский
перевод-редакция
Литовского Статута

«А которыми реками суды ходят, и на тех реках прудов новых и плотин и мельниц не делати, чтобы по тем рекам новыми прудами и плотинами судового ходу не перепясти».

«И на реках портовых, где с судами ходят, чтобы никто прудов не загачивал, и плотин не сыпал к убытку торговым и всяким проезжим людем: так же и язов на таких реках не ставить».

Сходна первая часть статьи, хотя в ней есть разночтения, вторая же ничего общего не имеет. Едва ли был смысл переделывать Московский перевод-редакцию и в него вносить поправку по подлинному Литовскому Статуту.

Вышеперечисленные разночтения 9—11, 14, 16 и 17-й статей IX главы Соборного Уложения с 29-м артикулом Московского

перевода-редакции Литовского Статута не дают основания считать указанные статьи переделкой 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута и частично подтверждают мнение И. И. Лаппо: «сличение текста рукописи (М. п. р.) с текстом Соборного Уложения заставляет решительно отказаться от мысли, что первая (М. п. р.) заменила для последнего официальный текст Литовского Статута»²⁵.

Против этих статей нет пометок «из Литовского». Если бы составители Уложения пользовались Московским переводом-редакцией, то они отметили бы это на подлинном свитке Уложения, как делали относительно ряда других источников Уложения, в том числе и «из Литовского» в других статьях.

При большом сходстве содержания этих статей с 29-м артикулом 1-го раздела отсутствие пометки «из Литовского» можно объяснить лишь тем, что составители Уложения считали эти статьи своими — московскими.

Сличение стиля изложения по Соборному Уложению и 29-му артикулу 1-го раздела Московского перевода-редакции Литовского Статута устанавливает большие разночтения. Язык этих статей по Уложению конкретный, казуальный, с рядом специальных терминов, выработанных предыдущей практикой применения их в жизни. Язык же Московского перевода-редакции обычно бытовой, что до некоторой степени подтверждает предположение П. Я. Черных, «что изданная Лаппо рукопись перевода Литовского Статута относится к 1662 г.»²⁶, и она не была известна составителям Соборного Уложения.

Не соглашаясь с влиянием Московского перевода-редакции Литовского Статута на вышеназванные статьи Соборного Уложения, нельзя не признать большого сходства 9—14, 16—18-й статей IX главы Соборного Уложения с соответствующими текстами 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута, что видно из их сопоставления.

Различия по содержанию:

10-я статья от соответствующего текста 29-го артикула 1-го раздела отличается санкцией:

Соборное Уложение	Литовский Статут
«И у него то все взяти на государя».	«Тогда тое имене, у которого уставил, тратит и спадает на нас, господаря».

В 11-й статье против соответствующего ей текста 29-го артикула имеется дополнение: «И были бы у них те гати и мосты

²⁵ И. И. Лаппо. Литовский Статут в московском переводе-редакции XVII столетия. «Журнал Министерства народного просвещения», 1914, № 2, стр. 233.

²⁶ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г., М., 1953, стр. 37.

крепки, чтобы. . . проезжим. . . людям. . . простою. . . и убытков не было».

Почти такие же фразы дополнены в 12-й статье: «И велети тем вотчинником. . . зделати мосты и гати. . . чтобы. . . на тех мостах. . . проезжим людям. . . простою и убытков не было».

И в 13-й статье: «Приказывать верным головам. . . чтобы. . . мосты. . . паромы. . . суда и плоты были крепки. . . проезжим людям. . . простою и убытков не было» дополнено к соответствующим текстам 29-го артикула.

14-я статья. «А к тому иншие стародавние дороги на именьях. . . поправовати мосты мостити. . . людьми то робливали и в предь будут повинни».

16-я статья. «Так теж. . . мытники наши. . . часу праздников и сходов. . . мыт. . . вымышляти и брати не мають. . . кгвалт. . . и шкоды. . . оправити».

18-я статья. «Хто бы. . . хотел. . . местечко новое садити, то ему вольно будеть учинити и торговое в нем водлук давнего звыклого обычаю. . .»

Эти отличия по содержанию не изменяют основной общей части 9—14, 16—18-й статей IX главы Соборного Уложения и 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута, но текстуальные различия в общей части все же значительны.

Сходные тексты, фразы и слова:

Соборное Уложение

Литовский Статут

9-я статья. «. . . Новых мытов никому не вымышляти. . . опричь тех мест, в которых. . . изстари были»

10-я статья. «А кто мыт. . . заведет вновь».

11-я статья. «А которые. . . по жалованным грамотам из давних лет. . . по дорогам гати и мосты и плотины починивати собою. . .»

12-я статья. «А буде кто. . . мостов и гатей и плотин починивати не велят».

13-я статья. «Верные головы и целовальники. . . те убытки. . . взяти на верных головах и целовальниках».

14-я статья. «А будет кто. . . старые дороги потонят прудами или вспашут. . . для своей корысти. . . новыми дорогами. . . проезжим людям с тяжелыми возы ездити было мощно».

16-я статья. «А будет в чьем поместье или вотчине на дороге проезд худ. . . учнет бити челом».

«Несмел новых мыт вымышляти кроме которые бы были астародавна уставлены».

«А хто бы. . . смел. . . уставляти мыто. . . новые».

«А которые здавна за привильями и листами нашими. . . на дорогах, гати, мосты, грабли, ровы, напрововати мають».

«А где хто мостов, гатей, грабель направленных не мел».

«А старостове, державцы. . . тогды шкodu и наклад. . . винни будуть платити».

«А которые. . . старые дороги ставы своими затопили або заорали привлащаючы себе пожитки. . . таковые дороги новые. . . жебы з возы тяжкими везде безпечный переезд был».

«А где бы чием именем. . . злый переезд был. . . тот мает се до нас государя утечы».

17-я статья. «А которыми реками суды ходят. . . прудов новых и плотин. . . не делати. . . судового ходу не переняти».

18-я статья. «А будет кто на такой реке плотину и сделает и ему у той плотины для судового ходу сделати ворота. . . А мытов бы на тех новых езах и на прудах и на плотинах отпюдь не было».

«А на реках портовых. . . ставов новых ставити и грабель сыпати ку переказе порту и спусту не мають».

«Хто бы ставил, тогда пред се маеть местна заставляти, а новых мыт абы на реках портовых на ставех и на граблях не было, так теж на езах».

Приведенные сходные тексты дают возможность выделить общую часть IX главы Соборного Уложения и 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута:

9-я статья. Новых мытов никому не вымышляти и не уставляти.

10-я статья. А хто бы уставят новые мыта, то все взяти на господаря.

11-я статья. А которые здавна за привилеями (жалованными грамотами издавних лет) и тем в своих имениях (вотчинах) по дорогам гати и мосты и плотины починивати собою.

12-я статья. А где хто мостов, гатей, грабель (плотин), направленных не мел, а кому бы на тех местъцах шкода стала (учнут какие убытки чинится) волен будет шкоду оправити (все убытки проезжим. . . взяти).

13-я статья. А старостове, державцы наши если бы дорог не поправовляли на именьях наших, тогда шкоду и наклад винни будуть платити.

14-я статья. А будет кто старые дороги потопят прудами или заорут для своей корысти: и (им) учинити новые дороги, чтобы всяким проезжим людем с тяжелыми возы ездить было мощно.

16-я статья. А будет в чьем именьи (вотчине) на дороге проезд худ (злой) и тот учнет бити челом, чтобы ему велети зделати мосты. И о тех новых мостах делати указ по досмотру.

17-я статья. А которыми реками суда ходят (портовые) и на тех реках прудов новых и плотин не делати, чтобы судового ходу не переняти. А новых мыт абы на реках портовых (которыми суды ходят) и на ставах и на граблях и на езах не было (не должно быть).

Сходные тексты и фразы указывают также на близость языка IX главы и 29-го артикула, а некоторые из этих фраз сходны с фразами княжеских договоров XIV—XV вв., привилеев и некоторых других документов того же времени:

Вышеприведенные сопоставления текстов устанавливают:

1. Общая часть IX главы Соборного Уложения и 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута написана на русском языке, сходном с памятниками XIV и XV вв. как Северо-Восточной, так и Юго-Западной Руси.

Соборное Уложение Литовский Статут Договорная грамота Уставная подтв. грамота в к. Василия Дмитриевича и удельных князей Владимира Андреевича и др.²⁷ жителям Киевской земли 1507 г. декабря 8²⁸.

9-я статья

«А в которых селех... «Не смел новых мыл вы- изстари мыта не бывало и *мышляти*... а ни на доро- в тех местах новых мытов гах... *кромь*, которые бы- никому не *вымышляти* и вали *эстародавна устав-* не заводити... *опричь* тех *лены*, або мели бы на то мест, в которых... *изстари* листы *продков наших* або *были кому жолованья гра-* *моты даны*».

Соборное Уложение

11-я статья

«А которые... из давних лет и «А которые здавна... тые... в тых тем... по дорогам гати и мосты именьх своих на дорогах гати, и плотны починивати собою и были мосты, грабли, ровы, направовати бы у них те гати и мосты кренкчи. мають»

12-я статья

«А будет кто мостов и гатей плотин починивати не велят... а у проез- жих... учнут какие убытки чинитися и у служилых людей... потонут или погрязнут лошади и те все убытки взяти».

Литовский Статут

Судебник Казимира 1468 г.²⁹, статья 25

«Где которые мосты мошчили за дялю нашего, за в. к. Витовта, и за в. к. Яжигмонта, тут бы и ныне каждый свои мостыничи замостили и заделали как надобе; а штобы не мешкали...»

«А на чьей делници шыкода ся ста- неть, конь ся образити, ногу изло- мить: тому платити».

²⁷ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук», т. I, СПб., 1836, № 14.

²⁸ М. Ф. Вл ад и м и р с к и й - Б у д а н о в. Христоматия по истории русского права, изд. 3, доп., вып. II. Киев—СПб., 1887, стр. 60.

²⁹ Там же, стр. 45;

2. Источником 9, 10, 11 и 12-й статей IX главы Соборного Уложения являются нормы русского права, отмеченные в княжеских договорах и привилегиях XIV и XV вв. Что в сопоставляемых источниках лежат нормы русского права, особенно подчеркивает сходство содержания текста 30-го артикула 1-го раздела Литовского Статута: «Тым же обычаем и с лесные товары» (что переведено в Московском переводе-редакции: «Такожде и о лесных покушках на домовое строенье») с жалованной грамотой 1539 г. от 21 сентября: «А коли повезут те крестьяне монастырские дрова.. и наместницы. . . с лесу мыта и всякой пошлыны не имут»³⁰.

Положение жалованной грамоты отражено в 30-м артикуле 1-го раздела Литовского Статута и не отражено в IX главе Соборного Уложения.

Содержание 20 статей IX главы Соборного Уложения неоднородно. Статьи 1—8, 19 и 20 более позднего происхождения, чем статьи 9—18, что видно из следующего:

1. Статьи 19 и 20 частично повторяют положения 9, 10-й статей — «новых мыт не замышляти», 14-й статьи — «старые дороги затопить прудами» и 16-й статьи — «учнут бити челом» об устройении новых мостов и перевозов, но эти вопросы 19 и 20-й статьями разрешаются по-новому, с тенденцией упразднения мыта.

2. Против статьи 19 в подлинном списке помечено: «Из указа 154 г.» Текст 19 и 20-й статей почти тождественен с указом 7150 г.

3. Села и деревни по 9—18-й статьям принадлежат помещикам и вотчинникам, а в 1 и 7-й статьях дается длинный перечень чинов Московского государства — владельцев вотчин и поместий.

4. 9—18-я статьи являются уставом о старых и новых мытах и о благоустройстве дорог.

В 1, 2 и 8-й статьях освобождаются от мыта, мостовщины, перевоза и постоянного дворяне, дети боярские, иноземцы, всякие служилые люди, их люди и запасы и гонцы. Этот указ дополняет устав о мытах и имеет тенденцию ограничить мыт. Следовательно, он составлен после.

Источником 1—8, 19 и 20-й статей IX главы являются жалобы служилых людей и указы, изданные с целью удовлетворения их просьб. Составление этих статей надо отнести к концу царствования Михаила Федоровича и началу царствования Алексея Михайловича.

Устав о старых и новых мытах и о благоустройстве дорог (9—18-я статьи), надо полагать, сложился в XV в. в то время, когда в Северо-Восточной Руси не знали московских чинов и государи великих княжеств боролись с неограниченной властью удельных князей, вотчинников и помещиков.

³⁰ «Памятники русского права периода укрепления русского централизованного государства XV—XVII вв.», вып. 4. М., 1956, стр. 114.

Мыт, косвенный налог, был известен еще в XII в. С. В. Юшков считает, что «к числу древнейших пошлин надо отнести и пошлины торговые. Среди них на первом месте должен быть поставлен так называемый мыт. Эта пошлина взималась при всякой продаже особым должностным лицом — мытником. . . с течением времени стали специализироваться сборы от продажи и появились пошлины называемые «корчмыты», «торговое», «перевоз»³¹.

В жалованных и уставных грамотах XIV—XV вв. о мытах часто говорится, как об очень важном косвенном налоге.

В уставной двинской грамоте 1398 г. мыт в перечне косвенных налогов указан на втором месте: «Ино им не надобе. . . тамга, ни мыт, ни костки. . . ни иные некоторые пошлины»³², а в жалованной грамоте новгородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю 1410—1417 гг. мыт в перечне косвенных налогов стоит на первом месте: «А опричь того не надобе им ни мыт, ни тамга, ни бережное. . .»³³.

С. М. Соловьев, характеризуя внутреннее состояние русского общества 1228—1462 гг., отмечает: «Постоянные же доходы княжеские состояли по-прежнему в пошлинах торговых, судебных и доходов с земельной частной собственности». И далее:

«Торговые пошлины в княжеских договорах определяются таким образом: князья требуют обыкновенно друг от друга, чтобы новых мытов не замышлять, старые же, обычные мыты состоят в следующих сборах. . .»³⁴, далее идет перечень этих сборов.

Этот перечень ярко рисуется нижеприводимыми двумя выписками о мытах из княжеских договоров и выпиской из жалованной грамоты 1381 г. Договор в. к. Рязанского Олега с в. к. Дмитрием Ивановичем: «А мыты ны держати давши пошлыи, а не пошлыи мытов и пошлын не замышляти; а мыта с воза. . .»³⁵.

В договорной грамоте в. к. Василия Дмитриевича и удельных князей Владимира и Юрия Дмитриевичей с тверским в. к. Михаилом Александровичем 1398 г. сказано: «А новых ти мытов не замышляти; а на старых ти мытех имати с возу по мортке обеушной, а костки с человека мортка; а поедет на верое с торговлею, ино мортка же, а кто промытися, ино с воза промыти по шестидесят, а заповеди шестдесят одни колько бы возов ни было; а про мыта то, где объедет мыт; а проедет мыт, мытника у завора не будет, мыта и промыты нет, а стижет его мытник, ин возьмет

³¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. «Курс истории государства и права СССР», т. 1. М., 1949, стр. 389.

³² «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук», СПб., 1836, № 13.

³³ Там же, № 17.

³⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, т. 4. М., 1960, стр. 493.

³⁵ «Собрание государственных грамот и договоров», ч. 1. М., 1813, № 32.

свой мыт, а промыты и заповеди нет. А с лодии пошлин с доски по 2 алтына всех пошлин. . . а с струга алтын. . . а оже имет торговати, а поедет мимо, знает мыт да костки. . . а поедет без торговли с того мыт и пошлин нет»³⁶.

Договорная грамота в. к. тверского Бориса Александровича, его сына и братьев с в. к. Василием Васильевичем 1451 г. гласит: «А новых мытов не замышляти, а на старых мытах имати пошлины с воза денга, а косток с человека денга же. . . а кто ся промытит, ино с воза промыты 6 алтын, а заповеди 6 алтын, колкобы возов ни было; а промыта то, кто объедет мыт; а проедет мыт, а мытника у завора не будет, ино промыта нет; а стижет его мытник, ин возмет свой мыт, а промыты и заповеди нету. . . а поедет без торговли, ино с того мыта нет и пошлин»³⁷.

В уставной Земской грамоте волостей Малой Понежки Выйской и Суры Двинского уезда 25 февраля 1552 г. сказано: «А как поедут к нам к Москве те пенежане. . . и по городам нашим наместницы и по волосем волостели и их пошлинники и наши приказчики городовые, и по мытом мытчики, и по рекам перевозщиком, и все пошлинники с тех излюбленных голов и земских людей мыта, и явки, и перевозчики перевозу, и иных некоторых пошлин на них не емлют, пропущают их везде без зацепки, не задержав»³⁸.

Эти три выписки дают ясную картину взимания косвенных налогов, из которых основной — мыт. Порядок этот столь прочен и ясен, что договоры 1398 и 1451 гг. говорят о мытах почти одними и теми же фразами и словами.

Что вышеназванный порядок сбора мыта и его установления относятся ко времени не позднее XV в., подтверждают:

Договорная грамота в. к. Дмитрия Ивановича с в. к. тверским Михаилом Александровичем (1368 г.): «А мыта ти имати и пошлины по старине у Новгородцев и у Новоторжцев. . . а мытов ти новых и пошлин не замыняти»³⁹. «По старине» указывает, что порядок их сбора известен давно до 1368 г.

Далее, привилей Киевской земли 1507 г.: «И теперь не потреб воеводам нашим мыт новых уставляти, низь ли старые звечны мыта мають браны быти по давному, бо мы старины не рушаем, а новины не вводим хочем все по тому мети, как будет было за в. к. Витовта. . .»⁴⁰. Фразы «старые звечны мыта», «браны по

³⁶ «Акты. . . Археографической экспедиции», т. 1, № 14.

³⁷ «Собрание государственных грамот и договоров», ч. 1, № 76—77.

³⁸ «Памятники русского права периода укрепления русского централизованного государства XV—XVII вв.», вып. 4, стр. 197.

³⁹ «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел», ч. I, М., 1813, № 28, первый столбец.

⁴⁰ М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, вып. II, стр. 60.

давнему», «старины не рушаем», «хочем. . . по тому мети, как будет было за в. к. Витовтом» надо понимать как доказательство установившегося порядка сбора мыта задолго до XV в., так как Витовт княжил с 1392 до 1430 г.

Таким образом, древняя косвенная пошлина, известная с XII в. под именем мыта, перевоза и мостовщины, в XIV—XV вв. была предметом большого внимания князей как русских, так и литовских, и к этому времени была выработана определенная, давно установившаяся система размеров и сбора их. Возможно, в это время существовало соответствующее положение о мытах, до нас не дошедшее.

Надо полагать, что такой же древности, как и мыт, должны быть и обязанности содержать в исправности мосты, перевозы, плотины, дороги и нести ответственность за убытки, вызванные плохим состоянием дорог.

С. В. Юшков говорит: «Среди других повинностей памятники говорят о мощении улиц и о постройке городских укреплений. С течением времени возникли должности городников и мостников, которые наблюдали над выполнением этой повинности населения. Эти должностные лица получали установленное в Русской Правде вознаграждение (см. статьи 42/43 Акад.)»⁴¹ 43 ст. Акад. и 109 ст. Кар. списков Русской Правды устанавливают — мостник, помостивши мост, получает определенное вознаграждение за труд и имеет право пользоваться двумя конями для себя и отрока. Мостнику установлены определенные уроки — вознаграждение за труд. Его с отроком население должно перевозить. Про эту систему говорят и жалованные грамоты: например, жалованная грамота белозерского князя Михаила Андреевича Феррапонтовой пустыне: «И тем людям ненадобе им моя дань на десять лет, ни городное дело, ни ям, ни проводы. . . ни иные никоторые пошлины»⁴²; жалованная грамота Ивана IV игумену Иосифо-Волоколамского монастыря 1539 г. 21 сентября: «И тем монастырским крестьяном не надобе моя, великого князя, дань, ни оброк, ни ямские деньги, ни подводы, ни посешная служба, ни *городовое дело*, ни мыт, ни тамга»⁴³.

«Городовое дело» нельзя понимать узко — работы по укреплению городов, как это считает С. М. Каштанов⁴⁴, но сюда относилось мощение улиц, устройство и исправление мостов, плотин, дорог, что следует из содерж. ст. 43 Ак. и 109 Кар. списков Русской Правды⁴⁴. О том, что князья требовали от вотчинников и помещиков следить за исправностью мостов, плотин и дорог,

⁴¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 387.

⁴² «Акты. . . Археографической экспедиции», т. 1, № 31.

⁴³ «Памятники русского права периода укрепления русского централизованного государства XV—XVII вв.», вып. 4, стр. 12.

⁴⁴ Там же, стр. 147.

свидетельствует судебник короля Казимира 1468 г. 29 ф.: «А також, где которы мосты мощивали за дядю нашего, за в. к. Витовта. . . тут бы и ныне каждый свои мостыници замостили и заделали, как надобе; а што бы не мешкали, сего жь лета уделали. А на чией дельници шькода ся станеть конь ся образить ногу изломить: тому плотити. А так ли которым не заделают своих дельниц сего лета, а исплошаться: тот ис права выступил; на том нам вины десять рублей»⁴⁵.

В уставе о старых и новых мытах и о благоустройстве дорог — два основных положения:

1) новых мыт не замышлять,

2) если вотчинники и помещики старые мыта берут, они обязаны следить за исправностью дорог, мостов и плотин и нести ответственность за вред, причиненный проезжему вследствие их неисправности.

Из вышесказанного следует, что оба эти положения были хорошо известны в Юго-Западной и Северо-Восточной Руси еще до XVI в. Тексты и свидетельства исторических памятников о мыте и благоустройстве мостов, плотин и дорог совпадают между собой, подтверждают друг друга и устанавливают, что общая часть 9—14, 16—18-й статей IX главы Соборного Уложения и 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута существовали и имели практическое применение в Юго-Западной и Северо-Восточной Руси до составления Литовского Статута.

Считая правильным мнение М. Ф. Владимирского-Буданова о том, что эти статьи были известны приказам до издания Соборного Уложения⁴⁶, нельзя не отметить, что его мнение о заимствовании из Литовского Статута противоречит всему вышеизложенному.

Доказательства заимствования Соборным Уложением из Литовского Статута весьма основательны: 1) сходство содержания 9—14, 16—18-й статей IX главы Соборного Уложения и 29-го артикула 1-го раздела Литовского Статута; 2) Литовский Статут составлен в 1566—1588 гг., позже Соборного Уложения. Но эти соображения формальны, так как хорошо известно, что до Литовского Статута в Западной Руси и Литве применялось русское право, Литовский Статут написан на русском языке и в его 1-м артикуле IV раздела сказано: «Писарь земский должен писать все бумаги, выпиши и позывы по-русски», а в 37-м артикуле: «Воеводы и судовые старосты имеют. . . выбрать. . . в помощь себе наместника или под старосту городского судью и писаря,

⁴⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, вып. II, стр. 45.

⁴⁶ М. Ф. Владимирский-Буданов. Об отношении Литовского Статута и Соборного Уложения. «Сборник Гос. Знаний», т. IV, СПб., 1877, стр. 15—28.

людей честных. . . знающих право и грамматику русскую (в праве и письма русского умеетных)»⁴⁷.

Отсюда ясно, почему Литовский Статут богат русскими нормами права, и естественен вопрос: не произошли ли от этого русского права, хорошо известного литовскому праву, статьи 9—14, 16—18 IX главы Соборного Уложения?

Есть мнение, что выписки из Литовского Статута были в обращении в разных приказах. А не могли ли быть в приказах списки норм русского права, существовавшего еще в XIV—XV вв., а потом вошедшие в Соборное Уложение? Этому вопросу никто не ставил и не исследовал, но приведенные выше соображения заставляют пересмотреть вопрос об источниках статей Соборного Уложения, сходных с артикулами Литовского Статута.

А. В. Соловьев, стремясь увязать все существовавшие мнения об источниках статей Соборного Уложения, сходных с соответствующими артикулами Литовского Статута, считал:

1. Источником некоторых статей Соборного Уложения был Московский перевод-редакция Литовского Статута.

2. Часть статей сходна с соответствующими статьями Эрмитажного списка-выписки из Литовского Статута.

3. Иные статьи Соборного Уложения ближе к подлинному Литовскому Статуту Мамонического издания⁴⁸.

Выше выяснено, что 1) нет достаточных оснований считать источником 9—14, 16—18-й статей IX главы Соборного Уложения Московский перевод-редакцию; 2) Эрмитажный список в настоящем случае не может считаться источником, так как в нем излагаются нормы уголовного права; 3) статьи же Соборного Уложения близки по содержанию к артикулам Литовского Статута могли быть не только потому, что они заимствованы из Литовского Статута, но и вследствие происхождения от общего с Литовским Статутом источника.

* * *

До сих пор Литовский Статут считался источником Соборного Уложения, но не ставился вопрос о времени и причинах заимствования. Не ставился также вопрос о возможном существовании общего источника Соборного Уложения и соответствующих статей Литовского Статута. Без разрешения этих вопросов заимствования из Литовского Статута нельзя считать доказанными.

⁴⁷ Статут великого князства Литовского. 1588 г. «Временник имп. Московского об-ва истории и древностей российских», М., 1917, кн. 1, стр. 43; М., 1854, стр. 2.

⁴⁸ А. В. Соловьев. Вновь открытый перевод Литовского Статута. «Исторические известия», 1917, кн. 1, стр. 43.

Соборное Уложение

Указная Книга
земского приказа *
Указ 6150 9 марта

Глава IX, статья 19. *А которые люди всяких чинов, не бив челом государю, самовольством на своих на вотчинных и на поместных водах по дорогам забыли мыты и перевозы и мостовщины, и перевоз и мыт емлют самовольством вьновь, в которых местах наперед сего не бывало, а иные вновь поставили мельницы, и тем воду подняли, а прежде сего в тех местех бывали дороги и броды, и они теми запрудами дороги и броды отняли, и со всяких чинов с людей емлют перевоз и мостовщину и мыт: и тем перевозом и мостом и мытом впрядь не быти, и те мельницы и мосты и перевозы свести.*

Глава IX, статья 20. *А будет из тех людей, которые мельницы вновь поставили, учнет кто бити челом государю, чтобы у них мельниц не ломать: и тем мельницам по их челобитью быти. А велети им в тех местах, где бывали старыя дороги, сделати для проезду всяких людей мосты и перевозы устроити добры; а ездити теми мостами и перевозами всяких чинов людям, чей кто ни буди, без мостовщины и без перевознаго для того, что они мельницы по дорогам устроили, и перевоз завели, где преж сего не бывало, для своего пожитку самовольством, не бив челом государю. А будет они впрядь учнут мостовщину и перевоз или мыто имати, или впрядь мосту и перевозу у них не будет, и в том на них будут челобитчики, и сыщется про то допряма: и те их мельницы и заплоты сломати, чтобы теми их мельницами и заплотами дорога впрядь была не заперта, и служилым бы и всяким людям, чей кто ни буди, в проезде мешканья и убытка не было.*

9. *А которые люди всяких чинов, не бив челом государю, самовольством на своих на поместных и на вотчинных водах, по дорогам, завели мыты и перевозы и мостовщины, и перевоз и мыты емлют самовольством вновь, в которых местех наперед сего не бывало, а пыне вновь поставили мельницы и тем воду подняли, а бывали дороги и броды, а они теми запрудами дороги и броды отняли, и со всяких чинов людей емлют перевоз, мостовщину и мыт, и тем перевозом и мостом впрядь не быти и те мельницы и мосты и перевозы свезть.*

9. *А которые люди учнут бити челом, чтоб у них мельниц не ломать и тем мельницам их челобитью быти, а мосты им через дороги, где бывали старыя дороги, и перевозы устроить добрыя для проезду всяких чинов льдей, и теми их мостами и перевозом всяких чинов людям ездити без мостовщины, и перевозу, и мыты не имать, чей кто либудь, для того что они мельницы по дорогам строили и мыт и перевоз завели для своего пожитку самовольством, не бив челом Государю, где преж сего не было. А будет они впрядь учнут мостовщину и перевоз и мыты имать, или впрядь мосту и перевозу у них не будет: и те их мельницы и заплоты сломать, чтоб теми их мельницами и заплотами дороги впрядь были не заперты, и служилым бы и всяким проезжим людям, чей кто либудь, в проезде мешканья и убытку не было; да сверх того на тех Государево им наказанье и пепя взяти петьдесят рублей.*

* М. Ф. Владимирский - Буданов. Христоматия по истории русского права, вып. III, изд. 2, Киев, 1885, стр. 159-160.

В которых в государевых дворцовых селех и в черных волостях и в патриарших и в митрополичьих и в архиепископлих и епископлих и в монастырских вотчинах и бояр и околничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков и жильцов и дворян и детей боярских городовых и иноземцов и всяких чинов людей, в поместьях и в вотчинах, в селех и в деревнях мыты и перевозки: *и на тех перевозех и на мытах с дворян и с детей боярских и с иноземцов и со всяких служилых людей и с их людей и с запасов и с гонцов, которые посланы будут для государевых дел, мыта и перевозу и мостовщины ни где не имати.* И велел государь о том в Московском уезде и в городех учинити заказ крепкой, и послати свои государевы грамоты, что бы с служилых людей, с дворян, и с детей боярских и с иноземцов и со всяких служилых людей и с их людей и с запасов и с гонцов никто нигде мыту и перевозу и мостовщины не имал.

Глава IX, статья 2. А будет по мытом мятчики; и по перевозом перевозчики, и по мостом мостовщики с служилых людей и с их людей и с запасов и с гонцов учнут имати мыты и перевозки и мостовщину, *через сей го-*

Тажкоз ласки и добротели нашей государьской князем, паном, радам духовным и светским и шляхте в том государьстве нашем *даем тую волю: на водах и на дорогах, сииречь сухим и водяным путем, на торгах и на мостах, как в наших так и в их прямых вотчинах, везде ездити и продавать безмытно и без пошлинно вольно из их прямых гумен в вотчинах их пахатной хлеб, а не купленной, тажкоз и от подвод шляхетцких, которые и з запасы и с рухлядью ходят, от всего мыта и мостового не имать; а естли бы што продажного на тех подводах было, и от тово мыто и пошлыны имать. А будет при тех подводах самого шляхтича не будет, тогда служи их или приказные в мытнях наших головных, перед урядом нашим градским или перед писарем мытным, или где ни будь в мытнях наших повинни на том присягнуть, что прямо его домопахотный хлеб или боярина его: а што бутет прикупленного и то объявить; и на чом в одной мытне присягнет, в другой мытне не присягать, только выпись из тое мытне взять и в иных мытнях показывать; а подводы без присяги пропускать только з грамотами и с печатми бояр их. Тажкоз и о лесных покупках на домовое строение, и о иных куплях на прямой свой шля-*

Тажкоз ласки и добротели наше господарекое, князем, паном, радом духовным и светским, шляхте в том панстве нашем *дает тую волю: на водах, на дорогах то есть, сухим путем и воденым, на торгах и на мостех, так по именях наших, яко и по их властных, спущати, провадити, и продавати добровольные з их властных гумен, каждому его работы правдивое его збожье, а не купленное, от того не маеть быти мыто давано, так теж и от подвод шляхетских, которые з их властными речьми и збожем ходят, от того всего мыто и мостовое брано быть не маеть. А естли бы што купленного збожья и иных речей притом было, от того мають мыто платити, а ведь же сами особами своими, або где бых самых притом не было, тогда служи их або справцы от них притом посланы веры годные на мытах наших головных, где будет вряд кгородский або местьский перед врядом тым при бытности справцы albo писара мытного. А где вряду такового нет, ино перед справцою мытным мають при сегнути, што ест правдивое работы его домовое, а што теж прикупленное ротоу таковою яко ест нижей описано и кгде на одной коморе присяга учинена будет тогда вжо на иных коморах, не потреба будет при-*

сударев указ и боярской приговор: и тех людем на тех мытчиков и на перевозчиков и на мостовщиков бити челом государю, и про то, сколько с них кто возмет мыту и перевозу и мостовщины, спрашивати их по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всей Русия крестному целованию, кто имяны мытчики и перевозчики и мостовщики взяли с них мыто и перевоз и мостовщину, и сколько взяли. Да что которой челобитчик, дворянин или сын боярской, или иноземец про то скажет по государеву крестному целованию сам, а не люди их и не крестьяне: и по тем их скаскам на тех мытчиках и на перевозчиках и мостовщиках мыто и перевоз и мостовщина доправити втрое, и отдати тем людем, у кого взято будет, да тем же мытчиком и перевозчиком к мостовщиком учинити наказание, бити кнутом.

Глава IX, статья 3. А будет служилых людей запасы везли люди их и крестьяне без них не на продажу, а с тех или людей и крестьян мытчики и перевозчики и мостовщики возмут мыто и перевоз и мостовщину, и про то те их люди и крестьяне скажут, по государеву крестному целованию: и по тем люд-

хетский обиход и крестьяном их покупать, а не на продажу. А естли бы чье крестьяне везли где хлеб без листов и без печатей бояр своих, и у тех крестьян против уложения мостовое иметь. А присяга тем обычаем бывает: се аз имя рек, присягаю Господу Богу Всемогущему, в Троицы Единому, что тот товар или хлеб, который везу и здесь являю, прямой мой или боярина моего, домового заводу и паханья, и не купленный и не из чужего именья сподоблеой, только испрямо именья своего или боярина моего, или из закладного именья не на продажу и не для какой прибыли, только на прямой свой обиход или боярина своего, и того я, или боярин мой сторонним людем и крестьяном своим продавать не будет, на том мне, Боже, помоги.

сегать але пропущено маеть быти за квитом з оное первшое коморы взятым *, только за листы и печатями паном своих, тым же обычаем и о лесные товары, и о всякое господарство маеть се разумети и безъмытне пропущаны ** быти, так же и от того мыто на пляхте брано быти немаеть, хто з них што купивши на свою власную потребу и обыходомовый, а не на продажу никому обчому, албо и подданным своим, будь з маеть наших господарских, або заграничных паньств повезеть. А на мостех стародавних где перед тым што будеть давно, только от подвод таких, которые збожье перекупуючи на продажу без листов панов своих везуть, тые подле стародавнего обычаю мають давати мостовое. А присега таковым способом маеть быти чинена. Як присегаю пану богу всемогущему в тройцы единому, их тот товар або збожье, который спущаю албо везу и тут оповедаю есть властный мой або пана моего, господарства домового не скупованный, а ни с чужого именья способленный, але есть з властного именья своего, або пана моего, так ми пане Боже поможы. А тым же обычаем мають присегати отъменивши только слов тых, же

* а подводы без присечи мають быти пропущены.

** В жалованной тарханно-несудимой грамоте Ивана IV игумену Иосифо-Волоколамского монастыря (1539 г. сент. 21.) текст следующий: «А коли повезут те хрестьяне монастырские дрова... и наместницы... и с лесу мыта и всякого пошщины не имут» («Памятники русского права периода укрепления русского централизованного государства», вып. 4, с. 114).

ским и крестьянским скаскам на мытчиках и на перевозчиках и на мостовщиках мыто и перевоз и мостовщину по тому же взяти втрое, и отдати тем людем, у кого взято. А будет кто в челобитье в своем прибавит, что его на перевозе, или на мыту лаяли, и били, и грабили: и того искати судом, и в тех делах указ учинити по суду и по сыску.

Глава IX, статья 4. А будет которые московских чинов всякие люди, и городовые дворяне, и дети боярские, и иноземцы по мытом и по перевозом и по мостом учнут с собою провозити торговых всяких чинов людей с товары, а про то сыщется: и тех людей бити кнутом, да на них же взяти мыт и мостовщину и перевоз втрое, и отдати мытовщиком и перевозчиком и мостовщиком.

Глава IX, статья 5. А которые торговые всяких чинов люди по перевозом и по мытом учнут пролыгатца имяны служилых людей, и про то сыщется: и тем людем по тому же чинити наказание, бити кнутом и имати на государя пени по пяти рублей с чело-

века; а имати пени с таких людей на Москве и в городех, где на них о том будет челобитье.

Глава IX, статья 6. А в головах и в целовальниках в таможнях и на кабаках и на мытах и на перевозах и на мостах, которые таможи и кабаки и мыты и перевозки и мосты в городех, и в уездах, в государевых дворцовых селах и в черных волостях, опрочь посадских людей и дворцовых сел крестьян, ничьим людем и крестьяном не быти.

Глава IX, статья 7. Тако же и в зимнее время на реках от берегов и около мостов для мостовщины в городех и в государевых дворцовых селех и в черных волостях и в патриарших и в ми-

з заставного именья, або з державы доживотные товары албо збожье съпущаеть, албо везет, незакрываючи в том купцов впеля кого стану, которые звыкли лесы у иньших закуповати, и под титулом их стущати у гору идучи, иж тот товар везу лбо проважу на властную домовую потребу свою албо пана своего, не на жадную продажу, а ни на гандель, але на властный обыхов дому своего албо пана своего, чога я або пан мой обчим людем, а ни своим поданным продавати не маеть, та ми боже помози.

трополичьих и в архиепископлих и епископлих и в монастырских вотчинах и в боярских и окольных и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дьяков и жильцов и городовых дворян и детей боярских и дворовых людей в вотчинах и в поместьях льду не окалывати, и служилым и торговым и всяких чинов людем тем убытков не делати. А кто для своей корысти учнет мосты скалывати, а про те сыщется, и тем чинити наказание, бити кнутом, и пени имати, что государь укажет.

Глава IX, статья 8. Да и постоялово в дорогах, в селех и в деревнях, с служилых людей не имати, и о том...

В. И. ФРЕЙДЗОН

О БЕЛГРАДСКОМ «КОМИТЕТЕ» М. БАНА
(1860—1861)

Поражение Австрии в 1859 г. и объединение Италии способствовали подъему освободительного движения южных славян, подвергавшихся невыносимому гнету турецких феодалов и чиновников. В это же время Россия активизировала свою внешнюю политику, стремясь выйти из внешнеполитической изоляции и питая надежду в дальнейшем ликвидировать последствия Парижского трактата. Русский министр иностранных дел А. М. Горчаков с 1858 г. неоднократно обращался к европейским державам с предложением обсудить положение христианского населения Турции, однако его призывы не встречали сочувствия во Франции и наталкивались на враждебный прием со стороны Англии и Австрии¹. Несмотря на неудачу, Горчаков летом 1860 г. — после резни христиан в Ливане и Сирии — вновь настаивал на проведении реформ в Турции. Указанные демарши русской дипломатии пробудили в среде южнославянской национальной буржуазной интеллигенции (как в Турции, так и в Австрии) надежды на решительное содействие России делу национального освобождения южных славян. Осенью 1860 г. Австрия стягивала армию к итальянской границе. Новая австро-итальянская война, казалось, могла вспыхнуть в ближайшее время.

Между тем дипломатия Наполеона III энергично использовала факт объединения Италии для укрепления влияния французской буржуазии на Балканах. Русский автор частного письма из Белграда от 27 сентября 1860 г. писал: «А ведь политика Наполеона действительно творит чудеса!.. Куда ни взглянешь, всюду распространяется его влияние. В Сербии французские промышленники захватили горный завод «Майданецк» и толпы переселенцев идут из Франции селиться во внутренность княжества. Сербы,

¹ С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. «Славянский сборник». М., 1947, стр. 266.

насупив брови, недоверчиво всматриваются в новых пришельцев, а потом, послушав рассказы об освобождении Италии и о поражении австрийцев, начинают мало-помалу привыкать к своим гостям. . . Мне кажется даже, что сербы начинают сомневаться в разрешении восточного вопроса без помощи Наполеона; и мнение это разделяют не одни сербы. В Далмации и Кroatии — как мне говорил Иван Аксаков, путешествовавший по этим землям в качестве публициста, — увлечение Наполеоном дошло до того, что его называют прямо: императором юнаков (равносильно нашим словам: казак или молодец) и освободителем угнетенных народов. В Аграме появилась, как я слышал, брошюра на французском языке, в которой от имени Наполеона дают кроатам советы для поднятия против метрополии революционного знамени. В Боснии Наполеон сложился в народном воображении в какой-то миф: ему приписывают сверхъестественную силу и могущество. . . Мало того, венгры и кроаты посылают к Наполеону своих передовых людей. . . Славянам очень плохо, и Наполеон может весной 1861 г. поднять восстание в Боснии. . .»².

Одним из очагов национального движения югославян были Босния и Герцеговина, где волнения и локальные восстания народа против турецкого господства почти не прекращались. Среди австрийских югославян национальное движение развернулось прежде всего в Хорватии — Славонии и Воеводине, где пропагандировались идеи национального и югославянского единства. Весьма напряженным было положение в Венгрии. Австрийская империя переживала кризис, и многим наблюдателям даже казалось, что она вновь, как в 1848 г., находилась накануне революции. В связи с осложнением внешнеполитической обстановки правительство Сербии было озабочено подготовкой страны к возможным событиям весной 1861 г. (австро-итальянской войне, восстаниям в Австрии и Турции и т. д.). Сербская депутация в Константинополе вела переговоры с Турцией об изменении конституции (устава) княжества³. Сербское правительство стремилось укрепить свое влияние в турецких югославянских землях, но вместе с тем опасалось недовольства западных держав и Турции и летом 1860 г. препятствовало переходу вооруженных отрядов в Боснию. Население Сербии живо интересовалось, не воспользуются ли Сербия и Босния благоприятной обстановкой (внутриполитическими трудностями Австрии) для борьбы за освобождение. В донесении министерству от 6 (18) декабря 1860 г. русский генеральный консул в Белграде А. Г. Влангали выразил убеждение, что «при современном положении дел, если начнутся местные восстания в Турции, осман-

² Архив Внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1860 г., д. 78, лл. 36—41.

³ АВПР, ф. Главный Архив V-A₂, 1860 г., д. 244, л. 57

ским войскам удастся восстановить порядок, но если восстание христиан станет всеобщим, как на севере, так и на юге полуострова, если это случится, то турки неминуемо потеряют голову. . . Христианское население понимает это очень хорошо и ждет благоприятного момента — когда Австрия, которую боятся больше турок, будет занята революцией. Ежедневно распространяются различные новости. . .»⁴.

Всеобщее возбуждение, царившее в югославянских землях, успехи дела освобождения Италии, поиски правительством Сербии иностранной поддержки, активность русской дипломатии (в частности, демарши Горчакова) — все это создавало благоприятную обстановку для возникновения национально-революционных организаций. О деятельности одной из них — тайного комитета, созданного сербским литератором и публицистом Матией Баном в Белграде летом 1860 г., не раз говорилось в исторической литературе⁵.

История создания и деятельности тайного комитета Бана прослеживается в статье боснийского историка М. Экмечича.

Весной и летом 1860 г. небольшая группа деятелей из Сербии и Боснии, создавшая комитет, составила программу восстания в Боснии и присоединения ее к Сербии. В комитет вошли, кроме М. Бана, белградский чиновник Д. Голубович, босняки Н. Окан и З. Куртич. Организацию покровительствовал митрополит Михаил. Бан, нуждаясь в деньгах, вступил в переговоры с известным славянофилом И. С. Аксаковым, посетившим Белград в июле 1860 г. во время путешествия по югославянским землям. Аксаков согласился оказать помощь Бану из средств Московского славянского комитета для учреждения агентств вдоль боснийской границы. Эти агентства предназначались для связи с организациями в Боснии, наблюдения за турецкими силами, переброски вооруженных отрядов (чет) и оружия, подготовки всеобщего восстания против Турции. Восстание должно было начаться в момент, когда Австрия оказалась бы втянутой в войну. По сообщениям Бана, вскоре было создано 17 агентств (в Сербии, Хорватии—Славонии, Далмации) и развернулась их энергичная деятельность. В планы комитета был посвящен сербский князь Михаил. По замыслу Бана, сербское правительство, поддерживая комитет, не должно было открыто поощрять его деятельность. . . В связи с недостатком средств было решено обратиться за помощью к русскому правительству. Российскому посланнику в Вене В. П. Балабину был передан «Общий план» восстания,

⁴ АВПР, ф. Главный Архив V-A₂, 1860 г., д. 244, лл. 109, 113—114.

⁵ М. Е к м е њ и њ. Pokušaj organiziranja ustanka u Bosni 1860—1862. «Godišnjak Istoriskog društva Bosne i Hercegovine», IX, 1957. Sarajevo, 1958; В. В у ч к о в и њ. Неуспела политичка акција Матије Бана (1860—1861). «Историски часопис», IX—X (1959). Београд, 1960; С. А. Н и к и т и н. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960.

составленный Баном, и меморандум Бана, в котором были изложены его взгляды на национальное движение южных славян, роль России и пропагандировались идеи югославянской федерации и панславизма. «По неподтвержденным свидетельствам, — пишет М. Экмечич, — предпринятая акция показала Министерству иностранных дел (России. — В. Ф.) весьма достойной поддержки как с русской, так и с сербской точки зрения; вероятно, предприятие Бана одобрил и царь»⁶.

М. Экмечич отметил, что сербский князь Михаил, очевидно, не доверял Бану и опасался, что комитет своими действиями может скомпрометировать правительство Сербии. Основной причиной спада активности комитета в начале 1861 г. автор считает отказ России в обещанной ранее финансовой поддержке: «В основе этого (финансовых затруднений. — В. Ф.) лежит факт, что с русской стороны деятельность комитета более не принималась с прежним доверием. Обращения за помощью остались напрасными, и комитету еле удавалось удовлетворять нетерпеливые требования агентств. . . Неизвестно, из каких соображений русские круги стали тянуть с посылкой денег. . . Создается впечатление, что с русской стороны проявилось недовольство позицией князя Михаила в этом деле. Опасались, не откажется ли он от «Общего плана», на основе которого комитет начал действовать и на который было получено русское согласие». Отмечая, что подробности вопроса неясны, автор считает «единственным достоверным фактом» «русское решение более не поддерживать это предприятие и денежную помощь прекратить. Эта развязка произошла в апреле 1861 г.»⁷. Вслед за этим комитет был распущен по указанию князя.

На основе материалов И. С. Аксакова и русских славянских комитетов отношения Бана с Аксаковым в 1860—1861 гг. и деятельность организации Бана были охарактеризованы С. А. Никитиным⁸. Автор отмечает, что Аксаков узнал о предприятии Бана в июле 1860 г. и вскоре смог снабдить его небольшой суммой денег. Тогда же Аксаков поставил в известность о начатом деле русских дипломатов — посланника в Вене В. П. Балабина и генерального консула в Белграде А. Г. Влангали. В дальнейшем Славянский комитет не мог найти средств для поддержки Бана и Аксаков рассчитывал, что все дело возьмут в свои руки русское и сербское правительства.

В. Вучкович считает, что Бан изложил Аксакову план восстания в Боснии под впечатлением успехов отряда Гарибальди и оба согласились, что это дело следует подготовить⁹. Чтобы Аксаков мог убедиться в том, что дело уже начато, и добиться

⁶ М. Е к м е щ и с. Указ. соч., стр. 85.

⁷ Там же, стр. 101—102.

⁸ С. А. Н и к и т и н. Славянские комитеты, стр. 147—152.

⁹ В. В у ч к о в и ч. Указ. соч., стр. 388.

русской (частной или государственной) финансовой поддержки, Бан спешно стал создавать комитет из близких ему лиц. Образование этого общества не осталось тайной для иностранной дипломатии¹⁰. В своей работе В. Вучкович подверг критике сообщения Бана о деятельности комитета. Он указал на многочисленные противоречия и неясности в этих сообщениях, отсутствие подтверждений сообщаемых Баном сведений со стороны других лиц и т. п. и пришел к выводу, что многие сообщения Бана, содержащиеся в черновиках и копиях его писем, являются вымыслом, что Бан вводил в заблуждение как русских дипломатов, так и сербского князя и, вероятно, остальных членов комитета, преувеличивая «успехи» комитета с целью придать ему вес и получить денежную поддержку. Бан стремился убедить русских дипломатов в готовности князя Михаила поддержать начатое комитетом дело (т. е. в солидности дела, в том, что оно достойно русской поддержки), а князя — в своем успешном сотрудничестве с русской дипломатией (т. е. опять-таки в солидности его предприятия). В действительности, как указывает Вучкович, Бану удалось добиться лишь того, что князь, которому стало известно о комитете в декабре 1860 г., не приказал немедленно разогнать его. Наряду с другими фактами Вучкович отмечает переговоры Бана с австрийским консулом Боровичкой, которого Бан посетил в июле 1860 г., т. е. одновременно с началом своего сотрудничества с Аксаковым. Бан говорил консулу о «завоевательных планах» России, о посещении его «русским эмиссаром Аксаковым» и предлагал свое сотрудничество в деле захвата Боснии Австрией. Австрия отказалась от этого сотрудничества ввиду двуличия Бана. Боровичка, однако, считал Бана противником России¹¹. Все это дает основание считать правильным вывод Вучковича, что Бан в своих планах выдвигал идею объединения всех славян, чтобы привлечь симпатии и добиться денежной поддержки со стороны панславистских кругов.

Изложение югославскими историками деятельности М. Бана в 1860—1861 гг. «основано главным образом на черновиках его писем, оригиналы коих не найдены, и нет доказательств того, что они были посланы и что на них были даны ответы»¹². В связи с этим замечанием представляют интерес материалы АВПР, касающиеся обстоятельств деятельности комитета М. Бана в 1860—1861 гг. и русско-сербских отношений в эти богатые событиями годы.

В октябре 1860 г. посланник в Вене В. П. Балабин направил в министерство записку, в которой, в частности, изложил мысли о направлении русской политики в югославянском вопросе. Об

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 390—391.

¹² Там же, стр. 389.

основных идеях этой и последующей записок Балабина было доложено царю. В этом докладе (дата не указана) приведено также содержание записки некоего «югославянина» Балабину, к делу приложена и сама записка. Сличение содержания «записки югославянина» с меморандумом Бана, составленным им в сентябре 1860 г. и упоминаемом в статьях Экмечича и Вучковича, убеждает в том, что речь идет об одном и том же документе¹³. В то место доклада, где упоминается записка (меморандум) Бана, Горчаков вписал слово «замечательная». В этом меморандуме¹⁴ Бан подчеркивал усиление французского влияния на сербское общество, что с удовлетворением воспринимается Англией и Пруссией. Правда, правительство Горчакова кажется славянам способным «вести политику подлинно славянскую», и «верно, что масса православного населения прочно сохраняет свои старинные симпатии к России». «. . . Массы симпатизируют России, будучи убеждены, что она единственная держава, интересующаяся христианами и подготавливающая их освобождение». Но, предупреждал Бан, нужны активные действия, ибо народ, находящийся в столь трудном положении, «может броситься в объятия первого, кто поможет освобождению».

Бан стремился убедить русское правительство в бесплодности политики, основанной на дипломатических комбинациях с западными государствами, и советовал ему «видеть опору развития всех своих сил, моральных и физических, в своей собственной стихии, постепенно увеличивая эти силы».

«Мы считаем, — писал он, — что Россия достигнет успеха с большей уверенностью, скорее и меньшими жертвами, приняв политику чисто национальную, не предусматривающую изоляцию от Европы, но имеющую всегда в виду освобождение славян их собственными силами и поставляющую им средства для осуществления на их собственный риск энергичных инициативных действий, в то время как Россия по видимости нейтральная, сохраняла бы свободу действий до момента, когда надо будет поддержать их дипломатически. . .» Славяне возлагают надежды на внутренние реформы в России, на внешнюю политику Горчакова. . . «В то же время новые литературные труды, появившиеся в Москве и С. Петербурге (речь идет, очевидно, о выступлении славянофилов. — *В. Ф.*), укрепляют их в мнении, что в России правительство и литераторы начинают подлинно новую эру, вполне национальную для славян. . .» Если Горчаков поведет такую политику, популярность его среди славян даст ему возможность «осуществить самые грандиозные проекты». Но югославяне опасаются всякого австро-русского сближения и особенно русского согласия на австрийское вмешательство в Боснии. В этом

¹³ На копии имя автора и дата не указаны, они приводятся в статьях югославских исследователей.

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, лл. 99—102.

случае славянам не осталось бы ничего иного, как против собственного желания связать дело своего освобождения с Габсбургами. Это привело бы к расколу славян, к усилению Австрии.

В докладе царю выделены те места записки Бана, где говорится об угрозе русскому влиянию со стороны Франции, о том, что славяне считают необходимым во избежание внутренних раздоров и конфликтов с соседями составить всеславянскую конфедерацию, подчеркнуто место, в котором говорится, что Россия должна иметь в виду освобождение славянских народностей их собственными силами, доставляя им средства для борьбы и поддерживая их дипломатически. Мысль Бана, что только таким путем вместе с освобождением славян могли бы навсегда быть уничтожены последствия Парижского трактата, Александр II счел «справедливой». «Славяне, — излагалась в докладе мысль Бана, — снабженные со стороны России средствами и охраненные приложением начал невмешательства, принятого в Италии [замечание Александра II на полях: «хорошо это было там применяемо!»], вскоре бы представили дипломатии ряд совершившихся фактов, которыми Россия избавилась бы от всех преград, выдвинутых против нас»¹⁵.

В идеях Бана отразился факт определенного совпадения интересов политики русского правительства с интересами освобождения славян. Поэтому политика России могла содействовать ликвидации турецкого гнета над южными славянами и становлению буржуазной национальной государственности южнославянских народов, т. е. исторически прогрессивному процессу.

Той мерой, в какой правительство России (преодолевая сопротивление многих «либеральных» западных сторонников сохранения турецкого господства над славянами) оказывалось способным в 60—70-х годах XIX в. облегчать становление национальных государств на Балканском полуострове, можно определять объективно прогрессивный характер результатов политики России на Балканах. А эти результаты для южных славян были весьма ощутимыми. В отличие же от основной тенденции политики России, диктовавшейся заинтересованностью ее правящего класса в разрушении турецкого господства в Европе, основное направление политики Англии и Австрии было враждебно историческим задачам южнославянских народов в третьей четверти XIX в.

Но вернемся к изложению интересующего нас доклада министерства Александру II.

«Мысль об освобождении южных славян, — говорится в докладе, — созрела уже до такой степени, что в Белграде составил (без участия сербского правительства) тайный комитет для приготовления и направления восстания в Боснии и Герцеговине.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, л. 108.

Он состоит пока из четырех членов-управителей, обязавшихся под присягой никогда не покинуть своего предприятия. . . Судя по плану, организация общества задумана на основаниях довольно прочных и может доставить ему не только обширное развитие и возможность сохранения при этом тайны, но и значительное влияние на страны, на которые оно начало действовать».

Далее в докладе приводится следующее сжатое изложение существа плана М. Бана от 31 августа 1860 г.¹⁶ и характеристика его комитета:

«Внимание общества сосредоточено преимущественно на Боснии и Герцеговине: цель — избавить эти области от ига турок и воссоединить их с сербским княжеством, с которым их связывает народность жителей. На первый раз общество не имеет в виду полной политической независимости этих стран, а намерено довольствоваться вассальными отношениями к султану на основании прав, дарованных Сербии и Боснии первыми турецкими завоевателями.

Цель общества состоит не только в том, чтобы возбудить восстание, которое в этих странах неминуемо, как видно из множества частных попыток, не прерывающихся с 1858 года, но преимущественно в организации и сосредоточении восстания для предупреждения несчастного исхода новых частных попыток. Оно должно дать восстанию не только организацию военную, но ввести в освобождаемые края начатки гражданского порядка, необходимые в особенности для того, чтобы обезоружить туземных славян-мусульман, которых общество надеется примирить с новым положением дел, тем более, что они уже лишены всех своих древних прав турецким правительством.

Общество предполагает направить через границу одновременно в нескольких точках вооруженные дружины, которые начнут мелкую войну и займутся военной организацией туземцев, в то же время сербские и черногорские охотники в союзе с мирдитами (воинственное племя албанцев-католиков) займут Митровицкое ущелье, единственный путь из Румелии в Боснию, кроме того мирдитами сделаны бы диверсию против турок в Македонии и приступили бы там к вооружению славянского населения.

Общество, по словам записки, завело важные связи в Славонии, Хорватии и Далмации, как равно с албанскими мирдитами, оно заведывает выходцами из Боснии и других турецких областей, находящихся в Сербии, и располагает многими сербскими чиновниками, а также офицерами, получившими военное образование за границей.

¹⁶ Копия «Общего плана» М. Бана приложена к цитируемому докладу. На копии имя автора не указано. В статьях югославских историков приводится иная дата составления плана: 31 сентября 1860 г., очевидно, имеющаяся на рукописи.

Принимая в соображение настоящие политические обстоятельства, а также происки Австрии, действующей в Боснии со времени утраты Ломбардии, и, наконец, расположение умов в самой Боснии, где христиане, доведенные до отчаяния, ежедневно готовы восстать и броситься в объятия всякому, кто обещает им покровительство, — Белградский комитет намерен приступить к исполнению своего плана неотлагательно, т. е. будущей весной.

Во избежание предлогов к постороннему вмешательству, комитет не вступит ни в какие гласные сношения с какой бы то ни было державою; он желает даже, чтобы сербское правительство официально оставалось нейтральным и лишь в тайне покровительствовало предприятию.

Общество рассчитывает на то, что в состоянии будет располагать 70 000 воинов и 55 000 ружей; ему нужно приобрести еще 15 000 ружей; несколько пушек уже припасено; снаряды можно будет покупать в Сербии и Австрии.

Комитет, по словам записки, для успешного действия нуждается единственно в деньгах, и просит у России займа в 100 000 червонцев, из коих ему для начала необходимо получить половину.

Доставленные в последнее время от генерального консула нашего в Белграде сведения совпадают с тем, которые изложены выше¹⁷. Таким образом, русская дипломатия уделила большое внимание предприятию Бана. Изложение деятельности комитета, вероятно, было основано на рассказах Бана.

Автор цитировавшегося нами частного письма также извещал МИД о возникновении комитета Бана. «А вот что составляет теперь новость в Белграде, и новость не последнюю — это образование тайного общества или комитета, имеющего целью провозвести в скором времени поголовное восстание в Боснии, объявить всенародно независимость от Турции, присоединить к Сербии и провозгласить Михаила Обреновича кралем (королем. — В. Ф.) или князем этой провинции».

В комитете, сообщалось в письме, — четыре лица. «Некоторые из них выехали недавно из Белграда для путешествия по Кroatии и Далмации с целью *sonder le terrain* и сойтись поближе с агитаторами того края»¹⁸.

В донесении Горчакову от 29 декабря 1860 г. А. Г. Влангали рассказал о тайном комитете в Белграде и его планах, о личности М. Бана. Генеральный консул подчеркивал, что после итальянской войны 1859 г. Австрия усиленно укрепляет свое влияние в Боснии и Герцеговине, что она располагает большими,

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, лл. 109—112.

¹⁸ Там же, л. 42.

чем Сербия, возможностями для захвата этих провинций. Сербия же из-за слабости не проявляет в Боснии соответствующей активности. В последнее время со стороны хорватов, в особенности через газету «Пóзор», распространяется идея югославянской солидарности в борьбе против чужеземного гнета, эта идея безусловно привлечет сербскую интеллигенцию. Одним из ее пропагандистов является Матия Бан, который систематически поддерживает связь с хорватами, с католиками северной Албании, Боснии и Герцеговины, действует активно и давно, но до сих пор обстоятельства не позволили ему развернуть движение; во время Крымской войны Бан проявлял враждебность к России, свойственную многим высшим чиновникам в Белграде. И ныне Бан связан со сторонниками западной или французской партии. . .¹⁹

О возникновении комитета Влангали говорит следующее: один московский литератор во время пребывания в конце лета в Сербии пытался объединить патриотов, активных людей, и ему удалось создать в Белграде «секретный комитет, целью которого является подготовка средств для освобождения от османского ига провинций, населенных сербским племенем, с целью создания путем их соединения с княжеством Сербией обширного и сильного государства, по крайней мере способного эффективно содействовать осуществлению судьбы славян на юге Европы». Этот план был сообщен его автором Балабину. . . Далее Влангали говорит о плане деятельности комитета (организации агентств, поставке оружия четам, наблюдении за турецкими силами и т. п.). Когда все будет готово, в благоприятный момент начнется всеобщее восстание в разных странах полуострова. В случае успеха Сербия, а не Австрия объединит югославян. Члены комитета — опытные люди; наконец, «тайный комитет. . . не несет на себе никакого революционного зародыша (в западном смысле)²⁰. Таким образом, несмотря на не очень лестную с точки зрения русской дипломатии характеристику самого Бана, Влангали считал комитет организацией, достойной доверия и, очевидно, поддержки.

Развитие отношений между русской дипломатией и комитетом Бана изложены в письме Балабина директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому от 21 апреля 1861 г.²¹ «План учреждения такого управления²² был мне представлен прошлой осенью неким Баном, действующим с известным уже Вам Оканом и Куртичем, получившими от частного лица²³ небольшую сумму

¹⁹ АВПР, ф. Главный архив, V-A₂, 1860 г., д. 244, л. 129, 137.

²⁰ Там же, л. 130.

²¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, лл. 65—66.

²² Центра для руководства национальным движением. — В. Ф.

²³ И. С. Аксакова. — В. Ф.

на первоначальные распоряжения и ходатайствовавшими о покровительстве и вспомоществовании для приведения плана в действие.

Я возразил им, что только в том случае приму на себя ходатайство, если дело будет иметь характер не наступательный а оборонительный, и приготовления будут производиться не в виду восстания, но в предупреждение несвоевременных частных волнений и для приготовления средств к защите народной против мусульманского фанатизма». Балабин напоминает, что в октябре 1860 г. он передал подготовленные группой Бана документы и свою записку Ковалевскому. Далее он указывает, что неоднократно убеждал Бана открыть весь план князю Михаилу, что тот и сделал; и что, по сообщению Бана, князь одобрил принятое дело. . .

В. Вучкович, как мы упоминали выше, пришел к выводу, что никакого одобрения Бан не получил. Как отмечалось, зимой 1860—1861 гг. в Сербии все более укреплялось убеждение, что приближается решающий момент, который нельзя упускать, ибо если Австрия оправится, спасти дело освобождения сербов будет невозможно²⁴; вероятно, в связи с этим князь Михаил не принимал окончательного решения о судьбе комитета, тем более, что Бан прилагал усилия, чтобы убедить его в том, что комитет достиг немалых успехов.

Восстание в Боснии и Герцеговине казалось неизбежным, и перед лицом событий, к которым Сербия была не готова, надо было предпринять ряд мер, прежде всего закупить оружие. Было решено просить о внешнем займе. 6(18) декабря 1860 г. Влангали сообщал министерству, что в беседе с ним Михаил выразил глубокое беспокойство ходом дел, так как горизонт темен, надвигаются события на Востоке и в Австрии, а в Сербии до сих пор ничего не сделано для подготовки к серьезным делам. Сербский князь *«спросил, не поможет ли Россия Сербии, чтобы события не застали ее врасплох без денег, без оружия, без пушек»*. Народ убежден, писал Влангали, что если пропустить момент, когда Австрия увязла в своих делах, то больше он не повторится. Поэтому князь хочет получить заем в деньгах и оружие, особенно последнее, ибо Михаил уверен, что оно понадобится населению Боснии и Болгарии. По закону заем может быть санкционирован лишь скупщиной, но сомнительно, следует ли ее созывать в современной обстановке. Князь хотел бы, заручившись согласием сената, получить 300—500 тыс. дукатов у России. «Я обещал князю доложить об этом императорскому кабинету и выяснить его мнение по всем этим вопросам, — продолжал Влангали, — что касается ружей, я счел себя вправе сказать, что при современных обстоятельствах русское правительство не могло бы поста-

²⁴ АВВР, ф. Главный архив, V-A₂, 1860 г., д. 244, л. 110.

вить их. Россия без всякого сомнения не допустит сокрушения Сербии и сделает все, что возможно, чтобы помочь ей, но, сказал я его высочеству, перевозка ружей по Дунаю или иным путем скомпрометировала бы правительство (сербское. — В. Ф.), которое обвинили бы в подготовке восстания славян Турции». Князь ответил, что он не предпримет ничего, что нанесло бы ущерб его имени или его правительству²⁵. Представник (глава правительства) Ф. Христич писал в конце 1860 г. сенатору Мариновичу: «Вы легко поймете, что наше правительство решилось начать тем, чтобы по этому делу обратиться к России, да и к кому другому могли бы мы обратиться с таким упованием и с таким доверием? Я уже говорил Влангали, что мы просим займа в России от 300 до 500 тысяч червонцев. . . Мы надеемся, что не получим отказа, но употребите все усилия для достижения этой цели». Христич добавляет, что правительство уже договорилось с одной лондонской торговой фирмой о доставке большой партии оружия и боеприпасов, и необходимо как можно скорее получить ответ из Петербурга по поводу займа²⁶.

21 апреля (2 мая) 1861 г. Балабин докладывал Ковалевскому: «Как наш генеральный консул, так и я, мы заключили, что дело Бана с товарищами и заем должны составить одно нераздельное дело под прямым ведением князя Михаила, к которому распорядители²⁷ должны будут вперед обращаться непосредственно. Таким образом, это дело принимало законный оборот, князь Михаил становился во главе, опираясь на действительное сочувствие, оказанное ему Россией, и горькая судьба наших единоверцев ограждалась предохранительными распоряжениями». Скучные средства инициаторов организации сети агентств — об их деятельности Балабин отзывался положительно — вскоре истощились, но, заключал посланник, «наш генеральный консул с моего ведома советовал им продолжать действовать»²⁸.

Ясно, что русская дипломатия соглашалась поддержать комитет Бана лишь при условии подчинения всей его деятельности сербскому князю, к которому комитет должен был «обращаться непосредственно». Какая-либо финансовая помощь Бану в обход правительства Сербии исключалась. Тем самым не только устранялась возможность каких-либо недоразумений между Россией и Сербией в связи с этим делом, но и обеспечивался контроль сербского правительства за деятельностью Бана, полностью доверять которому русская дипломатия не имела причин. Что же касается совета «продолжать действовать», данного со стороны Влангали Бану, то ясно, что русские представители рассчитывали

²⁵ АВПР, ф. Главный архив, V-A₂, 1860—1861 гг., д. 244, лл. 114—116.

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, лл. 103—105.

²⁷ То есть члены комитета—В.Ф.

²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, лл. 65—66.

на финансирование комитета князем из средств, полученных по займу.

Между тем в течение осени 1860 г. и зимы 1860/61 г. Бан в нескольких письмах сообщал Балабину о широко развернувшейся деятельности комитета, о налаженных связях в разных югославянских землях, отмечал успехи югославистской пропаганды в Хорватии и просил оказать хорватам денежную поддержку, которая произвела бы важный моральный эффект. Он вновь напоминал о своем плане «организовать общее движение сербов и хорватов, чтобы связаться неразрывными узами с Россией», подчеркивая, что «хорваты остаются верным утвержденным нами принципам» (М. Бан не раз в своих письмах без всяких оснований утверждал, что именно он предложил хорватскому национальному движению идеи федерации и югославизма). Бан жаловался, что князь ничем не помогает комитету, хотя его все время информируют о деятельности этой организации ²⁹.

После длительного отсутствия Балабин в феврале 1861 г. возвратился в Вену и вскоре получил письмо Бана (от 3 марта 1861 г.), в котором тот спрашивал, следует ли комитету продолжать деятельность, сообщал о том, как комитету приходится сдерживать нетерпение населения (Боснии), о намечаемой новой поездке в Хорватию, Далмацию и Истрию для укрепления связей, просил совета, следует ли вступить в переговоры с румынами и греками, и т. п. Для всех нужд комитета Бан просил 1200 дукатов в месяц ³⁰.

Но к этому времени вопрос о займе уже давно был решен положительно кабинетом министров и Александром II. Соображения Министерства иностранных дел в связи с этим вопросом были изложены в специальной записке (без даты), содержание которой мы приводим ³¹.

Православные славяне (болгары, босняки, герцеговинцы и другие), говорилось в ней, стремясь освободиться и будучи слабыми, надеются на внешнюю помощь, их сочувствие России естественно, но «последняя итальянская война возбуждает их политическое стремление к Франции и ныне они колеблются между этими природными и политическими чувствами». Два момента вызывают опасения: вероятность частного несвоевременного восстания славян, которое неминуемо будет потоплено в крови, и взрыв фанатизма мусульман подобно тому, как это произошло в Сирии (и вызвало вмешательство европейских держав). В связи с этим А. М. Горчаков зимой обратился к державам с предложением в случае аналогичных событий в Европейской Турции применить «сирийский принцип». Но в случае восстания

²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, л. 70.

³⁰ Там же, л. 59.

³¹ Там же, лл. 113—118.

славян весной (1861 г.) или резни славянского населения мусульманами державы не успеют вмешаться и масса населения погибнет. Одни считают, что Россия должна жертвовать своими средствами и кровью для помощи славянам, другие — что в нынешних трудных условиях надо ограничиться советами. Но нельзя ли найти средину и, не подвергая Россию пожертвованиям слишком тяжким, подкрепить, однако, ее значение на Востоке, сохранить ее влияние на события? В Греции имелись гетерии, организованно руководившие движением, а «в странах, ныне готовящихся к восстанию, не существовало по сие время никакой подобной организации, так что не было почти никакой возможности из Белграда, например, передать в Боснию, Болгарию или Старую Сербию предостерегательного совета или приказа. С некоторых пор, однако, наученные дорого заплаченной опытностью, некоторые патриоты, поняв опасность, коей подвергаются их соотечественники, решились собираться, совещаться и благоразумными мерами и направлением отвратить эту опасность и обдуманно, осторожно, но более действительно подвигаться к предполагаемой цели. Эти-то лица обращаются ныне к России с просьбами об оказании им содействия и вспомоществования. Должны ли мы им в этой просьбе отказать? Нет сомнения, что при нынешних обстоятельствах мы не можем желать восстания наших единоверцев и должны предпочесть всякую отсрочку в событиях, могущих возмутить уже столь глубоко потрясенный общественный порядок, но, с другой стороны, достигнем ли мы этой благой цели отказом всякого вспомошествования и не успеем ли скорее иным более благоразумным путем».

Ввиду того, что у югославян не было иного выхода, кроме восстания против турецкого господства, в записке был сделан вывод, что отказ в помощи лишь толкнул бы югославян к Франции. В записке предлагалось: «Предоставить нашим единоверцам финансовую помощь, поддержать князя Михаила в его сочувствии укреплению славянской народности и сохранить наши древние связи со славянами, указать, что помощь предназначена отнюдь не для поощрения восстания, но для предохранения от случайного восстания, для политической организации края ввиду предстоящих событий» и подготовки народов к защите против вспышки фанатизма.

В другой записке о мерах по защите христиан Востока после резни в Сирии вновь подчеркивалось, что важно организовать само население. Отчаянная ситуация, говорилось там, побудила интеллигенцию приступить к такой организации (создание секретных комитетов). Белградский комитет стремится возглавить организацию. Но нужна определенная программа деятельности, чтобы избежать преждевременных вспышек и обеспечить единство действий. Возможна следующая программа: деятельность — чисто оборонительная, цель — организовать для защиты от

насилий и ждать помощи держав, число членов — ограничено, организация составляется из христиан обоих вероисповеданий (т. е. католического и православного), организация — независима от официальных властей, централизация всех сил и средств. После существовавшей ранее анархии эта программа, заключает записка, представляет собой шаг вперед.

Очевидно, в условиях революционной ситуации в России и подготовки крестьянской реформы правительство Александра II не было готово к активным действиям на Балканах. Оно стремилось не допустить восстания до момента, когда его руки будут развязаны. Влангали сообщал 6 (18) декабря 1860 г., что князь Михаил высказал согласие с русской точкой зрения: Россия придет на помощь Сербии лишь для защиты, но не для организации восстания. Александр II вновь подтвердил эту позицию, написав на полях донесения «très juste»³². Поэтому М. Бан в своих письмах подчеркивал заслуги комитета в удержании населения Боснии от волнений.

В начале января было решено предоставить Сербии крупный (900 тыс. руб.) бессрочный и беспроцентный заем³³. Тогда же Ковалевский известил об этом Влангали, а тот — князя Михаила. Князь горячо благодарил за помощь, оказанную столь быстро³⁴.

3 (15) марта 1861 г. Балабин писал из Вены Е. П. Ковалевскому, что Россия не должна допустить, чтобы события на Балканах застали ее врасплох, и что в связи с этим является полезным «устройство в Белграде секретной агенции». Балабин вновь напомнил, что главная цель комитета — «заготовление средств к обороне христианских племен против мусульманского фанатизма и предупреждение посредством соглашения с агентами, действующими в отдаленных местностях, преждевременных или частных восстаний». «Вам уже известно, — продолжал он, — что лица, предпринявшие это благое и общепольное дело, доверили свои планы князю сербскому и архиепископу Михаилу, и это самое убедило князя удержать в своих руках нити и направление всего дела и обратиться к России с просьбою о необходимости вспомоществования при ограниченных его средствах, на что последовало высочайшее благодетельное разрешение государя-императора. Прибывший сюда на днях полковник Влангали меня уведомил, что для приведения высочайшей воли в исполнение князь сербский немедленно по возвращении из Парижа Мариновича намерен выслать к нам чиновника. . . Из письма же при сем прилагаемого (очевидно, имеется в виду одно из писем Бана. — В. Ф.), Вы изволите усмотреть, что средства агенции истощились и что если оставить без помощи, все труды ее, весьма дельные, по свидетельству полковника, пропадут без всякой

³² АВПР, ф. Главный архив, V-A₂, 1860 г., д. 244, л. 117.

³³ См. С. А. Никитин. Славянские комитеты в России, стр. 150.

³⁴ АВПР, ф. Главный архив, V-A₂, 1861 г., д. 245, л. 5.

пользы». Балабин предлагал сообщить Михаилу, что цель займа помочь делу «усиления всеми средствами сербского элемента и княжеского личного влияния на окружные турецкие области», организовать противодействие секретным мерам, «принимаемым в Боснии и Герцеговине самим австрийским правительством, сознающим, очевидно, непрочность своих далматинских берегов при настоящем слишком тесном их сложении», пополнить необходимые запасы Сербии. «Влангали, хорошо понимающий потребности Сербии, будет помогать князю; достойны поддержки и М. Бан и Н. Окан» (т. е. члены белградского комитета), — закончил Балабин³⁵. Итак, русская дипломатия связывала свою политику с программой укрепления и — в перспективе — расширения сербского государства.

Влангали, вернувшийся в марте 1861 г. из Вены в Белград, привез отрицательный ответ на просьбы М. Бана о финансировании комитета русским правительством³⁶. Отсюда, очевидно, нельзя заключить, что русская дипломатия потеряла интерес к комитету, речь шла лишь о том, что помощь комитету должна была поступить только через сербского князя: «Балабин и Аксаков считали дело решенным и на просьбы Бана отвечали ссылкой на разрешенный сербскому правительству заем»³⁷.

Однако весной 1861 г. внешнеполитические события, некоторые соображения о которых приводятся в работах югославских исследователей, в частности переговоры с Турцией об уходе турецких гарнизонов из сербских городов, побудили Михаила временно отказаться от активизации политики в задуманном ранее направлении. Вероятно, имело значение то обстоятельство, что ожидавшаяся весной 1861 г. новая австро-итальянская война и восстание в Венгрии не имели места. В этих условиях Михаил решил отказаться от займа, о котором лишь недавно ходатайствовал.

В беседе с Влангали в апреле 1861 г. Михаил просил русское правительство отсрочить реализацию займа³⁸. Тогда же, по приказу Михаила, был распущен комитет Бана. Помощь комитету, а затем и сама его деятельность, таким образом, были прекращены вследствие изменения позиции самого сербского правительства. Балабин же сожалел о роспуске комитета.

Так завершилась первая в 60-х годах XIX в. попытка сотрудничества русской дипломатии и сербского правительства в подготовке Сербского княжества к борьбе против Турции. Но интересы русского правительства, как и задачи Сербии, очень скоро вновь побудили обе стороны к возобновлению сотрудничества.

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, лл. 60—62.

³⁶ В. Вучковић, Указ. соч., стр. 404.

³⁷ С. А. Никитин, Славянские комитеты в России, стр. 150.

³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1860—1861 гг., д. 78, л. 63.

Н. ТОДОРОВ

ЯРМАРКА В ГОРОДЕ ХАДЖИОГЛУ-ПАЗАРДЖИК В 70-х ГОДАХ XIX В.

В Восточном отделе Народной библиотеки «Васил Коларов» в Софии сохранилась опись недвижимого имущества: лавок, мелких построек, пустырей, расположенных на ярмарке г. Хаджиоглу-Пазарджик¹, в Добрудже. Эта опись на 24 листах содержит данные 1285 г. хиджры (1870), с некоторыми перезасвидетельствованиями более позднего времени². Данные распределены в десяти графах. В одни из них вписаны вид и расположение имущества, имена собственников, оценка и доход с лавок, налог, который следовало платить, другие содержат технические сведения — нумерация имущества, обозначение счета, а некоторые оставлены незаполненными.

Материал, содержащийся в этой описи, представляет интерес в нескольких отношениях. Прежде всего нужно отметить, что до настоящего времени в болгарской литературе неизвестен подобный документ, который раскрывал бы поименно собственников лавок и других помещений на ярмарке. Существуют отдельные сведения главным образом об Узунджовской ярмарке. Самые полные данные о ней находим в докладе Найдена Герова середины XIX в.³ Но и в нем число лавок дано суммарно, с перечислением лишь видов товаров. На основе этих сведений никакой анализ невозможен. Для сравнения данные из этого доклада будут приведены ниже.

Опись из Хаджиоглу-Пазарджика имеет, кроме того, то преимущество, что перечисленные по виду лавки снабжены и оценкой. Как она ни условна, поскольку имеются в виду фискальные

¹ Теперь г. Толбухин, в прошлом г. Добрич.

² Народная библиотека «Васил Коларов», Восточный отдел, сигн. Толбухин, Междлис-и идаре-и каза, I ресми тапу от 28. V 1870 г.

³ Доклад от 10. XII 1857 г. См. «Документи за българската история», т. I (Архив на Найден Геров, ч. I), под редакцията на М. Г. Попруженко. София, 1931, стр. 32—34.

соображения, которыми руководствовалась комиссия, производившая оценку, нельзя не признать, что в основе ее лежит известный объективный критерий. Комиссия не могла бы, не сообразуясь с текущими рыночными ценами, особенностями строений (величина, материал, пристройки) и более всего с доходом, получаемым от продажи соответствующего вида товара, ни разбивать по категориям лавки, ни, более того, облагать их налогом. Несколько сотен собственников, многие из которых обладали большим общественным влиянием, не упустили бы случая оспаривать необъективно установленные оценки.

Для анализа мы использовали данные следующих граф:
1. Имена собственников имущества (esam-i eshab-i emlâk).
2. Стоимость (kıymet).

Другие две графы, содержащие цифровые данные, а именно: доход с лавки и налог, ничего не дают для нашего анализа, так как доход представляет собой процентное выражение (10%) оценки, а налог — зафиксированную величину⁴. Оценка стоимости была установлена комиссией из шести человек, поставивших свои подписи в конце документа, а вся опись была заверена еще одной комиссией во главе с каймакамом города. В отдельных случаях в первые оценки были внесены некоторые поправки. Мы придерживаемся первоначальной оценки, и лишь там, где ясно указана причина изменения, сообразуемся с ним.

Нами обработаны данные указанных граф и сделаны некоторые выводы. Разумеется, ими не исчерпываются возможности анализа. Чтобы дать возможность пользоваться сведениями описи, мы приводим их, хотя и обобщенно, но по возможности в полном объеме, придерживаясь порядка, содержащегося в самом документе.

Ярмарка состояла из нескольких «чарший», т. е. рядов лавок одинакового вида. Как исключение встречаются отдельные лавки в других рядах («чаршиях»). В описи перечисляются следующие ряды: увеселительный, шорный⁵, оптовый (т. е. для продажи оптом), обувной⁶, соляной, бакалейный⁷, трактирный, брашовский, меховой, крупных мануфактуристов, мануфактурный⁸, керосиновый, абаджийский⁹, пожевой, табачный, галантерейный, торговцев халвой.

⁴ Кроме того, в отдельной графе отмечена еще одна оценка, которую мы также оставляем без внимания, так как в общем итоге отражена первая оценка и доход определен по ней.

⁵ Шорники были расположены в двух местах.

⁶ Торговцы туфлями также делились на две группы.

⁷ Торговцы бакалейными товарами были сгруппированы в двух местах, но встречались и в других рядах.

⁸ Мануфактуристов было более всего, и потому они разбросаны в разных местах — с шорниками, сапожниками и др.

⁹ От абá — шерстяная материя (ред.).

К категории, обозначаемой в описи как «лавки», мы можем отнести большую часть помещений. Ясной разграничительной линией между лавками и бараками является их оценка. Бараки оценены менее 2000 грошей. Так как и остальные лавки являлись временными ярмарочными постройками, то при оценке, как мы уже отметили, наряду со стоимостью самого строения учитывался и реальный или предполагаемый годовой доход от товарооборота. Иначе нельзя было бы объяснить большое разнообразие оценок лавок не только различного, но одного и того же вида. В описи есть только несколько более высоких оценок, объясненных в тексте особенностями постройки. Так, один раз упоминается о «лавке с пристройкой» — 12 500 грошей (самая высокая оценка в описи), и три случая по 20 000 грошей, с примечанием, однако, что речь идет о трех лавках вместе. Это дает основание считать, что в остальных случаях оценка давалась за одно помещение. Следовательно, есть все основания считать, что различия в оценке лавок объясняются количеством товара, находившегося в них и реализуемого на ярмарке.

В описи прежде всего указан ряд *увеселительных помещений*. Он состоял из строений, распределенных по стоимости в следующем порядке: одно в 1500 грошей, девять в 2500, одно в 3500, или всего 11 с общей стоимостью 27 500 грошей. Собственников было семь, из которых четверо имели по одному помещению и три по 2500 и одно в 1500 грошей. Двое из собственников были болгары, имущество которых, согласно оценке комиссии, стоило 7500 грошей, и пятеро турок с имуществом, оцененным в 20 000 грошей. Указано место происхождения пятерых собственников: из Шумена — трое турок с имуществом общей стоимостью 10 000 грошей, из Ниша — один болгарин с имуществом на сумму 5000 грошей, из Тырнова — один болгарин — 2500 грошей; не обозначено место происхождения двух турок, имущество которых оценено в 10 000 грошей.

Сведения о распределении лавок в соответствии с их оценкой и общей суммой оценок по отраслям дается в табл. 1. Табл. 2 показывает распределение собственников по национальности, а также долю вложений представителей различных народностей на ярмарке в целом и по отдельным отраслям. В табл. 3 указывается местожительство собственников и вложенные представителями каждого города суммы. Кроме того, прилагается именной список более крупных владельцев с обозначением их собственности и местожительства. Ввиду этого мы считаем излишним описывать подробно все сведения по торговым рядам, как это сделано с первым. Ограничимся лишь указанием числа собственников отдельно по каждой отрасли и вложенных каждым из них сумм.

Итак, следующий ряд — *шорный* — охватывал 46 лавок общей стоимостью 82 500 грошей. Собственников было семь: двое

имели по одной лавке на сумму 2500 грошей, один — две лавки на сумму 5000, двое — по три лавки на сумму 7500 и 9000, один — девять лавок на сумму 10 000 и один — 27 лавок на сумму 46 000 грошей.

Оптовых лавок было 29, оцененных в 78 000 грошей. Распределены они были между 19 собственниками: 13 из них имели по одной лавке, девять из которых были оценены по 5 тыс. и четыре по 1500 грошей, трое — по две лавки в 3000 грошей каждая, двое — по три лавки в 4500 каждая и один — четыре лавки на общую сумму 9000 грошей.

Один из самых больших рядов составляли лавки *сапожников* — «чехларите» (продавцы домашних туфель. — *Ред.*). Расположенный в трех местах, он состоял из 92 лавок на общую сумму 238 000 грошей. Собственников было 27: девять из них имели по одной лавке, из которых семь по 1500 грошей и две по 5000; семь — по две лавки — двое по 2000 и по одному владельцу лавок в 3000, 4000, 6000, 8000 и 9000 грошей, четверо — по три лавки на сумму 5000, 10 000, 12 000, 16 000, один — пять на сумму 23 500, двое — шесть на сумму 19 000 и 23 500, один — семь на сумму 7000 и один — 17 на сумму 23 000 грошей.

Торговцы солью имели 18 лавок, оцененных в 48 500 грошей. Из восьми собственников четверо имели по две лавки с общей суммой на каждого собственника по 6000 грошей, трое — по три лавки в 6000, 7500 и 8500 грошей соответственно и один имел одну лавку в 2500 грошей.

Одним из самых многочисленных был также ряд *бакалейщиков*, насчитывавший 121 лавку общей стоимостью 246 850 грошей. Распределены они были между 31 собственником: у троих по одной лавке — 1500, 2000 и 4000 грошей, у десяти по две лавки — у пятерых по 4000, у троих по 5000 и у двоих по 3000 грошей, у восьми (торговцев) по три лавки на общую сумму 4500, 6000, 7500, 8500, 10 000, 10 500, 12 000 и 13 000 грошей; у двух по четыре лавки суммой 9000 и 15 000; у троих по пять лавок — в 5000, 10 000 и 21 000 грошей; у одного шесть лавок на 12 000, у одного десять на 10 000, у одного одиннадцать на 9500 и у двоих по 13 лавок — 29 000 и 5850 грошей. Много мест, предназначенных для лавок, не было занято и числилось пустыми.

Трактирщики были представлены 34 заведениями стоимостью в 12 300 грошей. Трактиры эти находились в руках восьми собственников: один из них имел два заведения общей стоимостью в 6000 грошей, у пятерых было по три — у троих по 2000 грошей, а у остальных по 15 000 и 6000, один имел шесть на общую сумму 24 000 и один — одиннадцать стоимостью в 12 000 грошей.

Ряд *брашовцев*¹⁰ состоял из 47 лавок на общую сумму 145 000

¹⁰ Брашовский ряд состоял из лиц, торговавших товарами из Брашова, произведенными там или доставленными при посредничестве брашовских торговцев. Наибольшей известностью пользовались деревянные изделия.

грошей. Среди собственников было четверо, имевших по одной лавке, оцененных у троих по 1500 и у одного в 2000 грошей; у четверых было по две лавки соответственно в 3000, 4000, 6000 и 7000 грошей; у двоих по две и одна общая лавка стоимостью по отдельности 8750 и 10 750 грошей; двое имели по три лавки в 12 000 и 15 000; двое — по четыре в 6000 и 8000 грошей; двое — по восемь — 18 000 и 40 000 грошей.

Меховых лавок было только три, оцененных в 8000 грошей. Собственников было двое — один с лавкой в 2000 грошей, другой — с двумя лавками в 6000 грошей.

Был отдельный ряд *крупных мануфактуристов*, состоявший из 25 лавок стоимостью в 84 500 грошей. Собственников было девять: у двоих было по одной лавке в 5000 грошей каждая, у двоих по две лавки на сумму по 8000 грошей, у троих — по три, оцененных в 6000, 10 500 и 15 000; двое имели по пять лавок, оцененных по 6000 грошей.

Ряд *мануфактуристов* был самым большим, насчитывал 161 лавку на общую сумму 526 000 грошей. Самыми многочисленными были собственники, имевшие по две лавки — 18 человек, среди них было восемь, имущество которых оценено по 8000, у двоих — по 12 000, у двоих по 4000, у двоих по 5000 и у остальных четырех соответственно в 3000, 6000, 10 000 и 11 000 грошей. Многочисленной была также группа торговцев, имевших по три лавки: у троих лавки были оценены в сумму 10 000, у троих — по 12 000, у двоих — по 18 000 и у остальных трех в 8000, 10 500 и 17 000 грошей. Собственников, имевших по одной лавке, было семь. Оценка лавок у двоих по 1500 и у других последовательно: 2000, 3000, 4000, 5000 и 5500 грошей. Было двое, имевших по четыре лавки суммой в 13 500 и 16 000; двое — по пять лавок в 7500 и 11 500 грошей; двое — по шесть — 9000 и 32 000; один имел семь лавок — 32 000, один — десять — 25 000, один — 13 на сумму 17 500 и один — 16 на сумму 18 500 грошей.

Продавцы *керосина* располагали 11 лавками на сумму 51 500 грошей. Собственников было шесть: у троих по одной лавке — 2500, 5000, 5000; у двоих по две на сумму по 10 000 и у одного четыре на общую сумму 19 000 грошей.

Абаджиев было двое: один с четырьмя и другой с тремя лавками, оцененными каждая в 5000 грошей. Общая сумма абаджийских лавок равнялась 35 000 грошам.

Ножевой ряд состоял из 42 лавок общей стоимостью 150 000 грошей. Собственников было 12: у двоих по одной лавке в 3000 и 4500; у одного два помещения — лавка и отдельный склад на общую сумму 17 500 грошей; у пятерых по три лавки, оцененных у двоих по 15 000, у двоих по 12 000 и у одного в 9000 грошей; один имел четыре лавки в 13 500, один — пять в 15 000, один — шесть в 23 500 и один — восемь в 10 000 грошей.

Табачники также составляли значительную группу из 35 лавок стоимостью в 129 000 грошей. Собственников было 17: у двоих по пять лавок по 12 5000 грошей; у двоих по три лавки на сумму 9500, 13 000; у шестерых по две, оцененных у троих по 8000, у остальных в 6000, 10 000, 11 000 грошей; у семерых по одной лавке, оцененных у двоих по 3500, у двоих по 4000, у двоих по 5000, у одного в 5500 грошей.

Галантерейных лавок было 24 стоимостью в 49 500. Собственников было три: один с одной лавкой в 7500 грошей, один с пятью лавками на сумму 11 000 и один с 15 на сумму 31 000 грошей.

Последним был ряд *продавцов халвы*, состоявший из 41 лавки стоимостью в 78 500 грошей. Владельцев было семь по одной лавке у каждого с оценкой: у пятерых по 2000 грошей и у двух по 2500; восемь человек имели по две лавки стоимостью у пятерых по 4000, у остальных — 5000, 5500 и 6000; у одного было четыре лавки на сумму 4000 грошей; двое имели по семь лавок с оценкой в 10 000 и 17 500 грошей.

Кроме того, на ярмарке было три *хлебопекарни*, принадлежавших двум владельцам. У одного было две на сумму 6500 грошей, у другого одна, оцененная в 2500 грошей. Имелось и одно зарегистрированное *кафе* в 2500 грошей.

На всей ярмарке было 748 мест с лавками, бараками и другими более крупными или мелкими постройками. Общая оценка равнялась 2 113 850 грошам.

У нас нет описания самой ярмарки, но следует предположить, что расположение лавок не отличалось от расположенной вблизи Ески-Джумайской ярмарки¹¹. Ф. Каниц, посетивший Ески-Джумая и его ярмарку в 70-х годах, сообщает, что ярмарка представляла собой квадратную площадь, огражденную стенами и разделенную также на внутренние каре числом 36 из пяти улиц¹². Нечто подобное, по-видимому, представляла и ярмарка в Хаджиоглу-Пазарджике.

Приводим табл. 1, которая охватывает данные о числе лавок — их распределении по оценкам и общей сумме оценок по отраслям (см. стр. 122).

Из данных о числе и виде лавок, представленных на ярмарке в Хаджиоглу-Пазарджике, видно, что в начале 70-х годов это была уже развитая ярмарка, на которой велась торговля оптом и в розницу, импортными и местными товарами. Наряду с этим выступают и некоторые ее особенности.

Прежде всего нужно отметить, что ярмарка имела не столько общенациональное значение, сколько имела целью удовлетворить нужды населения Хаджиоглу-Пазарджика и его околии,

¹¹ Ески-Джумая, теперь Тырговиште.

¹² E. K a n i t z. La Bulgarie danubienne et le Balkan. Paris, 1882, p. 513.

Таблица 1

Распределение помещений соответственно их оценке на ярмарке в Хаджиоглу-Пазарджике

Ряды	До 1000	1500	2000	2500	3000	3500	4000	4500	5000	5500	6000	Всего	
												лавок	оценка
Увеселительный				9	10	1						11	27 500
Шорный	22	6		7		1						46	82 500
Оптовый		17		3					9			29	78 000
Обувной	34	10	1	3	12	5	14		12		1	92	38 000
Соляной			3	5	10							18	48 500
Бакалейный	35	13	33	5	12	7	13		3			121	246 850
Трактирный	9	2	3	1		1	6		3			34	123 000
Брашовский		9	10	5	2	6	3		11	1		47	145 500
Меховой			1		2							3	8 000
Крупной мануфактуры			6		7	4	2	1	5			25	84 500
Мануфактурный	17	28	13	7	14	6	36		25	1	13	161	526 500
Керосиновый				1			1		6		1	11	51 500
Абаджийский									7			7	35 000
Ножевой	6			1	12	10		1	11			42	150 000
Табачный				10	5	2	9		4	3		35	129 000
Галантерейный			16	4								21	49 500
Торговли халвой	4	2	20	10	5							41	78 500
Пекарни				1	1	1						3	9 000
Кафе				1								1	2 500
Всего	127	88	106	73	92	43	85	6	96	5	15	748	2 413 850

а также Добруджи вообще. Об этом говорит бесспорное преобладание лавок с импортными товарами: мануфактурных, т. е. с импортным текстилем; бакалейных, торгующих колониальными товарами; брашовских, также с импортными товарами; галантерейных и т. д., которые составляли почти половину ярмарки. Большая часть из них — это мелкие лавочки, предназначенные для удовлетворения нужд местных потребителей. Но было и несколько десятков лавок, оцененных высоко (только мануфактурных более чем по 5000 грошей было 45), из них местные торговцы и снабжались товарами на целый год.

Лавок с товарами местного происхождения, которые говорили бы об интересе иностранных торговцев к производству Хаджиоглу-Пазарджика и окрестностей, собственно не было. Обращает на себя внимание небольшое число абаджийских лавок. Это может подтвердить вывод, что ярмарка не посещалась иностранными торговцами, заинтересованными в этом виде товаров, несмотря на близость одного из важных производительных центров домотканой шерстяной ткани («абы») и других шерстяных изделий Котленского Балкана. Очень слабо была представлена торговля меховыми и кожевенными изделиями. Можно предположить, что ими и вообще продукцией скотоводства, развитого в этом краю, как и скотом, торговля велась преимущественно на соседней (она проходила несколько раньше) Ески-Джумайской ярмарке. Имелось три кожевенных лавки. Кожевенные изделия были лучше представлены в шорном ряду — все мелкие лавки до 3000 грошей, снабжавшие население седлами, уздечками и другими изделиями для телег и упряжного животного. Еще лучше кожевенные изделия были представлены в обувном ряду. Домашние туфли («чехли») были основной обувью многочисленного мусульманского населения, жившего в этом районе компактной массой. Таков же характер и остальных рядов — для удовлетворения нужд местного населения, которое все больше обращалось к базару.

Целый ряд занимали керосиновые лавки. Все они из категорий свыше 4000 грошей, т. е. со значительным оборотом. Освещение керосином, как можно заключить, усиленно распространялось внутри страны.

К сожалению, ничего не упоминается о происхождении товара, которым торговали. Единственное указание, говорящее о более определенных торговых связях с внешним миром, — это наличие «брашовского» ряда. Следует предположить, что брашовские деревянные изделия для домашнего употребления — шкафы («ракли»), телеги и прочее, как и текстиль, привозимый из Брашова, поступали в большом количестве, если дали свое имя пяти десяткам лавок.

Ярмарка в Хаджиоглу-Пазарджике является примером все усиливающегося вовлечения широких слоев населения в рыночные отношения. Она не имеет ничего общего с известными ярмарками

в южной Болгарии XVIII и первой половины XIX в., куда стекались караванами иностранные и местные торговцы и обменивали свои товары, чтобы отвезти одни в Константинополь и Салоники или по суше в Среднюю Европу, а другие — местные — на склады в Пловдив, Сливен, Пазарджик и др. Ярмарка в Хаджиоглу-Пазарджике выросла и приобрела большое экономическое значение во второй половине XIX в.

Еще в 1851 г. в одной корреспонденции из Варны сообщалось, что открытие ярмарок в Ески-Джумае и Хаджиоглу-Пазарджике вызвало застой торговли в Варне, так как многие торговцы перешли туда. Но в корреспонденции ясно отмечалось, что Ески-Джумайская ярмарка была более значительной: на нее отправлялось больше торговцев и товаров. «Особенно в Джумае большая ярмарка»¹³. В 60-х годах уже официально уточняется день открытия ярмарки: вместо Георгиева дня, как было раньше, — 15 мая. Была установлена и ее продолжительность — восемь дней¹⁴. Место ярмарки было ограждено стеной, для сооружения которой привлекалось «более ста плотников»¹⁵. После этого власти занялись продажей мест, выступив в 1866 г. с предварительным сообщением и приглашением заинтересованных лиц выкупить непроданные места в следующем году¹⁶. В 1867 г. была открыта телеграфная станция в Хаджиоглу-Пазарджике, а в 1869 г. начала прокладываться дорога в Варну¹⁷. Возросшим значением ярмарки объясняется быстрая покупка мест и строительство описанных выше лавок.

Представление о ярмарке дополнится, если проследить состав собственников (см. табл. 2).

Общее число владельцев равнялось 210. Из них болгар было 72, турок 97, армян 29 и евреев 12. В процентном выражении болгары составляли 34%, турки 46%, армяне 14% и евреи 6%. Но реальная роль представителей различных народностей на ярмарке в Хаджиоглу-Пазарджике определяется соотношением их вложений: болгары — 888 350 грошей, или 42%, турки — 772 650 грошей, или 36,5%, армяне — 383 850 грошей, или 18,5%, и евреи — 69 000 грошей, или 3%.

Важно, однако, подчеркнуть не только значительно большую долю болгар в стоимости собственности и оборота на ярмарке в Хаджиоглу-Пазарджике. Впрочем, и этот факт сам по себе заслуживает внимания, так как обыкновенно принято считать, что в Хаджиоглу-Пазарджике самовластно распоряжался турецкий элемент и турецкий капитал. Необходимо отметить также

¹³ «Цариградски вестник», год I, № 35, от 19.V 1857.

¹⁴ Газ. «Дунав», год IV, № 273, от 5.V 1868.

¹⁵ «Дунав», год II, № 72, от 11.V 1866.

¹⁶ «Дунав», год II, от 11.V 1866; год III, № 176, от 21.V 1867.

¹⁷ «Дунав», год III, № 176, от 21.V 1867; год IV, № 273, от 5.V 1868; год V, № 368, от 13. IV 1869.

Распределение вкладчиков по народностям

Ряды	Болгары	Турки	Армяне	Евреи	Всего
	сумма				
Увеселительный	7 500	20 000			27 500
Шорный		73 500		9 000	82 500
Оптовый	25 000	33 000	5 000	15 000	78 000
Обувной	57 500	101 000	73 500	6 000	238 000
Соляной	24 000	24 500			48 500
Бакалейный	138 350	101 150	7 350		246 850
Трактирный	105 000	12 000	6 000		123 000
Брашовский	121 000	24 000			145 500
Меховой			8 000		8 000
Крупной мануфактуры		57 500	27 000		84 500
Мануфактурный	188 000	108 000	226 500	4 000	526 500
Керосиновый	29 000	7 500	10 000	5 000	51 500
Абаджийский	35 000				35 000
Ножевой	125 000	25 000			150 000
Табачный	26 000	74 000	12 500	16 500	129 000
Галантерейный		42 000		7 500	49 500
Торговли халвой		64 500	8 000	6 000	78 500
Пекарни	6 500	2 500			9 000
Кафе		2 500			2 500
Всего	888 350	772 650	383 850	69 000	2 113 850

характер болгарского капитала. Если относительно турецких капиталов есть основания предполагать, что они могли иметь феодальное происхождение, то для болгарского эта возможность исключена. По данным документа нельзя судить о давности происхождения болгарского капитала и той отрасли хозяйства, где он первоначально оформился. Но не вызывает сомнения, что болгарский капитал, вложенный в ярмарку Хаджиоглу-Пазарджика, связан с новыми отраслями, развитие которых получает размах в XIX в., или с отраслями, в которые болгары проникают сравнительно поздно. Об этом говорят как данные о распределении вложений по народностям, так и место происхождения вкладчиков.

При рассмотрении табл. 2 можно наблюдать распределение вложений между отдельными народностями, известное предпочтение, которое представители различных народностей оказывали некоторым отраслям. Кроме того, проявляются некоторые данные о направлениях в развитии болгарской торговли. Очень характерно положение в мануфактурном ряду. В этом основном ряду ярмарки армяне превосходили относительно (64% всех их вложений против 22% турок и 21% болгар) и абсолютно представителей остальных народностей, участвовавших в ярмарке. Вложения турок также

превосходили болгарские¹⁸, если прибавим к мануфактурным и родственные галантерейные лавки. Это, впрочем, естественно, если иметь в виду сложный путь, который должен был пройти болгарский торговый капитал, чтобы проникнуть в торговлю мануфактурными товарами. Торговля мануфактурными и галантерейными товарами — главная статья импорта в Османскую империю — долгое время была монополизирована представителями европейских государств и таких народов, населявших Османскую империю, как евреи, армяне, греки, турки. В этой отрасли завоевание позиций болгарам происходило очень медленно. Подобное положение было и в бакалейном ряду. Там, однако, болгарам удалось в большей степени выдвинуться. Болгарский торговый капитал безраздельно господствовал в торговле импортными товарами лишь в том случае, когда рассчитывал на особенно благоприятное стечение обстоятельств, как это было в Брашове: наличие большой болгарской колонии в этом городе. Совершенно иная картина наблюдается в новой отрасли — торговле керосином. Болгары имели в ней больше вложений, чем представители всех других народностей вместе.

В отношении местных товаров турки благодаря большому размеру своих вложений в обувной и шорный ряды оспаривали первенствующую роль болгар. Они держали в своих руках еще увеселительный ряд, ряд торговли халвой и большую часть табачных и оптовых рядов. Армяне также имели значительные вложения в обувной и меньше в табачный и другие ряды. Болгары, однако, держали целиком в своих руках трактирный и ножевой ряды, именно благодаря которым им удалось превзойти в общей сумме вложений представителей остальных народностей. Они имели вложения и в других рядах, особенно в соляном, обувном, оптовом и табачном; болгарскими были и несколько абаджийских лавок.

Следующая таблица раскрывает суммы вложений на ярмарке торговцев из каждого города в целом и по отраслям, а также соотношение между ними (см. табл. 3).

Почти 30% вложений падали на Хаджиоглу-Пазарджик. Вложения Шумена составляли 13%, Варны — 8%, Силистры — 7,5%, Константинополя — 7%, остальных 18 населенных пунктов — 18%; такой же процент вложений приходится на торговцев, место происхождения которых не указано. Эти данные еще раз подтверждают, что ярмарка в Хаджиоглу-Пазарджике имела преимущественно местное значение с привлечением капиталов торговцев и других вкладчиков из сравнительно ограниченного района с центром в самом городе. Об этом говорит и другой факт: решительное

¹⁸ Мы говорим только о болгарях, хотя среди торговцев были и греки, если судить по именам. Но сделать разграничение между болгарями и греками только по именам невозможно.

преобладание вложений из внутренних населенных пунктов по сравнению с портовыми. Если даже принять, что для вложений из Варны, Балчика, Силистры, Русе определяющее значение имело близкое соседство (что в сущности было закономерно), а посредническая их роль в импорте-экспорте объяснялась тем, что это были важные портовые центры, то вместе с Константинополем и всеми остальными гаванями они составляли едва около 30% вложений, т. е. такую же сумму, как и один Хаджиоглу-Пазарджик.

На ярмарке были представлены в различной мере почти все более значительные села Добруджи и большие города восточной Болгарии, к хозяйственному хинтерланду которых относился и Хаджиоглу-Пазарджик.

В процентном выражении вложения отдельных городов по отраслям выглядит так:

увеселительный ряд — Шумен 36%, Ниш 18%, Тырново 9%, неизвестные 36,5%;

шорный ряд — Хаджиоглу-Пазарджик 68%, Шумен 18%, Русе 10%, неизвестные 4%;

оптовый ряд — Хаджиоглу-Пазарджик 32%, Шумен 32%, Константинополь 6,5%, Русе 13%, Плевен 1,5%, неизвестные 15%;

обувной ряд — Хаджиоглу-Пазарджик 40%, Шумен 40%, Силистра 16,5%, неизвестные 6,5%;

соляной ряд — Константинополь 63%, Хаджиоглу-Пазарджик 33%, Силистра 4%;

бакалейный ряд — Варна 26%, Разград 12%, Хаджиоглу-Пазарджик 11%, Константинополь 6%, Гелинджик 7%, Меджидие 4%, Котел 3%, Теке 2,5%, Битоль 2%, Шумен 2%, Ески-Джумая 2%, неизвестные 22,5%;

трактирный ряд — Хаджиоглу-Пазарджик 33,5%, Разград 19,5%, Балчик 16%, Джебизли 16%, Варна 15%;

брашовский ряд — Силистра 46,5%, Хаджиоглу-Пазарджик 29%, Лясковец 18%, Тырново 5%, Шумен 1,5%;

меховщики — из Шумена;

крупные мануфактуристы и мануфактурный ряд — Хаджиоглу-Пазарджик 32%, Шумен 16%, Константинополь 9%, Варна 6,5%, Балчик 3%, Димотика 2%, Бургас около 2%, Ески-Джумая 2%, Русе 0,5%, Меджидие 0,5%, Гелинджик 1%, неизвестные 23,5%;

керосиновый ряд — Тырново 38%, Хаджиоглу-Пазарджик 20% Шумен 20%, Константинополь 2%, неизвестные 20%;

абаджии — Силистра 60%, Тулча 40%;

пожевой ряд — Хаджиоглу-Пазарджик 27%, Константинополь 17%, Балчик 15%, неизвестные 41%;

табачный ряд — Варна 26%, Хаджиоглу-Пазарджик 19,5%, Русе 10,5%, Шумен 4%, неизвестные 40%;

галантерейный ряд — Константинополь 60%, Хаджиоглу-Пазарджик 22%, Адрианополь 18%;

Место происхождения

Город	Ряд							
	увесели- тельный	шорный	олговый	обувной	соляной	бакалей- ный	трактир- ный	бра- шповский
Хаджиоглу- Пазарджик .	—	56 000	25 000	92 000	16 000	27 000	41 000	42 000
Шумен	1 000	15 000	25 000	91 000	—	4 000	—	2 500
Варна	—	—	—	—	2 500	65 500	18 000	—
Силистра	—	—	—	39 500	30 000	—	—	67 000
Константиноп.	—	—	5 000	—	—	15 850	—	—
Балчик	—	—	—	—	—	—	20 000	—
Разград	—	—	—	—	—	29 000	24 000	—
Русе	—	9 000	10 000	—	—	—	—	—
Ески-Джумая	—	—	—	—	—	4 000	—	—
Тырново	2 500	—	—	—	—	—	—	7 500
Лясковец	—	—	—	—	—	—	—	26 500
Гелинджик * . .	—	—	—	—	—	17 000	—	—
Джевизали ** . .	—	—	—	—	—	—	20 000	—
Тулча	—	—	—	—	—	—	—	—
Меджидие	—	—	—	—	—	10 000	—	—
Димотика	—	—	—	—	—	—	—	—
Бургас	—	—	—	—	—	—	—	—
Адрианополь . .	—	—	—	—	—	—	—	—
Котел	—	—	—	—	—	7 500	—	—
Теке ***	—	—	—	—	—	6 000	—	—
Ншш	5 000	—	—	—	—	—	—	—
Битоль	—	—	—	—	—	4 000	—	—
Плевен	—	—	1 500	—	—	—	—	—
Неизвестные . .	10 000	2 500	11 000	15 500	—	57 000	—	—
Всего	27 500	82 500	78 000	238 000	48 500	246 850	123 000	145 500

* Ныне Победа, Толбухинско-
щице, Балчишко.

** Ныне Орешак, Варненско.

*** Ныне Обро

Таблица 3

вложений

Ряд										
меховой	крупной ману-фактуры	ману-фактур-ный	кероси-новый	абалжий-ский	ножевой	табач-ный	галанте-рейный	халвы	кафе, пе-карни	Всего
—	27 000	167 000	10 000	—	40 000	25 500	11 000	21 500	5 500	607 000
8 000	10 500	87 500	10 000	—	—	5 000	—	2 000	—	270 500
—	—	40 000	—	—	—	34 000	—	—	2 500	162 500
—	—	—	—	20 000	—	—	—	—	—	156 500
—	25 000	29 500	2 500	—	25 000	—	31 000	14 000	—	147 850
—	—	18 000	—	—	22 500	—	—	—	3 500	64 000
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	53 000
—	—	4 000	—	—	—	13 500	—	6 000	—	42 500
—	—	8 000	—	—	—	—	—	27 000	—	39 000
—	—	—	19 000	—	—	—	—	—	—	29 000
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26 500
—	—	4 500	—	—	—	—	—	—	—	21 500
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20 000
—	—	—	—	15 000	—	—	—	—	—	15 000
—	—	13 000	—	—	—	—	—	—	—	13 000
—	—	12 000	—	—	—	—	—	—	—	12 000
—	—	0 000	—	—	—	—	—	—	—	10 000
—	—	—	—	—	—	—	7 500	—	—	7 500
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7 500
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6 000
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5 000
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4 000
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 500
—	22 000	143 000	10 000	—	62 500	51 000	—	8 000	—	392 500
8 000	84 500	526 500	51 500	35 000	150 000	129 000	49 500	78 500	11 500	2 113 850

ряд продавцов халвы — Ески-Джумая 33%, Хаджиоглу-Пазарджик 27%, Константинополь 20%, Русе 7,5%, Шумен 2,5%, неизвестные 10%.

Две хлебопекарни были собственностью жителей Хаджиоглу-Пазарджика, одна — жителя Балчика, а кафе — Варны.

Как видно, существовало различие не только в объеме вложений, но и в распределении их по отраслям. Это нашло свое выражение в первенствующей роли данного селения в соответствующей отрасли. Труднее всего констатировать это в отношении Хаджиоглу-Пазарджика, потому что все крупные и мелкие торговцы и производители различных отраслей этого города стремились принять участие в ярмарке. Но даже и для него можно наметить отрасли, в которых местные жители преобладали со своими вложениями. Безусловным является преобладание торговцев и производителей Хаджиоглу-Пазарджика в шорном ряду — 68% и в мануфактурном — 32%, где они имели вдвое больше капиталовложений, чем следующие за ними по размеру вложений шуменцы. Далеко впереди других они были также в трактирном ряду — 33,5% при 19,5% и в ножевом ряду соответственно 27% против 17%. В других двух рядах они участвовали наравне с Шуменом. Вместе с ним они располагали 80% капиталовложений в обувном и 64% в оптовом рядах. В остальных рядах вкладчики из Хаджиоглу-Пазарджика играли подчиненную роль. Следовательно, на ярмарке в Хаджиоглу-Пазарджике существовало разграничение во вложениях отдельных городов. Это относилось также и к вкладчикам из самого Хаджиоглу-Пазарджика.

Кожевенные ряды — шорный, обувной и несколько меховщиков, как и мануфактурный ряд, были представлены на ярмарке вкладчиками Хаджиоглу-Пазарджика и Шумена.

Варненские вкладчики распоряжались главным образом в двух рядах: бакалейном и табачном. В первом они оставили далеко позади себя вкладчиков из Разграда, Хаджиоглу-Пазарджика и Константинополя. Во втором относительное участие вкладчиков из Хаджиоглу-Пазарджика и Русе было большим.

Брашовский ряд находился в руках торговцев из Силистры, бывшей ближайшим приемным пунктом брашовского товара на Дунае. В этой торговле участвовали, кроме того, местные торговцы из Хаджиоглу-Пазарджика, а также из Тырнова и Лясковица — селений, которые в течение всего XIX в. были экономически связаны с Брашовым.

Константинополь почти монополизировал соляной ряд. Известный процент вкладчиков был из Силистры. Велик был процент местных торговцев солью из Хаджиоглу-Пазарджика. Константинополь ввозил галантерейные товары.

В керосиновом ряду больше всего вкладчиков было из Тырнова — столько, сколько их было из Хаджиоглу-Пазарджика и Шумена вместе взятых. Можно считать, что это было связано с ввозом

керосина из Румынии, торговые связи тырновцев с которой были прочными.

Картина ярмарки будет неполной, если не привести сведений о самих владельцах. Это позволит более точно определить характер и самих вложений. Для этой цели мы обобщили данные о владельцах, которые имели на ярмарке лавки стоимостью от 10 000 грошей и выше. Граница выбрана произвольно, но она несомненно дает возможность выявить крупных торговцев и производителей. С одной стороны, речь идет о лицах, которые владели лавками на ярмарке или отдавали их в наем, имея при этом свои мастерские, лавки, склады в основном месте жительства. С другой стороны, сама оценка 10 000 грошей была сравнительно высокой, имея в виду, что в тот период средние цены на лавки и дома в городах этого края были ниже — 5000 грошей¹⁹ (см. табл. 4).

Приведенные данные о более зажиточных владельцах могут уточнить выводы об участии на ярмарке в Хаджиоглу-Пазарджике различных народностей. Примерно половина собственников болгар и армян владела около 80% всех вложений. Совпадение числа более зажиточных собственников и суммы их вложений говорит об известной закономерности и выделении более богатых элементов и участии их в ярмарке. Не отличается по размеру вложений группа самых крупных вкладчиков, совпадает и верхняя граница: двое болгар и один армянин приблизительно по 50 000 грошей, трое армян и один болгарин по 30 000 грошей, четверо болгар и один армянин свыше 20 000 грошей.

Более различно положение у турок. Среди них бросается в глаза прежде всего небольшое число зажиточных собственников (около 16% владели 75% вложений). Основная масса турок, участвовавших в ярмарке, были мелкие производители и торговцы, разбросанные по несколько человек во всех рядах. Этому слою противостоит с десяток крупных собственников и, что важно в данном случае, не только по размерам вложений, но и по характеру деятельности. Половина из более зажиточных турок — все с вложениями более 13 000 грошей — имели по несколько лавок в нескольких рядах. Единственный собственник на ярмарке, имущество которого было оценено в четыре раза выше, чем имущество крупнейшего вкладчика из болгар и армян, был турок Молла Бекир. Это типичный случай, когда владелец денежного капитала искал ему доходного применения в покупке недвижимого имущества. Сдачей ярмарочных помещений в наем он обеспечивал себе значительную ренту. Таковы и остальные более крупные владельцы-турки. О том же говорит состав их собственности: большая сумма получается не от высоко оцененных лавок, а от наличия сотни барачков.

¹⁹ Народная библиотека «Васил Коларов», София, Восточный отдел, сигн. регистры, ф. 22, д. 633, переписи населения г. Добрича.

№ п/п	Имя	Место происхождения	Вложения по отраслям	Всего	
				Число лавок	лавок вложений
1	Мардирос сын Гарабета	Бургас	Мануфактурная	3	3
2	Саркис Севкисоглу	Варна	»	3	3
3	Яко сын бая Артина	Шумен	»	2	2
4	Бедрос сын Антона	Константиноп.	»	2	2
5	Магърдич Стефаноглу	Шумен	Обувная	3	3
6	Стефан сын Оханеса	Неизвестно	Мануфактурная	4	4
7	Саркиз Топсакалоглу	Силистра	Обувная	3	3
8	Хаджи Оханес Лалаоглу	Неизвестно	»	7	7
9	Хаджи Оханес сын Степана	»	Мануфактурная	13	13
10	Каприел Топсакалоглу	Силистра	Обувная	5	5
11	Хаджи Гарабет Рехайоглу	Шумен	Мануфактурная	6	6
12	Хачик сын Мардироса	Неизвестно	»	7	7
13	Хаджи Кеворк сын Каприела	»	»	10	10
14	Артин сын Киркора	Хаджиоглу-Пазарджик	»	6	6
			Табачная	5	5
			Керосиновая	2	2
			Трактирная	3	3
				16	16
					50 000
				89	лавок
			Всего 14 человек с вложениями в грошах	302 000	

* В 1873 г. часть его лавок, а именно: табачные, мануфактурные и керосиновые были переоценены в сторону значительного снижения. Общая сумма стала 20 500 грошей. Среди армин был еще один собственник 13 мест по 1 тыс. грошей, которые, однако, были вдруг переоценены в 450 с обозначением «пустырь». Этот случай оставлен вне категории свыше 10 тыс. грошей.

Болгары

№ п/п	Имя	Место происхождения	Вложения по отраслям	Число лавок	Всего	
					лавок	вложений
1	Желез сын п. Георги	Хаджиоглу-Пазарджик	Мануфактурная	3	3	10 000 *
2	Хаджи Янко сын Вичо	Не указано	Керосиновая	2	2	10 000
3	Петко сын Стояна	Меджидие	Бакалейная	3	3	10 000
4	Злати сын Филипа	Гелинджик	»	3	3	10 500
5	Хаджи Павли сын Милуша	Лясковец	Брашовская	2	5	19 500
6	Стефчо	»	»	2		
	— оба вместе на паях	»	»	1		3 500
7	Тодор сын Минчо	Хаджиоглу-Пазарджик	Мануфактурная	2	2	12 000
8	Иван сын Ради	Не указано	Ножевая	3	3	12 000
9	Иван сын Дойчо	»	Бакалейная	3	3	13 000
10	Иван Джумалиоглу	Балчик	Ножевая	4	4	13 500
11	Даскал сын Димитра	Не указано	»	5	5	15 000
12	Хаджи Янако сын Флори	»	»	5	5	15 000
13	Райчо сын Танаса	Силистра	Брашовская	3	3	15 000
14	Николачо Куртевич	Тулча	Абаджийская	3	3	15 000
15	Паруш ?	Варна	Мануфактурная	3	3	15 000
16	Христаки ?	»	»	3	3	15 000
17	Парашкев Паскалиоглу	»	Бакалейная	4	4	15 000
18	Паруш сын Йорги	Варна	Табачная	1	3	16 500
	Мария дочь Йорги	»	»	2		
19	Йорги сын Чауланоглу	Хаджиоглу-Пазарджик	Мануфактурная	3	3	17 000
20	Хаджи Йорги сын Парашкева	Не указано	»	6	10	17 000
			Брашовская	4		

* Единственный случай увеличения оценки при переоценке с 5 тыс. грошей до 7,5 тыс. грошей. Остатком по первой оценке.

Таблица 4 (продолжение)

№ п/п	Имя	Место происхождения	Вложения по отраслям	Число лавок	Всего	
					лавок	вложенный
21	Тодор сын Ивана	Не указано	Ножевая	2	2	17 500 *
22	Васил сын Руси	Балчик	Мануфактурная	2	4	8 000
	Райчо сын Руси	»	»	2		10 000
23	Колоу сын Хаджи Костан	Шумен	»	3	3	18 000
24	Манол Балтаджюглу	Не указано	»	3	3	18 000
25	Тодор сын Христо	Шумен	Обувная	6	6	19 000
26	Иванчо Бенюглу	»	»	6	6	19 000
27	Недо сын Йовчо	Тырново	Керосиновая	4	4	19 000
28	Йорги сын Йорги	Силистра	Абаджийская	4	4	20 000
29	Сакъзли Йорги	Хаджиоглу-Пазар-джик	Трактирная	3	3	20 000
		»	»	3	3	20 000
30	Тодор сын Димитра	Джевизали	»	3	3	20 000
31	Петър сын Станю	Балчик	Бакалейная	5	5	21 000
32	Топал Лефтероглу Янко	Варна	Ножевая	6	6	23 500
33	Ганчо сын Радула	Хаджиоглу-Пазар-джик	Обувная	6	6	23 500
		»	»	3	3	12 000
34	Петър сын Велю	Шумен	Мануфактурная	3	6	24 000
35	Балтаджюглу Иван сын Йорги	Хаджиоглу-Пазар-джик	»	3	3	15 000
		»	Трактирная	3	6	30 000
36	Хаджи Васил сын Ивана	»	Брашовская	11	11	52 000
37	Атанас сын Христо	Силистра	Бакалейная	13	13	36 000
38	Алекси сын Христо	Разград	Трактирная	6	19	60 000
			Всего 38 собственников с вложениями в грошах	178		708 500
				лавок		

* В документе отмечено: «Лавка с надстройкой».

№ п/п	Имя	Место происхождения	Вложения по отраслям	Число лавок	Всего	
					лавок	вложений
1	Осман сын Мехмеда	Х. Пазарджик	Бакалейная	5	5	10 000
2	Нури заде Хасан ага	Не указано	»	10	10	10 000
3	Джирвет ефенди	Русе	Табачная	2	2	10 000
4	Хаджи Осман сын Мехмеда	Силистра	Обувная	3	3	10 500
5	Къбръз сын Мехмеда	Димотика	Мануфактурная	3	3	12 000
6	Мехмед чауш	Варна	Бакалейная	3	3	12 000
7	Баджемпоглу Хасан сын Хюсеина	Неизвестно	Табачная	5	5	12 500
8	Хаджи Мехмед сын Идриса	Не указано	»	3	3	13 000
9	Молла Якуб сын Хаджи Емина	Гелинджик	{ Мануфактурная Бакалейная	2 7	9	16 500
10	Ибрахим Язаджи сын Али в компании с Авраамом, семь помещений	Варна	Трактирная Керосиновая Бакалейная	11 1 11	23	24 500
11	Преселник Сеид ефенди в компании с Арсланом	Хаджиоглу-Пазарджик	Мануфактурная Бакалейная	3 6	9	25 500
12	Хюсмен ефенди сын Ахмеда	»	{ Бакалейная Брашовская Соляная Увеселительная	5 4 3 3	15	27 000

* На семь помещений указан лишь доход 50, т. е. они были оценены по 500 грошей.

Т а б л и ц а 4 (окончание)

№ п/п	Место происхождения	Вложения по отраслям	Число лавок	Всего			
				лавок	вложений		
13	Грасие дочь Арслана	Шумен	8	10	28 000		
						Мануфактурная	22 000
14	Сапахизаде Хаджи Неджиб ефенди сын Солеймана	Константинополь	7	13	4 600		
						Меховая	6 000
						Мануфактурная	22 500
						Бакалейная	8 500
						Ножевая	15 000
15	Бейлероглу Агия сын Сервие	Константинополь	8	31	57 500		
						Ножевая	10 000 *
						Галантерейная	31 000
						Кафе	2 500
						Торговля халвой	14 000
16	Молла Бекир сын хаджи Мехмеда Хатидже, супруга Молла Бекира Ракибе, супруга Молла Айше, дочь Молла	Хаджиоглу-Пазарджик	48	121	206 500		
						Мануфактурная	79 000
						Галантерейная	11 000
						Брашовская	18 000
						Соляная	7 500
						Торговля халвой	15 000
						Обувная	52 000
						»	7 000
						Мануфактурная	10 000
						Обувная	5 000
»	2 000						

* Шесть помещений были переоценены как баракки. Переоценка лавок в галантерейном и ряду торговли халвой изолированы, не затрагивают остальные лавки, поэтому мы придерживаемся старой оценки.

В этом проявляется и основное различие между более крупными вкладчиками турецкого происхождения, с одной стороны, и болгарского и армянского, с другой. Среди последних был только один армянин из Хаджиоглу-Пазарджика — Артин сын Киркора, к которому полностью относится сказанное о Молле Бекире и остальных более крупных турецких вкладчиках. Остальные трое вкладчиков, представленные каждый в двух рядах, носят признак своей профессии. Первым по величине вкладчиком среди болгар был Алекси сын Христо из Разграда, который владел несколькими бакалейными лавками и трактирами. Следующий за ним, Хаджи Васил, также держал несколько трактиров и несколько мануфактурных лавок. Третьим по величине вкладчиком в двух рядах был Балтаджиоглу Иван из Хаджиоглу-Пазарджика. Он имел лавки в ножевом и мануфактурном рядах. Но как показывает само его имя, он был торговцем скобяным товаром («брадвар»). Самым же крупным вкладчиком был Атанас сын Христо из Силистры, торговец брашовскими товарами. Все его 11 лавок были в брашовском ряду. То же явление мы наблюдаем и среди армян.

Все это показывает, что ярмарка в Хаджиоглу-Пазарджике была ярмаркой местных мелких товаропроизводителей и торговцев, более зажиточных поставщиков и торговцев из соседних городов, разбогатевших трактирщиков, которые направлялись и в другие отрасли, и нескольких крупных владельцев капитала.

Одна корреспонденция из Хаджиоглу-Пазарджика после ярмарки 1872 г., помещенная в приложении к константинопольской газете «Турция», раскрывает взаимоотношения между продавцами и покупателями. В ней после критики организаторов ярмарки за затяжку ее открытия подводятся общие итоги торговли. На ярмарку прибыли торговцы из разных мест. Они были, однако, сильно встревожены продолжавшейся четыре месяца засухой, которая угрожала урожаю и обрекла население на разорение. Разразившиеся дожди изменили условия и вернули населению надежду расплатиться с долгами, а торговцам — получить их. Но вопреки уверениям, что ярмарка протекала хорошо и что участвовавшие в ней имели основание «быть довольными, потому что они продали все свои товары по хорошим ценам и за наличные», корреспондент не упустил случая отметить существенное отличие ярмарки того года от предшествующих. Это было «отсутствие крестьян». Как пишет корреспондент, «торговцы, которые одалживали им четыре года подряд деньги, так как до сего времени не могли собрать свои деньги, отказались одолжить им опять. Этот отказ поставил земледельческий класс перед фактической невозможностью что-либо покупать на ярмарке, как это было каждый год»²⁰. Сельское население, следовательно, было одним из

²⁰ Газ. «Турция», очередное приложение к № 21 от 11.VII 1872. Царьград.

основных, если не главным, покупателем товаров на ярмарке в Хаджиоглу-Пазарджике. Именно на него рассчитывали участвовавшие в ярмарке торговцы, предоставляя ему в кредит большую часть товаров.

Вместо заключения приведем для сравнения данные о ярмарке в Узунджове. Правда, они относятся к совершенно другому району Болгарии и хронологически их разделяет период около 15 лет. Но в данном случае эти сведения помогут больше выявить особенности ярмарки в Хаджиоглу-Пазарджике.

Н. Геров делит помещения Узунджовской ярмарки на три группы: для торговли импортными, местными и смешанными товарами. В первой группе было 200 лавок с меховым товаром, оцененных в среднем в 100 000 грошей, 210 лавок с европейскими хлопчатобумажными тканями общей стоимостью около 2 000 000 грошей (в тексте ошибка — 20 млн.), 32 с суконными тканями, оцененных от 100 до 400 000 грошей, и 40 — для колониальных товаров, оцененных от 120 000 до 450 000 грошей. Всего на Узунджовской ярмарке было 482 лавки, оцененных в сумме от 2 320 000 до 2 950 000 грошей.

Ряды с местными товарами состояли из 56 лавок для продажи грубой шерсти в кусках и раскроенной, оцененных в 1 400 000 грошей; 60 лавок шерстяного шнура, оцененных в 2 000 000 грошей; 67 лавок шелковой ткани и шнура, оцененных в 900 000 грошей; 12 лавок «мешков из козьего пуха», оцененных в 200 000 грошей; 6 лавок для продажи ковров из Пирота стоимостью около 25 000 грошей; 5 лавок с медной посудой общей стоимостью 800 000 грошей; не отражено число табачных лавок, продававших до 50 000 ок табаку на 750 000 грошей. Всего означенных лавок для торговли местными товарами 206 общей стоимостью 5 325 000 грошей.

Смешанными были лавки для торговли железом — 28, общей стоимостью 700 000 грошей ²¹.

В отличие от ярмарки в Хаджиоглу-Пазарджике здесь стоимость лавок, торговавших местными товарами, была примерно в два раза выше стоимости лавок, торговавших импортными товарами. Если к этому прибавим и различие в количественных показателях, то ясно выступает характер национальной ярмарки первой половины XIX в. (Узунджовской) и ярмарки второй половины XIX в. (в Хаджиоглу-Пазарджике), имевшей более ограниченный район действия, но вовлекавшей в рыночные отношения не только городское, но и сельское население.

Итак, данные описи показывают, что в 70-х годах ярмарка в Хаджиоглу-Пазарджике была хорошо устроенной, обнесенной стенами, с продажей мест частным лицам. Состояла она из 748 помещений, распределенных в 17 рядов. Преобладали лавки для

²¹ Доклад Н. Герова, стр. 37—39.

торговли импортным товаром, главным образом мануфактурными, колониальными и брашовскими изделиями. Из местного производства сильнее всего была представлена торговля туфлями, металлическими и другими изделиями, часть которых, по всей вероятности, была привозной (табак, вино). Среди владельцев лавок более многочисленными были турки, но у болгар была большая доля вложений в собственность и оборот. Данные описи показывают и известное распределение вложений по народностям. Армяне торговали главным образом в мануфактурном и обувном рядах, турки также главным образом в мануфактурном, обувном, шорном и табачном рядах, болгары завоевали серьезные позиции в мануфактурном ряду и держали целиком в своих руках торговлю брашовскими товарами и металлическими изделиями, а также трактиры. У них были вложения и в других рядах. Среди собственников преобладали зажиточные вкладчики, имевшие по нескольку лавок. Имеется известное различие в характере владений крупных вкладчиков турок, с одной стороны, и армян и болгар, с другой. У первых ярко проявляется стремление к покупке имущества и получению с него дохода путем последующей сдачи в наем.

Анализ данных о распределении вложений по месту происхождения показывает участие почти всех более значительных сел Добруджи и Восточной Болгарии в ярмарке, причем и здесь проявляется известная дифференциация во вложениях.

Основными покупателями на ярмарке были мелкие товаропроизводители из Хаджиоглу-Пазарджика и его околии, главным образом крестьяне, которые доставляли необходимые товары или непосредственно на базар или через посредничество крупных и мелких поставщиков. Сильно была развита торговля в кредит.

Ярмарка в Хаджиоглу-Пазарджике имела не общенациональное значение для обмена и торговли оптом привозными и местными изделиями, а более ограниченное, местное значение.

Все это еще раз подчеркивает важность описи для истории социально-экономического развития болгарских земель в XIX в.

Перевод с болгарского А. А. Никольской

ОБЗОРЫ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРВАТСКОГО ГОРОДА

Архивы ФНРЮ хранят немало неизданных документов, представляющих большой интерес для истории социально-экономических отношений в средние века, в том числе и для истории хорватского города. Публикация этих памятников продолжается в Загребе и других городах, и тем не менее возможности в этом плане далеко не исчерпаны. Об этом свидетельствует хотя бы опись актов, хранящихся в архиве г. Риеки¹. Не считая четырех десятков монастырских и частных грамот XV—XVIII вв., здесь хранится 15 неопубликованных книг протоколов, регистров, судебных решений городской коммуны, общий объем которых равен 4703 пергаментным листам². К публикации этого богатства приступили лишь в последние десятилетия, и в этом направлении предстоит еще очень большая работа.

Изданием рукописей, находящихся в этом хранилище, занимается «Вестник государственного архива в Риеке», выходящий в Пуле и Риеке с 1953 г. До настоящего времени появилось четыре тома, содержащих статьи И. Беуца о коммуне г. Осор и публикацию Л. Кошуты глаголических текстов из осорского архива³, работу С. Антоляка о связях Задара и Риеки в средние века, статут Задара 1305 г., подготовленный к печати И. Беуцем⁴, и другие материалы. Одним из наиболее обширных документов, публикацию которого предпринял «Вестник», является книга нотариальных записей городского нотариуса Риеки Антона де

¹ «Inventar arhiva grada Rijeka». «Vjesnik državnog arhiva u Rijeci» (далее — VDAR), sv. IV, Rijeka—Pula, 1957, str. 413 i sl.

² «Inventar. . .», str. 420—421.

³ I. B e u c. Osorska komuna u pravno-povijesnom svjetlu; L. K o š u t a. Glagoliski tekstovi u arhivu osorske općine. VDAR, sv. I, 1953.

⁴ S. A n t o l j a k. Veze između Zadra i Rijeka u srednjem vijeku; I. B e u c. Statut zadarske komune iz 1305 godine. VDAR, sv. II, 1954.

Ренно из Модены, относящаяся к середине XV в. (1436—1461)⁵. Этот огромный пергаментный кодекс на 749 листах начали публиковать уже в начале нынешнего столетия, но до сих пор была издана лишь одна его треть⁶. Мирко Зьячич, подготавливающий памятник к печати, не ставит задачи переиздать его полностью, он публикует лишь оставшиеся неизданными две трети. Однако параллельно М. Зьячич производит сверку с оригиналом первой изданной части рукописи. Результатом этой работы является обширный и детально выверенный список исправлений⁷, который позволяет считать публикацию М. Зьячича первым научно выдержанным изданием этого важного памятника. Издание важно не только тем, что здесь впервые собраны все нотариальные записи с 1436 по 1461 г., но и тем, что обстоятельная вступительная статья М. Зьячича позволяет ориентироваться в содержании источника.

Во вступительной статье издатель сообщает о характере городского управления (стр. 14—16) и о порядке принятия решений городским советом (вечем) (стр. 10—14), характеризует состав ремесленного населения Риеки (стр. 21) и торговые связи ее с соседними областями (стр. 18—19), сообщает о власти феодального семейства Вальсе над городом (стр. 16—18). Судя по этой характеристике, городское управление включало в себя «вече» довольно узкого состава: число «вечников» (*consiliarii*) колеблется от 8 до 12. Во главе «веча» стоял «капитан», назначаемый сеньором города, в то время им был Румперт де Вальсе, представитель крупной землевладельческой знати из Истрии⁸ (в середине XV в. город еще сохранял свою зависимость от феодала). Эта зависимость накладывает отпечаток на торговую политику города — никто не может продавать вина в тавернах после того, как начнет продаваться вино сеньора (акт от 25. IV 1444). Правда, власть сеньора над городом подверглась известным ограничениям, так «вече» отказалось принять в свой состав сэра Каstellина де Пенсауро, хотя на его кандидатуре настаивал Румперт де Вальсе (акт 19. VIII 1437). Тем не менее городское управление официально возглавляется ставленником сеньора — «капитаном» и только ниже его стоят «сатник», «канцеляр» — нотариус (должность которого и занимает составитель книги Антон де Ренно),

⁵ Knjiga riječkog kancelara i notara Antuna de Renna de Mutina. VDAR, sv. III, 1955—1956, str. 5—343; sv. IV, str. 89—225; sv. V, 1959, str. 257—459.

⁶ «Monumenta di storia Fiumana. II libro del Cancelliere», vol. 1. Cancelliere Antonio de Renno, Fiume, 1912. Спустя 20 лет была опубликована еще небольшая часть книги — см. «Fiume», rivista semestrale della Società di Studi Fiumani in Fiume, 1931, pp. 5—153.

⁷ Knjiga. . . VDAR, sv. III, str. 22—90.

⁸ О владениях семейства Walsee см. М. К о s. Jedan urbar iz vremena око 1400 o imanjima Devinskih i Walseeovaca na Kvarneru. VDAR, sv. III, 1955—1956, str. 3—20.

сборщик податей, оценщики имущества (*aestimatores, mensores*), полевые сторожа и глашатай.

Риека в середине XV в. представляла собой центр активных торговых операций иностранных купцов. Многие из них подолгу проживали в городе, приобретая статус *habitatores*, но не становясь гражданами (*cives*). Торговля велась как с городами Далмации и Истрии, так и с итальянскими центрами — Венецией, Анконой, Барлето, торговые связи города достигают Пелопоннеса и Испании. Среди предметов вывоза важное место занимает железо из Словении, которое активно обменивается на оливковое масло, вино, сушеные фрукты; вывозится также кожа, шерсть, бумага. М. Зьяичич отмечает, что Риека была также и крупным ремесленным центром, в списке ремесленных профессий можно найти каменщиков, деревообделочников, мельников, мясников, но еще чаще упоминаются портные, сапожники, ювелиры. Однако в своей вводной статье М. Зьяичич не дает представления о характере ремесленного производства, он ограничивается перечислением ремесленных специальностей. Он квалифицирует акты, вышедшие из городской канцелярии, лишь по формальному признаку, подразделяя их на частно-правовые (соглашения, завещания, свидетельские показания) и публично-правовые (вечевые решения, судебные приговоры и т. д.). По этому перечню трудно получить представление о производственной жизни города и еще труднее — о социальных отношениях в нем.

Между тем памятник содержит массу ценного материала, позволяющего не только судить об этническом составе населения, как это делали до сих пор⁹, но и воссоздать картину хозяйственной и общественной жизни средневековой Риеки. Для того чтобы представить, что может дать источник в этом отношении, мы попытались рассмотреть акты, относящиеся к одному только году, и остановились на 1450 г. (Выбор этой даты произволен, с таким же успехом мы могли бы избрать акты, относящиеся к любому другому году из 1436—1461 гг., нашедших свое отражение в книге). Если изучить свыше сотни актов, записанных под 1450 г. и занимающих 46 страниц, то перед нами откроется широкая картина ремесла, торговли и кредита, взаимоотношений между патрициатом, ремесленниками и иноземными купцами.

Формула актов традиционна и стереотипна. В некоторых случаях нотариус даже не утруждает себя записью полной формулы, а пишет лишь: *dans et cetera; promittens et cetera*. Эта устоявшаяся формула фиксирует главным образом долговые обязательства, их — подавляющее большинство. Но стоит лишь присмотреться к повторяющимся выражениям *fuit contentus et confessus se habuisse ac recepisse, fuit contentus*, как можно обнаружить, что за ними скры-

⁹ См. F. Barbalić. *Pitanje demografiji u Rijeci*. Zbornik «Rijeka», Zagreb, 1953, str. 16.

ваются совершенно различные ситуации. Лишь четвертая часть актов — 23 из 108 — представляет действительный заем денег (*nomine mutui* по терминологии книги). При этом характерно, что крупными суммами кредитуются главным образом землевладельцы, купцы и очень состоятельные мастера-ювелиры. 128 дукатов берет в долг крупный земельный собственник (стр. 303), 240 — ювелир (стр. 335), 39 — рыцарь (стр. 337). Мелкими же суммами (3—15 дукатов) обычно пользуются ремесленники и мелкие торговцы, причем сделки последних исчисляются не в дукатах, а в меньших единицах — лирах¹⁰. 22 лиры берет в долг «воскар» (*voschar* — свечник, стр. 305), 13 лир — портной, 9 дукатов *stacionarius* (владелец пристани? от *stacio* — пристань, стр. 317), 3 дуката — владелец баркаса (*patronus. . . barchusii*, стр. 317). Два соседних акта рисуют жизненную сценку: некий Чернолич признал свой долг кредитору на 34,5 лиры и тут же, в курии нотариуса, оказался вынужденным подписать новое долговое обязательство уже на 40 лир (стр. 296).

Однако в большинстве случаев денежные обязательства являются лишь кредитным оформлением *торговой* сделки. Покупается шерсть (стр. 299), кожи (стр. 294, 298), лес (стр. 304), шафран (*crocus*, стр. 317), быки (стр. 322, 332). Как правило, это сырье для ремесленного производства. Эти сделки поддерживают мелкое ремесленное производство, они совершаются скромными бюргерами, не пользующимися никакими привилегиями, и это хорошо иллюстрируется способом обеспечения данного им кредита. В залог они отдают свой дом, да еще с обязательством сразу же освободить его при неуплате в срок. Нелишне заметить, что дом или виноградник принимается в качестве залога только у ремесленников или мелких торговцев. Привилегированные члены городского управления — судьи — отделяются залогом в несколько мер (*vassellos*) вина (стр. 300) или же поручительством другого лица, часто тоже судьи (стр. 304—305). Когда же кредитные сделки совершают дворяне (*milites, viri nobiles*), то для их кредитора оказывается достаточным имени их сеньора — Стефана или Ивана Франкопанов (стр. 304, 334) или же владельца города из рода Вальсе (стр. 308). Развитие новых отношений, рост денежных операций оказывается, таким образом скованным старыми сословными нормами.

Тем любопытнее приход непривилегированных бюргеров к крупным торговым операциям. Так, скорняк Павел один раз занимает скромную сумму в 160 лир (стр. 312), в другой — одалжи-

¹⁰ По расчету З. Херкова один венецианский дукат в 1443 г. равнялся 6 лирам (точнее 5 лирам и 14 сольди). 20 сольди составляли 1 лиру (Z. Herkov. *Grada za financijsko-pravni riječnik feudalne epoche Hrvatske, sv. 1. Zagreb, 1956, str. 365*).

вает уже 26 дукатов (стр. 303), а в третий раз мы видим его закупающим железо на сумму в 13 с лишним дукатов (стр. 300). Коммерческая горячка торговли железом захватила этого скромного мастера по выделке кож. Зато ни скромным ни малосостоятельным нельзя назвать другого скорняка — Ворику (*Vorichus*). Имя его упоминается без фамильного прозвища и итальянского титула «сер», но он обладает действительно огромным богатством. Он не обрабатывает кожи, а торгует ею. Одному из своих контрагентов он обязуется поставить кожи из Германии (*pelles magnas Teutonicas*) на сумму 467 дукатов (стр. 294), другому — привезти железа стоимостью 253 дуката (стр. 295), третьему — сбыть 15 «миллиариев» оливкового масла (один «миллиарий» стоит от 29 до 34 дукатов) в обмен на железо (*ad baratam ferri*, стр. 320). Пример Ворики подтверждает закономерность, наметившуюся еще в итальянских городах¹¹: меховщики одними из первых сближаются с купечеством и приобретают состояния. Аналогичным образом меняется положение золотых дел мастеров. *Aurifex* Мартин поставляет масло и приобретает железо на сумму в 70 дукатов (стр. 314) и оказывается в состоянии дать займы купцу Петру де Траант (судя по имени, фламандцу) колоссальную сумму в 240 дукатов (стр. 316—317). Следует обратить внимание на сделку «масло — железо», столь характерную для риекского рынка¹². Соединение торговли маслом и железом в одних руках находит интересное подтверждение: среди торговцев маслом один носит характерное прозвище *Tvrdo selleso*, т. е. «Твердожелезо» (стр. 297, 319)¹³. Так постепенно возникает в Риеке прослойка экспортеров, вышедших из среды ремесленников.

Эти экспортеры тесно связаны с соседними областями и даже странами. В числе их контрагентов и свидетелей, присутствующих при заключении сделок, постоянно встречаются выходцы из Флоренции (стр. 300, 319, 320), Анконы (стр. 300, 311), Сан-Северино (стр. 309, 338), Дубровника (стр. 311). Часть их приняла риекское гражданство, они упоминаются в актах как *cives Terrae Fluminis*. Среди тех иностранных купцов, которые воздержались от принятия гражданства в городе, но прочно проникли на городской рынок, выделяется несколько крупных фигур. Самой выразительной из них безусловно является немец Якоб Зоммер, купец из Люблины. Страницы книги пестрят упоминаниями о заключенных им сделках. Зоммер скупает железо, кожи, оливковое масло и прочие товары (*mercenaria*) солидными партиями на сумму в 42 дуката (стр. 319), 70 дукатов (стр. 314) и даже 350 и 382

¹¹ Д. Луццатто. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 288.

¹² F. Hauptmann. Pregled povijesti Rijeke do Bachova apsolutizma. Zbornik «Rijeka», 1953, str. 206.

¹³ См. по этому поводу разъяснение М. Зьячича (M. Zjčić. Указ. соч., стр. 297, 636).

дуката (стр. 330, 314—315). По размаху операций с Якобом Зоммером может сравниться только Николай де Барнис, купец из Сан-Северино, поставляющий в Риеку оборудование для судов (*pro navigno . . . batello, anchoris, vellis. . . ac rebus dicti navigni*) на большие суммы (250 дукатов, стр. 328). Характерно, что иноземные купцы наиболее крупные свои сделки совершают не с местными торговцами, а друг с другом. Риека оказывается местом приложения торгового капитала из соседних стран и областей. Этим, видимо, и объясняется обилие актов передачи полномочий: приезжие купцы назначают кого-либо из местных жителей своим уполномоченным в делах (*fecit (aliquem). . . procuratorem, factorem et certum nuncium*)¹⁴.

В числе контрагентов заезжих купцов, в роли экспортеров и посредников нередко выступает определенная группа лиц — городские судьи (*iudices*, стр. 293—295, 300, 304, 312, 324, 328, 335, 336, 339). Некоторые из них постоянно участвуют в торговой жизни города. Судья Вит Матронич совершает подряд несколько сделок на поставку железа (стр. 300—301). С еще большим размахом ведет дела его коллега Николай Микулич, он занимается ростовщичеством (стр. 293—294), торгует железом, маслом, морским оборудованием (стр. 311, 328, 314—315), арендует дома, принадлежащие городской знати (стр. 313—314). Объем его денежных операций достигает 150 дукатов за одну сделку. Ясно, что в данном случае выступает типичный патриций, располагающий властью в городе и делящий свое время между торговлей и административными обязанностями.

Особняком стоят земельные сделки, из 108 актов их всего 11, они поднимают завесу над отношением горожан к земле. В ряде случаев бюргеры оказываются владельцами виноградников или небольших поместий (*una terrina cum curia. . . etc.*, 299, 303, 334). Такие случаи, скорее всего, не являются результатом еще незакончившегося отделения ремесла от земледелия, а свидетельствуют о проникновении зажиточных горожан в деревню, о концентрации в их руках наделов разорившихся крестьян. Поземельные сделки (продажа, раздел, *locatio—conductio*) проливают свет и на роль дворянства в городской жизни. Впрочем, последнее редко выступает в роли землевладельцев, сдавать землю в аренду свойственно скорее городскому патрициату (ср. *libellum*, оформляемый неким Георгием с судьей Витом Баруличем, стр. 323). Исключением в этом отношении является дворянин (*miles*) Сигизмунд Чиховер (*Sichouer*), чьи земельные владения находят отражение в книге. Но и он, проживая в городе, отказывается от ведения активного собственного хозяйства и отдалается от деревенской жизни — поручает мельнику разделить принадлежащий ему сад, сдает свою

¹⁴ Так, несколько граждан назначаются представителями того же Николая де Барнис (стр. 309—310).

долю сада в аренду тому же мельнику, раздает в держания и остальные земли (стр. 300—301). К этому можно добавить указание некоторых сделок на то, что земля, отдаваемая ныне в аренду одним горожанам, ранее находилась в держании у других (стр. 338). На этом основании можно предположить, что живущее в городе дворянство отказывается от ведения доминального хозяйства и передоверяет свои земли зажиточным городским элементам.

Разумеется, эти наблюдения, сделанные к тому же на столь ограниченном материале, носят преимущественно предположительный характер. Тем не менее эта попытка ознакомиться с содержанием памятника, этот предварительный анализ выборочного материала позволяет судить о том, какие возможности источник предоставляет исследователю. С этой точки зрения любопытно было бы сравнить книгу нотариуса из Рибеки с нотариальными записями из других городов Далматинской Хорватии. Для сравнения можно взять нотариальные книги Трогира, сравнительно недавно (в 1948—1951 гг.) опубликованные М. Барадой¹⁵. Три тома нотариальных записей содержат акты городской канцелярии¹⁶ и решения городского суда¹⁷. Судя по времени составления, трогирские акты отделены от документов из Рибеки интервалом почти в два столетия. Это не могло не сказаться на их составе и на содержании.

Сопоставляя содержание актов из Трогира и из Рибеки, мы приходим к выводу, что первые фиксируют в большинстве своем поземельные сделки. Они посвящены решению спорных вопросов, касающихся аренды, совместного владения, межевых дел, характеризуют прежде всего состояние собственности на пашни, виноградники, городские и пригородные участки. Лишь сравнительно небольшая часть документов состоит из торговых и денежных сделок или касается ремесленного производства. Круг интересов большинства жителей Трогира ограничивается в основном хлебопашеством, виноградарством и разведением оливок. Таким образом, с точки зрения характеристики развитой городской жизни с ее оживленным ремеслом, торговым оборотом и денежным хозяйством акты Рибеки обладают несомненным преимуществом. Трогирские же нотариальные книги фиксируют тот момент в жизни далматинского города, когда тот только превращается в центр торговли и ремесленного производства.

Акты из Трогира отличаются не только по содержанию, но и по форме. В противоположность риекским актам, их характери-

¹⁵ «Trogirski spomenici», d. I, sv. 1—2, d. II. Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium (далее — MSHSM), vol. 44—46, Zagreb, 1948—1951.

¹⁶ «Trogirski spomenici», d. I, sv. 1—2, Zapisci pisarne općine Trogirске. MSHSM, vol. 44—45, 1948—1950.

¹⁷ «Trogirski spomenici», d. II, sv. 1. Zapisci sudbenog dvora općine Trogirске. MSHSM, vol. 46, 1951.

зует большее разнообразие: грамоты городской канцелярии невелики, некоторые из них состоят всего из нескольких строк, в то время как судебные решения весьма обстоятельны и обширны. Кроме того, в трогирских записях можно заметить характерную особенность — многие из них открываются упоминанием лица, называемого по-латыни *examinator*. Появление института *examinator* М. Барада объясняет следующим образом. Первыми нотариями в далматинских коммунах были священники, писавшие по-латыни, но отлично понимавшие язык местного населения, говорившего по-хорватски. Затем делопроизводство городских канцелярий подверглось сильному влиянию итальянского нотариата, и в далматинских коммунах появляются итальянские чиновники — нотариусы, не знающие местного языка. Так возникает необходимость в появлении еще одного должностного лица в городском управлении, который излагал бы нотариусу-итальянцу суть дела, с которым обратились просители, и знакомил бы последних с содержанием написанной по-латыни грамоты. Эти функции и выполнял «экзаминатор»¹⁸. Таким образом, в трогирских документах полнее отразились те стороны городской жизни, которые были обусловлены недавним возникновением городов.

Можно было бы продолжить характеристику нотариальных записей из Риеки, но уже сейчас можно судить о ценности этого памятника для истории хорватского города XV в.

¹⁸ «Трогирski spomenici», d. I, sv. 1.

Т. В. ЦИВЬЯН

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ЦЕННОГО ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ДУБРОВНИКА

В историческом выпуске «Славянского сборника» помещены два перевода латинских источников по истории Дубровника. Это «Избранные отрывки из Дубровницкого статута 1272 г.» (перевод В. Г. Журавель) и «Избранные отрывки из «Описания Дубровника» Филиппа де Диверсиса» (перевод С. А. Рыковой, предисловие А. Е. Москаленко)¹. Мы остановимся на последнем.

«Описание Дубровника» де Диверсиса (на латинском языке) появилось в русском издании только один раз, причем неполностью, в книге Макушева². В произведении де Диверсиса подробно описывается политический и общественный строй города, его местоположение, ремесла, занятия, обычаи, внешние связи и т. д. По мнению многих исследователей, «Описание» обладает достаточной достоверностью, поэтому мы совершенно согласны с автором предисловия в том, что необходимость в таком издании давно назрела, и первый русский перевод этого источника явится ценным подспорьем при изучении истории Югославии в средние века.

Остается только пожалеть о том, что перевод (сделанный по изданию Макушева) представляет собой «отрывки из отрывков» — переведены только некоторые главы — ч. I, гл. 1; ч. II, гл. 3, 6, 8; ч. III, гл. 1; ч. IV, гл. 1, 5, 6, 8—21.

Общеизвестны те в высшей степени серьезные трудности, которые встают перед переводчиком позднелатинских текстов: избыток выражений и оборотов, несвойственных латинскому языку, тяжелый слог, употребление слов, значение которых не всегда удается выяснить, и т. д. Всеми этими чертами обладает и произведение де Диверсиса: сложные синтаксические построения с неожиданным конъюнктивом, обилие вводных слов с часто неуло-

¹ «Славянский сборник», I, вып. ист., Воронеж, 1958, стр. 59—72.

² В. Макушев. Исследование об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867.

вимым модальным значением (*vero, demum, igitur* и т. п.), малоупотребительная лексика. Естественно поэтому, что постоянным качеством переводчика должна быть осторожность в решениях. Иногда лучше воздержаться от непроверенных и поэтому рискованных догадок, чтобы не исказить смысла.

Мы сделали это отступление для того, чтобы подчеркнуть, какого большого труда требовал перевод «Описания Дубровника». Перевод С. А. Рыковой вполне квалифицированный, сделан хорошим языком, сохраняющим стиль автора. Но и он оказался во многом не свободным от недостатков. Особенно обидно сталкиваться с неудачными в стилистическом отношении местами, в большинстве своем вызванными именно стремлением к дословной передаче текста: «В случае необходимости и предусмотрительности они проявляют . . . быстроту снаряжения. . .» (ч. IV, гл. 6, стр. 65); «. . . в Иллирии добывается шерсть мелкого рогатого скота. . .» (ч. IV, гл. IX, стр. 69); «Находят же этих продавцов дров растянувшимися на земле, подобно верблюдам, чтобы можно было легко снять груз. . .» (ч. IV, гл. XXI, стр. 72); на стр. 72 («. . . исключая золотого венецианского дуката. . .» — ч. IV, гл. IX) и на стр. 64 («. . . они продают самые незначительные товары, как яйца, кур. . .» — ч. III, гл. I) нарушены правила управления.

Еще большей погрешностью представляется вольность переводчика в обращении с текстом оригинала. Мы имеем в виду пропуски, иногда отмеченные многоточием (ч. II, гл. 3, стр. 62; гл. 6, стр. 63; ч. III, гл. 1, стр. 64, 65 и т. д.), иногда вообще ничем не отмеченные. Переводчик произвольно опускает небольшие отрывки фразы или части фраз, отдельные слова (в главе 6 части II на стр. 63 после слов «. . . Николай де Лазирис Кремонский, нобиль», в подлиннике идет: «*viro procul dubio magni ponderis et inter doctus dignum eius meritum apparebat, qui ut suae patriae dissessionibus paululum cederet, Cancellariatus Ragusii onus gerere, et pati disposuit ac nunc patitur*»³; в главе 1 части III на стр. 64 после слов «лица духовные посвящают себя богу. . .» в подлиннике идет: «. . . *quorum santiente Apostolo Paulo non interest saecularibus negotiis misceri*»⁴; в главе 6 части IV на стр. 66 после слов «Матвей де Георгио» в подлиннике идет: «*pater eorum qui de Zamana dicuntur*»⁵; в главе 11 части IV на стр. 67 пропущена вторая фраза: «*Quis illam liberalitatem non admirabitur*»⁶; на стр. 72 при перечислении овощей пропущено *ruscula*⁷). Этот список можно продолжить. Нам кажется, что чем бы ни были

³ В. Макушев. Указ. соч., стр. 360.

⁴ Там же, стр. 364.

⁵ Там же, стр. 367.

⁶ Там же, стр. 373.

⁷ Там же, стр. 382.

вызваны пропуски, трудностью ли перевода или тем, что, по мнению переводчика, они не представляют интереса, во всяком переводе, тем более в научном, предназначенном для специалистов-историков, это очень нежелательно. При невозможности дать их в сносках по-латыни или отметить в каждом отдельном случае надо было указать на это в предисловии. Ряд замечаний можно сделать по лексической стороне перевода. Выше мы уже говорили о больших лексических трудностях, встающих перед переводчиком средневековой латыни. Во многих случаях нужно было бы дать лишь предположительные толкования. Ведь и в подлиннике некоторые слова стоят под вопросом (Макушев, стр. 382: *avellanae*?, *amiedolae*? и т. д.). Поэтому мы считаем, что в ряде случаев перевод некоторых слов надо было оговорить. Это прежде всего касается названий овощей и фруктов (ч. IV, гл. 21, стр. 72). На наш взгляд, эти названия требуют дополнительной проверки (шпинат, вишня, смоква). Это же относится и к другим лексическим группам. В главе 1 части III на стр. 64 (Макушев, стр. 364) «*serdones*» переводится как «башмачники», в то время как в ряде словарей это слово имеет значение «кожевник». В одной и той же главе (ч. I, гл. 1) слово «*plumbum*» на стр. 61 переведено как «свинец», а на стр. 62 и 64 ч. III, гл. 1 как «олово». Непонятно, чем вызваны эти вариации. На стр. 61, ч. I (Макушев, стр. 359) «*ordeum*» переведен как «овес», в то время как это значит «ячмень» (кстати, там же «*mileum*» вполне можно было бы перевести как «просо», а не как «пшено»). Зато в главе 2 части IV на стр. 65 (Макушев, стр. 366), где встречается слово «*blada*», в котором с большим основанием можно предположить «овес» (фр. «*blé*») или во всяком случае «зерно», хлеб, оно вообще пропущено. Не дан перевод слов «*bombicinus*», «*bombicus*», встречающихся в главе 1 части I и в главе 1 части III. Насколько нам удалось проверить, имеется в виду бумажная материя (*coton*). Не совсем ясен перевод сочетания «*barcar. cohupertoria*» (ч. I, гл. 1, стр. 61; Макушев, стр. 358). Очевидно, *barcar* — это часть слова, а не целое слово, как решил переводчик. Если учесть, что корень «*barc*» может иметь значение «лодка», «корабль», неизвестно, можно ли так решительно переводить слово «*cohupertoria*» как «материи из грубой шерсти». Неудачно подобраны слова для некоторых реалий. Например, в главе 6 части II на стр. 63 «обширное здание с цистерной» («*cisterna*») — «бассейн» здесь подошло бы больше, так как в русском языке слово «цистерна» имеет другое значение. В этой же главе встречаем «ликторов» и «фасции» — понятия, тесно связанные в нашем представлении с древним Римом. Правда, эти слова употреблялись в поздней латыни как символ верховной власти («*summi magistratum indicium*») как это дает Дюканж, все же по-русски это звучит анахронизмом.

Нельзя не привести несколько не вполне понятных или не совсем точно переведенных фраз.

В главе 9 части IV на стр. 68 (Макушев, стр. 370): «. . . concesserunt eis de bonis aerarii communis per quinque milia decennio ab ipsis tenenda sine aliquo redditus vel utilitatis gravamine. . .», перевод: «. . . предоставили им из имущества и казны коммуны по пять тысяч в течение десяти лет, которые они должны были получить без всякого отягощения (?) прибылью или доходами» (может быть, речь идет об обложении доходов?).

В главе 3 части II на стр. 62 (Макушев, стр. 359): «Qui in eo porto . . . fuerint, privatos, aut violentiam non timent»; перевод: «Те, кто окажется в порту. . . не боятся ни жителей города, ни врагов». Это выглядит предположительным толкованием, а не точным переводом.

Название главы 6 в IV части на стр. 65 (Макушев, стр. 366) «De salutari et celeri consuetudine armandarum galearum. . .» «О полезном обычае быстрого снаряжения галер. . .» переведено, по нашему мнению, не очень удачно. Может быть, здесь больше подходит, скажем, «определенный способ» или что-нибудь в этом роде, тем более, что в одной из следующих фраз «обычай» совершенно не на месте.

Это (быстрое снаряжение галер) соблюдается по *обычаю* (consuetudine), особенно в случае необходимости поймать, обратиться в бегство или устроить пиратов.

Не совсем понятно, почему слово «salutaris», основное значение которого «спасительный» здесь очень подходит, надо было переводить как «полезный».

Переводчик справился со своей задачей, передав общий смысл произведения де Диверсиса. Для того же, чтобы создать научный перевод, надо его лучше обосновать и в некоторых случаях для большей убедительности и точности прокомментировать.

И. Ф. БЭЛЗА

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ
ДНЕВНИКА ЕЛЕНЫ ШИМАНОВСКОЙ

Приезд в Россию знаменитой польской пианистки и композитора Марии Шимановской (1789—1831) значительно способствовал укреплению культурных связей между передовыми кругами русской и польской общественности.

Напомним, что Шимановская сблизилась со многими представителями русской интеллигенции еще в Варшаве, где она встречалась, в частности, с П. А. Вяземским и его женой В. Ф. Вяземской, с известными своими композиторскими опытами А. С. Голицыным, женившимся в Польше на Каролине-Терезе Ходкевич (сочинявшей, подобно Шимановской, музыку на тексты «Исторических песен» Немцевича), с отцом великого поэта С. Л. Пушкиным. В 1824 г. Михал-Клеофас Огиньский познакомил «царицу звуков» (так назвал Шимановскую в одном из своих альбомных стихотворений Мицкевич) с русским послом при тосканском дворе А. Сверчковым и его женой, одаренной музыкантшей Е. Сверчковой. Во Флоренции Шимановская бывала у Гагариных (родственников В. Ф. Вяземской), Голицыных и Перовых.

На протяжении многих лет Шимановская переписывалась с русскими друзьями, причем некоторые из них, в особенности кн. Вяземский и Е. Сверчкова, присылали ей в Варшаву музыкальные новинки, произведения Яна-Ладислава Дусика, Джона Филда и других композиторов¹. Переписка эта неизменно отличалась сердечностью. Особенно расширились связи Шимановской с русской общественностью во время ее выступлений в Москве, Петербурге, Киеве и других городах, где она концертировала в 1822—1823 гг. Все эти выступления, так же как и концерты

¹ См. переписку Шимановской с Вяземским (Центральный Государственный архив литературы и искусства в Москве, ф. 195, оп. 1, д. 3054) и с Огиньским (Центральный Государственный архив древних актов в Москве, Госархив, разр. XII, № 300).

Шимановской в Петербурге весной 1827 г., сопровождалась очень большим успехом. А кроме того, польская пианистка вновь почувствовала, с какой неподдельной теплотой и сердечностью относятся к ней русские друзья. Этим, видимо, прежде всего объясняется ее решение поселиться в России, где она и провела последние годы своей недолгой жизни.

1 ноября 1827 г. Мария Шимановская вместе со своими дочерьми Еленой (1811—1861) и Целиной (1812—1855) и ослепшей еще в детстве старшей сестрой Юлией Воловской выехала в сопровождении слуги из Варшавы в Москву, куда путешественники прибыли 16 ноября. Эти даты почерпнуты нами из первой тетради дневника, который Елена Шимановская начала вести в день отъезда.

Озаглавлена эта тетрадь, ныне хранящаяся в Музее Мицкевича в Варшаве (шифр 163/С): «Dziennik od dnia wyjazdu z Warszawy 1 Listopada 1827». Даты в дневнике указаны по новому стилю, причем последняя запись датирована 12 мая 1828 г. Выдержки из этой тетради, состоящей из 54 листов, опубликованы нами в работе «Из истории русско-польских музыкальных связей» (М., 1955).

Впервые дневник Елены Шимановской был использован ее племянником Владиславом Мицкевичем в процессе работы над биографией Адама Мицкевича. Именно из этого труда биографы поэта заимствовали впоследствии крайне немногочисленные цитаты, взятые из дневника В. Мицкевичем и переходившие затем на протяжении нескольких десятков лет из одной книги в другую.

В заглавии своего труда В. Мицкевич подчеркнул, что он опирался на собранные им материалы, а также на собственные воспоминания². Не подлежит никакому сомнению, что в распоряжении В. Мицкевича было несколько тетрадей дневника Е. Шимановской, находившихся в семейном архиве. Но совершенно поразительно, что, как нам удалось установить, изучив первую тетрадь дневника, *ни одна из цитат, приведенных В. Мицкевичем, не соответствует подлиннику.*

Как оказалось впоследствии, точно так же обстоит дело и с цитатами из второй тетради дневника, находящейся в Париже. Не будем искать причин такого обращения с первоисточником, а лишь укажем на неточности в труде В. Мицкевича, отметив также ошибочность его утверждения, что Шимановская якобы приехала в Москву в ноябре 1827 г. с целью «давать концерты»³. В действительности, как уже было сказано, Шимановская приняла решение поселиться в России и приехала поэтому с семьей.

² «Żywot Adama Mickiewicza. Podług zebranych przez siebie materyałów oraz z własnych wspomnień opowiedział Władysław Mickiewicz», t. I—IV, W Poznaniu, 1890—1895.

³ Там же, т. I, стр. 292.

Далее В. Мицкевич цитирует запись в дневнике, датированную 24 ноября: «Pan Mickiewicz był pierwszy raz u nas w Moskwie». Но Мицкевич был впервые у Шимановской не 24, а 22 ноября, и датированная этим числом запись в дневнике гласит: «X. Wiazemski przysłał nam dzieło Odyńca i Mickiewicza. W południe przyszedł sam z tym ostatnim, którego Mamie prezentowałem» («Кн. Вяземский прислал нам произведение Одынца и Мицкевича⁴. В полдень он пришел сам с этим последним, которого представил маме»).

24 ноября Елена Шимановская действительно отметила приход Мицкевича: «P. Mickiewicz był u nas». Но слова о том, что это был первый визит поэта, добавленные В. Мицкевичем и затем повторявшиеся многими авторами⁵, в подлиннике отсутствуют. Совершенно отсутствует в рукописи дневника «цитируемая» Мицкевичем запись от 28 ноября: «Mickiewicz deklamował wyciątki z Konrada»⁶ («Мицкевич декламировал отрывки из Конрада»). В действительности в этот день Шимановская записала: «Przed południem był u nas P. Malewski i Mickiewicz który mnie przyniósł niektóre polskie dzieła» («перед полднем были у нас г. Малевский⁷ и Мицкевич, который принес мне некоторые польские произведения»).

Общирная запись от 19 февраля 1828 г., приводимая В. Мицкевичем, так же как и предыдущие, в качестве цитаты (в кавычках) представляет собою во многих местах свободный пересказ. Вот текст первой фразы у Мицкевича: «Mickiewicz przebrany przez moją matkę za damę pojechał z naszą rodziną na wieczór do pani Zaleskiej (z Kijowa)» («Мицкевич, переодетый моей матерью в женское платье, поехал с нашей семьей на вечер к госпоже Залеской из Киева»)⁸. В дневнике записано: «Mickiewicza Mama za damę przebierze» («Мицкевича мама⁹ переоденет в женское платье»). Что же касается возвращения Мицкевича из Петербурга в Москву, то, как явствует из дневника, Шимановские узнали об этом от общих знакомых. И в данном случае В. Мицкевич заменил цитату пересказом, хотя опять применил кавычки¹⁰. Так же точно поступил он и с записью от 6 мая (о приезде Мицкевича из Москвы в Петербург, куда к тому времени уже переехали Шимановские)¹¹.

⁴ Имеется в виду, вероятно, стихотворение «Panicz i dziewczyna», первую часть которого написал А. Одынец, а вторую и третью — Мицкевич.

⁵ См., например, L. G o m o l i c k i. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji (1824—1829). Warszawa, 1949, str. 208.

⁶ «Żywot. . .», t. I, str. 294; L. G o m o l i c k i. Dziennik, str. 209.

⁷ Францишек Малевский (1800—1870), друг Мицкевича, будущий муж Елены Шимановской.

⁸ «Żywot. . .», t. I, str. 312.

⁹ В обеих тетрадах дневника Елена Шимановская называет свою мать только так.

¹⁰ «Żywot. . .», t. I, str. 312.

¹¹ Там же, стр. 327.

Этим ограничиваются все ссылки на первую тетрадь дневника Елены Шимановской в труде В. Мицкевича, не раз уже подвергнутому критике (в особенности со стороны Т. Бой-Желенского) за слишком свободное обращение с цитируемыми источниками.

Нет сомнения, что эта тетрадь дневника могла бы быть плодотворнее использована биографами поэта. Вместе с тем эта тетрадь содержит ценнейшие данные о русско-польских культурных связях, включенные автором данного сообщения как в упоминавшуюся уже работу, так и в монографию «Мария Шимановская» (1956) и во второй том «Истории польской музыкальной культуры» (1957)¹².

Елена Шимановская тщательно отмечала в дневнике встречи своей семьи, а также Мицкевича, Олешкевича, Орловского, Ваньковича, Ходзько, Малевского, Дашкевича с Пушкиным, Грибоедовым, Жуковским, Вяземским и многими другими русскими друзьями. Необычайно интересна, например, запись от 19 марта 1828 г. о поездке Шимановских вместе с Пушкиным, Вяземским и Малевским в мастерские Валентия Ваньковича и Александра Орловского¹³, чей «быстрый карандаш» Пушкин прославил за несколько лет до этого в «Руслане и Людмиле».

Вторая тетрадь дневника Елены Шимановской, охватывающая период с понедельника 12 мая по четверг 16 октября 1828 г., хранится в Польской библиотеке (Biblioteka Polska) в Париже¹⁴. Рукопись представляет собою тетрадь в темно-зеленой обложке. Пагинация отсутствует, шифр не обозначен.

Почти в каждой записи упоминается имя Мицкевича. Вместе с ним Шимановские посещают Эрмитаж (22 мая), гуляют в Летнем саду (26 мая), бывают в Каменноостровском театре (16 июля). Поэт постоянно присутствует «на тизусе», т. е. на музыкальных утрех у Шимановской, о которых вспоминал Глинка в своих «Записках». 4 июня Хэленка записывает: «Мама поехала на целый день в Царское село вместе с Мицкевичем». Вернулись они оттуда вместе, а 22 июня вся семья Шимановских, также в сопровождении поэта, ездила на острова. 7 июля Шимановские и Мицкевич посетили Олешкевича, у которого видели много картин.

В этой тетради дневника часто упоминается имя И. И. Козлова, ослепшего и парализованного поэта, образ которого увековечил Пушкин в одном из своих стихотворений. Известно, что Шимановская не раз играла поэту, который с волнением слушал ее и

¹² Польское издание этого тома (I. B e ł z a. Między Oświeceniem i romantyzmem. PWM, 1961) содержит цитаты из дневника в подлиннике.

¹³ Фотокопия страницы дневника с этой записью воспроизведена в кн.: И. Б э л з а. Мария Шимановская. М., 1956, стр. 105.

¹⁴ С рукописью этой части дневника автору этих строк любезно разрешил ознакомиться директор Польской библиотеки д-р Чеслав Хованец, за что приношу ему самую искреннюю благодарность.

в знак признательности посвятил ей не раз перепечатававшееся стихотворение.

5 июля Шимановская и Мицкевич вместе посетили Козлова, имя которого встречается и в других записях в дневнике, сделанных и в июле, и в августе, и в сентябре.

9 августа семья Шимановских познакомилась «со знаменитым баснописцем Крыловым». Приводим запись полностью: «Mickiewicz, Malewski, Wodziński byli u nas przed obiadem. Resztą dnia przepędiliśmy na wsi u P. Nowakowicz, gdzieśmy poznały sławnego Bajek pisarza Kryłowa». («Перед обедом были у нас Мицкевич, Малевский и Водзинский. Остальную часть дня мы провели в деревне у г. Новакович, где познакомились со знаменитым баснописцем Крыловым»). Как известно, Мицкевич высоко ценил Крылова как человека и писателя и впоследствии с глубоким уважением отзывался о нем в некрологе Пушкина.

Имя Пушкина упоминается и во второй тетради дневника. 16 июня Мицкевич устроил у себя обед, на который он и Малевский пригласили Шимановских, Олешкевича и Ходзько, а также ближайших русских друзей — Пушкина и Вяземского. Ссылаясь на дневник Елены Шимановской, В. Мицкевич, а за ним и другие авторы¹⁵ утверждают, что на этом обеде присутствовал не А. С. Пушкин, а В. Л. Пушкин, причем В. Мицкевич даже вводит в цитату имя Wasili. Однако, за единичными исключениями (например, 4 августа отмечен приход кн. Сергея Голицына), в дневнике не указываются ни имена, ни инициалы упоминаемых лиц. Обращение к подлиннику позволило убедиться, что в данном случае в рукописи нет ни имени «Василий», ни инициалов, а так как В. Л. Пушкин в это время был уже тяжело болен и безвыездно жил в Москве, то, следовательно, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что у Мицкевича, в тот день был именно А. С. Пушкин, у которого, кстати сказать, незадолго до этого побывал Мицкевич. Перечислив присутствовавших на обеде у Мицкевича, Елена Шимановская добавила: «Мы очень весело провели время. Г. Мицкевич импровизировал прекрасно, но очень мало»¹⁶. В другом месте (запись от 2 сентября, сделанная в Парголове у Ваньковичей) она пишет: «Wieczór przyszli wszyscy do nas i śpiewaliśmy improwizacje Mickiewicza» («Вечером все пришли к нам, и мы пели импровизацию Мицкевича»). Возникает вопрос, какую же мелодию пели Ваньковичи и их гости. Не является ли данная запись еще одним свидетельством о композиторских опытах Мицкевича, о которых мы располагаем пока очень скудными сведениями?¹⁷

¹⁵ «Żywot...», t. I, str. 335; L. G o m o l i c k i. Dziennik..., str. 282—283.

¹⁶ Первая из этих фраз пропущена В. Мицкевичем, вторая изменена.

¹⁷ См. И. Б э л з а. Мицкевич и музыка. Сб. «Литература славянских народов», вып. 1. М., 1956.

Есть еще одна запись во второй тетради дневника Елены Шимановской, заслуживающая особого внимания. Датирована она 31 июля, и текст ее гласит: «P. Mickiewicz deklamował P. Woje-wocę, pową balladę, bardzo ładną»¹⁸ («Г. Мицкевич декламировал П[ана] Воеводу, новую балладу, очень красивую»).

Как известно, исследователи творчества поэта датируют данную балладу концом 1827 г. (эта дата указана предположительно в Полном собрании сочинений Мицкевича, изданном в 1955 г. к столетию со дня смерти поэта) или началом 1828 г. Так как Мицкевич виделся с Шимановскими в Петербурге почти ежедневно и постоянно читал им свои стихи, то слова Елены Шимановской о «новой балладе» делают естественным предположение, что она написана была скорее всего именно в 1828 г.

Интересно также, что несмотря на то, что баллада эта была опубликована под названием «Czaty» («Дозор»), Пушкин озаглавил сделанный им ее перевод «Воевода». Но именно так, как явствует из записи в дневнике, она первоначально и называлась — следовательно, Пушкин не изменил ее названия произвольно, а лишь вернулся к первоначальному названию, данному самим поэтом.

В записях, содержащихся во второй тетради дневника Елены Шимановской, имена ее матери, Мицкевича, Ваньковича (с семьей которого, видимо, Шимановские были очень дружны), Олешкевича, Каневского (рисовавшего портрет Елены¹⁹), Ходзько, Малевского переплетаются с именами Пушкина, Вяземского, Крылова, Козлова, Карамзиных, Голицыных и других друзей «царицы звуков».

Однако пока что нам доступны только две тетради этого дневника, охватывающие, как уже было сказано, период с 1 ноября 1827 г. по 16 октября 1828 г. Между тем В. Мицкевич приводит еще записи, датированные 19 декабря 1828 г.²⁰, 21 и 28 марта²¹ и 27 ноября 1829 г.²², а также 23 июня 1830 г.²³ Возможно, разумеется, что, цитируя эти записи, сын и биограф поэта вновь допустил неточности, но, конечно, нельзя сомневаться в том, что содержащиеся их тетради дневника Елены Шимановской были в его распоряжении. К сожалению, судьба этих тетрадей нам неизвестна. Мы можем лишь высказать полную уверенность в том, что в них было немало страниц, посвященных не только Марии Шимановской, но и ее польским и русским друзьям.

Работы о Шимановской, появившиеся на протяжении последних лет, обогащаются новыми материалами о ее жизненном и

¹⁸ Эта запись также искажена в труде В. Мицкевича (т. 1, стр. 337).

¹⁹ «... Очень похоже», — записала она 30 июня.

²⁰ «Żywot...», t. I, str. 340.

²¹ Там же, стр. 351.

²² Там же, стр. 367.

²³ Там же, т. II, стр. 114.

творческом пути²⁴, содержат также данные, позволяющие составить более полное представление о выдающейся роли Шимановской в истории развития русско-польских культурных связей.

В этом отношении особенно интересна статья Ярослава Ивашкевича о письмах Шимановской к знаменитому датскому скульптору Бертелю Торвальдсену (1768—1844)²⁵. Переписка эта началась еще в 1825 г., когда живший в Италии польский скульптор Якуб Татаркевич (1798—1854), ученик Торвальдсена, начал работать под его руководством над скульптурным портретом Марии Шимановской, находящимся ныне в Национальном музее в Кракове. Последнее письмо Торвальдсену было написано Шимановской незадолго до ее смерти.

Письма польской пианистки к датскому скульптору в настоящее время хранятся в Копенгагенском музее Торвальдсена. Директор музея Сигурд Шульц разрешил Ярославу Ивашкевичу просмотреть эти письма, оставив, однако, за собой право их первой публикации. Ивашкевич сообщает, что некоторые письма пианистки относятся к петербургскому периоду ее жизни и по содержанию своему перекликаются со многими записями в дневнике Елены Шимановской. Два последних письма отличаются радостной приподнятостью тона, свидетельствующей о том, как хорошо себя чувствовала в русской столице Шимановская, не сразу привыкшая, впрочем, к северному климату.

В десяти письмах, прочитанных Ивашкевичем (по его мнению, это только часть переписки Шимановской с Торвальдсеном), встречаются имена Мицкевича²⁶, а также русских знакомых и друзей Шимановской, в частности княгини Софьи Григорьевны Волконской (сестры декабриста), о которой она отзывается с особенной теплотой.

Следует считать большой заслугой Ивашкевича то, что он обратил внимание на ценный источник, предстоящая публикация которого, обещанная музеем Торвальдсена, принесет, как можно надеяться, не только новые материалы для биографии Марии Шимановской, но и связанные с ее именем страницы истории русско-польских культурных связей. Немало таких страниц содержит и дневник Елены Шимановской, последние тетради которого, как можно предположить, либо находятся в руках частных лиц вместе с некоторыми другими реликвиями семьи Мицкевича, либо утрачены безвозвратно.

²⁴ См. например, T. Syga i S. Szenic. *Maria Szymanowska i jej czasy*. Warszawa, 1960 (рец.: Игорь Балза. Книга о Шимановской. «Советская музыка», 1961, № 7).

²⁵ J. Iwaszkiewicz. Bertel i Szymanian. «Przegląd kulturalny», 1962, N 37.

²⁶ «Энтузиаст изящных искусств, он придает очень большое значение личному знакомству с Вами», — писала Шимановская за три дня до отъезда Мицкевича из Петербурга, снабдив поэта несколькими письмами к своим зарубежным друзьям, в том числе и к Торвальдсену.

Г. В. КИСЕЛЕВ

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА
и А. И. ГЕРЦЕНА

Во втором томе «Избранных социально-политических и философских произведений» Н. П. Огарева (М., 1956) на стр. 483—485 опубликовано совместное письмо Н. П. Огарева и А. И. Герцена от 11 июня 1863 г. «А. А. Герцену и Феликсу» — поместили его составители.

Первая часть письма адресована сыну Герцена — Александру Александровичу, который вместе с М. А. Бакуниным находился в то время в Швеции для организации связи с Россией и помощи восстанию в Польше, Литве и Белоруссии. В этих строках говорится о речах, произнесенных Герценом-младшим и Бакуниным на банкете в Стокгольме, о наиболее удобных шифрах для нелегальной переписки, о «Зое Владимировне» (так иногда в письмах революционеров именовалась знаменитая «Земля и Воля»).

Потом следуют слова, обращенные к «Феликсу». Рукою Огарева:

«От души благодарю вас, любезный Феликс, за ваши теплые строки и за ваш перевод. Из юношей вашего народа вы были одним из тех, которые при первой встрече возбудили во мне самое живое сочувствие. Я надеюсь, что наша взаимная симпатия сохранится, пока я жив, и останется в вашей памяти, когда меня не будет. Крепко жму вам руку.

Ваш Н. Огарев».

Рукою Герцена:

«И я прибавлю строку и тоже в благодарность за то, что вы помянули Потемню и его товарищей, жму вам руку и прошу дружески поклониться Дем.

Прощайте — будьте здоровы: Ал. Герцен»¹.

¹ Впервые опубликовано в «Литературном наследстве» (1941, т. 41—42, стр. 74—75). «Феликс» упоминается также в письме Герцена и Огарева Бакунину от 1 сентября 1863 г. (там же, стр. 76—77).

В приписке Герцена речь идет о тосте, произнесенном Феликсом на банкете в Стокгольме 16 (28) мая 1863 г. в честь Андрея Потебни — революционера-землеводца, руководителя организации русских офицеров в Польше, вставшего на сторону повстанцев и погибшего в марте 1863 г. в битве с царскими войсками. Этот же факт Герцен имел в виду, когда в заметке «Пир в Стокгольме», опубликованной в 165 листе «Колокола» от 10 июня 1863 г., писал: «На этом обеде молодой поляк провозгласил тост „в память Потебни и всех русских, погибших за польское дело!»²

Упомянутый в письме «Дем.» — это Иосиф Демонтович, комиссар варшавского повстанческого правительства в Литве и Белоруссии. А кто же Феликс?

«Молодой польский деятель», «секретарь Демонтовича»³, — говорится о нем в примечаниях к письму. Столь же скудные сведения мы находим и в комментариях к заметке «Пир в Стокгольме» в последнем, академическом издании сочинений Герцена⁴. Однако очевидно, что Феликс — лишь имя. Составители обоих изданий не установили его фамилии. А между тем сделать это не так трудно. Имя Феликса Зенковича достаточно известно исследователям, занимающимся историей восстания 1863 г. Секретарь Демонтовича, он стал вскоре одним из помощников известного белорусского революционера Константина Калиновского по руководству восстанием в Литве и Белоруссии⁵.

Одна из глав «Былого и дум» Герцена называется «Пароход „Ward Jackson“ R. Weatherley & Co». Писатель рассказывает в ней об организации и судьбе знаменитой морской экспедиции повстанцев, которая должна была доставить оружие и волонтеров в борющуюся Литву. Герцен и Огарев принимали в ее подготовке деятельное участие. «Мы провожали их. Минута отъезда по железной дороге была торжественна»⁶, — писал Герцен дочерям.

Эта экспедиция была поистине интернациональной. В числе волонтеров на борту парохода находились поляки, французы, итальянцы, немцы, англичане, швейцарцы, русские, бельгийцы, венгры. Командовал экспедицией опытный военный («кондотьер»⁷, по словам Герцена), полковник Теофил Лапинский. Он оставил воспоминания, которые при всех своих недостатках⁸ дают в руки историка богатый фактический материал. Наряду с другими спутниками Лапинскому запомнился и секретарь Демонтовича —

² А. И. Герцен. Собр. соч., т. XVII. М., 1959, стр. 189.

³ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 2, стр. 628.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XVII, стр. 429.

⁵ Правда, до сих пор исследователи восстания 1863 г. не связывали с Зенковичем этого письма издателей «Колокола».

⁶ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XVII, стр. 405.

⁷ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XI. М., 1957, стр. 385.

⁸ В. Тренин. Полковник Лапинский и его мемуары. — «Литературное наследство», 1941, т. 41—42.

Зенкович, «юноша энергичный и умный не по возрасту, которого Национальное правительство использовало уже не раз в трудных и опасных миссиях»⁹.

Феликс Павлович Зенкович родился в 1843 г. в Белоруссии, в имении Мокры, или Мокраны, Пружанского уезда Гродненской губернии¹⁰. Учился в Пружанах и Белостоке, потом на естественном факультете Петербургского университета. Видимо, здесь он познакомился с К. Калиновским. Во всяком случае в доносе Косцинского (Эдуарда Антушевича) от февраля 1861 г. имя Зенковича названо в числе «главных предводителей», «главных двигателей» польско-литовско-белорусского «Огула» в Петербургском университете. На его квартире, в доме Бернардаки на Васильевском острове, часто происходили студенческие сходки¹¹. Весной 1861 г., когда в Белоруссии начался подъем революционного движения, Зенкович вернулся на родину и, судя по всему, участвовал в подготовке восстания. Дату его отъезда за границу можно установить довольно точно, потому что сохранилась переписка о выдаче ему заграничного паспорта. Паспорт выдан властями 7 августа 1862 г.¹² С этим документом Зенкович, как страдающий «хроническим кашлем», отправился в Виши якобы для лечения минеральными водами. Однако в начале восстания мы видим его в Лондоне в качестве человека, зарекомендовавшего себя успешным выполнением ряда поручений повстанческой организации. Он — секретарь Демонтовича и близкий знакомый Герцена и Огарева.

Экспедиция, в которой Зенкович принял участие, с самого начала была обречена на неудачу. И дело не только в том, что вместе с первыми волонтерами на борт судна поднялся агент III отделения, некто Стефан Тугендгольд, выполнявший в экспедиции обязанности адъютанта Лапинского. Отважное предприятие было недостаточно умело организовано и с самого начала приобрело слишком широкую огласку. Неудачен был выбор капитана.

Высадка должна была произойти между 28 и 29 марта близ Полаангена (ныне Паланга). Однако напрасно повстанцы Литвы (как, впрочем, и власти) ожидали прибытия судна. Позднее Зенкович рассказывал в Виленской следственной комиссии (его показания являются интересным, но, к сожалению, еще неиспользованным источником по истории экспедиции): «Перед отъездом на прощание у Цверцякевича (представитель варшавского повстанческого правительства. — Г. К.) я видел Герцена и Огарева. . .

⁹ P. L a p i ń s k i. Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę. Z pamiętników. Lwów, 1878, str. 42.

¹⁰ Основные биографические данные содержатся в кн.: J. G i e y s z t o r. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. II. Wilno, 1913, str. 292, и в «Деле Временного полевого аудитората Виленского военного округа о лицах, участвовавших в Виленской революционной организации» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. II).

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экзп., 1861 г., д. 80, лл. 1—4.

¹² ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. II, л. 386.

Плавание было благополучно до шведской гавани Гельсинборга, где мы были задержаны несколько дней по случаю бури и затруднений, деланных английским капитаном, опасавшимся трудностей предприятия, за которое взялся. Тут прибыл на корабль Бакунин, прехавший из Штокгольма, и отправился с нами до Копенгагена, куда капитан должен был завернуть на время за водой, но в Копенгагене капитан решительно отказался следовать дальше и сломал контракт, так что экспедиция принуждена была искать приюта в Швеции перед приближавшимся русским фрегатом. Датская осада (команда. — Г. К.) из Копенгагена перевезла нас в порт Malmö, где мы и высадились на берег. Люди были помещены в городе, а корабль задержан властями. Демонтович отправился в Штокгольм, но прежде того он дал мне письмо в Варшаву, к комитету, чтобы известить его об случившемся¹³. О судьбе экспедиции оповестил и Герцен в «Колоколе» (лист 161 от 15 апреля 1863 г.): «Пароход „Ward Jackson“, на котором отправился комиссар польского правительства И. Демонтович и полковник Ф. Липинский с отрядом польских волонтеров, находится в Мальме. . . В Мальме отряд был принят жителями с энтузиазмом»¹⁴.

Действительно общественность Швеции горячо приветствовала героических повстанцев 1863 г. Одним из проявлений таких симпатий и был банкет в Стокгольме 16 (28) мая 1863 г., о котором упоминалось в письме Огарева и Герцена от 11 июня. «Почетные места были предоставлены Бакунину, молодому Герцену и одному поляку, секретарю Демонтовича по имени Феликс, который был послан курьером из Мальме в Варшаву с известием о неудаче „Ward Jackson“, — сообщал русский посланник в Стокгольме Я. А. Дашков в депеше от 21 мая (2 июня). И далее: «В ответ на тост в честь Польши, г. Феликс провозгласил тост за благородных русских офицеров, принесших себя в жертву за польское дело»¹⁵. Даже король Карл XV отдал дань общему настроению. На приеме у него побывали и Бакунин, и Зенкович¹⁶. Однако молодой революционер в своих показаниях умолчал об этих фактах.

Зенкович вернулся в Швецию из опасной поездки в Польшу приблизительно в конце апреля. «Демонтовича я застал больным в Штокгольме, где и вручил ему письмо и 2000 руб. сер., данных мне в Кракове, — рассказывал он. — С тех пор я оставался частью в Штокгольме, частью в Malmö и Копенгагене. Экспедиция также лежала в Швеции, потому что на оружие наложено было embargo и устроить ее вторично не удавалось. Часть людей,

¹³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. II, л. 391 об.

¹⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XVII, стр. 130.

¹⁵ В. Полонский. Михаил Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson». «Красный архив», 1924, т. 7, стр. 124—125.

¹⁶ M. Dubiecki. Romuald Traugutt i jego dyktatura podczas powstania styczniowego (1863—1864). Wyd. 4, Kijów, 1912, str. 108.

особенно иностранных волонтеров, отправлена была восвояси. Демонтович же занимался в Копенгагене приготовлением новой экспедиции Лапинского с остальными 120 людьми на другом корабле (паруснике «Эмилия». — Г. К.) из Копенгагена. Они действительно отправились и потерпели крушение при высадке у берегов Kurische Nahrung (Куршская коса, или Неринга. — Г. К.), после чего остальные возвратились в Англию, но меня в то время не было уже с ними. . .»¹⁷

В 20-х числах июля 1863 г. Оскар Авейде и Феликс Зенкович прибыли из Варшавы в Вильну. Полиция не нашла ничего подозрительного в их паспортах, выданных на имя бухгалтера Людвиг Шмидта и купеческого ученика Фердинанда Эссера¹⁸. В тот же день они были у Константина Калиновского, и тот узнал в приезжих своих коллег по университету.

Встреча с первым из них, следует полагать, для Калиновского не была особенно приятной. Конечно, он не знал тогда, что Авейде после ареста станет ренегатом и в многочисленных записках, адресуемых властям, назовет сотни имен своих товарищей. С этим «умеренным» членом варшавского правительства у Калиновского еще накануне восстания было немало столкновений по важнейшим программным вопросам. Зато белорусский революционер с увлечением слушал рассказы Зенковича о Герцене и Огареве, о приключениях в морской экспедиции.

Приезд Зенковича совпал с весьма важными событиями в литовско-белорусской революционной организации. Накануне «красные» во главе с Калиновским снова взяли революционную власть в свои руки. Затем последовало покушение на виленского «маршалка» А. Домейку и — многочисленные аресты среди революционеров. На счету был каждый человек. В эти дни Зенкович стал помощником Калиновского по руководству восстанием. «В Вильне, — читаем в показаниях Зенковича, — я должен был заниматься пересылкою корреспонденций и материалов для них в иностранные газеты (может быть, и в «Колокол»? — Г. К.), а также в Варшаву, где должно было устроиться такое отделение для корреспонденций; со временем, ежели в Вильне можно будет издавать свой журнал, я должен был иметь в нем занятие»¹⁹. По словам Авейде, «молодой, но весьма способный» Зенкович занял должность секретаря во вновь сформированном Литовско-белорусском «отделении»²⁰. Однако его сотрудничество с Калиновским продолжалось недолго — 8 августа Зенковича арестовали по доносу предателя. По мнению следственной комиссии, Зенкович, «несмотря на свои молодые лета, играл весьма видную

¹⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. II, л. 392.

¹⁸ О. Авейде. Показания и записки о польском восстании 1863 г. М., 1961, стр. 598, 616.

¹⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. II, л. 393 об.

²⁰ О. Авейде. Указ. соч., стр. 616.

роль в восстании»²¹. Сосланный в рудники Сибири на 12 лет, молодой революционер принимал активное участие в подготовке восстания ссыльных, выполняя функции секретаря при главных организаторах восстания²². Только в 80-х годах он вернулся на родину, где и умер в 1910 г. В его семье хранились записки о морской экспедиции 1863 г., но в настоящее время судьба их неизвестна²³.

Можно надеяться, что в следующих публикациях письма Огарева и Герцена от 11 июня 1863 г. адресаты будут указываться полностью — «А. А. Герцену и Ф. П. Зенковичу». И историки восстания 1863 г. получат в свое распоряжение новый интересный факт о живых связях повстанцев с издателями «Колокола».

²¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1411, л. 159.

²² Н. П. Митина. Из истории русско-польских революционных связей в Сибири в 1864—1866 гг. В сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 644, 645.

²³ J. Gieysztog. Указ. соч., стр. 292.

Г. П. ЧЕКАНОВА

КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК-БОРОВСКИЙ И ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

Сочинения Карела Гавличка-Боровского (1821—1856), выдающегося чешского поэта, сатирика, публициста и крупнейшего политического деятеля прошлого столетия, были известны еще в дореволюционной России.

Как и многие представители передовой чешской интеллигенции, К. Гавличек питал глубокую симпатию к братскому русскому народу. Стремясь еще ближе познакомиться с его жизнью и бытом, он принял приглашение историка-слависта М. П. Погодина стать домашним учителем его детей. Но прибыв в начале 1842 г. в Москву, он стал воспитателем детей другого слависта — С. П. Шевырева, в семье которого и провел около двух лет. Вместе со своими воспитанниками Гавличек жил в имении генерал-губернатора Голицына, близкого родственника Шевырева. Вращаясь в кругах, близких к правительственным, он имел возможность хорошо познакомиться с нравами и обычаями господствовавших классов самодержавной России. Это знакомство дало Гавличку богатый материал для создания ряда художественных и публицистических произведений, заклеймивших самодержавие, церковь и произвол правящих классов царской России. К русской тематике Гавличек неоднократно возвращается и позже, находясь у себя на родине.

Передовые люди России понимали Гавличка и ценили его творчество. Так, например, в редакционной статье «Карел Гавличек-Боровский» журнала «Русский вестник» за 1861 г. говорилось: «Между чешскими публицистами последнего времени Гавличек занимает бесспорно первое место, лучше его никто не понимал потребности народа, никто не умел говорить с народом простой душевной речью»¹. Правящие круги царской России боялись разоблачительной сатиры Гавличка. В его произведениях, направленных против дворянства и духовенства, царизм

¹ «Русский вестник», 1861, т. 34, стр. 235.

не без основания видел опасность для самодержавного строя. Поэтому почти все сочинения Гавличка как в переводе, так и в подлинниках, были запрещены. Об этом свидетельствуют материалы Центрального комитета иностранной цензуры.

Особенно большим преследованиям подвергалась сатирическая поэма «Падение Перуна» («Крещение св. Владимира») ². В феврале 1885 г. эта поэма обсуждалась на заседании комитета. И. Я. Вацлик, публицист, чех по национальности, которому, очевидно, было поручено рецензирование поэмы, писал председателю комитета, известному поэту А. Н. Майкову: «Ваше превосходительство Аполлон Николаевич! Крещение св. Владимира, Легенда из русской истории — юмореска, высмеивающая самодержавие и царскую власть в самых резких выражениях и картинах, так что от начала до конца представляется весь высший строй русской империи и общества смешным в такой мере, что распространение такого сочинения, хотя бы только у чехов в России не следовало допускать» ³. «Запретить», — такова была резолюция комитета ⁴.

В июле 1898 г. на заседании комитета обсуждалась книга Гавличка «Картинки из России» ⁵.

Цензор, представивший книжку на рассмотрение, порицает Гавличка за его критическое отношение к крепостному праву. Он говорит, что Гавличек, указывая на покровительство Екатерины II представителям радикальной философии даже крайне либерального направления, добавляет, что в то же время она не преминула сделать украинских казаков своими рабами, чтобы их продавать или же дарить вельможам в качестве крепостных.

Принимая, однако, во внимание, что автор в общем дружелюбно относится к современной ему России, цензор считал возможным книгу разрешить ⁶.

Постановлением комитета эта книга была разрешена ⁷.

К началу нынешнего века интерес к творчеству Гавличка в России еще больше возрастает. В 1900 г. профессором Казанского университета М. П. Петровским была переведена на русский язык сатирическая поэма «Падение Перуна». Но цензура опять запретила ее издание, и она была опубликована в Праге ⁸.

² Эта поэма Карела Гавличка-Боровского является острой сатирой на абсолютизм, монархию, дворян, генералитет, церковь, т. е. на все устои самодержавной России. Эта поэма затрагивала не только русский, но и австрийский абсолютизм, баховскую реакцию, военные суды и чрезвычайное положение.

³ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 241, л. 273.

⁴ Там же.

⁵ K. H a v l i č e k - B o r o v s k ý. Obrazy z Rus. Vyd. II. Praha, 1886.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 280, л. 565.

⁷ Там же.

⁸ K. Г а в л и ч е к. Падение Перуна. Легенда из русской истории. Прага, 1900.

В мае 1902 г. в комитете обсуждалась книга Гавличка под названием «Политические сочинения К. Гавличка», подготовленная к печати З. Тоболкой и изданная в Праге в 1901 г.⁹

Докладывал о ней цензор Васенцович-Макаревич. Он отметил, что Гавличек в своих статьях горячо отстаивает интересы чешской нации от посягательства на нее со стороны Германии и Австро-Венгрии, но что он вместе с тем ярый враг панславизма, который, по его мнению, стремится не к федерации славянских народностей, а к порабощению слабейших сильнейшими, т. е. Россией¹⁰.

Васенцович-Макаревич подчеркнул, что хотя эта книга и не заключает в себе каких-либо враждебных России или царствующему дому тенденций, но в ней есть отдельные места, которые, по его мнению, пропустить не представляется возможным. Цензор считал неприемлемыми рассуждения Гавличка об угнетении венграми славян и польской шляхтой русин и литовцев и сравнение с угнетением в России. Он цитирует слова Гавличка, где говорится, что русский царь угнетает явно, не скрывая своего деспотизма, а венгры и польская шляхта осуществляют это по-фарисейски, прикрываясь флагом свободы, равенства и братства¹¹.

Также неприемлемой кажется цензору критика Гавличком формулы, что монархи «божьей милостью» владеют народами. Он цитирует его слова, где говорится, что ни один разумный человек не верит в божественное происхождение монархов и в то, что они получили власть над народами от бога¹².

Васенцович-Макаревич возражает также против критики Гавличком книги «Катехизис о почитании всероссийского императора, или изложение четвертой заповеди божьей и в отношении местного начальства», напечатанной по «высочайшему повелению» для использования в сельских школах и римско-католических церквах¹³.

Он сетует на то, что Гавличек относится с «явным глумлением» к этому «катехизису», ставившему целью объяснить происхождение власти от бога и излагавшему обязанности верноподданных в отношении царя и начальства, смешивает религию с политикой, что оказывает неблагоприятное влияние на детей¹⁴.

В заключение он все же рекомендует разрешить эту книжку, исключая первую строку снизу на стр. 274, строки 9—21 на стр. 275 и стр. 287—295. Предложение цензора было принято¹⁵.

⁹ «Politické spisy K. Havlička-Borovského». K vydání upravil Zdenek Tobolka, d. II. «Narodní Noviny». Praha, 1901.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 292, л. 87.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 88.

¹³ Там же, л. 89.

¹⁴ Там же, л. 90.

¹⁵ Там же.

В 1903 г. в комитете обсуждался вопрос о разрешении сборника писем Гавличка, изданного в Праге¹⁶.

Об этой книге докладывал также Васенцович-Макаревич. Он вменил в вину Гавличку, что последний высмеял крестный ход в Москве в праздник крещения. Цензор обратил внимание комитета на эпиграммы Гавличка, направленные против христианской церкви, высмеивающие ее обряды, священников и т. д.¹⁷

На этом основании он внес предложение запретить данный сборник, что и было одобрено комитетом.

В том же году комитет обсуждал книгу Гавличка «Кутногорские письма»¹⁸.

Докладчиком был опять-таки Васенцович-Макаревич. Он обратил внимание на то, что Гавличек называет служителей культа «дешево стоящей полицией», и хотя нападает главным образом на католическое духовенство, но наряду с этим касается православной религии вообще и отношения к ней правительственной власти, причем опять высмеивает и осуждает монархов, считающих, что их власть происходит от бога¹⁹.

Цензору не нравится, что Гавличек протестует против всякого абсолютизма и деспотизма, как светского, так и духовного, требуя признания свободы и прав человека. В подтверждение он цитирует из сочинений Гавличка те места, которые ему кажутся особенно крамольными. Внимание его привлекают следующие слова Гавличка: «Церковный абсолютизм представляет из себя как бы подушку для светского абсолютизма. Они настолько связаны друг с другом, что кто сможет пошатнуть столб церковного абсолютизма, тем самым разрушит и политический абсолютизм, недаром история учит, что светский абсолютизм никогда не считает себя утвержденным до тех пор, пока не будет признан церковным абсолютизмом»²⁰.

Далее цензор цитирует слова Гавличка о деспотизме. «Деспотизм, — писал К. Гавличек, — на свете всегда одинаков, облечен ли он в одежду духовную, воинскую, бюрократическую или аристократическую, цель его одна и та же — насиловать народы для удовлетворения своих прихотей и грязных материальных выгод. Но деспотизм церковный хуже других, потому что он злоупотребляет именем бога, ослепляет неразвитый люд. Вследствие этого и наблюдается, что деспотизм светский считает своим лучшим союзником деспотизм церковный. Как только в народе начинают проявляться более либеральные понятия, светский деспотизм бросает

¹⁶ «Úplná korrespondence Karla Havlička-Borovského». Pořadá Ladislav Quis, Praha, 1903.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 295, лл. 156—158.

¹⁸ К. Г а в л и ч е к - Б о р о в с к ý. Epištoly Kutnohorské. Vyd. III (ke 40 výročnímu dni smrti K. Havlička). Praha, 1896.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 295, л. 223.

²⁰ Там же, л. 224.

боротся с ним иезуитов, чтобы они покрыли все мраком своей черной одеждой»²¹.

Приводя эти и многие другие места из книги Гавличка, Васенцович-Макаревич делает следующий вывод: «Считая, что приведенные места достаточно ясно обрисовывают тенденции автора поколебать неприкосновенность верховной власти, со своей стороны полагаю необходимым книжку эту на основании ст. 93 устава о цензуре и печати запретить, о чем имею честь представить Комитету»²².

«Запретить», — такова была резолюция графа А. Муравьева, председателя Центрального комитета иностранной цензуры²³.

В 1906 г. в связи с пятидесятилетием со дня смерти Гавличка русская литературная общественность проявила к его творчеству особенно большой интерес. В журнале «Славянские известия», в статье «Из первых лет чешской журналистики» отмечалось значение К. Гавличка для развития чешской журналистики и национальной культуры, его роль в формировании национального самосознания чехов²⁴.

В том же году «Славянские известия» опубликовали статью П. Заболотского «Политические воззрения К. Гавличка-Боровского»²⁵.

В статьях, вышедших в 1906 г., чувствуется влияние революции. Так, например, автор статьи «Политические воззрения К. Гавличка-Боровского» положительно отзываясь о сочинениях Гавличка, бичующих рабство, бюрократию, произвол и другие темные стороны русской жизни середины XIX в. Он отмечает демократизм Гавличка и его симпатии к передовым людям России. Однако автор все время подчеркивает колебания Гавличка к либерализму и реформизму. По тону статьи можно судить, что автору больше по душе Гавличек-либерал, чем Гавличек-демократ.

Во время первой русской революции цензура была несколько ослаблена. Это позволило поэту Новичу опубликовать в «Славянских известиях» III песнь сатирической поэмы «Падение Перуна»²⁶. После поражения революции в годы разгула реакции цензурные строгости снова усилились.

В 1908 и 1909 гг. в Центральном комитете иностранной цензуры неоднократно обсуждались сочинения К. Гавличка. Так, например, 10 сентября 1908 г. рассматривалась брошюра «Политические принципы Карла Гавличка-Боровского»²⁷. Докладывал о ней

²¹ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 295, л. 225.

²² Там же, л. 226.

²³ Там же.

²⁴ «Славянские известия», 1906, № 5, стр. 357—371.

²⁵ «Славянские известия», 1906, № 7, стр. 536—541.

²⁶ «Славянские известия», 1907, № 2, стр. 117—119.

²⁷ «Politické zásady Karla Havlička-Borovského», uspořádal a opatřil úvodem Jan Langer, Praha.

Васенцович-Макаревич. Значение Гавличка для Чехии цензор сравнивал со значением Жан-Жака Руссо для Франции, а рассматриваемую книгу — с «Общественным договором» Руссо²⁸. Он говорил, что хотя прошло более полувека с тех пор, как Гавличек писал свои работы, его взгляды не устарели, что заставляет выказать осторожность по отношению к этой маленькой брошюре²⁹.

Цензор в своем докладе обращал внимание комитета на то, что хотя Гавличек не сочувствует кровавой революции, предпочитая, по его выражению, революцию в умах и сердцах, но тем не менее доказывает, что против деспотической власти, попирающей права народа, законно действовать насильем, что всякое, даже подавленное восстание народа всегда что-нибудь ему дает к расширению его прав и уменьшает произвол и престиж как правительств, так и династий, что никакой абсолютизм не может выдержать постоянное и постепенное движение народа³⁰.

Внимание цензора привлекают также слова Гавличка, когда он говорит, что республиканцы — это те, которые не хотят иметь никакого наследственного властелина, считая, что всякий монарх со своим двором работает против свободы народа и является тяжким бременем для него, что войско до тех пор полезно и заслуживает уважения, пока защищает своих соотечественников. Но если оно служит подспорьем деспотизма, помогает угнетать родных отцов и братьев, делится с властителями плодами порабощения своего народа, то такое войско не заслуживает имени войска, это просто наемники, запродавшие за дешевую цену свой народ³¹. Цензор обращает также внимание на слова Гавличка, что к льтурный народ не позволит себя угнетать, что угнетать можно лишь народ, не сознающий своих прав, не верящий в успех своего дела, не знающий путей к освобождению³².

«Некоторые мысли, — пишет в заключение цензор, — конечно, и для настоящего времени едва ли удобны к распространению между народом.

Но необходимо принять во внимание, что Гавличек-Боровский: 1) имел в виду главным образом освобождение чешского народа от порабощения его немцами, 2) что эта брошюра, написанная на чешском языке, если бы и распространилась среди чехов, живущих в России, то едва ли могла способствовать революционному движению среди них против русского правительства и 3) что «Общественный договор» теперь дозволен, а поэтому и дозволение этой брошюры представляю на благоусмотрение

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 309, л. 59.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 60.

³² Там же.

Комитета³³. Резолюция комитета гласила — «Выдачу ограничить»³⁴.

В ноябре 1908 г. комитет слушал рапорт Васенцовича-Макаревича о сборнике стихотворений и эпиграмм К. Гавличка, изданном в Праге в 1894 г.³⁵

В своем сообщении цензор обращает внимание на то, что в числе сочинений, включенных в сборник, есть сочинения кощунственного характера. По его мнению, политические эпиграммы, относящиеся к эпохе Николая I, могут быть игнорируемы. Его больше беспокоит то, что в рецензируемых стихотворениях высмеиваются обряды православной церкви, в частности крещение воды, над которым иронизирует Гавличек. Цензор негодует также по поводу того, что Гавличек в насмешливой форме хвалит греческую церковь за то, что ее обрядность предусматривает длительное стояние на коленях и частые земные поклоны, что весьма помогает при геморроидальных запорах³⁶.

В декабре того же года на заседании комитета обсуждался полученный из Женевы русский перевод поэмы К. Гавличка «Падение Перуна»³⁷. Докладывал цензор Щеголев. В его оценке этой поэмы отразился дух времени. Так, например, он заявил, что легенде предпосылается пародия на русский государственный гимн, заключающая в себе призыв к революции. По мнению цензора, сама легенда представляет собой стихотворный пасквиль на крещение Руси в 988 г. и наполнена насмешками над предметами верований, религией, церковью, епископами, священниками, а также над чудесами. Все произведение проникнуто духом глумления над властью монархов, что особенно резко выражено на стр. 6, 8, 19 («помазанные»), 27 и 28.

«Ввиду этого, — заключает цензор, — я полагал бы, что брошюра должна быть запрещена ко всеобщему публичному обращению».

На доклад Щеголева председатель Центрального комитета иностранной цензуры граф Муравьев наложил резолюцию: «Запретить»³⁸.

Одновременно с переводом, тоже в декабре 1908 г., на заседании комитета обсуждался подлинник этой поэмы (в чешском издании)³⁹. «Русский перевод этой брошюры, — докладывал комитету тот же Щеголев, — уже реферировался мною. В подлиннике отсутствует предисловие (революционная пародия на русский

³³ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 309, л. 60.

³⁴ Там же.

³⁵ K. Havlíček - V o g o v s k ý. V a s n é a e p í g r a m y. V y d. III. Praha, 1894.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 309, л. 494.

³⁷ К. Гавличек. Падение Перуна. Легенда из русской истории. Женева, 1903.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 309, л. 891.

³⁹ «Křest sv. Vladimira, Legenda z ruske historie». Vyd. II. Praha, 1908.

гимн), в остальном оба текста одинаковы по смыслу и идентичны по многим выражениям: глава девятая (опущенная переводчиком) является кощунственной насмешкой над символом веры и многими молитвенными ритуалами римско-католической церкви (стр. 61—64). На обложке и стр. 32, 37, 41, 53 помещены рисунки возмутительного содержания. В аналогии с упомянутым рапортом я полагаю, что брошюра должна быть запрещена ко всеобщему в публике обращению».

Резолюция Муравьева гласила: «Запретить»⁴⁰.

15 июня 1909 г. в комитете рассматривался сборник избранных поэтических переводов Ивана Франко, в который был включен перевод «Падения Перуна». И. Франко предпослал переводу вступление, в котором обращал внимание читателя на то, что чешский поэт высмеивает в поэме деспотизм в России⁴¹.

Цензор Васенцович-Макаревич, представлявший сборник на рассмотрение комитета, обратил на это внимание. Кроме критики деспотизма, цензор усмотрел в поэме Гавличка «оскорбление памяти Николая I, поношение христианской церкви, неуважительные выражения по адресу русской верховной власти».

«Принимая во внимание все вышеизложенное, — пишет цензор, — я полагаю, что это сочинение подлежит запрещению»⁴².

Спустя три года, в 1912 г., профессор Казанского университета Нестор Мнемонович Петровский, готовя к изданию сборник стихотворных переводов своего отца М. П. Петровского, намеревался включить в этот сборник перевод поэмы К. Гавличка «Падение Перуна». С этой целью он обратился с прошением к начальнику главного управления по делам печати графу Татищеву (см. приложение 1).

Граф Татищев в ответном письме Н. М. Петровскому категорически, под угрозой привлечения к судебной ответственности, запретил включать поэму «Падение Перуна» в готовящийся сборник (см. приложение 2).

В 1913 г. в России была опубликована книга А. М. Селищева под названием «Взгляды Карла Гавличка на Россию», в которой было показано значение творчества Гавличка, направленного против светской и духовной реакции.

Во время первой мировой войны, в 1916 г., Комитет иностранной цензуры последний раз занимался обсуждением творчества К. Гавличка. В июне этого года обсуждалась книга о Гавличке, изданная в Чикаго в связи с открытием ему памятника⁴³.

Сообщение об этой книге сделал цензор Васенцович-Макаревич. «Книжка эта, — говорил он, — представляет собой очерк био-

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 310, л. 47.

⁴¹ «Вибор поезии», переклад Ивана Франка. Львів, 1901.

⁴² ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 311, л. 390.

⁴³ «Pámatník k odhalení pomníku Karla Havlíčka v Čikago», 1914.

графии и деятельности известного чешского писателя Карла Гавличка, изданный обществом по установке ему памятника в Чикаго в 1911 г. Как известно, Гавличек в 40-х гг. побывал в России и здесь написал часть своих сатирических эпиграмм, в которых, между прочим, затрагивает и русскую государственность. Отклики этого встречаются в рассматриваемом очерке. Так, на стр. 22 сообщается, что Гавличек покинул Россию с пренебрежением к ее правительству и к патриотизму русской интеллигенции, что он своими глазами убедился в произволе русского самодержавия и взяточничестве чиновничества, безнравственности высшего общества, убожестве крестьянства»⁴⁴.

Далее цензор обращал внимание на то, что в книге (на стр. 30) по поводу сатиры Гавличка «Крест св. Владимира» («Падение Перуна») в числе эпиграмм помещена эпиграмма о русской конституции, где говорится, что «издавна русский царь позволяет своим вельможам иметь тысячи душ, но не позволяет иметь ума», что та же эпиграмма переведена на английский язык.

Приведя цитируемые им места, которые, по его мнению, содержат противоречащие самодержавному строю мысли, цензор пытался смягчить их остроту. Он указал, что все эти выпады Гавличка относятся к эпохе Николая I, а поэтому, быть может, комитет и отнесется к ним снисходительно.

Наряду с этим цензор обратил внимание на то, что в рецензируемой книге затрагиваются устои православной церкви. Он отметил: «Кроме того, Гавличек был все-таки в качестве свободолюбившего, а поэтому в его сочинениях проявляется порой антирелигиозность, что в книжке этой проскользнуло. На стр. 45—46 приводится эпиграмма «Софистика», в которой говорится: „Почему бы не быть атеистом, ведь сам бог подает этому пример, не признавая другого бога, кроме себя“».

Васенцович-Макаревич сделал следующий вывод: «Представляя вышеизложенное на благоусмотрение Комитета, доношу, что в случае дозволения им указанных моментов вся книжка может быть дозволена». Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа Муравьева гласила: «Запретить»⁴⁵.

В июле 1916 г. в комитете обсуждался вопрос о Сборнике эпиграмм К. Гавличка⁴⁶.

Докладчиком по этому вопросу был также Васенцович-Макаревич. Он указал в своем докладе, что эпиграммы Гавличка, включенные в рассматриваемый сборник, известны и некоторые из них включены в полное собрание его сочинений, что теперь они присланы из Америки отдельным изданием, снабженным пре-

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 332, л. 589.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ К. H a v l i č e k - B o r o v s k ý. Epigramy. Čikago, 1911.

дисловием, в котором указывается, что большая часть эпиграмм была написана Гавличком в 40-х годах прошлого столетия в России, где он проникся отвращением к абсолютизму и церковности.

Цензор обращает внимание комитета на сатирическое изображение Гавличком обрядов православной церкви, на насмешливое отношение к богу, на эпиграмму о русской конституции, при которой царь позволяет вельможам иметь тысячи душ и не иметь ума. Васенцович-Макаревич предлагает «за лучшее» запретить и эту книгу Гавличка, о чем и последовало решение Центрального комитета иностранной цензуры⁴⁷.

Таким образом, царская цензура вплоть до 1917 г., боясь разоблачительной сатиры Гавличка, всячески стремилась ограничить распространение его произведений в России.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция отменила все эти ограничения и изменила судьбу литературного наследия выдающегося чешского поэта, сатирика и публициста в нашей стране.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 1

К вопросу о цензурной истории русского перевода сатирической поэмы К. Гавличка «Падение Перуна» (легенда из русской истории).

Его превосходительству
господину начальнику Главного управления по печати
ординарного профессора императорского Казанского университета
Нестора Мнемоновича Петровского,
жительствающего в г. Казани на Грузинской улице в доме № 39.

Прошение

Намереваясь издать сборник стихотворных переводов (со славянских языков) моего покойного отца, бывшего ординарного профессора императорского Казанского университета и члена-корреспондента императорской Ак. наук, Мнемона Петровича Петровского, я желал бы внести в него и прилагаемую при сем поэму чешского писателя К. Гавличка (1821—1856) «Падение Перуна. Легенда из русской истории», напечатанная в 1900 г. за границей. Поэтому позволяю себе беспокоить Ваше превосходительство покорнейшей просьбой не отказать в надлежащем распоряжении по вверенному Вам учреждению относительно сообщения мне (по вышеуказанному адресу), может ли эта поэма быть внесена целиком или с исключениями, и если с исключениями, то с какими именно — в проектируемый сборник, объем которого более двадцати печатных листов в большую осьмую долю листа (отдельных оттисков прилагаемой при сем поэмы Гавличка сделано не будет).

Казань, октября 12 дня 1912 г.

Ординарный профессор им. Казанского университета Нестор Петровский.

Архив АН СССР, ф. 792, оп. 1, д. 53, л. 1.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, д. 333, л. 54.

И. д. начальника Главного управления по делам печати.

Милостивый государь
Нестор Мнимонович!

Вследствие поданного вами 12 сего октября прошения по вопросу о допустимости внесения в предложенный Вами к изданию сборник стихотворных переводов Вашего отца поэмы чешского писателя Гавличка под заглавием «Падение Перуна», легенда из русской истории, имею честь уведомить Ваше превосходительство, что означенная легенда в своем содержании включает признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 73, 74, 128 и п. 6 ст. 29 Угол. улож., а поэтому в случае появления ее в печати, полностью или в извлечении, на нее местным установлением по дел. печ. будет наложен арест, с возбуждением против издателя судебного преследования по вышеприведенным статьям уголовного закона. Примите, милостивый государь, уверение в совершенном уважении и преданности.

граф Татищев

20 октября 1912 г.
Его превосходительству
Н. М. Петровскому.

Архив АН СССР, ф. 792, оп. 1, д. 53, л. 2.

И. В. ЧУРКИНА

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ЛЮБЛЯНЫ

С 1956 г. Люблянский городской архив начал публикацию документов по истории Любляны, центра словенских земель, столицы Народной Республики Словении. Это издание должно охватить возможно более полный круг материалов, относящихся к прошлому города. Поэтому наряду с документами, публикуемыми впервые, в нем приводятся и те, которые издавались ранее.

Для сокращения расходов текст публикации отпечатан на гектографе тиражом всего в 250 экземпляров. По мнению публикаторов, этот тираж вполне может удовлетворить запросы лиц, интересующихся средневековой историей словенского города. Судя по пяти уже изданным томам¹, документы располагаются не в хронологическом порядке, а в зависимости от их расположения в архивах.

В первом томе, охватывающем период 1243—1397 гг., опубликованы документы из Государственного архива; Архива дворцовой камеры, Архива Тевтонского рыцарского ордена в Вене, а также Государственного архива в Инсбруке, Государственного архива в Мюнхене, Архива монастыря св. Павла в Каринтии, Провинциального архива в Граце, Государственного архива Народной Республики Словении и Епископского архива в Любляне.

Во втором томе (1299—1450) собраны материалы из Государственного архива и Архива дворцовой камеры в Вене, Провинциального архива в Граце, Государственного архива Народной Республики Словении, Епископского архива и Францисканского архива в Любляне.

Третий и четвертый тома (1320—1470 и 1471—1521 гг.) содержат документы Люблянского городского архива, восполненные

¹ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», zv. 1—5. Ljubljana, 1956—1960.

записями из книги Привилегий 1566 г. Ряд материалов из III и IV томов был опубликован в двух изданиях². Однако указанные издания имели довольно много текстологических ошибок. Кроме этих двух публикаций, многие документы Люблянского городского архива были использованы И. Врховцем в его книге «Люблянские горожане в прошлые века»³.

Наконец, том V (1326—1345) охватывает материалы Городского архива Триеста.

Автор имел возможность ознакомиться с содержанием первых пяти томов, которые и рассматриваются в данной рецензии.

Каждый из документов публикации отпечатан на отдельных листах, не переплетенных между собою и не пронумерованных. Это дает возможность исследователю располагать документы в нужном для него порядке, перетасовывать их не только внутри каждого тома, но и между отдельными томами.

Тексту каждого документа, приведенного на языке оригинала (на средневековом немецком языке или некоторые, более ранние материалы — на латинском), предшествует краткая аннотация на словенском языке, а также данные археографического характера (в каком архиве и под каким номером находится данный документ, является ли он подлинником или копией, относящейся к более позднему времени, и т. д.).

Первые два тома в основном содержат документы о купле-продаже, аренде и дарении земли светскими и духовными феодалами и горожанами. Самая древняя грамота относится к 13 апреля 1243 г. Это дарственная грамота каринтийского герцога Бернарда монастырю в Юрклоштре на земельный участок в Любляне. К сожалению, в публикации не приводится более ранних текстов. Особенно хотелось бы видеть изданным документ, датированный 1144 г., в котором впервые в истории упоминается Любляна.

Наличие многочисленных документов о земельных сделках говорит о том, что сельское хозяйство в XIII—XIV вв. играло в жизни Любляны значительную роль.

Однако сохранились грамоты герцога Майнхарда Каринтийского конца XIII в., которыми он отдавал на откуп таможи, суд, управление в Любляне горожанам. Эти документы показывают, что в XIII в. Любляна имела уже черты городского поселения. В грамотах герцога Майнхарда упоминаются имена люблянских горожан иностранного происхождения — Ульрика Латина, Франкотта, Мерцелина. Однако на основании этого было бы неправильным делать вывод о преобладании в древней Любляне

² F. X. Richter. Geschichte der Stadt Laibach. «Archiv für die Landesgeschichte des Herzogthums Krain», 1854; V. F. Klun. Diplomatarium Carniolicum. «Mittheilungen des historischen Verein für Krain», 1855.

³ J. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletjih. Ljubljana, 1886.

иностранным, в частности немецкого, населения. В сохранившихся документах приводятся главным образом имена наиболее зажиточных горожан, среди которых и в более позднее время, когда преобладание словенского населения в Любляне очевидно, было значительное количество лиц иностранного происхождения.

В документах I и II томов, относящихся к более позднему периоду, появляются имена зажиточных горожан Любляны. В первой половине XIV в. выделяется семья Поргеров, судя по фамилии, выходцев из Италии (*borgo* — по-итальянски предместье). 27 октября 1322 г. люблянский горожанин Франц (Франциск), сын Якоба Поргера, подарил своей жене Катарине фон Менгесбург (из рыцарского рода, так как имеется приставка «фон») двадцать кметий (кметия — полный крестьянский надел) и одну мельницу, полученные им ранее от отца. В актах 1327 г. упоминается четверть таможи, которую евреи купили у Якоба Поргера из Любляны, другая четверть таможи, проданная им же графу Иоганну фон Герц (Горицкому), и дом, тоже проданный тем же Якобом Поргером господину Петру фон Либенбергу. Богатства семьи Поргеров были настолько велики, что ее должником оказался даже Генрих, король чешский и польский, герцог каринтийский, который должен был в 1328 г. отдать Якобу Поргеру в залог округ Лашко. Якоб Поргер и его сын Франц имели от короля Генриха в феоде замок Горичане. Перечисленные выше документы говорят о значительном богатстве Поргеров, состоявшем, по-видимому, большей частью из земельных владений, а также из доходов от взятых на откуп таможен. Перед нами семья горожан, которая владеет значительным имуществом, роднится с рыцарским родом. Однако расцвет Поргеров продолжался недолго. Уже в 30-е годы XIV в. имя их исчезает из документов. Оно появляется вновь только в 1342 г., когда Ленарт Поргер покупает у Германа фон Менгесбурга пять кметий — может быть, даже из числа тех, которые 20 лет назад Франц Поргер подарил своей жене Катарине фон Менгесбург. В 1359 г. Ленарт Поргер уже должен был заплатить долг в 5 голдинеров евреям. Этот документ указывает, что к 60-м годам XIV в. семья Поргеров утратила былое богатство.

С 30-х годов XIV в. в документах начинает упоминаться другая семья горожан — Сумерекеров. В 1339 г. Николай Сумерекер купил у Николая фон Гертенберга пять кметий. В конце XIV в. документы вновь упоминают Николая Сумерекера. В 1387 г. он отдал свой дом и двор в аренду на покупном праве люблянскому горожанину Мартину Шмидту. Позднее появляется имя Ганса (Ивана) Сумерекера, сына Николая Сумерекера. В первой четверти XV в. Иван Сумерекер был судьей Любляны. Он стоял во главе партии горожан, выступавших против дворянской партии Ауэрспергов в борьбе за покосные угодья люблянской общины. По всей видимости, Сумерекеры были видными горожанами

Любляны, правда гораздо менее богатыми, чем Поргеры, но зато более тесно связанными с городом, более живо принимающими его интересы, чем Поргеры, которые стояли ближе к дворянству.

Ряд материалов дает некоторые сведения о положении евреев в Любляне. Судя по грамотам короля Генриха в начале XIV в., евреи не только ведут торговлю и берут откупы в Любляне, но и селятся там. Более поздние документы, конца XIV—XV в., говорят уже о значительной задолженности горожан евреям, и среди них даже тех, кто занимал должность судьи. Эти документы в некоторой мере объясняют причины разгоревшейся в конце XV в. борьбы сословий Штирии, Каринтии и Краины за изгнание евреев из этих земель.

Материалов о ремесле в первых двух томах опубликовано очень мало. Первая грамота о ремесле в Любляне относится только к 1370 г. Ею братья, герцоги Альбрехт и Леопольд, даровали люблянскому скорняцкому цеху св. Никласа те же права, которые имели скорняки в Вене. Каждый скорняцкий мастер принимался в цех в присутствии всего цеха. Он должен был торжественно обещать выполнять все постановления и указы, как и другие мастера цеха, и не противоречить им.

В 1440 г. упоминается братовщина Тела Господня, объединявшая люблянских портных. В 1444 г. король Фридрих III приказал выдавать цеху портных Тела Господня в Любляне ежегодно 6 фунтов пфеннигов из казны вице-дома. Очевидно, братовщина и цех являлись одним и тем же объединением люблянских портных.

Эти грамоты очень важны, поскольку являются одними из первых документов, свидетельствующих о существовании цехов в словенских городах.

Помимо перечисленных выше категорий документов, в первых двух томах имеются некоторые отрывочные материалы о городском суде, о земельных владениях братовщин и т. д.

Тома III и IV гораздо интереснее двух первых по содержанию. Они содержат грамоты, данные городу в различное время его владельцами, материалы о ремесле, торговле. Актвов же о земельных сделках в III и IV томах почти нет. Объясняется это, по-видимому, тем, что эти тома комплектовались документами из городского архива Любляны, в котором обычно хранились прежде всего судебные, административные, торговые и прочие привилегии города.

Многочисленные грамоты определяли порядок торговли. Указом от 1360 г. герцог Австрии, Штирии и Каринтии Рудольф приказывал, чтобы иноземные купцы не ездили окольными путями и не избегали таможен, чтобы не причинять вреда их владельцам, а также городам и торгам. В этом же году он отменил воскресные ярмарки Шент Вида в Марке, так как они мешали торговле других краинских городов и торгов. Более поздние грамоты отно-

сятся уже только к Любляне: в 1376 г. герцог Леопольд разрешил люблянцам торговать различными товарами в Штирии и Каринтии, а в 1389 г. его соправитель Альбрехт дал право горожанам Любляны вести торговлю венецианскими товарами в Вене и во всех городах и торгах его владений. В середине XV в. по просьбе люблянцев в некоторых местечках был отменен ряд воскресных ярмарок, которые вредили их торговле.

К концу XV в. экономическое значение Любляны возрастает. В 1479 г. на день св. Елизаветы в городе была разрешена третья ежегодная ярмарка, которая в целом продолжалась 15 дней. В 1503 г. Максимилиан I дал Любляне очень важную привилегию, согласно которой купцы из Венгрии и Италии, проезжавшие через Люблянину, должны были задерживаться там на шесть недель и в течение этого времени продавать свои товары только люблянским горожанам. Однако возможности города, вероятно, не соответствовали этой привилегии — шесть недель задержки в Любляне при сравнительно небольшой покупательной способности горожан (в XVI в. в Любляне было всего 7 тыс. населения) оборачивались для купцов значительным убытком. Поэтому данное постановление ими всячески нарушалось. Это привело к повторению указа в 1513 г. — и тоже безрезультатно. Иноземные купцы предпочитали не заезжать в Люблянину, огибая ее окольными путями. Привилегия обратилась против самих люблянцев. Наконец, в 1517 г. срок задержки купцов в Любляне был сокращен до трех дней.

С XIV в. деревенская торговля начинает успешно конкурировать с городской. Горожане просят у властей экстренных мер по ее отмене. И вот с конца XIV в. появляются первые запрещения занятия торговлей и ремеслом крестьянам, которые затем неоднократно повторяются на протяжении всего XV в., вероятно, без большого успеха. В 80-е годы XV в. наблюдается попытка дворянства приспособиться к условиям быстрого развития товарно-денежных отношений. Многие феодалы, как духовные так и светские, заставляли своих крестьян продавать им по дешевым ценам все излишки сельскохозяйственных продуктов, которые в свою очередь они перепродавали горожанам по дорогим ценам. Такая практика вызывала отпор как со стороны крестьян, так и со стороны горожан. В результате рядом указов от 1487, 1489, 1491 и 1513 гг. Фридрих III и Максимилиан I обязали дворянство не препятствовать своим подданным торговать продовольствием в городах.

На конкуренцию между отдельными городами указывает ряд привилегий, данных Любляне Максимилианом I в 90-е годы XV—начале XVI в. Они направлены на ограждение права люблянцев торговать железом в Штирии и Каринтии, с которым не хотели считаться каринтийские города Шент Вид, Целовец и особенно Великовец. В 1513 г. в Люблянину в целях охраны мест-

ного ремесла запретили ввозить нюрнбергские ремесленные изделия. В самой Любляне важными конкурентами местных торговцев выступали евреи. В том же 1513 г. им запретили торговать в Любляне, а в 1515 г. они были совсем изгнаны из города.

Если в борьбе за экономические привилегии Любляна вынуждена была выступать и против дворян, и против крестьянства, и против других городов, то в борьбе за политические привилегии единственным ее врагом было дворянство. Главным орудием в этой борьбе у горожан было их право самоуправления. Они получили его в 1320 г. от Генриха, короля польского и чешского, как об этом говорится в грамоте 1370 г., подтверждавшей грамоту Генриха. Согласно этому подтверждению, люблянцы могли ежегодно избирать городской совет и городского судью. Но этим право самоуправления еще не было полностью завоевано. Ряд указов герцогов Леопольда и Альбрехта в 80—90-е годы XIV в. предписывал главе краинского дворянства не допускать вмешательства дворян в судебные дела люблянцев. В 1397 г. герцог Вильгельм дал горожанам право судиться только своим городским судом и нигде больше. Люблянский судья нес ответственность только перед краинским вице-домом⁴. Система городского самоуправления Любляны была упорядочена грамотой Фридриха III от 2 июля 1472 г. Горожане сначала должны были избрать из своей среды 100 человек, которые впоследствии выбирали городской совет и судью. Возможно, такие двухступенные выборы вводились в Любляне из-за увеличения населения города, что делало прямые выборы затруднительными. В дальнейшем, в 1504 г., была установлена должность бургомистра города (burgermeister, župan). Однако даже в конце XV—начале XVI в. Фридрих III и Максимилиан I предписывали краинскому вице-дому и главе краинского дворянства не вмешиваться в судебные дела Любляны.

Дворяне и духовные лица строили свои дома в Любляне, жили там, не желая нести городских тягот, чем вызывали большое недовольство горожан. Генрих, король польский и чешский, по просьбе горожан Любляны издал в 1320 и 1336 гг. постановления, по которым каждый дворянин, имевший дом в Любляне, должен был нести городские повинности наряду с горожанами за исключением тех, кто имел специальные привилегии. Эти грамоты не имели, должно быть, последствий, так как герцоги Крайны должны были повторить их в 1367, 1385, 1416, 1461, 1476 и 1510 гг.

Дворяне не раз вступали в борьбу с люблянцами за общинные угодья последних. Уже в 1370 г. герцог Альбрехт приказал главе краинского дворянства Конраду Крейгу вернуть общинные земли, отнятые им у Любляны. В 20-е годы XV в. эрцгерцогу Эрнесту пришлось улаживать спор относительно лесов и пастбищ между Ауэрспергами и люблянцами, который решил в пользу последних.

⁴ Управляющий имуществом эрцгерцога в провинции (Land, dežela).

Некоторые документы появились в связи с ростом турецкой опасности. Так, в 1471 г. император Фридрих III предписал судье и совету в Любляне, чтобы все горожане, дома которых находятся в предместье города и еще не сгорели, перенесли их внутрь городских стен. Городской же совет с этих пор не должен был разрешать строить новые дома в предместье. Несколько указов Фридриха III требовали от дворян и прелатов, чтобы они посылали своих подданных на укрепление городских стен Любляны, чтобы при необходимости последние могли находить там защиту.

Очень интересна привилегия от 31 мая 1476 г., данная тем же Фридрихом III Любляне. Она разрешает подданным любого господина селиться в стенах города, и судья и совет Любляны не обязаны возвращать их господам без особого указания на то императора. В указе подчеркивается, что эта мера вызвана турецкими набегами. В 1478 г. эта привилегия была подтверждена императором, но уже без всяких оговорок и ссылок на турецкую опасность. Таким образом Любляна получила право набирать себе учеников, подмастерьев, рабочих из крестьянского населения, независимо от воли дворян и прелатов. Указ 1476 г. содействовал росту городского населения.

К концу XV в. город почувствовал себя достаточно сильным, чтобы призвать к порядку слуг дворян и прелатов, не подсудных городскому суду и поэтому ведших себя в городе независимо и нагло. В 1482 г. постановление Фридриха III отменяло право убежища преступников в городских церквях. В 1489 г. был издан новый указ, который разрешал судье и совету Любляны наказывать слуг и подданных люблянского капитула, если они совершали преступления на городской территории. А в 1497 г. император Максимилиан I дал люблянскому судье право присуждать к смертной казни.

Таков приблизительно круг документов, входящих в III и IV тома. Несмотря на то, что два последних тома уже частично были опубликованы раньше, значение документов, содержащихся в них, для изучения хозяйственной и политической жизни средневековой Любляны делает весьма важным их вторичное издание.

Пятый том состоит несколько особняком от первых четырех. Он включает главным образом документы, отражающие торговые связи между Любляной и Триестом. Подавляющее большинство документов — это расписки триестинских граждан люблянским торговцам за купленную у последних муку. Этот факт указывает на то, что основным предметом торговли Любляны (да и всей Краины, центром которой являлась Любляна) с Триестом был хлеб. Заслуживает внимание обстоятельство, что среди люблянских граждан, продававших муку, упоминаются сапожник Петр и кожевник Юрий. Очевидно, торговую деятельность

в Любляне вели не только купцы-профессионалы, но и отдельные разбогатевшие ремесленники.

Документы всех пяти томов подготовил к изданию Б. Оторепец. Это не единственная его работа подобного рода. В 1958 г. в «Камницком сборнике»⁵ им были опубликованы документы по средневековой истории г. Камника. Некоторые из них повторяют документы, относящиеся к Любляне. В частности, в 1478 г. Камник тоже получил право принимать в свои стены беглых крестьян в любом количестве и не выдавать их господам, а в 1510 г. камницким дворянам и духовенству было предписано нести городские повинности наряду с горожанами.

Такое сходство некоторых постановлений для Камника и Любляны говорит о том, что ряд привилегий касался не только одной Любляны, но и других городов Крайны, и, следовательно, они могут быть использованы для характеристики краинских городов вообще.

Новая публикация материалов по истории Любляны является самой полной, почти исчерпывающей, и, несомненно, очень интересна не только для тех, кто занимается средневековыми городами Словении; но и для изучающих европейское средневековье вообще. Остается пожелать, чтобы она не прекратилась и чтобы следующие тома охватили и более поздние, менее всего исследованные периоды истории словенских городов XVI—XVIII вв.

⁵ B. O t o r o p e c. Privilegijska knjiga mesta Kamnika iz leta 1528. «Kamniški zbornik». Kamnik, 1958.

К. Л. СТРУКОВА

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКЕДОНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Македонская молодежь, обучавшаяся в начале XX в. в различных учебных заведениях Петербурга, стремилась привлечь внимание русской и украинской общественности к судьбам своей родины. С этой целью в 1900—1902 гг. в Петербурге, Москве, Киеве, Казани, а в 1904 г. в Одессе было создано несколько македоно-адрианополюских кружков. Члены их собирали деньги, способствовали помещению в русских газетах правдивой информации о положении в Македонии и т. п.¹

Некоторые из этих студентов — Д. Д. Чуповский, Г. К. Константинович, окончив обучение, остались в России. Они по-прежнему стремились к развитию македоно-русских контактов. При их активном участии македонская колония в Петербурге в связи с Балканскими войнами 1912—1913 гг., возродившими первоначально надежды на окончательное решение македонского вопроса, начала активную кампанию по ознакомлению русского общества с прошлым и настоящим Македонии.

7 мая 1913 г. петербургский градоначальник выдал за № 3924 разрешение на издание газеты «Македонский голос» на русском языке по следующей программе: 1) статьи по вопросам внешней политики, истории, науки, искусства и литературы, 2) хроника, 3) фельетоны, 4) рассказы и стихи, 5) обзор русской и иностранной печати, 6) библиография, 7) рисунки и портреты, 8) справочный отдел, 9) объявления. Издатель газеты — Дмитрий Дмитриевич Чуповский².

Характеристика этой газеты достаточно полно дана в упомянутой статье А. Абаджиева. Отметим только, что Даре Джамбаз

¹ Подробнее см. Ѓ. А б а џ и е в. За односот на македонската колонија во Петроград кон македонското прашање. «Гласник на институтот за национална историја», 1959, № 1.

² ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 19, д. 90, л. 1.

в предисловии к книге К. Мисиркова «За македонските работи» (1953, стр. XVIII) ошибочно приписывает издание газеты «Македонский голос» Славяно-македонскому студенческому обществу, относя ее появление ранее на целое десятилетие.

Нас заинтересовала заметка о намерении македонской колонии в Петербурге создать Русско-македонское благотворительное общество имени Кирилла и Мефодия, где указывалось, что устав общества был подготовлен и представлен на рассмотрение в ноябре 1913 г.³

Удалось установить, что действительно 26 ноября 1913 г. «потомственный дворянин Леон Михайлович Шах-Паронианц, турецкий подданный Димо сын Димо Павле Чуповский и коллежский советник Василий Михайлович Смелков» подали петербургскому градоначальнику заявление с просьбой зарегистрировать по прилагаемому к заявлению уставу «Русско-македонское благотворительное общество имени св. св. Кирилла и Мефодия»⁴.

Цель общества формулировалась в § 1 Устава следующим образом: «Оказание материальной и нравственной помощи македонским славянам и содействие духовному их общению с Россией». В § 3 Устава говорилось: «Для достижения намеченной в § 1 цели, Общество имеет право, с соблюдением установленных на сие законов и правительственных распоряжений:

а) оказывать помощь македонским уроженцам, как приезжающим в Россию, во временных их затруднениях, так и на их родине во время особых народных бедствий (голода, наводнения, разорения края и т. п.);

б) содействовать воспитанию и образованию молодых македонцев обоего пола и учреждать для беднейших из них стипендии в различных учебных заведениях;

в) устраивать с надлежащего каждый раз разрешения собрания, беседы, чтения, рефераты, публичные лекции, спектакли, концерты и литературные вечера;

г) организовывать книгоиздательства, открывать библиотеки и читальни. . . издавать свой периодический печатный орган, устраивать конкурсы на лучшие научно-специальные сочинения по истории и этнографии македонских славян и присуждать авторам таковых премии и награды. . .

д) изыскивать с надлежащего разрешения средства и способы к лучшему увековечению памяти первоучителей славян — покровителей Общества св. св. Кирилла и Мефодия»⁵.

20 декабря 1913 г. С.-Петербургское особое городское по делам об обществах присутствие вынесло решение: «Заявление о регист-

³ «Македонский голос», 22 декабря 1913, стр. 140.

⁴ ГИАЛО, ф. 286, оп. 1, д. 282, лл. 1—2.

⁵ Там же, лл. 3—3 об.

рации «Русско-македонского благотворительного общества имени св. св. Кирилла и Мефодия» оставить без рассмотрения ввиду того, что учредители общества не представили, согласно ст. 2 прил. к ст. 398 уст. Уч. Зав. XI ч. I по прод. 1912 года, надлежащего разрешения о присвоении обществу наименования св. св. Кирилла и Мефодия»⁶.

Святейший синод на прошение, поданное 7 января 1914 г. Д. Чуповским и другими о разрешении присвоить Обществу просимое наименование, ответил следующее: «Обсудив настоящее ходатайство и не имея уверенности, чтобы названные лица, выступающие в качестве учредителей означенного общества, могли направить деятельность его по пути, согласному с заветами св. первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, Святейший синод не находит возможным изъявить свое согласие на присвоение означенному обществу имени св. св. Кирилла и Мефодия, почему и определяет: вышеприведенное прошение оставить без последствий. . .»⁷.

26 апреля 1914 г. Чуповский и его коллеги подали петербургскому градоначальнику новое заявление с просьбой разрешить открыть Общество без присвоения ему имени «святых первоучителей славянских»⁸.

На этом дело об Обществе обрывается. Имеется еще расписка Л. М. Шаха-Паронианца от 1 мая 1914 г. следующего содержания: «Проект экз. устава Об-ва получил для исправления»⁹.

Публикуемый материал свидетельствует о наличии культурных связей России и Македонии в первые десятилетия XX в., о настойчивом стремлении македонцев развивать эти контакты, знакомить русский народ с положением своей страны, ее стремлениями и надеждами.

⁶ Там же, лл. 18—19.

⁷ Там же, лл. 30, 30 об.

⁸ Там же, л. 32.

⁹ Там же, л. 33.

Г. Е. ЗЮЗЮКИНА

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ
«ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕРБИИ
(1903—1919)»**

Сборник материалов «Профсоюзное движение в Сербии (1903—1919)»¹ подготовлен к печати редакционной коллегией Исторического архива Союза коммунистов Сербии. Редактором его является Эдиб Хасанагич, директор Государственного архива Сербии. Составители сборника — сотрудники Исторического архива СК Сербии Бранислав Велянович и Любица Шчекич.

Данный сборник по замыслу составителей представляет собой один из томов серии, посвященной истории рабочего движения в Сербии.

Первая книга этой серии, где опубликованы материалы Первого съезда Сербской социал-демократической партии и Первого конгресса Главного рабочего союза, была подготовлена в связи с исполнившимся в 1953 г. пятидесятилетием со дня основания ССДП.

Рецензируемый сборник является второй книгой этой серии. Как указано в кратком введении к нему, редакционная коллегия Исторического архива СК Сербии намерена издать еще несколько подобных выпусков. В них будут представлены материалы, освещающие деятельность отраслевых профессиональных союзов и их борьбу за улучшение положения рабочего класса Сербии, в частности, борьбу за рабочее законодательство в 1903—1919 гг. Заключительной книгой данной серии явится сборник документов, отображающих деятельность Сербской социал-демократической партии, ее руководящих органов и местных организаций, что значительно дополнит материалы, опубликованные ранее в III томе «Исторического архива КПЮ».

подавляющее большинство материалов, вошедших в сборник «Профсоюзное движение в Сербии», относится к периоду сербского рабочего движения до 1914 г. Кроме того, в нем содержатся ма-

¹ «Синдикални покрет у Србији (1903—1919)», Београд, 1958.

териалы, касающиеся деятельности Общего рабочего союза сербских рабочих во Франции в период первой мировой войны, и документы Заключительного съезда Главного рабочего союза Сербии, состоявшегося в 1919 г. и предшествовавшего объединению профсоюзов королевства СХС.

Сюда включены также документы и материалы, опубликованные в рабочей периодической печати Сербии в 1903—1919 гг., а также несколько листовок, изданных рабочими организациями и являющихся в настоящее время собственностью Исторического архива СК Сербии.

Документы публикуются в хронологической последовательности. Книга состоит из восьми разделов и краткого редакционного введения. В конце книги помещены предметный и именной указатели, а также указатель географических названий. Каждый раздел посвящен одному из съездов Главного рабочего союза. Кроме съездовских документов, представляющих основной материал разделов, каждый из них включает также отчеты Правления ГРС (Главного рабочего союза) Международному профессиональному союзу и некоторые статьи из рабочей печати, затрагивающие общие вопросы профсоюзного движения и опубликованные за отчетный период. Исключение представляет лишь раздел, посвященный деятельности Общего профессионального Союза сербских рабочих во Франции.

В помещенных материалах, правда, в различной степени, отражена работа всех съездов ГРС, начиная со II-го (1904 г.; материалы I съезда были опубликованы в предыдущей книге данной серии) и кончая Заключительным съездом, состоявшимся в 1919 г. Здесь опубликованы: отчетные доклады Правления ГРС, резолюции съездов, стенограммы некоторых из них (II, III, VI, VII и Заключительного съезда), отдельные доклады, сделанные такими видными деятелями сербского рабочего движения, как Д. Туцович, Т. Кацлерович. Большое значение имеют собранные здесь ежегодные отчеты ГРС Международному профессиональному союзу за 1903—1919 гг. и ряд статей из рабочей прессы (газет «Радничке новине», «Радник», «Еднакост», «Будучност» и т. д.).

Все эти материалы представляют собой интересный источник для изучения профсоюзного движения в Сербии и позволяют осветить ряд важных вопросов сербского рабочего движения: положение рабочего класса, его борьбу, рост и развитие профсоюзного движения в указанный период, отношение профсоюзов к социал-демократической партии, влияние Балканских войн и первой мировой войны на положение и борьбу пролетариата.

В отчетных докладах Правления ГРС съездам, как правило, отмечалось тяжелое положение пролетариата, низкая заработная плата, продолжительный рабочий день, безработица и быстрый рост цен на продукты питания, значительно опередивший в первом десятилетии XX в. рост заработной платы рабочих.

В 1905 г. продолжительность рабочего дня составляла в среднем 13 часов в сутки, средняя заработная плата рабочих — 2,9 динара в день (стр. 103). Борьба сербского рабочего класса за улучшение своего положения привела к тому, что рабочее время к 1911 г. сократилось: большинство рабочих было занято 11—12 часов в день (стр. 486). По неполным данным профсоюзной статистики, 26,7% организованных рабочих были в 1911 г. частично или полностью безработными (стр. 452). В отчетном докладе VII съезду ГРС отмечалось: «Дороговизна — вот та проблема, от которой во многом зависит вся практическая деятельность профсоюзов. Рост дороговизны делает иллюзорными и сводит на нет усилия профсоюзов, направленные на то, чтобы с помощью повышения заработной платы улучшить материальное положение и повысить культурный уровень рабочего класса. Дороговизна в конце концов побеждает, унося с собой большую часть наших достижений» (стр. 453).

Один из видных деятелей сербского рабочего движения, Павле Павлович, критикуя недостатки профсоюзного движения, отмечал в своем выступлении на VII съезде: «За последние несколько лет лишь незначительному числу забастовок присуще естественное стремление к повышению заработной платы. Почти все они ведутся в целях защиты от страшной дороговизны» (стр. 512).

Следствием тяжелого положения пролетариата была массовая заболеваемость и смертность. По числу жителей, умирающих от туберкулеза, Белград занимал в начале XX в. первое место в мире (стр. 333).

Как показывают опубликованные в сборнике документы, характерной чертой сербского рабочего движения являлось то, что большинство рабочего класса составляли рабочие, занятые в ремесленных мастерских, причем их положение было значительно хуже, чем положение фабричных рабочих. В отчетном докладе V съезду (1909) приводились сравнительные данные положения фабричных и ремесленных рабочих. В то время как средняя продолжительность рабочего дня фабричных рабочих составляла 10,5 часов, в ремесленных мастерских она равнялась 13,5 часам. Средняя заработная плата фабричных рабочих составляла 2,87 динара в день, ремесленных — 2,45 динара (стр. 263).

Одной из важных объективных причин, препятствующих развитию рабочего и, в частности, профсоюзного движения была экономическая и культурная отсталость Сербии (стр. 103, 141).

Материалы, вошедшие в рецензируемый сборник, позволяют проследить развитие забастовочного движения сербского пролетариата. На II—IV съездах ГРС отмечалось стремление рабочих масс к забастовочному движению, что было обусловлено их чрезвычайно тяжелым положением. «Почти для всех забастовок характерно, что подавляющее большинство забастовщиков составляют рабочие, которые либо накануне, либо во время забастовки всту-

пили в профсоюз» (из отчетного доклада III съезду ГРС, стр. 142). Однако в первый период организованного рабочего движения 1903—1906 гг. профсоюзные организации были еще недостаточно сильны в организационном и численном отношении и не имели необходимого опыта для правильного руководства забастовками. На V съезде отмечалось: «Большинство организаций считает, что достаточно организовать рабочих и можно, не обращая внимания на другие условия, требовать заключения тарифного договора и начинать забастовку. Результаты подобного понимания, разумеется, отрицательные» (стр. 268).

В выступлениях активных деятелей профсоюзного движения на съездах, в отчетных докладах неоднократно подчеркивалось, что к проведению забастовок и тем более к руководству стачечным движением необходимо подходить серьезно, учитывая все обстоятельства: экономические условия, число организованных рабочих, их солидарность и т. д. Газета «Радничке новине» писала, подводя итоги IV съезда профсоюзов: «Мы должны стремиться не к тому, чтобы было больше или меньше забастовок, а к тому, чтобы было как можно больше удачных и как можно меньше неудачных забастовок» (стр. 249).

IV съезд ГРС принял по докладу Д. Туцовича специальную резолюцию «о тарифных договорах и забастовках», где большое внимание уделялось вопросам подготовки и руководства забастовками (стр. 203). Однако, как показывают документы, эта резолюция зачастую в жизнь не проводилась. В отчетном докладе VI съезду ГРС вновь, в еще более резкой форме, ставится вопрос о стихийном возникновении забастовок и о руководстве стачечной борьбой: «До настоящего времени практикуется тот способ объявления забастовок, который был принят в первые годы нашего движения. Начиная с Белграда, во всех городах Сербии и во всех профсоюзах забастовки объявляются без предварительного сообщения о них и без чьего-либо одобрения. Члены профсоюза не запрашивают подкомитет, а сами на свой страх и риск начинают забастовку и ставят подкомитет перед совершившимся фактом. Подкомитет пожимает плечами и признает забастовку. Руководство профсоюза делает то же самое. И хотя забастовка представляет собой классовую войну, о чем необходимо ставить в известность центральный орган нашей организации — Главный рабочий союз, он, как правило, не извещается о начале забастовки, не говоря уже о том, что не испрашивается его одобрение. Это дальше терпеть нельзя» (стр. 355).

Необходимо также отметить, что опубликованные материалы отражают ряд серьезных недостатков, присущих сербскому рабочему движению в первые годы после создания ГРС. Бросается в глаза стремление некоторых профсоюзных организаций ограничить приток новой рабочей силы (стр. 254) «Необходимо понять, — подчеркивалось на VI съезде ГРС, — что рынок труда нельзя

монополизировать, потому что развитие капитализма и быстрая пролетаризация делают любую подобную попытку смешной. Пора покончить с этим глупым и совершенно непролетарским стремлением к монополизации рынка труда» (стр. 347).

Безусловно наиболее интересными документами, вошедшими в сборник «Профсоюзное движение в Сербии», являются отчетные доклады Правления ГРС. Они дают ясное представление о развитии профсоюзного движения. Если в отчетных докладах II и III съездам (1904—1905) основным является констатация фактов, то материалы следующих съездов (IV — 1907 г., V — 1909 г.) содержат анализ профсоюзного движения и в особенности анализ причин ряда неудач. На VI съезде (1911) был дан не только анализ работы, проделанной Главным рабочим союзом за два года, но и критиковался ряд серьезных недостатков в сербском рабочем движении.

1903—1906 гг. были периодом, когда рабочее движение развивалось преимущественно вширь, когда профсоюзными организациями приходилось вести борьбу в основном с отдельными, разобщенными хозяевами ремесленных мастерских. 1907—1909 гг., когда еще молодое рабочее движение Сербии встретило с серьезными трудностями, были временем внутреннего укрепления, консолидации организаций. 1907 г. характеризуется созданием ряда «картелей» — объединений хозяев ремесленных мастерских для борьбы с рабочими организациями. «Ликвидация рабочих организаций и требование, чтобы рабочие заявили о том, что они больше не являются членами профсоюза, — таковы требования этих „картелей“» (стр. 271). Во многих местах «картели» перешли в наступление и увольняли наиболее активных членов профсоюзов (стр. 244, 324). Значительное число забастовок этого времени носило оборонительный характер и было вызвано необходимостью защищать профсоюзные организации от наступления предпринимателей. Другим фактором, отрицательно сказавшимся на росте профсоюзного движения, была безработица, вызванная экономическим и финансовым кризисом 1907—1908 гг. и достигшая невиданных до того времени в Сербии размеров (стр. 270). Экономический кризис 1907—1908 гг. был обострен политическим кризисом, связанным с аннексией Боснии и Герцеговины.

Все эти обстоятельства способствовали уменьшению числа членов профсоюзов в 1907—1908 гг. Тем не менее забастовочное движение продолжалось. «Два прошедших года (1907—1908) были годами очень тяжелых и длительных забастовок» (из отчетного доклада V съезду ГРС, стр. 266).

В отчетном докладе VI съезду (1911) снова упоминается об ожесточенных стачечных боях; многие забастовки продолжались по три-четыре месяца (стр. 430). Рост забастовочного движения был прерван Балканскими войнами, однако уже к концу 1913 г. стачки опять возобновились.

На Заключительном съезде ГРС (1919) особо отмечалась забастовка фабричных рабочих в Лесковце в 1914 г., вызванная увольнением рабочих, принявших участие в праздновании 1 Мая. Эта забастовка приобрела огромные для Сербии того времени размеры: в ней участвовало свыше 800 рабочих, и продолжалась она больше двух месяцев (стр. 553).

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на съездах Главного рабочего союза и на страницах рабочей печати, был вопрос об отношении профсоюзов к партии. Организационным принципом сербского рабочего движения являлся принцип взаимного представительства правлений ССДП и ГРС, что характерно для партий II Интернационала. Два члена правления ГРС делегировались в состав правления партии, а два члена правления партии — в состав правления ГРС (стр. 373). Зачастую происходили совместные заседания правления партии и правления ГРС.

Положение о единстве партии и профсоюзов, о единой экономической и политической борьбе пролетариата нашло свое отражение в резолюциях и материалах почти всех съездов ГРС. «Успех профсоюзов — это в то же время и успех партии» (из отчетного доклада V съезду ГРС, стр. 288). «Профсоюзы и во время боснийского кризиса, как и всегда, поддерживали партию» (стр. 308). Одним из важнейших документов, относящихся к данной проблеме и опубликованных в сборнике «Профсоюзное движение в Сербии», является доклад Д. Тузовича «О единстве движения», сделанный на VI съезде ГРС. «И та и другая организация нашего движения, — сказал Д. Тузович, — является делом одной и той же социал-демократической деятельности и одних и тех же людей, которые эту деятельность развили» (стр. 392). В принятой по этому докладу резолюции указывалось на необходимость тесного сотрудничества и единства действий партии и профсоюзов. «Как в интересах профсоюзного движения, чтобы тактика определялась и директивы исходили из одного центра, от его естественного представителя, профессионального союза, точно так же директивы, действия и тактика в общих классовых боях должны исходить из одного центра, от их естественного представителя — социал-демократии» (стр. 406).

Вопрос о единстве партии и профсоюзов был тесно связан с борьбой против оппортунистов и анархо-синдикалистов в сербском рабочем движении.

В этом отношении представляет интерес решение Правления Главного Рабочего союза от 15 декабря 1904 г., где резко критиковалась позиция профсоюзных газет «Трговачки помочник» и «Дрводелски радник», редакции которых поддерживали «нововременцев». В том же решении указывалось, что те члены ГРС, которые поддерживали оппортунистов из «Ново време», должны были или заявить о прекращении всяких связей с редакцией «Ново време» и лицами, вносящими раскол в рабочее движение

ние, или выйти из союза (стр. 133). Резкая критика деятельности редакций «Трговачког помочника» и «Дрводельског радника» дана и в отчетном докладе III съезду ГРС (стр. 144).

В сборник включено также несколько документов, касающихся борьбы с анархо-синдикалистами. Характерно в этом отношении письмо рабочих из Парачина редакции «Комуны» — органа анархо-синдикалистов, которое заканчивается словами: «Мы не хотим иметь ничего общего с агентами врагов пролетариата» (стр. 440). Интересно также отметить, что на Заключительном съезде ГРС Сима Маркович пытался защищать позицию анархо-синдикалистов во время войны и встретил сопротивление делегатов съезда (стр. 566).

К сожалению, составители сборника включили в него очень мало материалов, отражающих борьбу с анархо-синдикализмом в сербском рабочем движении.

О том, как отразились Балканские войны на положении рабочего класса и профсоюзном движении Сербии, шла речь на VII съезде ГРС. «За время этой войны наши профсоюзы очень много потеряли. Из 200 тарифных договоров в настоящее время не существует ни одного. Из 10 000 организованных рабочих осталось меньше 1000» (стр. 533). Балканские войны были использованы буржуазией для наступления на трудящихся. Увеличился рабочий день, уменьшилась заработная плата, возросла дороговизна (стр. 455).

В сборнике помещена интересная статья «Работа в профсоюзах», печатавшаяся в 1913 г. в нескольких номерах газеты «Радничке новине». В ней дан анализ положения профсоюзных организаций в период и после балканских войн и намечены конкретные меры по восстановлению профсоюзов.

Вызывают интерес и материалы, относящиеся к деятельности профсоюзов сербских рабочих во Франции в период первой мировой войны. Среди них наиболее значительными являются «Правила Общего профсоюза сербских рабочих во Франции».

В отчетном докладе правления ГРС Заключительному съезду интересны страницы, показывающие тяжелое положение как рабочих в оккупированной Сербии, так и тех рабочих, которые во время войны эмигрировали в страны Антанты. В этом докладе констатировалось, что профсоюзные организации Сербии в условиях оккупационного режима были вынуждены прекратить всю профсоюзную деятельность, а в эмиграции сербским рабочим лишь с трудом удалось организовать во Франции Общий профессиональный союз (стр. 554, 555).

В заключение следует упомянуть еще о двух вопросах, нашедших свое отражение в опубликованных документах. Это вопрос о профсоюзной статистике и тесно с ним связанный вопрос о численности рабочего класса Сербии и о числе членов Главного рабочего союза.

В отчетных докладах Правления съездам ГРС и в ежегодных отчетах Международному профессиональному союзу приводились многочисленные статистические данные, составленные профсоюзными организациями и характеризующие положение рабочего класса Сербии и его борьбу. В них указывалось число рабочих, занятых в различных отраслях ремесленного производства, и количество фабричных рабочих, максимальная и минимальная заработная плата отдельных групп рабочих, продолжительность рабочего дня, число забастовок и их участников по отдельным отраслям производства и отдельным населенным пунктам и т. д.

Однако при использовании этих сведений необходимо учитывать те замечания и оговорки, которые имеются относительно статистических данных в материалах съездов, где, как правило, подчеркивалось, что эти сведения далеко не полные (стр. 448, 464, 566 и т. д.).

Эти материалы показывают, что вопрос о численности профсоюзных организаций занимал важное место как в работе съездов ГРС, так и на страницах рабочей печати. Это тем более понятно, если учесть, что число организованных в профсоюзы рабочих было незначительно по сравнению с общим числом рабочих и что характерной чертой сербских профсоюзов являлась постоянная текучесть их состава. В первые годы после создания ГРС подобное положение объяснялось слабостью организаций и недостаточной сознательностью рабочих (стр. 274). В дальнейшем руководство ГРС считало, что росту и укреплению профсоюзов мешает экономическая отсталость Сербии, которая приводит к эмиграции наиболее активных участников профсоюзного движения, на место которых приходят «эмигранты из Турции и пролетаризированные или полупролетаризированные сербские крестьяне» (стр. 361).

Тем не менее укрепление профсоюзов и широкая агитация и пропаганда, проводившаяся ССДП и ГРС привели в дальнейшем к некоторому росту профсоюзных организаций. Подводя итоги конференций отраслевых профсоюзов, газета «Радничке новине» в 1911 г. писала: «На профсоюзных конференциях этого года отмечался значительный рост членов профсоюзов. Некоторые профсоюзы увеличили число своих членов на 50—60—70 и даже 80% и почти все на 10, 20, 30, 40%» (стр. 441).

Необходимо указать еще на одну на наш взгляд немаловажную причину относительно незначительного численного состава ГРС. Стремясь к единству действий партии и профсоюзов, что сыграло значительную роль в борьбе против сторонников «нейтральности» профсоюзов и анархо-синдикалистов, руководители сербского рабочего движения заняли неправильную позицию, приняв решение, чтобы каждый рабочий — член профсоюза обязательно был и членом партии. В итоге на Заключительном съезде ГРС можно было констатировать: «Наше движение не является

копией немецкого, а имеет нечто оригинальное: каждый рабочий — член профсоюза является в то же время и социалистом» (стр. 570).

Необходимо сказать несколько слов о справочном аппарате сборника. Здесь особый интерес представляет именной указатель, где, помимо ссылок на страницы, на которых упоминается то или иное лицо, приводятся краткие биографические сведения. К составлению именного указателя были привлечены некоторые участники сербского рабочего движения, на основании их воспоминаний восстановлен ряд фактов, а также написаны биографии некоторых малоизвестных профсоюзных деятелей. Таким образом, именной указатель сборника приобретает самостоятельное значение.

Опубликованные в сборнике «Профсоюзное движение в Сербии в 1903—1919 гг.» материалы имеют большое значение для изучения истории рабочего движения в Сербии. Данная публикация представляет тем больший интерес, что она является тематическим сборником материалов, появившихся в рабочей печати в 1903—1919 гг., которые почти недоступны исследователям, находящимся вне Югославии. Отрадно отметить, что за последние годы в Югославии было издано несколько сборников документов и материалов по истории рабочего движения и что предполагается продолжить издание подобных публикаций.

Е. И. ДЕМИНА

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ

Интересы дальнейшего развития сравнительно-исторического языкознания, изучения истории отдельных славянских языков и их диалектов, процессов становления литературных языков требуют привлечения новых данных письменности, расширения фактической базы языковедческих исследований. Не случайно лингвистами все чаще поднимается вопрос о необходимости издания нового круга памятников славянской письменности и переиздания важнейших из них¹.

Среди публикаций, подготовленных в последнее время специально для языковедов, выделяется образцовое издание Клоцова сборника, предпринятое А. Досталом².

Вместе с тем вопрос о целесообразности особого, лингвистического типа издания памятников славянской письменности, отличного от типов изданий, предпринимаемых историками и литературоведами, является предметом оживленной дискуссии³.

● Печатается в порядке обсуждения.

¹ Л. П. Жуковская, С. И. Котков. О публикации памятников русского языка и письменности. ВЯ, 1960, № 4, стр. 134—140; «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности». М., 1961, стр. 3—4; см. также выступление Р. М. Цейтлин на первом координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения в Москве. КСИС, № 33—34, М., 1961, стр. 233—234.

² A. Dostal. Clozianus kodex palaeoslovenicus glagoliticus. Praha, 1959.

³ В частности, Советский комитет славистов в порядке подготовки к IV Международному съезду славистов в Москве (сентябрь 1958 г.) поставил на обсуждение следующий вопрос: «Какие типы изданий следует рекомендовать для публикации памятников древних славянских литератур? В каких случаях издание памятника должно быть единым для лингвистов, историков и литературоведов и в каких случаях следует издавать памятники отдельно для лингвистов и отдельно для историков и литературоведов?» Ответы на этот вопрос опубликованы в «Известиях АН СССР (ОЛЯ)», т. XVII, вып. 2, 1958, стр. 198—204.

В ходе этой дискуссии все яснее звучит мнение о необходимости адресованных изданий⁴.

Авторы вышедшей недавно из печати брошюры «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности»⁵ безоговорочно присоединяются к мнению о необходимости специальных изданий для языковедов. Это представляется им настолько очевидным, что в защиту своей точки зрения они не выдвигают никаких аргументов.

Однако в действительности среди нашей научной общности единодушие в данном вопросе отсутствует. Это подтвердила дискуссия, развернувшаяся в ходе обсуждения «Правил...» на координационном совещании по проблемам источниковедения и издания памятников русского языка, организованном Институтом русского языка АН СССР в конце ноября 1961 г., где по-прежнему весьма громко раздавались голоса в защиту «совместных» изданий для лингвистов, историков и литературоведов. Поэтому есть основание еще раз остановиться на данном вопросе и прежде всего разобраться в самом понятии «тип издания».

По-видимому, не нуждается в специальном доказательстве мысль о том, что понятие «тип издания» характеризует всю структуру издания, все его составные части. Тип издания определяется его целью, а последняя тем, кому адресуется издание. Адресованность издания проявляется не только в способе обработки и воспроизведения текста, но в оформлении и содержании всех его частей, в самом их выборе. Адресованность специалисту по конкретной научной дисциплине определяет содержание вводной и исследовательской части, характер примечаний к тексту, комментариев и словаря, подбор разночтений, наличие тех или иных указателей к тексту.

При самом выборе текста для издания историки, литературоведы и лингвисты исходят из различных требований. Для лингвиста прежде всего важен текст одной конкретной рукописи, который ложится в основу издания. Историки и литературоведы нуждаются в издании всего памятника, иногда — в реконструктивном издании.

Различно воспринимается и хронологическая приуроченность памятника. Если для лингвиста конкретная рукопись — это прежде всего памятник той эпохи, когда был создан данный список, то для историка она важна как памятник эпохи, когда создавался оригинал. Все это не может не отразиться на особенностях издания и при определении его типа. Но если вкладывать в понятие «тип издания» именно такой смысл, а нам это кажется

⁴ Эта точка зрения горячо отстаивается в ответе на вышеуказанный вопрос Д. С. Лихачевым («Изв. АН СССР (ОЛЯ)», т. XVII, вып. 2, стр. 198—200).

⁵ Правила составлены в секторе библиографии, источниковедения и издания памятников Института русского языка АН СССР О. С. Князевской под руководством и при участии С. И. Коткова.

единственно правильным, то в принципе нельзя говорить о нем, как едином для всех трех научных дисциплин, если, конечно, не считать потенциальную возможность «суммарного» издания, которое по структуре представляло бы простую сумму разделов и аспектов, входящих в лингвистические, исторические и литературоведческие публикации. Отдельные части такого издания обслуживали бы представителей различных дисциплин. Если такие издания и возможны для небольших по объему и ценных с точки зрения всех трех наук текстов, то для более или менее значительных по объему памятников, к тому же, например, представленных большим числом списков, они практически неприменимы.

Следует, однако, заметить, что значительно чаще при определении «типа издания» исходят только из принятого в нем способа обработки и воспроизведения рукописного текста и говорят о дипломатических (палеографических), критических и реконструктивных изданиях. Именно в зависимости от способа обработки и воспроизведения текста разграничиваются типы издания в польском проспекте «Принципы издания старопольских текстов»⁶, в выступлениях Д. Богдана⁷, В. Киаса (Прага)⁸ и других сторонников «совместных» изданий.

Если таким образом сузить понятие «тип издания», сведя его к способу обработки и воспроизведения текста, к степени точности передачи графики и орфографии рукописи, то тогда действительно оказывается в принципе возможным говорить о едином для всех наук типе издания.

Сама по себе важность создания таких научных правил обработки рукописного текста, которые позволяли бы пользоваться изданным текстом представителям различных дисциплин, бесспорна, поскольку возможности издания памятников письменности ограничены. И работа здесь должна главным образом вестись по созданию таких правил для исторических и литературоведческих публикаций, поскольку на практике любое лингвистическое издание может быть использовано историками и литературоведами. В создании таких правил обязательно должны участвовать лингвисты.

Однако применение в издании такого способа обработки текста, который делает его в той или иной степени пригодным для использования специалистом по любой из названных дисциплин, отнюдь не означает ликвидацию адресованности издания конкретному специалисту, нивелировку его структуры и содер-

⁶ K. Gorski, W. Kuraszkiewicz, F. Pełowski, St. Saski, W. Taszycki, St. Urbańczyk, St. Wierzyński, J. Woronczak. *Zasady wydawania tekstów staropolskich*. Wrocław, 1955.

⁷ «Иав. АН СССР (ОЛЯ)», т. XVII, вып. 2, стр. 198.

⁸ V. K u a s. Před vydáváním staropolských památek s českými předlohami. «Slavia», ročník XXVIII, sešit 3, Praha, 1959, str. 350—359.

жания. Поэтому следует признать, что спор между сторонниками «адресованных» и «совместных» изданий ведется без достаточно четкого уяснения существа вопроса.

Необходимость адресованных изданий очевидна, что вместе с тем не означает отказа от поисков более или менее удовлетворяющих всех правил обработки и воспроизведения рукописного текста.

* * *

Правила лингвистического издания текстов до последнего времени специально не разрабатывались. Однако круг проблем, встающих перед публикатором-лингвистом, и рекомендации по решению этих проблем постепенно определялись в ходе издательской практики. В России особенно много в этом отношении сделали такие издатели древнерусских текстов, как А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин, С. Н. Северьянов, Е. Ф. Карский. Подготовленные в Институте русского языка АН СССР «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности» ставят своей задачей обобщить опыт наших предшествующих лингвистических публикаций, а также опыт составления правил издания историками и литературоведами и сформулировать правила для лингвистических изданий.

Нет необходимости специально подчеркивать своевременность и важность этой работы. Отметим, что в целом «Правила. . .» достаточно четко и полно формулируют требования, которые должны предъявляться к лингвистическим изданиям, определяют структуру этих изданий, правила обработки и воспроизведения текста. Они бесспорно сыграют большую роль в нашей эдиционной практике.

Хотелось бы остановиться лишь на некоторых вопросах.

Прежде всего, в общем верно намечая правила обработки и воспроизведения текста, авторы не пытаются определить тот методологический принцип, которым следует руководствоваться при подготовке текста к лингвистическому изданию. Между тем определение методологии издания необходимо не только для обоснования тех правил, которые выдвинуты самими авторами. Ни одни «правила», как бы подробно они ни были составлены, не в состоянии охватить всех особенностей конкретной рукописи и вопросов, которые встают при ее издании. Каждый издатель дополняет эти правила. При этом он должен четко представлять себе методологические принципы издания и исходить из них при решении конкретных вопросов.

Нельзя недооценивать ту важность, которую имеет определение методологии лингвистических изданий для представителей других дисциплин — историков, литературоведов. При обработке текста в процессе подготовки к изданию они нередко стремятся учесть пожелания лингвистов, но при этом далеко не всегда

представляют себе те методологические требования, соблюдение которых делает издание пригодным для лингвистического анализа.

Мы придерживаемся следующего решения этого вопроса.

Лингвистическое издание ставит своей целью максимально точное воспроизведение рукописного текста и особенностей принятой в нем системы письма. Вместе с тем любая обработка текста при подготовке к изданию, даже его транслитерация, включает в себя элементы интерпретации. Перед издателем всегда стоит вопрос, какие особенности принятой в рукописи системы письма можно и следует передать в печатном тексте, какие можно опустить.

Практически ни одно шрифтовое воспроизведение рукописи не может исчерпывающе полно передать все особенности принятой в ней системы письма. Поэтому, чтобы обеспечить научную надежность зафиксированных изданием сведений о рукописи, необходимо определить какой-то единый методологический принцип обработки текста. В качестве такового, нам кажется, можно избрать известный принцип «или все или ничего».

Применение этого принципа при подготовке рукописи к изданию означает, что по каждому конкретному вопросу обработки текста принимается решение или дать исчерпывающую информацию о всех проявлениях данной особенности системы письма рукописи или же вообще не давать никакой информации о ней, оговорив это во введении. Частичная информация признается недопустимой. Последовательное применение этого принципа будет гарантировать читателю полноту сведений о той или иной нашедшей отражение в издании особенности системы письма памятника.

На первый взгляд это требование кажется настолько естественным и само собой разумеющимся, что как будто бы нет необходимости специально его выдвигать и возводить в методологический принцип. Между тем оно нередко — причем сознательно — нарушается.

Так, например, И. Даньгелька предлагает в лингвистических изданиях текстов оставлять прописные и малые буквы в соответствии с рукописью, но в начале предложения всегда ставить прописную букву⁹. Если бы в рукописях предложение всегда начиналось со строчной буквы, то при соответствующей оговорке было бы еще приемлемым заменять ее прописной, хотя это повлекло бы за собой другую модернизацию — разбивку текста на предложения, введение современной пунктуации. Но поскольку в рукописном тексте в начале предложения может стоять и прописная и строчная буквы, введение написания предложения только с прописной буквы не позволит судить о системе (или

⁹ И. Даньгелька. Ответ на вопрос комитета славистов. «Изв. АН СССР (ОЛЯ)», т. XVII, вып. 2, стр. 201.

отсутствии системы) в употреблении писцом тех и других букв. Поэтому, на наш взгляд, можно выбирать лишь между двумя решениями: или последовательно сохранять употребление прописных и строчных букв оригинала или во всех случаях употреблять эти буквы по нормам современной орфографии, оговорив это во введении.

Возможность частичной информации о той или иной особенности системы письма памятника допускается и авторами «Правил лингвистического издания памятников древнерусской письменности». Они предлагают воспроизводить в издании прописные и строчные буквы в соответствии с их употреблением в рукописи, но в то же время считают необходимым ввести употребление прописных букв для передачи собственных имен¹⁰. По их мнению, в издании можно ограничиться воспроизведением лишь некоторых надстрочных знаков. Надстрочные знаки, расстановка которых неясна, могут быть опущены¹¹. Авторы считают необходимым давать информацию о словоделении в рукописи, написанной с разделением на слова, но в то же время предлагают публикатору самому производить словоделение в тех случаях, когда это деление в рукописи не совпадает с нормами современной орфографии (написано слитно то, что должно быть написано отдельно, и наоборот), не оговаривая этих случаев в примечаниях¹². Это частичное решение фактически приводит к тому, что уничтожается всякая информация о словоделении, представленном в рукописи, так как в изданном тексте уже нельзя будет отличить, что было написано отдельно или слитно в самой рукописи, а что внесено публикатором. Возможность частичной информации допускается в «Правилах. . .» и при решении вопроса о воспроизведении пунктуации рукописного текста¹³.

Между тем частичная информация о той или иной особенности письма памятника более нежелательна, чем полное отсутствие информации, так как она только дезориентирует будущего исследователя, не давая ему возможности судить о явлении в целом, в системе. Только последовательное соблюдение принципа «или все или ничего» как при решении вопроса о воспроизведении текста рукописи, так и при решении других вопросов издания (словарь, указатели, разночтения, примечания) может обеспечить научную надежность издания. Вместе с тем, чтобы не возникло недоразумение, отметим, что этот принцип имеет чисто методологическое значение и призван удерживать от частичных решений. На практике издатель лингвист в большинстве случаев, естественно, придет к решению «дать все».

¹⁰ См. «Правила. . .», стр. 45.

¹¹ Там же, стр. 47.

¹² Там же, стр. 43.

¹³ Там же, стр. 47—48.

Поскольку мы уже затронули вопрос о словоделении, считаем необходимым сообщить об этом свое мнение.

Если при издании древних памятников, текст которых почти сплошь написан слитно, естественна разбивка на слова без указания на то, что именно было разделено, то при издании более поздних текстов, где представлено разделение на слова, дело обстоит иначе. Словоделение писца в таких случаях представляет определенный научный интерес. Факт объединения отдельных слов позволяет установить, что они не имели самостоятельного ударения, выступали как энклитики или проклитики. При чтении таким образом разбитого на слова и группы слов текста легко воссоздается мелодика высказываний. Поэтому в лингвистическом издании важно передать эту особенность системы письма памятника.

Мы уже показали, что предложенное в «Правилах. . .» решение этого вопроса не позволяет донести до читателя информацию о словоделении писца. Другое напрашивающееся решение — точно воспроизводить в издании словоделение рукописи (правильное с методологической точки зрения) — имеет свою отрицательную сторону, так как чтение не разбитого на слова текста иногда становится затруднительным. Кроме того, прочтение, интерпретация текста издателем нередко представляет самостоятельный интерес. Поэтому мы предлагаем ввести в издание поздних рукописных текстов особые знаки («разделительный» — вертикальная черточка | и «объединительный» — вертикальная черточка со скобочкой внизу \downarrow) для деления на самостоятельные слова и объединения раздельно написанного слова в соответствии с нормами современной орфографии¹⁴. Применение этих знаков позволит воспроизвести словоделение рукописи и в то же время дать прочтение текста издателем.

¹⁴ Слитное или раздельное написание слов, которые по нормам современной орфографии пишутся через дефис, воспроизводится без изменений. Слитное написание сохраняется также, если в письме отражены фонетические процессы на стыке слов (ассимиляция, стяжение и т. д.), делающие невозможным их побуквенное разделение. Прочтение этих слов издателем дается в подстрочных примечаниях. Там же оговариваются случаи спорного деления на слова и дается возможный вариант словоделения.

ПУБЛИКАЦИИ

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК «ИСТОРИИ СЛАВЯНОБОЛГАРСКОЙ» ПАИСИЯ ХИЛЕНДАРСКОГО

Прошло ровно 200 лет с тех пор, как Паисий Хилендарский написал знаменитую «Историю славяноболгарскую», сыгравшую столь значительную роль в национальном возрождении болгарского народа. В течение непродолжительного времени она разошлась по Болгарии во многих списках. Появились последователи Паисия. Нельзя не согласиться с Б. С. Ангеловым, который пишет, что «произведение Паисия — это, может быть, та рукописная книга в истории нашего (т. е. болгарского. — Г. В.) народа, которую больше всего читали, которая оказала на него самое сильное и определенное общественно-политическое воздействие»¹. В настоящее время, согласно последним опубликованным сведениям, известны 34 списка и 18 переделок «Истории» Паисия². Кроме того, известно более десяти трудов подобного жанра, написанных под большим или меньшим ее влиянием³.

Не может быть сомнения в том, что указанными числами не исчерпывается действительное количество имеющихся списков знаменитой «Истории славяноболгарской», поэтому и впредь необходимо прилагать усилия к поискам новых списков и переделок этого труда, а также произведений, написанных под его влиянием. Надо, конечно, попытаться также вновь «открыть» те списки «Истории славяноболгарской», место хранения которых в настоящее время неизвестно. Несомненно, что многие из ее списков безвозвратно потеряны, в том числе, может быть, и некоторые из известных сейчас только по библиографическим описаниям.

¹ См. Паисий Хилендарски. История славяноболгарская. Никифоров препис от 1772 г. Подг. за печат Б. Ангелов. София, 1961, стр. 24.

² Там же, стр. 25—33. Надо иметь в виду, что значительное число списков и переделок известно теперь только по библиографическим и прочим указаниям. Место же их теперешнего хранения неизвестно.

³ Там же, стр. 33—36.

Само собой разумеется, что после того как И. Иванов в 1914 г. издал «Историю славяноболгарскую» по Зографскому списку, принимаемому за оригинал Паисия, выявление новых списков уже не представляет такого интереса, какой оно имело прежде. Однако и сейчас, как подчеркивают современные исследователи, важно установить максимальное число списков и переделок «Истории славяноболгарской». Так, Б. С. Ангелов пишет: «Для болгарской науки очень важно иметь как можно больше сведений о разных списках «Истории славяноболгарской», потому что это дает возможность получить более целостное представление о ее роли в жизни нашего народа»⁴. В. Велчев подчеркивает, что списки «Истории» Паисия «позволяют установить сферу влияния, оказанного произведением Паисия, указывают пути, по которым распространялось это влияние, указывают изменения, которые под влиянием изменений в языке и настроений исторического момента претерпел первоначальный текст»⁵.

Имея это в виду, считаем полезным сообщить об одном неизвестном в историографии рукописном списке «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского.

Список, о котором идет речь и с которым мы впервые ознакомились в 1960 г., хранится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея в Москве (собрание А. Д. Черткова, № 310). В инвентарной рукописной описи собрания А. Д. Черткова этот список значится под названием «История славяноболгарская (Сочинение Паисия иеромонаха)». В опубликованном недавно кратком описании рукописей собрания А. Д. Черткова⁶ этот список «Истории» Паисия не отмечен. Этим отчасти и объясняется то, что он до сих пор оставался неизвестным исследователям.

Рассматриваемый список написан полууставом на листах форматом 18 × 21,5 см, заключенных в зеленый переплет. Всего в рукописи 133 листа. Первые три и последние шесть листов чистые. Следовательно, сам текст «Истории» написан на 124 листах. Текст начинается на л. 4 известным «Введением». С этого же листа начинается и буквенная пагинация рукописи. Пагинация лл. 1—63 сделана переписчиком рукописи, лл. 64—123 — другим лицом. Цифрой *ч* (т. е. 90) ошибочно отмечены два листа. Верхняя часть лицевой стороны л. 1 с надписью-заглавием *и црѣтвѣ болгарстѣ*^и и цифрой *а* (т. е. 1) заклеена узкой полоской той же бумаги с арабской цифрой 1 в правом углу. Указанная надпись повторяется (правда, в разных орфографических вариан-

⁴ Б. С. Ангелов. Преписи на Паисиевата история. «Известия на Института за българска литература», кн. VII, София, 1958, стр. 299.

⁵ В. Велчев. Неизвестен последовател на Паисий Хилендарски. «Език и литература», год. XI, 1956, кн. 6, стр. 447.

⁶ См. М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, стр. 63—65.

тах; см. ниже) на большинстве страниц рукописи. Нет ее на 57 страницах, главным образом на оборотных сторонах листов.

В рукописи, к сожалению, отсутствуют какие бы то ни было приписки, замечания и т. п., сделанные переписчиком или другими лицами, известные во многих других списках «Истории славяноболгарской» Паисия. Поэтому ни имя переписчика, ни точное время и место составления рассматриваемого списка указать нельзя. В инвентарной рукописной описи собрания А. Д. Черткова этот список «Истории» датируется началом XIX в. Возможно, что он составлен и несколько позднее, однако бесспорно, что не позднее 1873 г. Это ясно из того, что на л. 1 имеется штамп Чертковской библиотеки, все рукописное собрание которой, как известно, в 1873 г. было передано на хранение в Румянцевский музей, а оттуда в 1883 г. поступило в Исторический. Более точно время составления списка можно было бы указать, если бы имелись сведения о времени его поступления в Чертковскую библиотеку. По-видимому, эта рукопись вошла в собрание А. Д. Черткова после 1845 г., поскольку в каталогах его библиотеки, изданных в 1838 и в 1845 гг., она не отмечена⁷. В пользу этого свидетельствует и следующая запись, сделанная на оборотной стороне верхней доски переплета: «Записана (рукопись «Истории славяноболгарской». — Г. В.) на белом листе у стр. 431-й, II Прибав[ление]». Из этой записи следует, что рукопись не была включена в «Прибавление второе» к «Всеобщей библиотеке России» А. Д. Черткова, вероятно, потому, что поступила в его собрание, когда «Прибавление второе» уже было опубличено, т. е. после 1845 г.

Если эта запись сделана самим А. Д. Чертковым, то в таком случае следует признать, разумеется, что рассматриваемый список «Истории славяноболгарской» Паисия был приобретен им между 1845 и 1858 гг. (год смерти А. Д. Черткова—1858).

В настоящее время мы не располагаем сведениями и о том, каким образом данный список «Истории» Паисия оказался в собрании А. Д. Черткова. Возможно, что Чертков сам привез его в 1858 г. из своего последнего заграничного путешествия⁸. Возможно, что «История» Паисия была подарена ему кем-либо из знакомых. Так, ему мог ее подарить, например, Н. Н. Мурзакевич, который был хорошо знаком с А. Д. Чертковым⁹. Н. Н. Мурзакевич был связан также и с проживавшими в Одессе болгарями, которые могли ему передать этот список. Известно,

⁷ См. [А. Д. Чертков]. Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях. М., 1838, стр. 506—528, 630—631; е г о ж е. Всеобщая библиотека России. . . Прибавление второе. М., 1845, стр. 429—451.

⁸ См. статью «А. Д. Чертков и его библиотека» («Русский архив», 1863, вып. 1, стр. 9).

⁹ См. Н. Н. Мурзакевич. Автобиография. СПб., 1889, стр. 99—100, 224.

например, что именно через Н. Н. Мурзакевича В. Априлов послал в 1838 г. Ю. И. Венелину один список «Истории славяно-болгарской»¹⁰, который хранится сейчас в Рукописном отделе Государственной библиотеки им В. И. Ленина. Известно также, что у Н. Н. Мурзакевича был и другой, Жеравненский список «Истории славяноболгарской»¹¹. Менее вероятно предположение, что рассматриваемый список «Истории» Паисия был привезен А. Д. Чертковым из Болгарии после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг., в которой он принимал участие, в частности в боях под Силистрией¹². В таком случае эта рукопись была бы включена в каталоги «Всеобщей библиотеки России» 1838 и 1845 гг.

Данный список «Истории славяноболгарской» Паисия был сделан, возможно, в спешке или не очень опытным писцом. Об этом свидетельствуют отдельные пропуски и многочисленные исправления, которые находим в рукописи. Характерно, например, что кроме наиболее часто встречаемого варианта надписи *w црѣствѣ бѣлгарсте**, в рукописи представлено еще 26 разных ее написаний. Укажем здесь некоторые из них. Ср.: *w црѣствѣ болгарстем'* (л. 7 об.), *w црѣствѣ болгарстемъ* (лл. 11 об., 64, 68), *w црѣствѣ бол арстемъ* (л. 27 об.), *w црѣствѣ бѣлгарте** (л. 15 об.), *w црѣствѣ блгарсте** (л. 18 об.), *w црѣствѣ бѣлгарсте* (л. 82), *w црѣствѣ болгарстѣмъ* (лл. 3, 8), *w црѣствѣ бѣлгарсте** (л. 41 об.), *w црѣствѣ болгарсте** (л. 12), *w цаѣрствѣ бѣлгарсте** (л. 71 об.), *w цаѣрствѣ болгарсте** (л. 14), *w црѣстве бѣлгарстемъ* (лл. 85, 112, 115), *w црѣве бѣлгарстемъ* (л. 120), *w црѣствѣ болгарскомъ* (лл. 2, 3 об., 4, 5 об., 64 об., 65) и др.

После того как «История» была переписана, она была прочитана другим лицом (не переписчиком), сделавшим много исправлений карандашом как в самом тексте, так и на полях под корректурными знаками. Эти карандашные исправления, вероятно, были сделаны в разное время. Одна их часть (те, которые показаны на полях под корректурными знаками) была сделана, видимо, сразу же или вскоре после того, как была завершена переписка «Истории». Об этом говорит то, что эти исправления были повторены и в тексте той же рукой, теми же чернилами, какими переписан весь текст «Истории». Карандашные же исправления, сделанные в самом тексте, чернилами не были повторены, кроме двух исправлений, сделанных другими чернилами (см. ниже). Это

¹⁰ См. сопроводительное письмо В. Априлова, опубликованное П. А. Лавровым в статье «Одна из переделок истории славяно-болгарской перомонаха Паисия, сохранившаяся в рукописи № 1731 собрания проф. Григоровича» («Труды восьмого Археологического съезда в Москве», т. II, М., 1895, стр. 250, прим. 1).

¹¹ Г. С. Раковскій. Нѣколко рѣчи о Асѣню първому, великому царю болгарскому и сыну му Асѣню второму. Белград, 1860, стр. 20, 118.

¹² См. упомянутую выше статью из «Русского архива», стр. 5.

дает основание думать, что карандашные исправления в тексте были сделаны позже, после того как исправления, показанные карандашом под корректурными знаками на полях, уже были повторены в тексте чернилами. Едва ли можно допускать, что лицо, вносящее чернилами исправления в тексте, не принимало их во внимание, поскольку большинство исправлений, отмеченных на полях, было перенесено и в текст. К тому же не редки случаи, когда на одной и той же странице карандашные исправления в тексте не были переписаны чернилами, а исправления, сделанные карандашом на полях, были перенесены чернилами и в текст.

Укажем прежде всего ряд слов, которые исправлены в тексте согласно исправлениям, показанным карандашом на полях рукописи. Например: *вѣденіе* исправлено на *вѣденіе, истѣрики* — на *истѣрики, в' мѣрѣ* — на *в' мѣрѣ* (л. 1); *міра* — на *міра* (л. 1 и др.); *призирати* — на *презирати* (л. 2); *раздѣти* — на *раздѣти, полѣзно* — на *полѣзно* (л. 3 об.); *принѣли* — на *пренѣли* (л. 59 об.); *чѣство* — на *чѣство* (л. 64 об.); *чюдеса* — на *чѣдеса* (л. 66); *закѣка* — на *закѣна* (л. 67); *пришѣлъ* — на *поишѣлъ* (л. 80 об.); *мѣрскою* — на *мѣрскою* (л. 90 об.).

Имеется много исправлений, сделанных чернилами в тексте согласно карандашным исправлениям под корректурными знаками на полях, когда неясно, какая буква была исправлена. Так, неясно, на месте каких были позднее написаны буквы в следующих словах: буква *л* в словах *болгарски* и *болгари* (л. 5); буква *г* в слове *грабѣтельство* (л. 21 об.); буква *ч* в слове *чрезъ* (л. 22); буква *ѣ* в слове *вѣнѣць* (л. 24, 24 об.); буква *з* в слове *затѣ* (л. 25); буква *х* в слове *лѣтописецъ* (л. 35); буква *к* в слове *такѣ* (л. 76 об.); буква *а* в конце имени *Мѣрата* (л. 79); буква *ѣ* в слове *крѣпость* (л. 89 об.); буква *р* в предложном сочетании *по средѣ* (л. 102 об.); буква *и* в слове *насилѣе* (л. 103 об.); буква *и* в слове *народа* (л. 113 об.); буква *е* в имени *Параскѣви* (л. 115) и т. д.

Меньше случаев исправления карандашом в самом тексте. Например: в слове *бѣдственнагѣ* (л. 1 об.) буква *е* в первом слоге исправлена на *ѣ*; *своѣ егѣ* (л. 3 об.) — на *своегѣ*; в слове *богарского* (л. 4) после *бо* написана буква *л*; в предложном сочетании *за сой* (л. 4 об.) после *с* поставлена буква *в*; в слове *славѣни* (л. 12 об.) *а* после *в* исправлено на *я*; в слове *незабѣтно* (л. 21) буква *о* исправлена на *ѣ*; *в' велико* (л. 64 об.) исправлено на *ѣвъ велико*; в слове *сѣрбиски* (л. 65 об.) зачеркнута буква *и* после *б*; в выражении *и оубѣлъ нѣга господаръ* (л. 73) слово *нѣга* исправлено на *онѣга*; в названии лица *Светослава* (л. 73 об.) крайнее *а* исправлено на *ѣ*; на л. 74 перед словом *помѣжетъ* написано *да*; в предложном сочетании *ис Терново* (л. 80) буква *с* исправлена на *з*; в имени *Лазара* (л. 80 об.) две последние буквы дописаны карандашом; в слове *немѣци* (л. 88 об.) зачеркнута

може́тъ (л. 73) — над *о*; в предложном сочетании *на́ помощь* (л. 75) карандашом ударение поставлено и над *о* после *п*; в слове *младáго* (л. 75 об.) — над первым *а*; в слове *глд́нви* (л. 89) — над *г*; в слове *нап́исаніе* (л. 98) — над *а* после *с* и т. д.

Во многих местах рукописи тем же карандашом поставлены запятые.

Отдельные слова в рукописи, с которой сделан рассматриваемый здесь список, были, по-видимому, написаны неясно или не были понятны переписчику. Поэтому соответствующие места он оставлял пустыми. Возможно, что и в рукописи, с которой он снимал свой список, эти места также были пустые. Во всяком случае, уже после того, как данный список «Истории» был завершен, некоторые пустые места были заполнены карандашными вставками. Часть из них позже была переписана другими чернилами. Так, на л. 21 сначала карандашом, а потом чернилами были вписаны слова *аваровъ* и *авари* в следующем предложении: *се́й (король, Тривелия) в' началѣ своегѹ кралѣвства развоевалъ аваровъ то съ мацѣри авари, за коѣ пѣрво речѣ са какъ изгна́ли бѣлгаров из Панѣниѣ*¹³. На л. 70 в слове *сербкиѣ* первая часть — *серб* — написана чернилами, а вторая часть — *киѣ* — карандашом. На л. 72 об. в предложении: (царь Смилец) *имеѣлъ сна при чрѣческагѹ (sic!) црѣ именемъ Астѣнъ Цѣванъ имя Астѣнъ* написано карандашом¹⁴. На л. 74 оставлено пустое место для первой части имени, оканчивающегося на *цуката* в следующем предложении: *Свѣтославъ послалъ, ꙗ, хилѣди пѣши бѣлгаровъ подъ кмѣндата Іѡанна Хрисобѣзко... цуката*. Ср. *Мацѣката* в Зографском (л. 46) и Никифоровом (л. 72) списках и *Мамацѣката* в Софрониевом списке 1765 г.

В рукописи много слов, преимущественно имен царей, подчеркнутых карандашом. Подчеркивания сделаны другим карандашом, а не тем, каким внесены исправления на полях рукописи или в самом тексте. Это свидетельствует о том, что и данный список «Истории славяноболгарской» читали, хотя, может быть, и меньше, чем некоторые другие из известных списков.

Ниже приводим несколько отрывков из описанного выше списка «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. При

¹³ Ср. в Зографском списке (по изданию Й. Иванова): *развоевалъ аравѣва то съ мацарѣ, за коѣ прѣб речѣ се* (л. 14—14 об.). Й. Иванов при этом отмечает, что слова *то съ мацарѣ* надписаны как пояснение над словом *аравѣва*, т. е. *авари* (См. «История славеноболгарская. Собрана и нареждена Паисием иеромонахом в лето 1762», София, 1914, стр. 17, сноска 3). Ср., однако, в Софрониевом списке 1765 г.: *раз'воевали авѣровъ, то са мацѣри авѣри* (л. 15а).

Совершенно иначе в Софрониевом списке 1781 г.: *разбѣлъ мацѣрите, зацѣ испадѣли бѣлгарите изъ Панѣниѣ* (л. 18 б). Цит. по изданию С. Романского: «Нов Софрониев препис на Паисиевата история от 1781 год, съпоставен с преписа от 1765 год», София, 1938, стр. 25 (Български старини, кн. IX).

¹⁴ Это имя отсутствует в Зографском списке (л. 45), но есть в Софрониевом списке 1765 г. (л. 48 об.).

подготовке этих отрывков к печати в текст были внесены следующие изменения: разделены слова, надстрочные буквы вписаны в строку, расстановка пунктуационных знаков приближена к современным нормам их употребления, в начале предложений и собственных имен поставлены заглавные буквы.

Отрывок из «Введения»

[л. 1] Вѣденіе прѣжде бывших в' міре сѣмъ вѣщей и дѣланій живущимъ на землі не токмо полѣзно, но и зѣлѣу потребно есть, любомѣдри читателю. Аще навѣкнеши сих чѣстѣ прочитовати, ѡбогатѣши сѣ разѣумомъ и не бѣдеши вѣсма не искѣсень, и младимъ дѣтемъ и препростимъ челоѡѡкѡмъ без'ѡтѡѡтень, егда по слѣчаю вопроситъ тѣ ѡ прѣжде бывших в' мірѣ церковнаѣ дѣланіѣ и прѣкѣ исторіѣ, и с не малимъ стѣдѡмъ бѣдеши, егда ѡ сих ничтѡ же возможеши ѡѡѡщати. Ѣкѡдѡ же вѣдѣніѣ сѣхъ возможеши снизкати, аще не ѡ сѣх, иже дѣланіѣ міра сегѡ писаша, и не долго врѣмѣ поживше, нікомѡ бо даровѣ сѣ долгѡ жити на долгое врѣмѣ писаніѣ ѡ сѣх ѡставиши. Сѣми собѡю оумѣдрити сѣ не мѡжемъ, [л. 1 об.] кратки бо сѣтъ днѣ житіѣ нашегѡ на землі. Ѣ четеніѣ оубѡ дрѣвнихъ лѣтописаніи и ѡ чѣждагѡ искѣства скѣдѡсть лѣтъ нашихъ, ка стежанію разѣма, наполнити понѣждаемъ сѣ. Хѡщеши ли в' домѡ сѣдѣти и всѣхъ прѣтва міра сегѡ и безъ многагѡ трѣднагѡ и бѣдственнагѡ пѣтѣшествіѣ оубѣдѣти содѣланѣя и содѣѡемаѣя ва нихъ и вѣденіѣ сегѡ въ наслажденіѣ оумное и въ ползѣ себѣ и инемъ оупотребити, чести исторію. Хѡщеши ли вѣдѣти аки на позоріще игрѣ міра сегѡ, премененіѣ и пагѣбѣ великихъ прѣтѡѡ и прѣей и непостоѣнное блѣгополчѣе ихъ, како гѣдѡѡщихъ и гордѣщихъ сѣ ѡ народѣхъ изѣикъ силни и непреѡдолѣни въ бранехъ и честнѣи оу всѣхъ [л. 2] вѣнезѣпѣ изнемогѡша, смириша сѣ, падѡша, исчезѡша, чѣты исторію и ѡ неѣ познавъ сѣтеѣ міра сегѡ, ѡбѡчѣй сѣ презирати егѡ.

Начало «Предисловия»

[л. 3] Исторіѣ славѣноболгарскаѣ ѡ народѣ и ѡ прѣѣ и стѣхъ болгарскихъ и ѡ всѣхъ дѣланіѣ и бытіѣ болгарскаѣ. Собрано и нареждено Паисіемъ іеромонахѡмъ бывшагѡ во стѣй горѣ (л. 3 об.) Афѡнскіѣ ѡ епархіѣ Самоѡѡвскіѣ в лѣто аѡѡѡв* на ползѣ родѣ болгарскомѣ.

Предисловіе к' хѡтѣщимъ читати и послѣшати написанаѣ в' исторіиѣ сѣю.

* Первая цифра — «ѡ» — написана в рукописи карандашом.

Внемлите ви, читатели и слышатели рѣде болгарски, кой ревнѣеть и оусердствѣеть по своего рода и по своеѣ отачество болгарское и желаетъ разѣмѣти и знати извѣстно ради свое егѡ болгарскаго рода, и за ваши шцѣ и прѡшцѣ, и црѣве, и патіарси [sic!], и стѣх, какѡ са испѣрва поживѣли и преишли. И вамъ потребно и полѣзно есть да знаете известно делніѡ шцѣ вашихъ, како шѣ знаютъ вси дрѣги родовѣ и изѣици за нѣхны родѣ и изѣикѣ и имѣють історіи и всѡки книжники ѡ нихъ знаетъ и сказѣеть и хвалитъ сѡ за свой родѣ и изѣикѣ. Тако [л. 4] и азѣ вамъ написахъ по рѣдѣ извѣстно за вашѣ родѣ и изѣикѣ. Читайте и знайте ѡ да не бѣдете ѡ дрѣги родове и изѣици подсмѣваѣми и оукораѣми. Азѣ изліха поревновахъ по рода и по отчество болгарское и многѡ трѣдѣ сотворихъ собырати ѡ различныхъ книги и исторіи дондеже собрахъ и совакѣпихъ делніѡ рѣда богарскаго въ книжицѣ сѣю, ради ваша полза и похвала вамъ написахъ. Кой любыть свой родѣ и отчество болгарское и любите знати за свой родѣ и изѣикѣ, переписѣита исторіицу сѣю; платита, нѣка и вамъ препишетъ кой оумѣють писати и имѣють ею да сѡ не погѣби. А кой не люблѣтъ за свой родѣ болгарски знати, но сѡ шбрацають на чѣжда политика и чѣжди изѣикѣ, [л. 4 об.] и не радеть за соѣ [sic!] изѣикѣ болгарски, но сѡ оучать читати и говорити по чрѣчески [sic!] и сраметъ сѡ да сѡ наречать болгары. Ѣ неразѣмне і юрѣде, порѣди что сѡ срамишъ да сѣ наречѣшъ болгаринѣ и не чатишъ по свой изѣикѣ не дѣмашъ? Или не сѡ имѣли болгары црѣтво и гѣтвѣо? За толѣкѡ црѣтвовали и бѣли славни и чѣдни по всѡ землѡ и многѡ пѣти ѡ силни римлане и ѡ мѣдри грѣцы данѣ взимали, и давали имѣ црѣвѣ и кралѣве свой црѣки дщѣри во сѣпрѣжество и да бѣ имѣли мѣрѣ и любовѣ со црѣ болгарѣти. И ѡ всегѡ славѣнскагѡ народа наиславни бѣли болгары. Пѣрво сѡ онѣ црѣвѣ нареклѣ, пѣрво шны патріарха имѣли, пѣрво шны сѡ крѣтили, найбѣле землѡ шны шсвоили. Такѡ ѡ своегѡ нарѣда [л. 5] словѣнскагѡ шны силни и чѣтнии бѣли. И пѣрви стѣи словѣнски ѡ болгарски родѣ и изѣикѣ просѣали, како за тѡ по рѣдѣ всѡхъ всею исторію написахъ.

Отрывок из раздела

«Собрание историческое о народе болгарском»

[л. 34] Но грѣци и латѣны потѣмъ имѣли велика распра ради Болгаріѡ на соборъ оу Цриградѣ. В то врѣмѡ и по прежде бѣли шстѣпѣли латѣны ѡ православіѣ, но іещѣ не бѣли разлѣченѣны [л. 34 об.] конѣчно ѡ грѣци. Но ради Болгаріѡ распри

имѣли, кой да бы имѣли под своѣ власть. И тако сѣ конечно разлѣчили грѣцы Ѡ латѣны и проклѣли. Но бѣлгари за мѣло врѣмѣ были под патрїаршію цѣриградскою. Грѣцы, когдѣ поставѣли бѣлгаромѣ архїепїскопа, искали Ѡ нѣхъ много злато и дѣри. Затѣ сѣ соблазнили бѣлгари и Ѡлѣчили сѣ Ѡ патрїаршіѣ цѣриградскїѣ, поставили себѣ патрїарха въ Бѣлгарїю. И тако докле стоѣло цѣртво бѣлгарское, имѣли патрїарховѣ Ѡ своегѣ ѣзїка. Зри ѡ тѣмъ в' кнїгѣ Кормчїѣ на листѣ, ѣ, Ѡ краѣ. Рѣди тогѣ цѣрѣ Михаила несогласно естѣ [л. 35] въ лѣтописехъ. Маврѣбїрь пише: Мѣртагонѣ прїѣ крещенїе, а Баронѣ пише: бѣлгарис, но ѣ то имѣ по грѣчаски вѣргѣросѣ. Не погодїли какѣо мѣ было имѣ прѣжде крещенїе, но прѣсто бѣлгарисѣ писѣли. Рѣди то несогласно въ лѣтописцы стоїтъ. Бѣлѣ нѣкой рѣбѣ Ѡомѣ оу нѣкоегѣ бѣлгарина въ Цѣриград. За нѣкое согрѣшенїе побѣгналѣ Ѡ своегѣ гѣдрѣ и прїѣлѣ тѣрская вѣра. По двадесѣтъ лѣта притворїлѣ себѣ, какѣ е ѡнѣ Костантинѣ, сѣнѣ Ирїны цѣри. И тако собралѣ воїска и взѣлѣ Ѡ грѣцы Армѣнїѣ, пакѣ пришѣлѣ с вѣлика сїла и ѡбладѣлѣ Цѣриградѣ. И были грѣцы въ вѣлика теснотѣ, не можѣли нїкѣо (л. 35 об.) да мѣ сѣ прѣтивѣтъ. Тогѣ рѣди послѣли томѣ цѣрю, ещѣ когдѣ был невѣренѣ, вѣлико молѣнїе да бы пришѣлѣ и помѣгалѣ имѣ. Ѡнѣ сѣ подвїгналѣ с вѣлика сїла и воинска, напѣлѣ на Ѡомѣ Ѡступника и поразїлѣ егѣ въ концѣ. Самогѣ Ѡомѣ схватїлѣ и пѣрво Ѡрезѣлѣ емѣ нѣзе и рѣце, потѣмѣ Ѡсекалѣ емѣ и главѣ. Тако сѣ возвратил с вѣлика корїстѣ и слава въ Бѣлгарїю.

Отрывок из раздела «Об учителях славянских»

[л. 97] Воспоманѣти потрѣбно во кратѣце за стѣго Кирилѣ и Меѣодїѣ въ коѣ врѣмѣ составили писмена а* кнѣги на словѣнски ѣзїкѣ. Во врѣмѣ Михайла цѣрѣ иконоборца бѣлѣ Кирилѣ и Меѣодїѣ. Родїли сѣ оу Солднѣ градѣ Ѡ ѡца именемѣ Лѣвѣ, сановїта и бѣгата и добродѣтелна члѣвѣка. Стѣ Меѣодїѣ стѣлѣ вѣвївода словѣнски или бѣлгарски и надѣлѣ сѣ ѣзїкѣ [л. 97 об.] словѣнски. По десѣтъ лѣта ѡставилѣ санѣ воїнски и воспрїѣл чїнѣ монѣшаски. Кирилѣ стѣлѣ был помѣлади брѣтъ Меѣодїевѣ. Оучїл сѣ послѣжде фїлосѣфїѣ в Цѣриградѣ зѣедно с Михайла цѣрѣ, мѣлаго снѣ Феѣфїлова. И бѣлѣ фїлосѣфѣ изрѣденѣ и слѣвенѣ во Цѣриградѣ. И по советѣ брѣта егѣ Меѣодїѣ ѡставилѣ мїрѣ и воспрїѣлѣ и ѡнѣ монѣшески чїнѣ и провождѣлѣ стоѣ житїе. И во врѣмѣ то, егдѣ цѣрѣтѣвовѣлѣ Мѣртагонѣ в' Бѣлгарїю,

* Карандашом исправлено на «и».

пришѣлъ Меѳодіа въ Тѣрново, понѣже бѣлъ искалъ тогда Мѣртагонъ црѣ писца иконаго да мѣ напише палата. Меѳодіа бѣлъ [л. 98] знѣлъ то дѣло, но вѣче тогѡ ради прѣишѣлъ да бѣ возмогал наоучити и оуловити бѡлгари во вѣрѣ хрѣтіанстей. Како емѣ заповѣдалъ Мѣртагонъ црѣ да мѣ напишетъ на ѡнаа палата звѣровѣ и птици и подобіе ловитви, но стѣ Меѳодіа написалъ пришѣствіе Хрѣтово толико хитро и страшино. Когда видѣлъ црѣ ѡно написаніе, оустрашилъ сѧ и пришѣлъ вѣ чѣвство и оумилѣніе. Тогда Меѳодіа оудѣчиль врема подобно и глаголаше црѣю и побѣждалъ егѡ да прѣиметь вѣрѣ хрѣтіанскою и ѡбратиль Мѣртагонна на сѣе. Послалъ къ црѣци Θεодѡри и пришѣлъ изъ Цриградъ [л. 98 об.] епископъ, посланъ ѡ црѣци, и крѣтилъ црѣ Мѣртагона. Нарѣкалъ емѣ има Михайлъ. И многѡ народъ бѡлгарски крѣтили сѧ въ то врема, понѣже Меѳодіа глаголаше имъ и оучиль ихъ изыкомъ бѡлгарскимъ. После тогѡ, оубежденъ ѡ црѣци и ѡ ныхъ бѡлгаровъ, воспрѣли Меѳодіа и Кирилъ епископство да ѣдутъ да оучатъ бѡлгари и прѣчи славѣни вѣрѣ хрѣтіанскою и нарекли ихъ апѡстоли бѡлгарскіе.

«Послесловіе»

[л. 121 об.] Азъ, Пайсіа іеромонахъ и пороигѣменъ * Хиландарски, совокѣпихъ и написалъ, ѡ рѣски рѣчи прѣсти ѡбратихъ на бѡлгарски прѣсти рѣчи и словѣнски. По мѧло снадѣше ме ревностьъ и жалостьъ по рода своегѡ бѡлгарскаго, зачѡ не имѣатъ ** истѡрїа заедїно совакѣплѣнна за прѣславная дѣлїа испѣрваа временѧ рода [л. 122] нашегѡ, и стѣхъ, и црѣи. Тако и оукараѣхъ насъ мнѡгажди сѣрбїе, и грѣци, зачѡ не имѣемъ своѧ истѡрїа. Азъ зрѣхъ по мнѡгихъ кнѣгахъ і истѡрїахъ ради бѡлгари мнѡго извѣстїе написано. Того ради воспрѣахъ трѣдъ мнѡго за двѣ лѣта собирати по мѧло ѡ мнѡго истѡрїи и оу нѣмска землѧ повече за то намерѣніе ходїхъ. Тамо ѡбрѣтохъ истѡрїа Маврѣбїрова за сѣрбїе и бѡлгари, въ кратѣѣ за црѣи, а за стѣ ныкако не писалъ: латїнынъ былъ не испѣвѣдетъ стѣихъ бѡлгарски и сѣрбски, кой просїали послѣди, ѡ како сѧ ѡдѣлили латїни ѡ грѣци. Но и за сѣрбски стѣ злѣ пишеть [л. 122 об.] и покривѣеть, а за бѡлгарски ныкако не поменѣеть. Тако азъ презрѣхъ свое главоболїе, ꙗко за мнѡгѡ врѣма страдахъ, тако и оутрѡбою болѣхъ велми. И то ѡ желанїе мнѡго, щѡ имѣахъ, презрѣхъ. И ѡ мнѡго времѧнна погребѣнаа и забвѣнаа едѡа

* В рукописи буква «о» после «п» зачеркнута карандашом.

** В рукописи буква «а» написана карандашом.

совакѣпнѣхъ заедно, рѣчи и слѡва написахъ. Не оучѣхъ сѧ ни граматикѧ нѣ политикѧ нѣ како, но прѡстимъ бѡлгаром прѡсто и написахъ. Не бѣсть менѣ тѣшѣемъ за рѣчи по граматикѧ слагѧти и слѡва намещѧти, но совокѣпнѣти заедино сѣю истѡриѣ. И совакѣпнѣхъ сѣю въ Хиландарѣ монастырѣ прѣ игѣмена Лаврѣнтѣа, брата моего едина матѣ рѡднаго (л. 123) и старѣйшаго менѣ. Бѣ емѣ тогдѧ лѣта шестдѣсѧтъ, а менѣ четѣрдѣсѧтъ. Въ то время даѣше Хиландарѣ данѣ тѣркомѣ три хилѧди грѡша и задолжилъ сѧ бѣше двѧдѣсѧтъ и сѣдамъ хилѧди грѡша. И бѣ много смѣщѣныя и несогласѣе братско. За то не могѡхъ стерпѣти к томѣ въ Хиландарѣ и изидохъ и прѣидохъ въ Издѣграфѣ. И тѣ еще много ѡбрѣтохъ извѣстѣе и писма ради бѡлгари и присовакѣпнѣхъ. И скончѧхъ речѣнаѧ въ сѣю истѡриѣ на полѣзъ рѡдѣ нашѣмъ бѡлгарскомѣ во славѣ и похвалѣ гдѣ Иисѣ Хрѣтѣ, емѣ же подобѣетъ всѧкаѧ слава, чѣсть и поклонѣнѣе со безначѧльнымъ егѡ ѡцѣмъ и прѣсвѣтымъ (л. 123 об.) и блѣгимъ и живорѣщимъ * егѡ дѡхомъ нынѣ и прѣсно и во вѣки вѣковѣ. Амѣнъ**.

* Карандашом перед буквой «р» вставлено «тво».

** После того, как данная статья была набрана, в Болгарии в газ. «Народна култура» (№ 31, 4 авг. 1962 г.) об этом же списке «Истории» Паисия была опубликована заметка Б. Ангелова, обнаружившего данный список независимо от нас.

Б. С. ПОПКОВ

ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ И РУССКИЕ УЧЕНЫЕ (Новые материалы из советских архивов)

Историк-демократ и передовой общественный деятель Иоахим Лелевель (1786—1861) занимает видное место в истории польской исторической и общественной мысли. Будучи энциклопедически образованным ученым, Лелевель обогатил польскую науку фундаментальными исследованиями в области всеобщей и национальной истории, методологии истории, археологии, нумизматики, картографии, библиографии, истории географии и права. Он выступал решительным противником польской феодальной историографии, сводившей историю к описанию правления князей и королей. Перенеся центр исторического исследования на изучение социальных отношений, Лелевель поставил задачу превратить историю в историю народа, старался критически осмыслить данные источников и значительно расширить их круг. Лелевель верил в творческие силы народных масс, которые, по его мнению, были единственной силой, способной возродить польское государство.

Большой заслугой Лелевеля явился вывод о первоначальной свободе польского крестьянства. «Своим тщательным исследованием экономических условий, превративших польского крестьянина из свободного в крепостного, — писал Маркс, — старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения причин порабощения своей родины, нежели целый сонм писателей, весь багаж которых сводится просто к ругательствам по адресу России»¹.

Независимо от французских историков эпохи Реставрации Лелевель создал теорию классово-борьбы, видя основную линию польской истории в борьбе шляхты и кметей.

Научные работы Лелевеля и его преподавательская деятельность в качестве профессора Виленского и Варшавского универси-

¹ К. Маркс. Мадзини и Наполеон. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 435.

тетов оказывали огромное влияние на формирование мировоззрения польской молодежи. Лекции передового профессора будили патриотические чувства студентов, в глазах которых Лелевель превратился в пропагандиста революционных идей.

Историк-демократ принял активное участие в польском восстании 1830—1831 гг. Несмотря на ошибки и колебания, его программа вовлечения широких масс в борьбу и социальных преобразований имела большое значение и была высоко оценена Ф. Энгельсом². Лелевель выступил глашатаем единства народов в борьбе против тирании и указывал на необходимость русско-польского революционного союза.

Лелевель исходил из идеалистического понимания истории, прославления шляхетского гминовладства и порядков старой Речи Посполитой, якобы основанной на добровольном объединении народов. Однако несмотря на мелкобуржуазную ограниченность и идеализм ученого, его передовая и прогрессивная для своего времени историческая концепция была вершиной польской буржуазной историографии. Она явилась мощным оружием в борьбе против феодализма и католической реакции и оказала огромное влияние на формирование идеологии всего лагеря польской демократии.

Жизнь и творчество Лелевеля были тесно связаны с Россией. Рецензия Лелевеля на книгу Н. М. Карамзина «История государства Российского», опубликованная в петербургском журнале «Северный архив» в 1822—1824 гг., сделала его известным широким кругам русского образованного общества. Критика передового польского ученого, направленная против основ историографии русского дворянского историка³, была созвучна настроениям передовых людей России и встречена с большим удовлетворением декабристами⁴. Лелевель предполагал после окончания разбора сочинения Карамзина рассмотреть работы и других русских историков. В письме профессору Виленского университета И. Н. Лобойко 25 марта 1825 г.⁵ он писал: «... После Карамзина достанется некоторым русским историкам»⁶.

Но труды Лелевеля были известны не только в русской столице. Об этом свидетельствует перевод отрывка его работы «За-

² См. Ф. Энгельс. О польском вопросе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 492.

³ А. М. Басевич. Иоахим Лелевель — польский революционер, демократ, ученый. М., 1961, стр. 29—32.

⁴ В. В. Пугачев. Неосуществленный замысел Н. И. Тургенева использовать журнал «Северный архив» для критики Карамзина. «Научный ежегодник (Саратовский госуниверситет) за 1955 год», исторический факультет, отдел П. Саратов, 1958; С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958.

⁵ Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

⁶ Z. Kolanowski. Z «lelewelianów» leningradzkich. «Kwartalnik historii nauki i techniki». Warszawa, 1958, № 1, str. 145.

мечания о Матеуше, польском историке XII в.», выполненный протоиереем И. Григоровичем в июне 1821 г. в Гомеле ⁷.

Польский историк живо интересовался русской наукой и пользовался большим авторитетом среди русских ученых. В период виленской профессуры и во время пребывания в Варшаве он находился в оживленной переписке с деятелями русской науки. Среди его корреспондентов были М. П. Погодин ⁸, П. И. Кеппен ⁹, Х. Френ ¹⁰, И. Н. Лобойко, граф Румянцев. Лобойко в письме П. И. Кеппену 20 декабря 1822 г., упоминая о статье этого ученого, добавлял: «Мы с живейшим удовольствием прочитали ее вместе с профессором Лелевелем» ¹¹. В письме М. П. Погодину, написанном 13 ноября 1828 г., Лелевель обсуждал различные научные проблемы, интересовался новыми работами своего корреспондента. По совету Погодина он предполагал заняться изучением истории связей Польши и России ¹². Польский историк был избран почетным членом Вольного общества любителей российской словесности, Общества истории и древностей российских и Общества наук при Харьковском университете ¹³.

В 1823 г. царское правительство раскрыло в Вильне тайные патриотические общества польской молодежи и арестовало многих студентов — членов Общества филоматов и филаретов, ставивших своей целью просвещение народа, борьбу за национальное освобождение Польши, свержение царского самодержавия, проведение социальных преобразований и освобождение крестьян от гнета помещиков ¹⁴. Популярность Лелевеля среди учащейся молодежи возбуждала подозрение царских властей. Следственная комиссия сенатора Н. Н. Новосильцева стремилась найти связь между Лелевелем и тайными студенческими обществами ¹⁵. Ново-

⁷ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. Румянцева, № 473, ед. хр. VIII.

⁸ Там же, ф. 231, Погодин/II, п. 47, ед. хр. 53.

⁹ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 3, № 151.

¹⁰ Там же, ф. 778, оп. 2, № 173.

¹¹ Там же, ф. 30, оп. 3, № 52, л. 3.

¹² Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 231, Погодин/II, п. 47, ед. хр. 53, лл. 263—264.

¹³ Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), отдел рукописей, ф. 58, ед. хр. 7, лл. 260—260 об.; Архив АН СССР, раздел IV, оп. 62, ед. хр. 8, л. 7; A. Ś l i w i ń s k i. Joachim Lelewel. Żarys biograficzny. lata 1786—1831. Warszawa, 1918, str. 434—435.

¹⁴ П. О л ь ш а н с к и й. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959, стр. 166—173.

¹⁵ Очевидец этих событий И. Н. Лобойко впоследствии писал в своих воспоминаниях: «Новосильцев употреблял все усилия открыть, не участвовал некто из профессоров в этих обществах или по крайней мере не известно было кому-либо из них о существовании этих тайных обществ (филоматов и филаретов. — Б. П.). Вероятно, эти догадки сообщил он уже в докладах своих государю, а потому наиболее допрашивали студентов в этом направлении и принуждали их всеми мерами сделать показание на кого-либо из профессоров, а особливо на Лелевеля, Даниловича, Голуховского, ксенд-

сильцев отмечал в своем рапорте близость ряда профессоров, среди них и Лелевеля, к студентам, предлагая уволить их от должности¹⁶. В августе 1824 г. царское правительство удалило Лелевеля из Виленского университета «для пресечения вредного влияния, которое возымела противодействующая университетскому начальству партия»¹⁷. Современникам был ясен смысл этого решения. И. Н. Лобойко в своих воспоминаниях свидетельствовал, что Лелевель был отстранен от преподавания за то, «что он высоко уважаем был студентами, за его превосходные лекции. . .»¹⁸.

Ноябрьское восстание 1830—1831 гг. оборвало связи Лелевеля с русскими учеными. Крамольный профессор и член повстанческого правительства был приговорен к виселице. Царская цензура в течение многих лет запрещала не только его сочинения, но и упоминание в печати его имени¹⁹. Только в последней четверти XIX—начале XX в. в России были опубликованы некоторые материалы об отношении русского общества к Лелевелю²⁰.

Архивные материалы о связях Лелевеля с русскими учеными до последнего времени не привлекали внимания исследователей. Впервые на них обратил внимание польский историк З. Колян-

за Бобровского и Контрыма, наиболее любимых студентами. Но все его усилия были тщетны. По самым строгим допросам оказалось, что никто из профессоров не знал о существовании сих обществ» (Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), отдел рукописей, ф. 154, № 38, лл. 31—32; S. F i s z m a n. Wspomnienia Iwana Łobojki o procesie filaretów. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego». Warszawa, 1953, № 2-3, str. 120).

¹⁶ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 735, оп. 11, ед. хр. 12, л. 107 об.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 62, д. 699, л. 3 об.

¹⁸ Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), отдел рукописей, ф. 154, д. 41, л. 41.

¹⁹ Б. С. П о п к о в. Сочинения И. Лелевеля в оценке царской цензуры. В сб. «Проблемы историографии (тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции)», Воронеж, 1960.

²⁰ О. П р ж е ц л а в с к и й. Исафат Огрызко и его польская газета «Слово» (Замечания на статью г. Берга в «Русском архиве» 1870 г.). «Русский архив», 1872, № 5, столб. 1031—1055; «Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831—1862». М., 1873; П. К у к о л ь н и к. Анти-Ципринус. Воспоминания о Н. Н. Новосильцове. «Русский архив», 1873, № 2, столб. 213—214; «Остафьевский архив князей Вяземских», II. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1820—1823, СПб., 1899, стр. 288, 290; И. А. Ш л я п к и н. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, стр. 29; «Из архива Ф. В. Булгарина. Письма М. Т. Качановского к Ф. В. Булгарину (1823—1824)». Сообщил Н. Пиксанов. «Русская старина», 1903, № 12, стр. 602—603; Н. Л е р н е р. Пушкин и Лелевель. «Исторический вестник», 1906, август, стр. 620—623; В. А. Ф р а н ц е в. Из переписки гр. Н. П. Румянцева. Материалы для истории славянской филологии. Варшава, 1909, стр. 27—39; Д. П. М а к о в и ц к и й. Яснополянские записки, вып. 1. Пг., 1922, стр. 55; «1905—1906 год в Ясной Поляне (Из записок Д. П. Маковицкого)». «Голос минувшего», 1923, № 3, стр. 9 и др.

ковский, предпринявший в апреле 1956 г. поиски документов, относящихся к жизни и творчеству Лелевеля; в ленинградских архивохранилищах. Колянковский нашел ряд автографов Лелевеля, которые и опубликовал в 1958 г.²¹

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в Архиве АН СССР в Ленинграде, Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР в Вильнюсе автору этих строк удалось найти ряд документов (библиографические заметки, письма), расширяющих наши сведения о связях Лелевеля с русскими учеными и об их отношении к польскому историку.

Определенный интерес представляет «Библиография польской литературы, научной и исторической: Бандтке, Лелевель и т. д.», составленная М. П. Погодиным, очевидно, в 1830 г.²² «Библиография» содержит краткие биографические данные о польском историке и подробный перечень его опубликованных и некоторых рукописных работ, ряд которых снабжен аннотациями. Обращает на себя внимание осведомленность Погодина о жизни и научной работе Лелевеля. В то же время Погодин замалчивал события, связанные с удалением Лелевеля из Вильны, описывая их следующим образом: «В 1824 г. Лелевель удалился в Варшаву, где он не перестает обрабатывать то поле, на котором столь славную и столь обширную получил жатву»²³.

Из записки Погодина можно сделать вывод о планах издания на русском языке переработанной Лелевелем польской истории Т. Ваги²⁴, а также его работ «Об истории, ее отделах и науках, связь с нею имеющих» и «Историка». «Лелевель чувствует нужду, какую имеет Польша в прагматической истории, — писал Погодин, — под чужим именем издал сию превосходную историю»²⁵, которую вскоре увидим на русском языке»²⁶. Можно предположить, что эта заметка должна была послужить Погодину черновым вариантом предисловия к русскому изданию работ Лелевеля.

В письмах польского археолога, этнографа и фольклориста З. Доленги-Ходаковского (Адама Чарноцкого), написанных из Москвы И. Н. Лобойко в 1822—1823 гг. и хранящихся ныне в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки

²¹ Z. Kolanowski. Указ. соч.

²² Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 231, Погодин/1, п. 11, ед. хр. 30, лл. 4 об. — 8 об.

²³ Там же, л. 7 об.

²⁴ Вага Теодор (1739—1801) — польский педагог и историк, автор популярного учебника «История польских князей и королей» (1767).

²⁵ «Teodora Wagi historia książąt i królów polskich krótko zebrana dla lepszego użytku znacznie przerobiona i pomnożona», Wilno, 1824.

²⁶ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 231, Погодин/1, п. 11, ед. хр. 30, л. 7.

им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, имеются некоторые сведения об отношении русского общества к рецензии Лелевеля на книгу Карамзина. «Булгарин намерен поместить Лелевеля критику на Карамзина, — писал Доленга-Ходаковский к Лобойко 23 ноября 1822 г., — я уверен, что многое, написанное вне России, он рассмотрит и знает лучше, а как-то русское для мазура» (Лелевеля, — *Б. П.*)²⁷. 11 января 1823 г. Доленга-Ходаковский сообщал своему корреспонденту: «Рецензия г. Лелевеля в русском переводе, помещенная в «Северном архиве», в здешнем университете и в публике нашла одобрение. . . Можно бояться об исторической славе его (Карамзина. — *Б. П.*), особенно во всем, заимствованном из чужих писателей, которых он не понимал. . .»²⁸.

Много упоминаний о Лелевеле содержит переписка профессора Виленского университета И. Н. Лобойко с профессором Московского университета И. М. Снегиревым, хранящаяся в Архиве АН СССР в Ленинграде²⁹. В первом из этих писем Лобойко сообщил Снегиреву о получении от Лелевеля письма, в котором говорилось об успехе в Варшаве одной из статей Снегирева. В письмах Снегирева, написанных в 1827—1829 гг., о Лелевеле говорится уже как о хорошем знакомом. Именно по его предложению польский историк был избран членом Общества истории и древностей российских. «В следующее заседание (если бог даст, в сентябре), — писал Снегирев Лобойко 29 мая 1827 г., — буду честь иметь предложить в члены достопочтенного Лелевеля. . .»³⁰. 29 октября 1827 г. он сообщал Лобойко: «По моему предложению г. Лелевель, незнаемый мною, но искренне уважаемый, избран в действительные и верно деятельные члены»³¹.

В письмах Снегирев высоко оценивал научный авторитет Лелевеля, просил Лобойко переслать польскому профессору свои статьи, нетерпеливо ждал его отзывов о своих работах, консультировался по различным научным вопросам. «Вы меня одолжите и самое историческое общество, — писал Снегирев Лобойко 29 мая 1827 г., — если изволите сообщить свои замечания на сию статью³² и доставить на рассмотрение г-ну Лелевелю; такими замечаниями таких людей, как Вы и он, я с удовольствием воспользуюсь, сколь бы они строги ни были. От Вас или г. Лелевеля желал бы знать, когда, как и где празднуется в Польше Siemiatucha (Семик)³³?

²⁷ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2 об.

²⁸ Там же, л. 2.

²⁹ Архив АН СССР, раздел IV, оп. 52, № 8, 9.

³⁰ Там же, № 8, л. 4 об.

³¹ Там же, л. 7.

³² И. М. Снегирев. Русальная неделя. «Вестник Европы», 1827, № 8, стр. 272—279.

³³ Семик — древнеславянский обряд, связанный с культом мертвых и весенней земледельческой обрядностью

Его превосходительство г. попечитель Московского университета А. А. Писарев просит г. Лелевеля доставить ему его нумизматику с рисунками в Варшаве изданную ³⁴, а г. профессор Перевощиков ³⁵ — геометрию ³⁶, напечатанную в Вильно» ³⁷. 29 октября 1827 г. он напоминал Лобойко: «Я ожидаю обещанных Вами от г. Лелевеля замечаний на мои статьи» ³⁸. «По Вашему благосклонному обещанию, — писал Снегирев 28 декабря 1827 г., — нетерпеливо ожидаю замечаний от Лелевеля на свои статьи о радунице ³⁹ и русалках. Слышать мнение знаменитых и уважаемых людей о занятиях своих по любимому предмету — для меня составляет великое удовольствие и пользу» ⁴⁰. В письме 16 февраля 1828 г. Снегирев предлагал свою статью для перевода в Варшаве: «Если подобные статьи ⁴¹ удастаиваются перевода в Варшаве, то я беру смелость послать и сию к г-ну Лелевелю для перевода (если достойною ее найдет сей ученый муж) и для печатания в Деннике («Дзенник варшавски». — *Б. П.*)...» ⁴². «Желательно знать, — беспокоился Снегирев 31 августа 1828 г., — доставлены ли дипломы по Вашему благоприятному вызову к Вам препровожденные для гг. Добровского ⁴³, Вука ⁴⁴, Лелевеля. Мне приятно о них слышать; их заочно уважаю и люблю» ⁴⁵. «Обещаны Вами вести о Лелевеле, — напоминал Снегирев Лобойко 25 декабря 1828 г., — его мнением я весьма дорожу...» ⁴⁶. В письме 25 января 1829 г. он писал: «Не знаю, каким образом удобнее доставить наши издания гг-ам Лелевелю, Караджичу, Добровскому» ⁴⁷.

Однако после начала польского ноябрьского восстания имя Лелевеля из писем Снегирева исчезает. Только 12 марта 1831 г.

³⁴ J. L e l e w e l. Stare pieniądze w roku 1824 w zewcu blisko Płocka w Trzebuniu wykopane. Warszawa, 1826.

³⁵ Перевощиков Д. М. (1788—1880) — профессор Московского университета, астроном и математик.

³⁶ «Początki geometrii dla szkół powiatowych na klasę I, II, III i IV podług dzieła Pana Legendre A. M. przez Antoniego Wyrnicza, radcę dworu i profesora matematyki w Cesarskim Uniwersytecie Wileńskim», Wilno, 1826—1827.

³⁷ Архив АН СССР, раздел IV, оп. 52, № 8, лл. 4 об. — 5.

³⁸ Там же, л. 8 об.

³⁹ И. М. Снегирев. Радуница или радунец. «Вестник Европы», 1827, № 8, стр. 265—272. Радуница — один из весенних языческих праздников восточных славян, связанный с культом предков.

⁴⁰ Архив АН СССР, раздел IV, оп. 52, № 8, л. 15 об.

⁴¹ И. М. Снегирев. Старинные народные святки и коляда. «Вестник Европы», 1828, № 2, стр. 109—120; № 3, стр. 169—183.

⁴² Архив АН СССР, раздел IV, оп. 52, № 8, л. 19.

⁴³ Добровский Позеф (1753—1829) — выдающийся чешский славяновед.

⁴⁴ Караджич Вук Стефанович (1787—1864) — видный деятель сербского Возрождения, фольклорист, основоположник современного сербского литературного языка.

⁴⁵ Архив АН СССР, раздел IV, оп. 52, № 8, лл. 39—39 об.

⁴⁶ Там же, л. 36.

⁴⁷ Там же, л. 40 об.

он вновь вспомнил о польском историке, мнением которого некогда так дорожил. «И так на ученых идет несправедливое наре-
кание, что все они либералы, крамольники и безбожники, —
писал он. — А как теперь вмешан в польское восстание профес-
сор Лелевель со студентами, то все говорят: вся беда от профес-
соров и студентов!»⁴⁸.

Письма Лобойко Лелевелю, хранящиеся в Центральном госу-
дарственном историческом архиве Литовской ССР, позволяют
сделать вывод о том, что Лобойко регулярно сообщал своему
польскому корреспонденту все научные новости и высоко чтл
его научный авторитет⁴⁹.

Сочинения Лелевеля, несмотря на строжайший запрет цар-
ской цензуры, были известны русским ученым и после польского
восстания 1830—1831 гг. В Отделе рукописей Государственной
библиотеки СССР им. В. И. Ленина нами обнаружено письмо
И. Н. Лобойко, написанное из Вильны М. П. Погодину 30 июня
1840 г., в котором он высоко оценивал книги Лелевеля по истории
Польши⁵⁰. «Библиография польской литературы и истории»,
составленная И. Н. Лобойко в 1859—1860 гг., показывает, что
ему были известны работы польского историка, опубликованные
в эмиграции⁵¹. О знакомстве профессора Московского универси-
тета О. М. Бодянского с работами Лелевеля свидетельствуют его
лекции «Польская история» (1858 г.), хранящиеся в Отделе руко-
писей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салты-
кова-Щедрина⁵².

Можно предположить, что еще многие документы советских
архивов могут рассказать о связях русских ученых с Лелевелем.
Ниже мы приводим отрывки из писем, в которых имеются упоми-
нания о выдающемся польском историке.

И. Н. Лобойко — И. М. Снегиреву

[Вильна, без даты]⁵³

В тот же день получил я письмецо от Лелевеля из Варшавы.
Сообщаю выписку. «Лишь только принялся я читать исследование
Снегирева («Радунец»), тотчас вырвали у меня его из рук с тем, чтобы
перевести на польский язык и напечатать в варшавском деннике

⁴⁸ Архив АН СССР, раздел IV, оп. 52, № 8, л. 62 об.

⁴⁹ Центральный государственный исторический архив Литовской ССР,
ф. 1135, оп. 4, д. 55.

⁵⁰ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукопи-
сей, ф. 231, Погодин/II, п. 19, ед. хр. 31.

⁵¹ Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), отдел
рукописей, ф. 154, № 28, л. 12.

⁵² Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щед-
рина, отдел рукописей, ф. 86, ед. хр. 2.

⁵³ Написано, очевидно, в 1827 г.

(журнал «Дзенник варшавски». — Б. П.)⁵⁴; и потому не могу я в полноте сообщить своего мнения. Однако ж я удостоверился уже о занимательности сего сочинения и надлежащей точности в изложении. Оно не обременено бесполезною ученостью, но раскрывает вещи свойственным им образом и дает чистое понятие о предмете. Желательно, чтобы у нас подобных сочинений оказывалось поболее. Но об этом в другое время поговорим после». Итак, я ожидаю от Лелевеля другого письма, о содержании коего не премину вас уведомить. Университет наш, потрясенный напастями, коим за несколько пред сим лет подвергались все ученые сословия, лишился двух знаменитых профессоров — Лелевеля и Голуховского⁵⁵. Первому воздала дань уважения не только Россия, Польша, но и Франция, представительница европейской учености. Лелевель хорошо знает древние и новые языки. Никто не посвящал себя с таким успехом и неутомимостью изучению исторических источников и познанию славянского мира⁵⁶.

И. Н. Лобойко — И. Лелевелю

Вильно, 22 декабря 1826 г.*

Моя мама и я свидетельствуем самому лучшему нашему другу вельможному Лелевелю наше самое искреннее уважение, поздравляем по случаю нового года, сообщая, что мы живем понемногу. Для меня будет самым большим утешением вспоминать те счастливые минуты, когда я имел удовольствие видеть Вас так близко от себя и пользоваться Вашей бесценной дружбой. Прошу о нас не забывать⁵⁷.

Вильно, 12 февраля 1827 г.*

Если ты имеешь какие-нибудь исторические работы, ты хорошо бы сделал, если бы послал их в Москву в Общество истории и древностей российских *Общество истории и древностей российских* ** в адрес этого общества или на имя профессора Качановского Михаила Трофимовича **⁵⁸.

* Перевод с польского.

** Написано на русском языке.

⁵⁴ В журнале «Дзенник варшавски» статью Снегирева обнаружить не удалось.

⁵⁵ Голуховский Юзеф (1797—1858) — профессор философии Виленского университета в 1823—1824 гг.

⁵⁶ Архив АН СССР, раздел IV, оп. 52, № 9, л. 5 об. Слова, выделенные курсивом, зачеркнуты автором.

⁵⁷ Центральный государственный исторический архив Литовской ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 55, л. 558.

⁵⁸ Качановский Михаил Трофимович (1775—1842) — русский историк и критик, издатель журнала «Вестник Европы».

Так как теперь в Москве находятся несколько молодых польских авторов, [статьи] легко было бы перевести и напечатать. Сочинения этого общества вышли в трех томах ⁵⁹.

Вильно, 19 июня 1827 г.

Петербургские и московские литераторы не перестают упоминать о Вас. Кеппен издал № III собрания материалов по истории просвещения в России ⁶⁰, содержащие очень важные статьи, в том числе и о происхождении литовского народа, в которой часто цитирует Ваши сочинения, относящиеся к этому предмету. Недавно я получил письмо из Москвы от господина *секретаря Московского общества истории и древностей Российских* * профессора Снегирева, в котором уведомляет, что Вы по его предложению избраны действительным членом этого общества, равно как и ксендз профессор Михал Бобровский ⁶¹. Он просит, чтобы я сообщил ему ваши адреса для внесения в дипломы. Очень хорошо, следовательно, ты сделал, что послал в Москву . . . ** историю первого гражданского и уголовного польского законодательства ⁶².

В московском «Вестнике Европы» № 9 1827 в конце ⁶³ поме-

⁵⁹ Центральный государственный исторический архив Литовской ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 55, л. 559.

⁶⁰ «Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, магистром правоведения, доктором философии и членом разных ученых обществ», № III, СПб., 1827.

* Слова, выделенные курсивом, написаны на русском языке.

⁶¹ Бобровский Михал — профессор Виленского университета, славист, магистр философии, доктор богословия.

** Пропуск в тексте копии письма, хранящейся в архиве.

⁶² J. L e l e w e l. Historyczny rozbiór prawodawstwa polskiego cywilnego i kryminalnego do czasów jagiellońskich. «Rocznik Towarzystwa królewskiego warszawskiego przyjaciół nauk», 1827, t. 19, str. 302—433.

⁶³ В разделе «Краткие выписки, известия и замечания» была напечатана заметка: «Г. Лелевель, бывший профессор Виленского университета, ныне живущий в Варшаве, уведомляет польских читателей, что у тамошнего профессора ксендза Шиманьского нашел он списки с грамот Льва, князя Галицкого, данных по случаю учреждения митрополии в Галиче: Г. Лелевель, заметив, что Карамзин подвергнул сии грамоты сомнению и укоризне в подлоге, обещается представить на суд просвещенных читателей свои исследования по сему предмету; ныне же предварительно дает он свое мнение, и начертание букв решительно указывает на XIII столетие и что оно сильно говорит в пользу достоверности упомянутых грамот. Сверх того, есть еще и другие доводы исторические, довольно убедительные. Г. Лелевель мимоходом, в примечании под страницу, пишет о сем в прибавлении к сочинению г-на Даниловича о каталоге библиотеки графа Толстого. Кроме многих весьма любопытных объяснений (и некоторых показаний, против которых можно бы выступить с оружием противоречия), г. Лелевель сообщает списки с драгоценных документов, писанных русским (заднепрским) наречием в Троках и Вильне: 1) с жалованной грамоты в. к. Витовта каноникам литовским, 1399 года; 2) с отрывка известительного письма о по-

щено описание гравированных грамот Вашего дополнения⁶⁴ к сочинению Даниловича. Их очень интересуют Ваши исследования о достоверности грамот князя Льва Галицкого вопреки мнению Карамзина⁶⁵.

Карамзин подверг сомнению уставы о *десятинной церкви*⁶⁶, о которых ксендз Бобровский также утверждает, что они достоверны. Ваши грамоты «*Вестник Европы*»^{*} признает драгоценными^{*}. Поэт Мицкевич⁶⁷ и Малевский⁶⁸ приняты в Москве очень хорошо и признаны как *люди просвещенные и отличные*^{*}. Хвалят их и за то, что очень прилежно занимаются русским языком. Малевский (которому это наиболее прилично), очевидно, переведет Ваше исследование. Впрочем, господин Качановский, профессор и издатель журнала, отлично понимает по-польски и постоянно переводит из «Дзенника виленского».

Профессор Снегирев передал мне несколько печатных листов его исследования о национальных торжествах (или празднествах) и . . . ** (русских) с просьбой отдать Вам для критики и замечаний, которые он примет с большой благодарностью, но я имею только окончание, пусть пришлет все. Его превосходительство попечитель Московского университета Александр Алексан-

жалования от Казимира Ягеллона дворца 1440 года; 3) с купчей крепости на имение Ленкипки 1450 года и пр. Но всего драгоценнее для нас помещенная тут же верительная грамота от царя Михаила Федоровича, которою уполномачиваются русские чиновники, вместе с польскими и литовскими, назначить границы. Диплом сей дан в Москве 7142 г. К сочинению г-на Лелевеля приложены гравированные снимки как с упомянутых грамот, так и с других памятников» («Вестник Европы», 1827, № 9, стр. 79—80).

⁶⁴ J. Lelewel. *Dotatek do rozprawy Daniłowicza w nrze 17 umieszczonej o Dyplomatyce ruskiej*. Warszawa, 1826. 20 октября 1841 г. Лелевель писал об этом сочинении Т. Дзяльнскому: «Оно рассердило немного старую Москву, но вместе с тем все собственные оттиски я отправил в Москву или Петербург по требованию для раздачи. Меня даже уверяли, что его перевели на русский язык («*Listy emigracyjne Joachima Lelewela. Wydała i wstępem poprzedziła Helena Więckowska*», t. II. Kraków, 1949, str. 381). Последнее утверждение, очевидно, основывалось на данном письме Лобойко, историк только спутал заметку о его работе с полным ее переводом.

⁶⁵ Речь идет о жалованных грамотах князя Льва Галицкого об исключительном епископском суде, которые Карамзин считал подложными (Н. М. Карамзин. История государства Российского. Издание пятое в трех книгах, заключающее в себе двенадцать томов, кн. 1. СПб., 1842, стр. 103).

^{*} Написано на русском языке.

⁶⁶ Устав князя Владимира о десятинах и церковных судах Карамзин считал позднейшей подделкой XIII в. (Н. М. Карамзин. Указ. соч., прим. 473 к т. 1).

⁶⁷ Мицкевич Адам (1798—1855) — великий польский поэт, драматург, публицист.

⁶⁸ Малевский Францишек (1800—1870) — юрист, член общества филоматов.

** Одно слово написано неразборчиво.

дрович Писарев просит Вас прислать ему нумизматическое сочинение, изданное в Варшаве. Я, чтобы скорее удовлетворить его, посылаю мой собственный экземпляр ⁶⁹.

Вильно, 21 сентября 1827 г.

Мой уважаемый друг!

С ксендзом Станиславом Пажевским посылаю Вам исследование Снегирева, который очень желает, чтобы Вы его не щадили и сообщили ему свои замечания и поправки.

... В здешней гимназии есть учитель русского языка Владиславлев, который печатал на русском языке свои переводы, знает, кроме того, латынь. Я намереваюсь дать ему для перевода на русский язык хронику Гельмара. Поэтому прошу Вас дать мне совет, хорош ли этот выбор, стоит ли посвятить этой работе немалое время. Я больше всего хотел бы, чтобы Вы дали краткую рецензию на Гельмара, прежде всего об его исторической ценности ⁷⁰.

Вильно, 25 мая 1828 г.

Наша корреспонденция давно уже оказалась прерванной. Через господина Дмитриева посылаю Вам полученные от Московского исторического общества дипломы, из которых — один для ксендза Юзефа Добровского, другой — для Вука Караджича; соблаговолите послать со своим письмом в Вену.

Меня очень радует, что Вы со всех сторон получаете дань уважения, присущего великим талантам и обширным знаниям. Мой брат, находящийся в Париже, принадлежит также к Вашим поклонникам. Обрадованный его чувствами и похвалами по Вашему адресу читал нескольким нашим профессорам следующие выражения моего брата: «Надеюсь, что ты знаком с господином Лелевелем; если будет повод, прошу засвидетельствовать этому ученому мое высокое уважение. Он, очевидно, знает, что его имя в ученых разговорах в Париже повторяют с большим уважением, а поэтому он не удивится, что человек, совершенно ему незнакомый и неизвестный в свете, нарушает спокойствие его своими мало интересными для него поклонами. Мои поклоны являются свидетельством моего самого высокого уважения, которое прошу его не отвергать» ⁷¹.

⁶⁹ Центральный государственный исторический архив Литовской ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 55, лл. 560—561. Письмо написано по-польски.

⁷⁰ Там же, л. 562.

⁷¹ Там же, лл. 563.

Вильно, 30 июля 1840 г.

Ныне посылаю я портфель с выписками и печатными листами, относящимися к литовской и отчасти к польской истории. Тут же приложены две книжечки: 1-я — Teodora Wagi historia książąt i królów polskich. Wilno, 1824, 8°; и 2-я — Dzieje Polski. Warszawa ⁷². Первая совершенно переработана Лелевелем, а вторая им сочинена. В истории Ваги, доведенной до 1763, Лелевель положил глубокие и долговременные свои изыскания. Он везде старался определить отношения России к Польше и отделить от ней Литву, к чему прежние богатые виленская университетская, монастырские библиотеки и документы, здесь находящиеся, весьма ему способствовали. Эту книгу непременно должно бы перевести на русский язык. Все прочие печатные вещи, рисунки, географические карты и пр. доставлены мне Лелевелем, когда он был в Вильне и Варшаве ⁷³.

⁷² J. Lelewel. Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedział. Warszawa, 1829.

⁷³ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 231, Погодин/II, п. 19, ед. хр. 31, лл. 143—143 об.

Л. С. КИШКИН

ПИСЬМА Ф. Л. ЧЕЛАКОВСКОГО
к И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

В работах о жизни и деятельности выдающегося чешского филолога и поэта эпохи национального возрождения Ф. Л. Челаковского (1799—1852) довольно много говорится о том, какую существенную роль в его художественном и научном развитии играло знакомство с русской культурой, активным популяризатором которой в Чехии он являлся¹. Однако сохранилось сравнительно немного документальных свидетельств, говорящих о его непосредственной связи с деятелями русской культуры и литературы². Именно поэтому и интересны письма Ф. Л. Челаковского к И. И. Срезневскому³.

Как видно из корреспонденции Срезневского к матери⁴, относящейся к периоду его путешествия по славянским странам, он познакомился и сблизился с Челаковским во время своего пребывания в Праге в 1840 и 1841 гг. Тогда же между ними и завязалась переписка.

Первое из публикуемых ниже писем свидетельствует о чувствах дружеской близости, взаимного уважения и доверия, которые соединяли Челаковского со Срезневским. В своем письме

¹ См. например, специальный раздел об этом в книге Е. А. Рыжлика «Поэтическая деятельность Франца Ладислава Челаковского» (Киев, 1915), статью С. В. Никольского «Отзвук русских песен» Ф. Л. Челаковского» (сб. «Из истории связей славянских литератур», М., 1959).

² К их числу принадлежат письмо Челаковского к А. С. Шишкову (в кн.: В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения, 1902, стр. X—XI), а также его письмо к П. И. Кепшену («Славянский архив», М., 1961, стр. 87).

³ Хранятся в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства в Москве, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1542. До сих пор были известны лишь три письма Срезневского к Челаковскому, последнее из которых датировано декабрем 1841 г. (см. «Correspondence a zapisky F. L. Čelakovského», 1911, II, sešit 2, str. 532, 547, 564).

⁴ «Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель (1839—1842)», СПб., 1895, стр. 74, 75, 80, 83, 85, 95, 96, 184, 185.

Челаковский обещает рассказать Срезневскому при встрече о том, что нельзя написать. Вряд ли мы ошибемся, если сделаем предположение, что «вещи», о которых собирался рассказать Челаковский, носили не личный, а общественный характер и имели прямое отношение к событиям чешской национальной жизни, к борьбе чешских «будителей» за развитие национальной культуры. Чешского филолога и русского ученого одинаково тревожила судьба угнетенных славянских народов. Упоминание о посланных Срезневским Челаковскому пословицах, очевидно собранных во время путешествия, — новое подтверждение делового научного сотрудничества русских и чешских славистов в первой половине XIX в.

Второе письмо относится уже к тому периоду, когда Срезневский вернулся в Россию. Из него мы узнаем о той помощи, которую оказал ему Челаковский, послав 22 экземпляра своей книги «Отзвук русских песен». Нет сомнения, что они были нужны Срезневскому как учебное пособие для преподавания чешского языка и литературы русским студентам. Обращает на себя внимание выраженный в письме живой и неподдельный интерес Челаковского к русской и украинской культурной жизни, к занятиям самого Срезневского. Письмо позволяет судить и о чисто личных качествах Челаковского, его большой скромности, критическом отношении к своей работе, хотя в то же время ему и было очень дорого ее одобрение русским славистом.

Ниже приводится текст названных писем ⁵.

1

[Welectěný Pane a Přjtelí!

Zůstal gsem na prwnj Wáš list dlužnjkem, nynj giž nemohu, a gsem Wám welikými djkami zawázán za wložená do obau listůw přjslowj, z nichž co k účelu mému použití neopominu. Nad mou s Přjslowjmi začatau pracj wěru nešť'astný osud wládne; tolikrát gsem se dal do nj, a tolikrát od nj gsem zase opustiti musel, tolika léty se táhne a tolik přestáwek. A nynj když přes polowici gsem giž na čisto wypracowal a se nedál, že to dotrhnu, zas giné potřebnějšj práce mezi to wběhly; tak že opět přjslowj odpočjwagj. Netratjm wšak naděge, že přigde den — a přjslowj wen.

Hádky a neszázky jižnjch slowan, o nichž to se w listu swém zmiňujete nejsau nám owšem nepowědomy; tež mám za to, že lépe gest, když wětrowé at' gakkoliw wodu bauřj a zarmoutj, než když stogj a hnige. Přigde čas, že i oni swých půtek a malichernosti se nabažj a nasytj, a že přistaupj k důležitějšjm wěcem. Necht' to wjno wykysě a bude pitedlné. Pochwalné pak slowo, gež gste

⁵ Печатаются с сохранением буквенной графики оригиналов.

o nás Češjch pronesl, tjm ochotněgi přigjmám, mage na myslí geště oné nedorozuměnj geště kdys mezi náma přihodilo, a Waše nyněgšj uznánj, že činjme sečkoliw gsme we swém stawu, gest tjm milegšj. Gak? Wy že gste zapomněl česky? Nu, to bych se byl pěkně radosti na Wás dočekal. A wšak nedelegte si z toho nic, až se dá bůh wrátjte do Charkowa, za rok za dwa zapomenete i srbsky etc. a předce při tom Wás ugišt'ugi, že to wše dokonale uměti budete. Tot' gsem Wám giž w Praze předpowjdal. Za to, bez poklon řjci musjme, gste se naučili překrásně rusky psáti, to saudjme z toho, že gindy Waše psanj pracně gsem slabikowáwal, a hle totoj poslednj gsem prima vista četl gak by tištěno bylo. Že geště gednau nás w Praze nawštjwiti sľubujete, potěšilo mne welice: tut' ještě mnohé wěci si powjme, co do listu zawřjti se nedá. Stügte slowu swému. Přes týden i gá se wydám na cestu, owšem ne na tak dalekau jako Wy; budete li wšak psáti Petrowi Iwanowiči, oznamte mu s mým pozdravenjme, что я отправился в Берлин посмотреть собственными глазами на назначенный мне Standpunkt. S tjm Wás srdečně ľjbá

Wáš FLČ

23 Pros. 1841.

Z pohádek českých nemám nic na pohotově, ale postarám se, bych něčjm se zawděčiti mohl.

П Е Р Е В О Д

Глубокоуважаемый господин и друг!

После получения Вашего первого письма я остался должником, теперь быть им уже не могу, я Вам обязан и очень благодарен за вложенные в оба письма пословицы⁶, которые не премину использовать для своей цели⁷. Над моей начатой работой о пословицах действительно тяготеет несчастная судьба, сколько раз я за нее брался и сколько раз должен был ее оставить. Так много лет тянется, и поэтому — столько перерывов. А теперь, когда я уже половину сделал начисто и не думал, что прервусь, снова другие более нужные работы вклинились, так что пословицы вновь отдыхают. Все же я не теряю надежды, что придет день и с пословицами будет покончено.

Споры и затруднения у южных славян, о которых упоминаете в своем письме, не являются для нас совсем неизвестными. Я тоже думаю, что лучше, когда ветры так или иначе воду вздымают и тревожат, нежели когда она стоит и гнет. Придет время, они утолят жажду и насытятся своими схватками и мелочностью, а затем приступят к серьезным вещам. Пусть это вино перебродит и будет годным для питья. Похвальное слово, которое Вы произнесли о нас, чехах, я особенно охотно принимаю, думая при этом о тех недоразу-

⁶ 10 декабря 1841 г. Срезневский послал Челаковскому из Вены несколько десятков хорватских и словинских пословиц (см. «Korespondence...», II, sešit 2, str. 564—567). Раньше, в январе того же года, он также посылал ему собранные пословицы (см. там же, стр. 547—550).

⁷ Челаковский имеет здесь в виду свою многолетнюю работу по сбору и классификации славянских пословиц. Первый отрывок из нее он опубликовал в 1837 г. в журнале «Časopis Českého Museuma». Полностью работа вышла в 1852 г. под названием «Mudrosloví národu slovanského ve příslovích».

мениях, которые некогда между нами происходили ⁸. Ваше теперешнее признание, что мы хоть что-то делаем в своем положении, является тем приятнее. Как, Вы забыли чешский? В этой связи я особенно был бы рад, если бы Вас дождался. Однако не расстраивайтесь, к тому времени, когда бог даст вернетесь в Харьков, через год-два забудете и сербский etc, но я вас всё же уверяю, что все досконально будете знать ⁹. Я уже Вам в Праге предсказывал это. Зато должен прямо сказать, что Вы научились прекрасно писать по-русски. Я сужу об этом по тому, что я с трудом Ваши записи мог читать по слогам, а последнюю читал *prima vista* ¹⁰; так, как будто это было напечатано. То, что Вы обещаете нас еще раз в Праге навестить ¹¹, порадовало меня очень: здесь я расскажу еще о многих вещах, тех, о которых в письме сказать нельзя. Держите свое слово. Через неделю и я отправлюсь в путь, хоть и не в такой далекий, как у Вас. Будете писать Петру Ивановичу ¹², передайте ему вместе с моим приветом, что я отправился в Берлин посмотреть собственными глазами на назначенный мне Standpunkt ¹³. Пока Вас сер-дечно целует

23 дек. 1841.

. Ваш Ф. Л. Ч[елаковский]

Из сказок чешских готового у меня ничего нет, однако буду стараться Вас хоть чем-то отблагодарить.

2

Můj drahý příteli!

Odesílám Vám tuto dle žádosti Vaší Ohlasy ruské, 22 wýtiskůw—wšecky, které zde u sebe měl jsem. Snad budete jich míti dosti. Mimo to Vám též odesílám 222 nejsrdečnějších pozdrawení a políbení. Nemáte-li na těch dosti, připište si sám k tomu dvojek, kolik se Vám líbí, nemám nic proti tomu.

Četl jsem tyto dni List Wáš w Dubrowského Dennici. Wyjste chwálami swými mé celého wyždímal, že si opravdu přátii

⁸ По-видимому, имеются в виду недоразумения, происшедшие между Срезневским и Челаковским в связи с некоторыми высказываниями русского ученого о чешской литературе. Об этом говорится в письме Срезневского к Челаковскому без даты, относящемся, как можно понять, к 1840 г. (см. «Korespondence. . .», II, sešit 2, str. 532).

⁹ Челаковский подробно останавливается на вопросе о чешском языке, так как именно он учил ему Срезневского в Праге (см. об этом «Путевые письма. . .», стр. 80).

¹⁰ *Prima vista* (ит.) — с первого взгляда, с листа.

¹¹ Встреча в Праге, о которой здесь говорится, не состоялась. Однако Срезневский повидал Челаковского в августе 1842 г., посетив Вратиславль (Вроцлав), куда переехал к тому времени чешский филолог (см. «Путевые письма. . .», стр. 328).

¹² Очевидно, Петру Ивановичу Прейсу, который путешествовал по славянским странам одновременно со Срезневским.

¹³ Слова, набранные курсивом, написаны по-русски. В этом месте письма говорится о поездке, связанной с предложением занять кафедру профессора славяноведения, которое Челаковский получил из Германии (Standpunkt по-немецки — пункт пребывания, место нахождения). Лишившись после известного выступления против Николая I (1835) работы и находясь в крайне тяжелом материальном положении, в январе 1842 г. Челаковский решил поехать в Берлин. Отказавшись от кафедры в Берлине, он дал согласие занять кафедру в Вратиславле, куда прибыл в мае 1842 г. (Е. А. Рыхлик. Указ. соч., стр. 26—27).

62.
1842

Můj Drahy příteli!

Odesílám Vám tuhle dva zápisní knížky Obrazů mých,
až vyčísám — ovšem, abyste s nimi měl jsem. Soud
budete jecht mými došti. Mimo to, Vám též odesílám
dva nejnovější díly podrovnání a poláskání. Nemáte-li na
těch došti, přispějte si sám a tomul dvojice, aloba se Vám
líbí, rovněž nic došti rovná!

Abyste sdrím a sličně vyte mi vždy a laskavě
své poznámky, jezt kým ještě jednem sdrímě líbám

Flora

W Brně 18. Října 1842

Фрагменты письма Ф. Л. Челаковского И. И. Срезневскому
от 18.X 1842 г.

musím, by to vše prawda bylo, ale bojím se, že jste mne přechwálil. Nemůžet' mi při tom nic tak milo býti, jako Waše dobré mínění, které o mně chowáte.

Bude-li Wám brzo příhodno po té daleké cestě z Charkowa do Wratislawi na nás spomenauti dejtěž nám wěděti, jak jste se do swé otčiny dostal, jak se máte, co jste nalezl nowého, dobrého a potěšitedlného, co se pěkného mezi tím časem u Wás psalo a píše, co Wy chystáte, jak jste swá čtení zawedl a spořádal a t. d. Mimo to, možná-li, opatřte mi jeden wýtisk Kotlarewsk. Eneidy, a bude-li sice něco, čím me potěšiti chcete, a dejte mi brzo příležitost bych se Wám odslaužiti mohl. Čas swůj a sily swé jediné a cele posud na akademická čtení obraceti musím, a to tak ještě nejméně rok trwati bude. Pak zas něco maudřejšího začnu -dá -li Bůh!

Pozdrawte mě swým milým přátelům a krajanům, zwláště pak p. Hálkowi a Mohylowi, kteří by swá jména proměniti měli, tento w Rajský sad a onen w Slawíka.

Bud'te zdráv a zachowejte mě wždy w laskawé své památce, jenž Wás ještě jednou srdečně líbám

FLČ

W Břet. 18 října 1842.

ПЕРЕВОД

Мой дорогой друг!

Посылаю Вам по просьбе Вашей «Русские отголоски»¹⁴, 22 экземпляра — все, которые здесь у себя имел. Надеюсь, будете их иметь достаточно. Кроме того, посылаю Вам также 222 наисердечнейших привета и поцелуя. Если Вам их не хватит, добавьте к тому сами столько двоек, сколько Вам нравится, я против этого ничего не имею.

Читал на днях Ваше письмо в «Деннице» Дубровского¹⁵. Вы своими похвалами меня так подняли, что в действительности я должен желать, чтобы все это было правдой. Только я боюсь, что в самом деле перехвалили меня. Не может мне при всем этом ничто быть так дорого, как Ваше доброе мнение, которое имеете обо мне.

Если Вам будет удобно вспомнить после далекого пути из Харькова о нас в Вратиславле, сообщите нам, как Вы до своей родины добрались, как себя чувствуете, что нового, хорошего и интересного нашли, что хорошего за это время у Вас писали и пишут, что Вы готовите, как начали и организовали свои чтения и т. д. Кроме того, если можно, достаньте мне один экземпляр «Энеиды» Котляревск[ого]. А если будет еще что-либо, чем меня порадовать можете, то дайте мне побыстрее повод, чтобы я Вам тем же ответить мог. Свое время и свои силы целиком и полностью я вынужден отдавать академическому чтению¹⁶, и так будет продолжаться по меньшей мере год. Затем займусь чем-нибудь более мудрым, если бог даст!

¹⁴ Имеется в виду книга «Ohlas písni ruských» («Отзвук русских песен»)

¹⁵ Здесь говорится о русско-польском славистическом журнале, который издавал в Варшаве П. П. Дубровский (1812—1882), позднее академик Русской Академии наук.

¹⁶ Подразумевается загруженность лекционной работой в университете.

Передайте мой привет своим милым друзьям и землякам, особенно г. Галке и Могиле¹⁷, которым следовало бы изменить свои имена, одному на Райский сад, а другому на Соловья.

Будьте здоровы и сохраняйте меня всегда в своей любезной памяти, меня, который Вас еще раз сердечно целует.

Ф. Л. Ч[елаковский]

В_Врат[пславле] 18 октября 1842.

¹⁷ Галка — псевдоним Н. И. Костомарова, Могила — А. Л. Метлинского. Челаковский переводил на чешский язык их стихи, с которыми его познакомил Срезневский. Некоторые из этих переводов имеются в архиве И. И. Срезневского (см. статью «Чешские и словацкие автографы в архиве И. И. Срезневского» в сб. «Славянский архив», М., 1962).

С. А. НИКИТИН

НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ Л. КАРАВЕЛОВА

За последнее время в области изучения жизни и деятельности Л. Каравелова достигнуты несомненные успехи. Много нового внесено, в частности, в исследование московского периода его жизни трудами акад. М. Димитрова. Насколько расширились наши сведения о жизни Каравелова времени его пребывания в Москве, легко видеть при сопоставлении соответствующих разделов биографий, написанных И. Клинчаровым и М. Димитровым¹. Установлен ряд новых фактов, характеризующих связи и знакомства, учебные занятия и литературную деятельность начинающего писателя и публициста. Несмотря на это, многое в биографии Каравелова остается невыясненным. В частности, круг его личных знакомств и связей намечен только частично. Акад. М. Димитров называет ряд лиц, знакомство Каравелова с которыми несомненно; это М. П. Погодин, братья К. и И. С. Аксаковы, А. А. Краевский, В. И. Ламанский, О. Миллер, И. Т. Прыжов, А. А. Котляревский. К числу русских знакомых Каравелова, как показывают приводимые ниже письма, следует прибавить его университетского учителя Осипа Максимовича Бодянского, первого профессора славянской кафедры Московского университета. Характер обращения к Бодянскому в первом из публикуемых писем свидетельствует, что перед нами письмо к человеку хорошо известному, которого нет нужды величать «многоуважаемым» или иначе. О том же говорит и деловое содержание письма. Несколько более официально звучит написанное тремя годами позже второе письмо. Здесь присутствует и обращение «милостивый государь» и подпись «ваш ученик», назначение которой напомнить о себе после долгого перерыва в переписке.

Содержание писем представляет интерес в том отношении, что они уточняют историю подготовки и публикации собранных Каравеловым болгарских песен. Акад. М. Димитров полагает², что

¹ И. Т. Клинчаров. Любен Каравелов. Биография. София, 1925, стр. 46—56; М. Димитров. Любен Каравелов. София, 1959, стр. 53—90.

² М. Димитров. Указ. соч., стр. 71.

Каравелов взял текст с собой в Белград, где подготовил его к печати, а затем послал в Москву. Публикуемые письма показывают, что, уезжая из Москвы, Каравелов оставил рукопись в руках О. М. Бодянского, который собирался ее напечатать на страницах «Чтений в обществе истории и древностей российских». Сданы Бодянскому они были примерно в 1864 г. По-видимому, задержка в напечатании писем объясняется неподготовленностью рукописи, а неисполнение Бодянским просьбы Каравелова о высылке рукописи в Бухарест — его желанием опубликовать ее, как только она будет готова.

Подлинники публикуемых писем хранятся в архиве Института литературы Академии наук УССР (Киев) в собрании Бодянского под № 106 — первое и 109 — второе. Орфография писем сохранена.

1

Письмо Л. Каравелова О. М. Бодянскому 15 августа 1869 г.

Осип Максимович!

Прошу Вас, передайте г. Бончеву³ мой сборник «болгарских песен», потому что я намерен напечатать их в Бухаресте.

Остаюсь Ваш покорный слуга Л. Каравелов

Одесса 1869 август 15

2

Письмо Л. Каравелова О. М. Бодянскому 29 сентября 1872 г.

Милостивый государь Осип Максимович!

Восемь лет тому назад я Вам оставил сборник болгарских песен для напечатания в Вашем многоуважаемом журнале «Чтения». Я обещал прислать Вам примечания к песням, но не мог выполнить свое желание потому, что самые песни еще не напечатаны, чтобы означить страницу. Теперь прошу Вас меня известить, намерены ли печатать мой сборник. Если не намерены, то прошу Вас мне его выслать по следующему адресу: Бухарест, в редакцию «Свобода».

Я работаю, сколько позволяют мои силы. Одно только дурно, что не имею книг. Волохи занимаются только романами à la Poë de Cos. Вашего журнала даже они не видали.

Бухарест 1872
Сентября 29

Ваш ученик Л. Каравелов

*На письме помета Бодянского: пол[учено]
24 октября 1872 г., во вторн[ик]*

³ Бончев Нешо (1839—1878) — болгарин, бывший студентом Московского университета в 60-е годы XIX в. По окончании университета поступил преподавателем греческого языка в одну из московских гимназий. Первый болгарский литературный критик, печатавшийся в журнале «Периодическое списание», который издавался болгарским литературным обществом в Браиле.

И. Г. СЕНКЕВИЧ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН (Из рукописного наследства М. А. Хитрово)

Публикуемые материалы составляют лишь небольшую часть обширного рукописного наследства, оставленного Михаилом Александровичем Хитрово (1837—1896), одним из ярких и интересных деятелей русской дипломатии в славянских областях Балканского полуострова во второй половине XIX в. Политическая и литературная деятельность М. Хитрово еще не изучена и не нашла должного освещения в исторических исследованиях. Исключением является монография проф. С. А. Никитина¹, опубликованная в 1960 г. В ней освещена роль М. Хитрово в создании Одесского славянского комитета и содержатся сведения о связях М. Хитрово с деятелями славянского национального движения на Балканах — Найденом Геровым и др.

Многолетняя и многогранная деятельность М. Хитрово на Балканах в качестве представителя русского правительства требует глубокого изучения и несомненно даст интересные материалы по истории национального движения южных славян, об отношении русской общественности к этому движению и т. д.

«Дипломат игнатъевской школы», как характеризует его в своей работе С. А. Никитин, М. Хитрово вместе с тем в своей деятельности и во взглядах на освободительное движение балканских народов, на роль России в освобождении этих народов от турецкого ига придерживался определенной самостоятельной линии. Для него была характерна вера в возможности, в силу народного освободительного движения балканских народов. Связанный со славянофилами, в частности с И. С. Аксаковым, М. Хитрово был свободен от тех религиозно-мистических настроений, которые были свойственны И. С. Аксакову и некоторым другим славянофилам. С равной энергией и настойчивостью М. Хитрово

¹ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960, стр. 52—53, 146.

ратовал за освобождение славян и неславянских народов Балканского полуострова (греков, албанцев) от турецкого ига, был горячим проповедником объединения всех угнетенных народов Балкан в борьбе за освобождение.

Основными вехами в деятельности М. Хитрово, связанной с историей балканских народов, с событиями на Балканах, являются: декабрь 1860—1864 гг. — его пребывание русским консулом в Битоле (Монастир), 1864—1868 гг. — секретарем русской миссии в Константинополе, 1868—1871 гг. — дипломатическим чиновником Министерства иностранных дел при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе, 1871—1876 гг. — генеральным консулом России в Константинополе, 1876—1878 гг. — чиновником особых поручений при главнокомандующем русской армией, 1878 г. — директором дипломатической канцелярии при главнокомандующем русской армии, 1878—1879 гг. — консулом России в Македонии (Монастир), 1881 г. — дипломатическим агентом и генеральным консулом в Болгарии, 1886 г. — чрезвычайным посланником и полномочным министром при короле Румынии². Архивные материалы, связанные с каждым из этих этапов в служебной деятельности М. А. Хитрово, представляют богатые возможности для исследователя, изучающего историю южных славян и других балканских народов во второй половине XIX в.

Публикуемые ниже материалы относятся к раннему, начальному периоду дипломатической деятельности М. Хитрово. Вступив в 1859 г. на службу в Азиатский департамент МИД'а России, он в декабре 1860 г. был назначен консулом в Битоль (Монастир). В марте 1861 г. Хитрово прибыл на место своей службы, к 16 марта (ст. ст.) относится его первое донесение в Азиатский департамент. Битоль в эти годы являлся административным центром Битольского, или Румелийского, вилайета Турецкой империи. В состав его входила значительная часть современной Македонии, а также районы с албанским населением.

Несмотря на крайне скудные материальные возможности, которые предоставлял МИД царской России своим консульским представителям, Хитрово совершает поездки по стране. Результаты своих наблюдений во время поездок он излагает в регулярных донесениях в МИД России и русскому представителю в Константинополе (Стамбуле). Им составлено несколько «записок» (мемуаров) обобщающего характера о Битольском вилайете.

² См. рукописный фонд Института русской литературы АН СССР, ф. 274, д. 390, стр. 96—98 (книга автографов Семевского «Знакомые», запись рукою М. Хитрово). Там же, 1-е собрание биографий Венгерова, № 2868. Необходимо заметить, что в указанной выше работе С. А. Никитина имеется неточность: М. Хитрово служил консулом в Битоле не до 1868 г., как указано в работе на стр. 52, а только до 1864 г.

Для донесений и обзоров М. А. Хитрово характерна острая наблюдательность, зрелость суждений, правильная оценка политической обстановки на Балканах. Разумеется, политические и научные взгляды Хитрово были ограничены уровнем знаний той эпохи. В середине XIX в. процесс складывания наций на Балканском полуострове не только был далек от завершения, но в некоторых областях еще только начинался.

В соответствии с этим М. А. Хитрово язык славянского населения Македонии называет «славянским». Но иногда, как это было принято в его время, называет его «болгарским». Термин «христиане» Хитрово часто употребляет в значении «славяне», а выражение «турецкое народонаселение» — для обозначения мусульманского (и славянского, и турецкого) населения Битольского вилайета Османской империи.

В помещенных ниже донесениях М. А. Хитрово дана картина общественно-экономической жизни славянского населения Дебры — одной из интереснейших с этнографической и социально-экономической точек зрения областей Европейской Турции. Очень интересны те сведения, которые приводит Хитрово о существовании с давних пор в Дебре отхожих промыслов, об экономическом развитии Крчевского округа, Велеса и др. Заслуживает внимания оценка Хитрово турецких реформ Танзимата и тех последствий, которые эти реформы имели в Европейской Турции и, в частности, в Битольском вилайете. Особый интерес представляют материалы о школьном движении среди славянского населения Македонии. М. А. Хитрово делает, на наш взгляд, правильный и подтвержденный развитием позднейших событий вывод о готовящемся в начале 60-х годов XIX в. новом подъеме освободительного движения в Македонии.

1860—1864 гг. были периодом некоторого затишья в национально-освободительном движении на Балканах, своеобразной временной демобилизации сил этого движения после Крымской войны, с которой балканские народы связывали большие надежды. Внимательный наблюдатель, М. А. Хитрово сумел заметить признаки нового подъема в освободительном движении, подспудный процесс развития национального сознания в славянском населении Македонии. Он правильно отметил и характерные черты освободительного антитурецкого движения, проявлявшиеся уже на его начальных этапах: демократический характер движения, участие в нем широких народных масс, борьба за национальный язык, школу и церковь, сочувствие освободительному движению других народов, стремление к сотрудничеству с ними в антитурецкой борьбе.

Текст печатается с сохранением особенностей языка документа. Транскрипция географических названий передается согласно тексту документов. Заголовки и деление текста на абзацы даны

составителем, опущенный текст обозначен многоточием в квадратных скобках. Сохранена датировка документов по старому стилю или двойной датировке.

1

1861 г. марта 20. — Из донесения М. А. Хитрово российскому императорскому посланнику в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому о поездке М. А. Хитрово от Салоник до Битоля

Мне пришлось проехать чрез часть Македонии, одной из плодороднейших и цветущих стран Европейской Турции, населенной за исключением городов одними христианами. Везде встречали меня с громкими изъявлениями радости, везде на пути слышал я, что здесь давно с нетерпением ожидали русского консула [. . .].

На пути от Солуня до Вардара я встретил смешанное народонаселение болгар и албанцев, между которыми преобладает греческий язык; далее за Вардаром греческий элемент совершенно исчезает, деревни населены исключительно болгарами и общеупотребительный язык — славянский, и чем более удаляешься от моря и вдаешься внутрь страны, тем язык этот становится пише и более подходит к сербскому наречию. Турки весьма немногочисленные живут исключительно в городах; в Иенидже народонаселение почти все турецкое, в Водине (от 8 до 9 т. жителей).

Турки составляют около $\frac{2}{5}$ всего народонаселения, но от этого христианам не легче. Чуфлыки принадлежат почти все турецким помещикам и, вероятно, суждено появиться еще многим хатт-и-хумаюнам³, прежде чем положение здешних бедных поселян сколько-нибудь улучшится. Ведь бумажные улучшения и ухищрения Константинопольского правительства останутся мертвою буквою перед закоренелой испорченностью турецких чиновников и, к сожалению надо сознаться, греческого духовенства. Стоит только попасть во внутренние владения Блистательной Порты, чтобы убедиться, что все лекарства, прописываемые ей Европою, не принесли и не могут принести никакой пользы. Пресловутые обещания хатт-и-хумаюна неприменимы, потому что они противны вере, обычаям, противны основным началам турецкого владычества и выполнение их было бы окончательным смертельным приговором для Турции.

АВПР, ф. ГА, V-42, д. 1184, ч. 1, л. 5—5 об. Копия.

³ М. А. Хитрово имеет в виду султанский рескрипт (хатт-и хумаюн), обнародованный 18 февраля 1856 г. и подтверждавший турецкую политику реформ. По форме хатт-и хумаюн должен был предоставить нетурецким народам политические и экономические права, равные с турками. В действительности этот рескрипт турецкого правительства расширил лишь права компрадорской буржуазии и облегчил проникновение иностранного капитала в Турецкую империю.

*1862 г. марта 1. — Из донесения М. И. Хитрово директору
Азиатского департамента Н. П. Игнатьеву о социально-
экономическом и культурном развитии г. Велеса
и прилегающего к нему района*

Ни в одном из городов здешней местности не встречал я болгарского населения столь развитого в гражданском отношении, как в Велесе. При том велешане преимущественно сочувствуют России, на которую смотрят как на единственную покровительницу восточных христиан и православия. В настоящее время все надежды в Велесе возлагаются на Сербию, которая однако же, по мнению велешан, не иначе сможет облегчить участь турецких христиан, как с содействием и поддержкой России: Сербия и Черногория пользуются полным сочувствием в Велесе и составляют там в настоящее время предмет всех разговоров. В прежние времена и Греция пользовалась некоторым сочувствием, но сочувствие это в последнее время весьма охладилось, чему немало способствовали болгарские журналы.

Положение Велессы, находящейся недалеко от тех пределов, где сливаются две народности — славянская и греческая, и населенной исключительно славянами, нисколько не подчинившись греческому влиянию, придает особенную важность этому городу, которого жители пользуются особенным сочувствием всего окружающего славянского народонаселения, почитающего Велесу, а не Битолю, своею естественною столицею. Значением этим Велеса обязана как национальному сочувствию, так и торговому своему значению, постоянно развивающемуся.

Велеса лежит при р. Вардар. Народонаселение Велессы простирается до 20 000 душ, из коих две трети христиан болгар, за исключением только 30 семейств куцо-влахов. Велесские мусульмане — славянского же происхождения, но принявшие исламизм в первые времена турецкого завоевания. Турецкое население год от году слабеет, таким образом, 40 лет тому назад большинство городских жителей были турки, теперь же число их убавилось более чем на половину. Мусульмане эти хотя и фанатичны, но их бедность, с каждым днем увеличивающаяся, смиряет их врожденную ненависть к христианам, от которых они большею частью вполне зависят в вещественном отношении [. . .].

В Велесе во всеобщем употреблении только языки болгарский и турецкий, но и тамошние турки все говорят по-болгарски. С древнейшего времени в городе была только болгарская школа [. . .].

Главные занятия христиан составляют виноделие и шелководство. Велесское вино вывозится в довольно значительном количестве в Софию и вообще в Старую Сербию. Шелководство особенно развилось в последние 5, 6 лет и в настоящее время из Ве-

леса вывозят в Италию ежегодно шелковичного семени на сумму до полутора миллиона пиастров (около 75 т. руб. сер.).

Со времени Крымской войны открылся для Велессы новый источник дохода в сплавке хлеба по реке Вардар до Салоник. Весь хлеб из Велесского каза, Куманова и Иштиба сплавляется в Велессу. Сплав хлеба из Велессы в течение 2-х лет Крымской войны рассчитывают на сумму до 25 000 000 пиастров. Один из значительнейших предметов вывоза составляет также выделяемый в Велессе сафьян, который уже лет 60 или 70 вывозится в Венгрию ежегодно на сумму до 2 000 000 пиастров. Ремесла разделены между турками и христианами, за исключением выделки сафьянов и других юфтяных товаров, составляющей монополию турецкого населения и воспрещенной христианами. Вся торговля равно внешняя и внутренняя находится исключительно в руках христиан.

Главное почти исключительное занятие сельского населения составляет хлебопашество и велесские болгары отличаются трудолюбием и некоторою зажиточностью.

В Велесском каза считается 72 т. жителей, из коих 50 т. христиан и 22 т. мусульман. Сел во всем каза 107 с 49 церквями и 6263 домами христианскими и 2842 турецкими [. . .].

АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 1184, ч. 1, лл. 250, 253—254. Подлинник.

3

*1862 г. мая 10. — Из донесения М. А. Хитрово
Н. П. Игнатьеву о сочувствии населения Македонии
восстанию в Герцеговине под руководством Луки Вукаловича
и войне Черногории против Турции, об участии жителей
Велеса в герцеговинском восстании*

События последнего времени бросают совершенно новый свет на положение дел в здешнем крае. Положение это еще не определилось, но каждый день становятся ощутительнее признаки новых близких гроз, собирающихся над Турцией. Трудно себе представить, как нравственно выросли здешные христиане в самое короткое время. Еще недавно, говорят, здесь еще не знали о существовании Черногории и Сербии. Прежние войны черногорцев не производили здесь никакого впечатления. Еще волнения на греческой границе скорее отзывались в здешнем народонаселении, — но дела всего севера мало кого здесь интересовали. Даже в последнюю Крымскую войну население собственно Битольского санджака, разумеется за исключением высших городских сословий и части духовенства, оставалось совершенно чуждо тех надежд, которые возбудила эта война в христианах прочих турецких провинций.

Напротив, теперь неудачи турок в Герцеговине и Черногории и беспрестанные известия о новых успехах христианского оружия составляют предмет горячих толков и всеобщих разговоров не только в городах, но даже и в самых отдаленных селах. Имена князя Николая и Луки Вукаловича сделались известными каждому поселянину. Крестьяне из отдаленных сел, собираясь по понедельникам на базар в Битолу, сходятся в ханах и бакалах (лавках) и расспрашивают городских людей о ходе дел в Герцеговине и Черногории, причем известия, разумеется, передаются часто в искаженном и всегда преувеличенном виде.

Общественное участие возбуждено в высшей степени. Число получаемых в городе газет значительно увеличилось, они читаются с жадностью и быстро передаются из рук в руки. Проезжая через христианские села, постоянно приходится отвечать на расспросы о известиях с театра войны; здешние поселяне не говорят — черногорцы, а спрашивают: «Что се чует от наша-то гора?» или просто — «как там наши?». Везде христиане стали менее терпеливо переносить турецкий гнет и самоволие мусульманского населения, — они начинают сознавать свою силу[. . .]

В Велесе и ее окрестностях, где славянское народонаселение гораздо более развито, нежели собственно здешнее, происшествия в Герцеговине и вести о черногорской войне произвели еще несравненно сильнейшее впечатление, чем здесь. Там каждый горячо сочувствует и успехам и тяжелым усилиям герцеговинских и черногорских христиан и готов служить общим интересам не только бесплодным участием, но и самым делом. Из окрестностей Велессы в последнее время довольно много молодых людей ушли к Луке Вукаловичу, сопровождаемые горячими напутствиями оставшихся.

АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 1184, ч. 1, лл. 323—324 об. Подлинник.

4

*1862 г. июля 25. — Из донесения М. А. Хитрово
Н. П. Игнатъеву о славянской школе в г. Велесе*

[. . .] Школа находится в самом центре города и помещается в обширных и красивых вновь отстроенных зданиях. В одном здании помещается школа для начинающих, где учащихся до 120 мальчиков, в другом помещаются классы для более взрослых, в числе 40 учеников и квартиры преподавателей. Все учение происходит на болгарском и церковнославянском языках [. . .].

АВПР, ф. ГА, V-A₂, д. 1184, ч. 1, л. 405. Подлинник.

1864 г. января 16. — Из донесения М. А. Хитрово русскому посланнику в Константинополе Е. Л. Новикову о первых признаках нового подъема освободительного движения в Македонии

Македония, оторванная от остального южнославянского мира, с давних пор совершенно подчинилась грецизму [. . .] Богослужение почти повсеместно с давних пор совершается на греческом языке, в училищах почти нигде болгарский язык не преподавался. Немногие обогащавшиеся болгары не смели называть себя своим национальным именем, стыдились своего происхождения [. . .].

Кирилица сохранилась только в северных частях Македонии, да в древнейших рукописях, попадающихся еще в некоторых монастырях. Здешние болгары принуждены были изобрести новую письменность, употребляя греческие буквы для выражения славянских звуков. Этого влияния грецизма во всей Македонии и средней Албании избежали только Велесса, Прилеп и Дебрский округ, где грецизм никогда не мог основаться прочным образом. Но несмотря на этот нравственный гнет, сельское народонаселение повсеместно сохранило славянские предания, язык и обычаи. В среде деревенского народонаселения повсеместно встречаются почти в первобытной их чистоте и лежащий в основании всего славянства социально-экономический принцип, выразившийся в общеславянской сельской общине, и общеславянские древние предания, и славянское гостеприимство, и славянская одежда, и славянский хоровод.

Но это же сельское народонаселение, верное преданиям старины, языку и нравам, под влиянием высших слоев общества, мало-помалу почти вовсе потеряло сознание о прочем единоплеменном мире и с давних пор все надежды и упования на улучшение своей участи привыкло возлагать единственно на Грецию. Но последняя война Черногории, бомбардирование Белграда, внезапно возбужденные по всей Болгарии надежды и стремления, выразившиеся несчастными событиями в Трнове и Габрове⁴, и здесь не остались без отголоска [. . .]. Но с несчастным исходом черногорской войны, с затишьем в сербских делах естественно и громко заявленное пробуждение в здешней местности славянской народности должно было понизить голос и покориться в известной степени силе обстоятельств.

В настоящее время политического затишья это пробудившееся недавно народное стремление, гнетомое фанатизмом высшего

⁴ Речь идет, по-видимому, о неудавшейся попытке жителей городов Тырново и Габрово подготовить в 1862 г. вооруженное восстание против турецкой администрации.

духовенства и окруженное подозрительностью турецкой администрации, обнаруживается в едва заметных явлениях общественной жизни. К таким явлениям относится повсеместно заметная потребность национального образования и со всех сторон слышащиеся запросы на болгарских учителей и славянские церковные книги.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1418, лл. 1—2. Подлинник.

6

*1864 г. августа 6. — Из донесения М. А. Хитрово директору Азиатского департамента [Н. П. Игнатьеву].
Социально-экономическая характеристика
Дебрского округа*

В пяти часах расстояния от Струги начинается Дебрский округ и уже совершенно иной мир. Здесь горы нагромоздились одни над другими, ровных пространств почти вовсе не встречается, везде глубокие и узкие долины, горные потоки, стремящиеся по обрывистым оврагам и каменистым руслам, и крутые склоны гор, покрытые сплошными лесами. Дороги здесь заменяются едва приметными тропинками, извиляющимися над стремнинами. Со всех сторон доступ в эту гористую страну возможен не иначе как чрез узкие, едва проходимые ущелья, служившие до сих пор естественною защитою последним остаткам древней албанской независимости. Не даром страна эта названа Дебр [. . .].

До меня, сколько мне известно, только два европейских путешественника проникали в Дебру: в 1856 году бывший здешний английский консул г. Лонгфорт и прошлою осенью фон Хан, австрийский генеральный консул в Сире, известный сочинением своим об Албании — «*Albanesische Studien*» [. . .].

Дебрский округ вместе с округом Матским и *казами* (уездами) — Охридским, Старовским и Елбассанским составляет отдельный каймакамык Охридский под управлением особого паши, подчиненного вали румелийскому (битольскому генерал-губернатору) [. . .].

Дебрский округ подразделяют на Горно- и Долно-Дебру. Горно-Дебра состоит из нахий: Голо-Брдо, Поле Дебрско, Мала Река, Жупа и Яма. Долно-Дебра заключает в себе нахии: Буюк и Кучук-Боаз и Булкиза и части Маллисии. Нахия же Голема Река, хотя и причисляется вообще к Горно-Дебре, но по составу своего народонаселения кажется скорее могла бы быть причислена к Долно-Дебре; нахия эта лежит на границе между двумя Дебрами. Все эти местности как в этнографическом, так и в политическом и религиозном отношении весьма различествуют между собою. В нахиях Голо-Брдо, Поле, Мала Река, Жупа и Яма хри-

стиане довольно числительны; как вообще полагают, они составляют более трети всего народонаселения⁵.

Здесь как христиане, так и мусульмане одного происхождения — славянского, и в общем употреблении язык болгарский, который сохранил здесь все древние формы церковнославянского наречия. В трех нахиях Долной Дебры христиане весьма малочисленны⁶ и так же, как и мусульмане, происхождения албанского и говорят по-албански, равно как и в нахии Голема Река, где христиане более числительны[. . .].

Христианское народонаселение Дебры, как уже сказано выше, простирается до 23 т. душ. Христианских и смешанных сел в обеих Дебрах считается 89, домов же христианских в этих 89 селах и в городе 3141, из коих в городе 160. Дебрские христиане все православного исповедания, по происхождению же они большей частью славяне, за исключением лишь небольшого числа голема-речан, которые происхождения албанского и говорят по-албански на гегском наречии. Но и они совершенно подчинились славянскому влиянию; так как албанский язык письменности не имеет, то богослужение у них совершается по-славянски и между албано-христианами Дебры все мужчины знают по-болгарски и лишь одни женщины и дети, и те только местами, не знают болгарского языка и говорят лишь по-албански.

Неприступная природа Дебры, стародавняя дикость ее обитателей и равнодушие местных мусульман к официально исповедуемому исламу спасли здешних христиан от того поработящего и нравственно уничтожающего влияния турецкого владычества, которого следы так заметны на христианах других местностей Турции. Местные условия, род занятий и обстоятельства жизни дебрского христианского народонаселения создали здесь замечательный, могучий тип в физическом и в нравственном отношении. Недостаток удобной земли и обилие пастбищ ограничили здесь чрезвычайно хлебопашество и заставили здешних христиан отыскивать способы жизни в иного рода занятиях — преимущественно в овцеводстве и в разных ремеслах. Высший класс здешнего христианского общества составляют пастухи. Из числа их бывают люди весьма зажиточные, которые получают название *кьяя* и обладают иногда стадами в 5—6 тысяч овец и в несколько десятков лошадей.

В летнее время стада эти пасутся на Дебрских горах, на зиму они перекочевывают в теплые равнины Вардара и полуострова Касандры. В самых широких размерах овцеводством занимаются села Галичник и Лазарополе. Здешние богатые кьяи ведут жизнь

⁵ В этих нахиях вместе с нахией Голема-Река, т. е. во всей Горно-Дебре, насчитывают до 40 000 мусульман и до 21 000 христиан (Прим. док.).

⁶ Здесь на 26 000 мусульман насчитывают всего 2000 христиан (Прим. док.).

совершенно кочевую, сопровождая сами стада свои на зимние кочевья, и только летом пребывают в своих селах [. . .].

Кроме овцеводства дебрские христиане занимаются разными ремеслами вчуже: големо-речане преимущественно хлебники в Константинополе и Салонике, затем другие — каменщики, плотники, штукатуры и пр. Собственно хлебопашеством занимаются лишь немногие села в Голо-Брдо и Поле Дебрско, где земля более плодородна, и здесь народонаселение ведет род жизни более оседлый, во всех же остальных местах христиане существуют заработками на чужбине [. . .].

Сметливость, храбрость, предприимчивость и некоторая пылкость воображения суть отличительные характеристические черты дебрского христианского народонаселения. Нравы его отличаются древнеобразною простотою, общительностью и гостеприимством. Но рядом с этими чертами, свойственными народам полудиким, рядом с красотой могучего физического типа дебрян я был поражен относительно высокою степенью их нравственного и общественного развития. Жизнь по отдаленным городам на заработках приводит их в постоянные соприкосновения с внешним миром, из которого сведения и вести приносят они с собою на родину. Ни один из современных на Востоке общественных вопросов не ускользнул от внимания дебрских горцев. Церковный греко-болгарский вопрос, возбужденный в Константинополе, получили уже в среде их гораздо большее значение, чем во многих других местностях Турции и чем где бы то ни было в Македонии. В вопросе этом дебряне выражают требования вполне законные и не в той заносчивой форме, которая в других местностях сделала миролюбивое разрешение одного столь затруднительным. В последней черногорской войне многие дебряне участвовали лично; еще большее число их тайно ушло в Сербию при первых известиях о недавних белградских событиях, на последствия которых повсеместно турецкие христиане возлагали столь теплые надежды.

Напрасно стали бы искать в Дебре отдельных личностей, отличающихся высоким образованием; но общий уровень образования относительно высок, грамотность между дебрскими христианами довольно распространена, а постоянно странствуя по чужим краям, они усвоили себе многие языки. Таким образом, кроме общих в Дебре языков — славянского и албанского, почти все здешние христиане говорят по-турецки и несколько по-гречески и по-влашки. Конечно, как и везде в Турции, заслуга общественного образования в Дебре не принадлежит ни правительству, ни высшему духовенству.

Дебрский округ, вместе с округом Крчевским, составляет одну из беднейших славянских епархий в Турции. Богослужение здесь спокон века совершается на языке церковно-славянском и греческое богослужение никогда не было допускаемо в дебрских церквах [. . .].

Галичник (374 дома) есть значительнейшее христианское село в Дебрском округе. Оно расположено в неприступной местности на голой каменной вершине горы Бистры. В зимнее время часто доступ в село совершенно прекращается. Земли, удобной к хлебопашеству, село вовсе не имеет; но зато ему принадлежит плоский и широкий хребет горы Бистры, представляющий огромное пространство прекрасных пастбищ, прокармливающих в летнее время многочисленные стада овец. Главное занятие галичан составляет овцеводство в широких размерах и извоз. На зимнее время все взрослое мужское народонаселение Галичника перекочевывает со стадами на низменные пастбища Македонии, Фессалии и Халкидиды и в селе остаются одни старики, женщины и дети. Обширность и прочность построек свидетельствует об относительной зажиточности поселян.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 4323, лл. 29—31 об., 41—43 об., 50 об. Копия, сделанная рукою М. А. Хитрово.

7

1864 г. августа 6. — Из донесения М. А. Хитрово директору Азиатского департамента [Н. П. Игнатьеву]. Социально-экономическое описание Крчевского округа. О школьном движении в г.г. Струга и Охрид

Крчевский округ составляет особое каза (уезд) под управлением мудира, зависящего непосредственно от битольского генерал-губернатора. Город Крчево служит местопребыванием мудира и дебрско-крчевского митрополита [...].

Мусульмане составляют большинство городского народонаселения, в селах же христианский элемент довольно числителен. В Крчевском округе христианских и смешанных сел 104, заключающих 2096 христианских домов. В политическом, административном и бытовом отношении Крчевский округ совершенно отличен от близлежащей Дебры. Крчевский округ давно подчинился Танзимату, управляется на общем основании, оплачивает подати и отбывает воинскую повинность. Крчевские мусульмане, так же как и горно-дебрские, славянского происхождения, говорящие лишь по-болгарски, и тоже отступники православия; но они приняли ислам гораздо ранее дебрян, и он вкоренился в них сильнее [...].

Села Крчевского округа большею частью расположены в плодородных местностях по течению рек Черной, Сатески и Великой. Хлебопашество составляет главный промысел крчевского народонаселения. Физический тип здешних жителей представляет жалкую противоположность с могущественным типом дебрских горцев. Здесь на всем лежит поразительный отпечаток турецкого владычества. Здешние христиане загнаны, обременены налогами

и разными поборами властей и вполне представлены своеволю местного мусульманского народонаселения [. . .].

На обратном пути я задержался на некоторое время в городах Охриде и Струге и вынес самое утешительное впечатление из ближайшего знакомства с тамошними христианами. Не останавливаясь на описании этих городов, уже слишком известных, я должен указать здесь на те признаки пробуждения чувства народности, которые так громко проявляются в среде их славянских народонаселений. Не заглохли семена, брошенные на эту богатую почву братьями Миладиновыми, которым не суждено было видеть их всходов и которые были первыми искупительными жертвами возрождающейся к жизни народности. Несмотря на фанатизм охридского митрополита, беспрестанно прибегающего к орудиям клеветы и предательства для подавления славянского элемента в своей епархии, элемент этот с каждым днем громче и громче заявляет права свои [. . .].

Во главе болгарского движения в Струге стоят люди, испытанные горьким опытом, которые с замечательной осторожностью успешно ведут не ими начатое, но завещанное им братьями Миладиновыми народное дело. Они крепко держатся один за другого, никто не выступает вперед и не компрометируется в глазах митрополита и властей; а дело с каждым [днем] приобретает значительные успехи. Несмотря на запрещение митрополита, богослужение тайно от него совершается по-славянски; учителя открыто высказывают себя отъявленными грекофилами и тайно преподают в училищах славянскую грамоту. Много должен был выстрадать народ, под страшным гнетом должен был он воспитаться, чтобы дойти до того многозначительного явления, что в среде его целое поколение детей умеет *тайно* учиться грамоте [. . .].

В Охриде пробудившееся чувство народности проявляется еще громче и настойчивее чем в Струге. Здесь слышатся громкие общие жалобы против митрополита, преследующего славянскую народность, стремление к которой сделалось общею потребностью всего христианского народонаселения Охриды [. . .].

В охридских училищах, кроме одного только, о котором я буду говорить впоследствии, учение происходит исключительно на греческом языке. Митрополит до сих пор ни под каким видом не соглашается допустить в них преподавание славянской грамоты. Охридяне не могут далее выносить подобного стеснения родного языка. Учителя первые встают против подобного порядка вещей и ожидают только случая, чтобы открыто заявить о законных своих требованиях. Недавно в главном охридском училище был публичный акт; один из охридских обывателей, некто Сапунджи, молодой человек, воспитанный в Афинах, воспользовался этим случаем и произнес в собрании общины речь против гонений, которым так долго подвергается славянская народность в Охриде. В этой речи указывается на славянско-историческое значение Охриды, на уни-

чтожение происками греческого духовенства независимой Охридской Болгарской патриархии, порицаются действия греческого духовенства, громко заявляется об общем желании охридян восстановить их угнетенную народность и права родного языка и в заключение для придания всей речи цензурной благовидности воздаются похвалы правительству султана, признавшему народные права болгар. Речь эта была написана одним из учителей Григорием Ставриди⁷, который не мог ее сам прочесть, находясь в полной зависимости от митрополита, и потому автором ее выступил Сапунджи, лицо независимое. Речь была принята с восторгом всею охридскою христианскою общиною [...]

В одном из последних донесений моих я упоминал о существующей с давних пор в Охриде частной болгарской школе — Мустрева. Ныне эта частная школа сделалась общественною и названа училищем св. просветителей славянских Кирилла и Мефодия. Училище это находится в части города, известной под именем Кашишка, и содержится иждивением трех беднейших городских *махала* (кварталов), составляющих предместье Кашишку, которые давно ощущали необходимость отдельного училища по причине удаления их от центра города. Кашишские христиане соорудили для помещения училища удобное и просторное здание, но их скудные средства едва достают на его содержание и, с другой стороны, оно преследуется митрополитом. Владыка изгнал под разными предлогами первого болгарского учителя и теперь кашишская община принуждена была официально назвать училище Эллинским, дабы иметь возможность продолжать в нем курсы, хотя втайне учение происходит по-прежнему на языке болгарском.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 4323, лл. 51—52 об., 54—58 об.

8

1864, июля (день не указан), № 195. — Из донесения М. А. Хитрово Е. П. Новикову об организаторе первой славянской школы в Охриде Мустреве

По ремеслу Мустрев — самарджи, он занимается изделием самаров — деревянных вьючных седел, что и служит ему весьма скромным средством существования. Сын Мустрева имеет в Охриде небольшую лавку со всякой всячиной и между прочим с книгами. Человек простого происхождения, без особенного образования, Мустрев сумел заслужить себе честное имя между своими сооте-

⁷ Настоящая фамилия его Прлич. В Афинах, где он воспитывался, его называли Ставриди. Личность этого молодого человека весьма замечательна; на выпускных экзаменах в Афинах он получил первый приз; поэтические произведения Ставриди занимают почетное место в новейшей греческой литературе. Охридский уроженец, Ставриди ныне в своем родном городе с самозабвением трудится на пользу народного болгарского дела; воспитание в Афинах не было в состоянии его огречить (Прим. док.).

чественниками, с давних пор посвятившими себя с неутомимой деятельностью на служение своей народности [. . .].

Без всяких средств, в то время когда о пробуждении славянской народности в Турции еще едва помышляли, Мустрев завел первое в Охриде болгарское училище, где он безвозмездно преподавал нескольким мальчикам славянскую грамоту, и то по вечерам, как для избежания преследований со стороны митрополита и охридских грекоманов, так и по причине своих ремесленных занятий, которые не оставляли ему времени днем. [. . .].

Ныне болгарский язык получает уже повсеместно права гражданства, но первые деятели этого пробуждения славянской народности в Охриде, считающие в рядах своих покойных братьев Миладиновых, получили первые познания о правах своего отечественного языка в бедной школе Мустрева под его руководством, и самарджи Мустрев может быть по праву признан одним из первых деятелей этого народного пробуждения.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1418, л. 152 об.

М. А. ИЛЬИН, В. Д. КОРОЛЮК

К ПОЕЗДКЕ ЛЮБОРА НИДЕРЛЕ В РОССИЮ

В 1893 г.

(Неопубликованное письмо Л. Нидерле
А. К. Жизневскому)

Публикуемое ниже письмо замечательного чешского археолога-слависта было недавно обнаружено в Калининском государственном областном архиве в фонде Тверской ученой архивной комиссии (ф. 103, д. 492, 1893 г., л. 1). Помеченное 20 апреля 1893 г., оно было направлено Л. Нидерле из Москвы в Тверь директору Тверского музея А. К. Жизневскому, весьма авторитетному и хорошо известному тогда в русских ученых кругах знатоку русских древностей. Отправляясь в 1893 г. в Россию, Л. Нидерле зарекомендовал уже себя оригинальным и широким исследователем европейской археологии. Несколько раньше им был закончен обширный труд (предисловие к нему помечено мартом 1893 г.), посвященный европейской археологии от палеолита до средневековья¹. Это было замечательное по тому времени исследование, в котором впервые данные славянской археологии, история материальной культуры Восточной Европы были органически включены в рамки общеевропейского исторического процесса. Наряду с весьма уже обширной в то время европейской археологической литературой Л. Нидерле широко использовал в нем как западно- и южнославянскую, так и значительную русскую археологическую, этнографическую и общесторическую литературу. Поэтому нет никакого сомнения в том, что посещение Тверского музея было не просто случайным эпизодом во время пребывания Нидерле в России, а являлось частью осуществлявшегося им широкого плана изучения России и знакомства с ее научными центрами, музеями и историко-археологическими публикациями. Тверской музей по составу своих

¹ L. Niederle. Lidstvo v době předhistorické se zvláštním zřetelom na země slovanské. V Praze, 1893.

REDAKCE ČESKÉHO LIDU.

(Dr. Lubor Niederle, Praha, Ječná ulice 29.)

Monsieur,

J'aurai l'honneur demain matin de passer chez Vous.
Il est devenu impossible d'y rester une journée
comme je pensais auparavant. J'y arriverai
avec le train ordinaire à 5 heures 30 min, et
pourrai vous en parler à 9 heures 10 min.

Après, Monsieur, l'expression de mes sentiments
les plus distingués et sincères.

Dr. Lubor Niederle
de Prague en Bohême

Moscou le 20 avril 1893.

Фрагменты письма Любора Нидерле А. К. Жизневскому
от 20.IV.1893 г.

коллекций действительно являлся тогда одним из главных русских музеев, подробно обследованных чешским славистом в 1893 г. Л. Нидерле мог судить о нем и его коллекциях по изданному еще в 1888 г. описанию его ², на которое он, кстати говоря, сам ссылается в упомянутом выше синтетическом труде по европейской археологии ³. Тверскими коллекциями Нидерле мог особенно заинтересоваться во время пребывания в Москве, где он встречался с таким видным этнографом и археологом, как профессор Московского университета Д. Н. Анучин ⁴. Так что лестный эпитет «превосходный», примененный автором письма к Тверскому музею, отнюдь не был только обычной формой вежливого обращения к его директору.

Таковы те небольшие замечания, которыми нам казалось нужным предварить публикацию, безусловно, интересного для характеристики пребывания чешского ученого в России в 1893 г. письма Л. Нидерле к А. К. Жизневскому. Письмо это написано по-французски, на бланке редактируемого Л. Нидерле журнала «Чешский народ» (Redakce Českého lidu. Dr. Lubor Niederle, Praha, Ječná ulice, 29).

В заключение отметим только, что поездка Л. Нидерле в Россию, помимо широкого ознакомления чешского исследователя с русской наукой, что было особенно важно для него в связи с наметившимся в его исследовательской работе сосредоточением внимания на вопросах главным образом славянской археологии, имела своим следствием перевод на русский язык его замечательного сводного труда по археологии Европы. Редактором вышедшего в 1898 г. русского перевода был упомянутый выше Д. Н. Анучин. Высоко оценивая книгу чешского исследователя как первую и весьма удачную попытку дать синтетическую картину развития материальной культуры в Европе с полным учетом славянской и, еще шире, восточноевропейской археологии, Д. Н. Анучин так рассказывает об обстоятельствах перевода этой книги на русский язык:

«... Настоящая книга является не простым переводом чешского сочинения, как оно было издано в 1893 году. Д-р Нидерле, с которым я имел удовольствие познакомиться в бытность его в Москве, а потом беседовать летом 1895 г. в Праге, изъявил готовность приложить все старания к тому, чтобы дополнить свой

² А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888.

³ L. Niederle. Указ. соч., стр. 749, прим. 351.

⁴ См. предисловие Д. Н. Анучина к русскому переводу названной выше книги Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель» (СПб., 1898, стр. VI). Небезынтересно, что с отдельными работами Д. Н. Анучина Л. Нидерле был знаком еще до того. Он ссылается на одну из них в чешском, 1893 г., издании этого труда (см. стр. 744, прим. 328).

труд новыми данными и вообще исправить и обновить его во всех частях, что им и было выполнено с возможною тщательностью. Каждый печатный лист оригинала доставлялся автором переводчику с поправками, вставками, дополнениями, последняя глава была совершенно переделана, а равно приложены местами новые, иногда довольно обширные примечания. Таким образом, русский перевод является вместе с тем совершенно новым, исправленным и значительно дополненным изданием книги д-ра Нидерле»⁵.

Monsieur,

J'aurai l'honneur demain mercredi passer Tver. Il est devenu impossible d'y rester une journée comme je pensais auparavant. J'y arriverai avec le train ordinaire à 5 heures 30 min., et poursuivrai mon voyage à 9 heures 10 min. soir. Les plus que 3 heures je veux me tenir dans la ville. Si serait possible dans un temps si tard voir aussi Votre musée excellent, dont m'intéresse spécialement la collection des antiquités préhistoriques, Vous me faites beaucoup de plaisir, en me donnant l'occasion de le visiter.

Je me rendrai tout de suite de la station au musée. Il suffit d'aviser le portier qu'il me fait ouvrir. Parce que m'intéressent seulement quelques antiquités, je ne me retiendrai au musée longtemps.

Je Vous prie, Monsieur, encore une fois, s'il c'est possible, de vouloir bien accomplir ma demande. Je Vous en serai beaucoup reconnaissant.

Agréé, Monsieur, l'expression de mes sentiments les plus distingués et sincères.

Moscou, le 20 avril 1893.

Dr. Lubor Niederle de Prague en Bohème.

П Е Р Е В О Д

Сударь.

Я буду иметь честь проследовать через Тверь завтра в среду. Оказалось невозможным остановиться там на целый день, как я думал ранее. Я прибуду обычным поездом в 5 часов 30 минут и затем продолжу свое путешествие в 9 часов 30 минут вечера. Я могу задержаться в городе не более 3 часов. Можно ли будет в такое позднее время посетить также Ваш превосходный музей, в котором меня интересует главным образом коллекция доисторических древностей? Вы доставите мне большое удовольствие, дав мне возможность посетить его.

Я сразу же со станции направляюсь в музей. Вполне достаточно предупредить привратника, чтобы он мне открыл. Поскольку меня интересуют лишь некоторые древности, я не задержусь долго в музее.

Я еще раз прошу Вас, сударь, если это только возможно, соизволить удовлетворить мою просьбу. Буду Вам весьма признателен.

Примите, сударь, от меня выражения моих наилучших и искренних чувств.

Д-р Любор Нидерле из Праги в Богемии.

Москва 20 апреля 1893 г.

⁵ См. «От редактора перевода», стр. VI в кн.: Л. Н и д е р л е. Человечество в доисторические времена.

К. Л. СТРУКОВА

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ
О ПОЛОЖЕНИИ В БИТОЛЬСКОМ ВИЛАЙЕТЕ В 1903 г.
(Из донесений русских консулов)

1903 год в истории Македонии — важнейший этап национально-освободительной борьбы. Обстановка в стране накануне, в период и после Ильинденского восстания — все это в равной степени интересует исследователя. Ценный материал для более глубокой и детальной разработки истории Македонии этого времени имеется в донесениях иностранных консулов, вице-консулов и торговых агентов в Битоле, Скопле и Салониках, бывших основными районами ильинденских событий. К сожалению, из них до сих пор опубликованы сравнительно немногие — донесения английских¹, сербских² и австрийских³ консулов. Поэтому публикация донесений русских консулов из Битоля, центра вилайета, явившегося очагом восстания, представляет несомненный интерес, дополняя и подтверждающая сообщения из других источников. Они очень хорошо рисуют картину произвола, насилий и террора, царивших в Македонии в тот период, отчаянное положение населения, авторитет и силу Внутренней македоно-одринской (адрианопольской) революционной организации (ВМОРО), лицемерие турецких властей, героическое сопротивление повстанцев, несмотря на военное превосходство турок, и т. п.

Признавая заслуживающей внимания фактическую сторону донесений, необходимо при этом критически отнестись к ряду

¹ В английской синей книге «Further Correspondence Respecting the Affairs of South—Easter Europe», Turkey, № 1, 2 (1904).

² Л. Л а п е. Нови документи за Илинденското востание. Илинденски зборник. 1903—1953. Скопје, 1953, стр. 3—162; «Извештаи од 1903 година на српските консули, митрополити и училишни инспектори во Македонија», Скопје, 1954.

³ «Извештаи од 1903—1904 години на австриските претставници во Македонија», Скопје, 1955; «Документи од виенската архива за Македонија од 1879—1903», Скопје, 1955.

имеющихся там оценок. Это относится прежде всего к характеристике революционной организации, отряды которой консулы называют, например, «бандами», считают деятельность ее пагубной для населения и т. п. Во взгляде консулов на национальный состав славянского населения Македонии нашли отражение представления, господствовавшие в то время в Европе.

Ниже публикуются донесения русских консулов за январь—декабрь 1903 г.

Документы расположены в хронологическом порядке. Даты указаны по старому стилю. В источниках, имеющих двойную датировку, даты указаны по старому и новому стилю.

При частичной публикации документа, заголовок начинается словом «из»; опущенный текст обозначается многоточием в квадратных скобках. Частные подробности, не имеющие существенного значения в общем развитии событий, нами опущены. Пропуск текста сделан без оговорок в подстрочных примечаниях.

1

1903 г. января 16. — Из донесения русского консула в Битоли А. Ростковского русскому послу в Константинополе И. А. Зиновьеву о бесчинствах солдат и башибузуков в Македонии

№ 10

Битоль

[. . .] Помимо учиненного грабежа в селе Брезово, то же самое происходит во всей стране. Ко мне являются чуть ли не каждый день жители разных сел с жалобами на неистовства солдат, грабящих дома, насилующих женщин и т. п. Всех жалобщиков я посылаю к вали, который, приняв прошения, обещает расследовать дело, но, конечно, ничего не делает.

Вообще положение жителей сел отчаянное. С одной стороны, они страдают от посещения турецких солдат, уносящих с собою все, что им попадет под руку, и к тому же подвергающим пыткам жителей с целью узнать, где скрываются инсургенты, с другой стороны, бесчисленные революционные банды, постоянно увеличивающиеся в числе, отнимают у жителей последние крохи.

Если к этому прибавить, что солдаты всякий раз при встречах с инсургентами поджигают дома, то неудивительно, что лишены крова и всего имущества селяне бродят толпами и вымывают пропитание у таких же нищих, как и они сами.

Донося о сем печальном состоянии здешних христиан, я позволяю себе покорнейше просить Ваше высокопревосходительство не отказать обратить внимание Славянского благотворительного общества на необходимость подать руку помощи и нуждающимся селянам Битольского вилайета.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростовский.

АВПР, Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 10—10 об. Подлинник.

2

1903 г. января 18. — Донесение А. Ростовского И. А. Зиновьеву о деятельности Революционного комитета в Битольском вилайете

№ 16

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

На днях турецкий отряд нечаянно наткнулся недалеко от Битоля на инсургентскую банду под начальством болгарского офицера Николова.

После непродолжительной перестрелки банда скрылась, оставив на месте одного убитого. Турки же не потерпели урона.

Узнав о происшедшем, власти выслали немедленно несколько отрядов для поимки инсургентов, но безуспешно, так как революционный комитет прекрасно организовал разведочную часть и туркам не удастся скрыть от инсургентов движения войск.

Все бывшие до сих пор попытки окружить и поймать банды не удавались, так как инсургенты не собираются более 10 человек вместе и им легко проскочить между надвигающимися на них отрядами.

Хотя революционный комитет⁴ и располагает в Битольском санджаке 2500 селянами, изъявившими согласие принимать участие в восстании, но до поры до времени не желает формировать большие банды и только призывает отдельных личностей для пополнения случающихся при столкновении с войсками потерь убитыми и ранеными.

Кроме этих призываемых, Комитет разрешает вступать в банды только лицам, скомпрометировавшимся перед властями и коим удалось заблаговременно скрыться от ареста. Так, например, недавно возле Ресны был пойман почталцион Комитета с шифрованными письмами. Пока власти старались разобрать письма, шифры, лица, в том числе несколько учителей, коим они были адресованы, будучи предупреждены своими единомышленниками, бежали в горы к инсургентам.

⁴ Вся территория Македонии и Адрианопольского вилайета была разделена ВМОРО на революционные округа и районы. Их возглавляли местные революционные комитеты, подчинявшиеся Центральному комитету ВМОРО. Битольский революционный округ делился на районы: Кичевский, Прилепский, Демир-Хисарский, Битольский, Охридский, Преспанский, Леринский и Костурский.

Насколько население сочувственно относится к инсургентам и старается им помогать, может служить доказательством факт, что неоднократно турецкие солдаты не знали, что они ночевали с инсургентами в одном и том же селе, только на разных концах его.

В числе начальников банд находятся два болгарских офицера Николов и Давидов⁵ (последний считается главнокомандующим), которые с помощью болгарских же унтер-офицеров обходят села и обучают селян обращению с оружием. В банде у Давидова находится один турок мусульманин, преследуемый властями за то, что занимался контрабандным провозом ружей из Греции и продажей их болгарам.

Все здешние банды смело ходят из села в село, так как помимо того, что их всегда заблаговременно извещают о надвигающейся опасности, они уверены, что никто не посмеет их выдать из опасения рано или поздно быть убитым за это по приказанию Комитета. Так, например, узнав во время разбирательства одного политического процесса, что год тому назад некий Дима указал властям, где скрывается банда Патчева, что повлекло за собой уничтожение этой банды, Комитет недавно приказал убить предателя, что и было исполнено среди бела дня на базаре гор. Прилепа, причем полиции удалось поймать только одного убийцу, остальные пять бежали.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростковский

АВПР, Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455а, лл. 11—12 об. Подлинник.

3

1903 г. февраля 1 (14). — Секретное донесение А. Ростковского о подготовке в Битольском вилайете к большому восстанию в апреле текущего года

№ 29

Битоль

| Комитеты думают, что необходимо произвести в апреле большое восстание. В болгарской гимназии ученики под руководством учителей вместо уроков обучаются ружейным приемам, так как они с несколькими учителями гимназии и также со всеми учителями начальных училищ присоединятся к бандам. Комитеты скупают ружья, патроны, приготавливают обмундировку, готовят из слесарей оружейных мастеров для банд, каковые снабжаются

⁵ Члены Верховного македонского комитета в Софии, действовавшие со своими четами в Македонии накануне восстания 1903 г.

машинками для заряжения патронов. Местных инсургентов в Битольском вилайете надеются иметь около трех тысяч, а из Болгарии тоже ожидаются тысячи.

С глубочайшим уважением и пр. Копия сообщена.

АВПР, Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, л. 24. Подлинник (расшифровка).

4

*1903 г. февраля 26. — Донесение консула А. Ростковского
И. А. Зиновьеву о событиях в Охриде*

№ 47

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

На прошлой неделе проходил днем по базару в гор. Охриде богатый болгарин Фортумаров. К нему подошел сзади какой-то редифный солдат и, выстрелив из револьвера в затылок, убил наповал.

Несмотря на присутствие запяты и народа, убийца не был схвачен на месте, а был арестован через несколько дней по приметам, указанным лицами, сопровождавшими Фортумарова.

Все охридские болгары приписали это убийство турецкому комитету, который якобы решил уничтожить всех более или менее выдающихся болгар. Вследствие сего вся община, во главе с митрополитом, отправила телеграмму вали, прося его принять энергические меры для охранения их личностей.

Не ограничившись этим, болгары, под предлогом, что их жизнь ничем не обеспечена, постановили закрыть все лавки и базар. Так как вся торговля находится исключительно в болгарских руках, то город очутился в самом критическом положении. Власти употребили все старания убедить болгар открыть торговлю, но напрасно — они до сих пор не соглашаются на это.

Получив все эти подробности, я счел своим долгом обратиться к Вам с представлением о необходимости произвести строгое расследование этого убийства, коему болгары приписывают политический характер, и тем успокоить как можно скорее общественное мнение.

Вали мне ответил, что он командировал уже в Охрид для производства следствия инспектора правосудия (адлиэ-муфеттиши), христианина Паскаль-эфенди, так как у него есть некоторые данные предполагать, что подстрекателями убийства, совершенного мусульманином, являются болгары противной Фортумарову партии, к коей принадлежит и сам охридский болгарский митрополит Мефодий.

Ввиду такого важного обвинения, взведенного на митрополита, я буду тщательно следить за производством следствия, о результатах коего поспешу донести Вашему высокопревос-

ходительству. Теперь же ограничусь замечанием, что, по имеющимся у меня сведениям, митрополит Мефодий всегда относился очень сочувственно к революционным комитетам и поддерживал с ними самые дружеские отношения; Фортумаров же, кажется, наоборот, противодействовал комитетам.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростковский.

АВПР, Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 39—40 об. Подлинник.

5

1903 г. марта 8. — Донесение А. Ростковского И. А. Зиновьеву о ходе введения реформ в Битольском вилайете

№ 63

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Во исполнение предложенных Россией и Австрией реформ⁶ было амнистировано и выпущено из тюрем Битольского вилайета до 3 марта 506 человек политических преступников, из коих 490 христиан и 16 мусульман.

Несмотря на столь большое число выпущенных, в тюрьмах находится еще довольно много арестованных по обвинению в государственной измене, по крайней мере ко мне ежедневно являются их родственники с просьбою исходатайствовать скорейшее их освобождение.

Ввиду этого я обратился к Вам с просьбою ускорить расследование дел по политическим преступлениям и сообщить мне, когда все арестованные по обвинению в них будут освобождены, чтобы иметь возможность проверить, исполнена ли вполне амнистия или нет.

Что же касается введения других реформ, то в состав полиции гор. Битоли принято 9 христиан греков, пользующихся самой незавидной репутацией. Учреждена также комиссия для выбора и утверждения в должности полевых сторожей из кандидатов, представленных христианскими селами. Комиссия эта состоит из каймакама Битольской казы, полицмейстера, начальника жандармерии, заведующего тапу (дефтери хаккани мемури) и двух членов междлиса казы (одного христианина и одного мусульманина).

Несмотря на то, что христианские села выбрали из своей

⁶ Имеются в виду реформы, к проведению которых вследствие давления России и Австрии, встревоженных положением в Македонии, Турция приступила в начале 1903 г.

среды полевых сторожей, прежние мусульмане не желают оставлять населенных мест и требуют, чтобы вновь выбранные только числились, а они сами *de facto* будут продолжать свою службу и получать прежние доходы.

На мои представления, что власти не дадут хода приносимым христианами жалобам на отказ прежних полевых сторожей мусульман оставить свои места, вали оправдывается тем, что комиссия, будучи только что назначенной, не имела еще возможности разобрать все накопившиеся дела, но что в самом скором времени она примет меры по удалению из христианских сел мусульман-бёкчи.

Я не верю искренности заявления вали, т[ак] к[ак] подозреваю, что турецкие власти нарочно удерживают подольше мусульман в христианских селах, в надежде, что те будут доносить им обо всем, что происходит между христианами.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростковский

АВПР, Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^a, лл. 55—56 об. Подлинник.

6

1903 г. марта 22. — Донесение А. Ростковского И. А. Зиновьеву о сопротивлении мусульман назначению христиан полевыми сторожами

№ 76

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Все здешнее мусульманское население крайне недовольно предписанием, чтобы в христианских селах полевыми сторожами были обязательно христиане.

Помимо прежних бекчи мусульман, лишаящихся средств к существованию, запротестовали против этой меры и мусульмане — собственники христианских деревень, уверяя, что они не доверяют полевым сторожам, выбранным христианами, и потому требуют, чтобы им разрешили выбирать по своему усмотрению бекчи для охранения своей собственности.

Почти что все деревни в Битольском вилайете принадлежат мусульманам, а христиане являются в них только бессрочными арендаторами, обрабатывающими землю с половины урожая, причем хозяин обязан дать дома с необходимыми постройками, а арендаторы обзавестись рабочим скотом и земледельческими орудиями. Такие деревни, в коих жители живут на чужой земле, называются чифтликами в противоположность селам, в коих земля принадлежит самим жителям.

Ссылаясь на то, что земля принадлежит им и что они заинтересованы лично в охране полей от разных потрав, мусульмане — собственники чифтликков, просили вали разрешить им назначить своих полевых сторожей. Прошение мусульман было передано на рассмотрение главного инспектора Хуссейн-Хильми-паши, который предписал, что в чифтликах, принадлежащих одному собственнику, право выбора бекчи принадлежит исключительно хозяину при условии, чтобы он лично платил жалование полевому сторожу, в чифтликах же, принадлежащих нескольким хозяевам, выбор полевых сторожей должен производиться по взаимному соглашению хозяев с чифтчиями (арендаторами).

Хотя закон и разрешает чифтчиям переходить от одного хозяина к другому, в случае если они ничего не должны прежнему, но это почти никогда не практикуется, т[ак] к[ак] чифтчии находятся в неоплатных долгах хозяевам, у которых они заняли деньги для первоначального обзаведения необходимым инвентарем, за каковой заем они с трудом платят одни только проценты, т. е. другими словами находятся в полной кабале у хозяев, так что не может быть и речи о каких-либо добровольных соглашениях чифтчиев с хозяевами для выбора полевого сторожа. Кроме того, это распоряжение Хуссейн-Хильми-паши противоречит опубликованному официально предписанию о порядке выбора полевых сторожей, на основании коего этот выбор предоставляется старосте и совету старейшин села (*au moukhtar et au conseil des anciens*), а не хозяевам чифтликков. Поэтому в разговоре с вали я высказал убеждение, что это новое постановление уничтожит вполне вводимую реформу, т[ак] к[ак] хозяева мусульмане, конечно, будут назначать исключительно мусульман же полевых сторожами и население по-прежнему будет страдать и жаловаться на своих притеснителей.

В ответ на это вали приложил все старания, чтобы рассеять мое опасение, обещая, что хозяева чифтликков будут обязаны выбирать полевых сторожей из числа христиан там, где большинство чифтчии христиане, разве только если сами христиане, будучи довольны своими прежними бекчи мусульманами, будут настаивать на оставлении их на службе.

Зная прекрасно, что христиане добровольно не будут просить о назначении к ним мусульман полевыми сторожами, я заявил вали, что если подобные просьбы к нему и поступают, то можно быть уверенным, что жители это сделали, испугавшись угроз прежних бекчи и давления, оказанного на них хозяевами чифтликков. Поэтому я считаю долгом предупредить его, что я обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбой разрешить мне протестовать и не допускать ни в коем случае назначения мусульман полевыми сторожами в христианские деревни.

Ввиду того, что до меня уже дошли сведения, что во многих деревнях хозяева мусульмане назначили мусульман же бек-

чиями и что жители, по настоянию своих хозяев, местных властей и посланных специально для этого жандармов, подписали просьбы о назначении к ним мусульман, я позволю себе почтительно просить Ваше высокопревосход[ительство] разрешить мне энергично протестовать и не допускать, чтобы турецкие власти по своему обыкновению свели и нынешние вводимые реформы к нулю.

Это мне кажется тем более необходимым, что революционные комитеты обрадовались уже этому и указывают населению на необходимость бороться, т[ак] к[ак] ничего хорошего нельзя ждать от реформ, которые, как и все прежние, останутся только на бумаге без всякого применения к делу, ярким доказательством чего является уже изменение Хуссейн-Хильми-пашою системы назначения бекчи с целью, чтобы все прежние притеснители мусульмане остались на своих местах в качестве полевых сторожей и продолжали, как и раньше, бесчинствовать в христианских селах.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростковский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 70—73. Подлинник.

7

1903 г. апреля 2. — Донесение А. Ростковского И. А. Зиновьеву о попытках турецких властей умалить значение консулов

№ 88

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Желая напугать здешних христиан и отучить их приносить жалобы консулам, турецкая полиция проследила трех селян, шедших ко мне с жалобами, и по выходе их из канцелярии арестовала недалеко от ворот консульства.

Узнав об этом, я послал драгомана потребовать немедленного их освобождения из-под ареста, что и было исполнено, а сам отправился к вали потребовать строжайшего наказания виновного полицейского комиссара, т[ак] к[ак] в противном случае сочту, что это сделано по приказанию самого вали, не желающего давать мне возможности исполнять мои обязанности, о чем не премину принести жалобу на него Вашему высокопревосходительству.

Генерал-губернатор стал уверять меня, что это произошло помимо его ведома и что он посадит на 5—6 дней под арест виновного, а также пришлет в консульство полицмейстера извиняться и обещать, что ничего подобного впредь не будет.

Я удовлетворился этим, хотя сомневаюсь, чтобы власти исполнили свое обещание не арестовывать проходящих ко мне. По всей

вероятности, они это будут делать подалее от консульства, чтобы я не видел.

Слух об арестовании приходивших в консульство быстро распространился по городу, и теперь все обращающиеся ко мне с просьбами опасаются быть тоже арестованными и заблаговременно просят моего заступничества на случай арестования.

Вообще следует заметить, что власти прилагают все свои старания умалить в глазах населения значение консулов. Так, например, по всему городу расставлены теперь пикеты жандармов с постоянными часовыми, коим приказали не отдавать чести проходящим в сопровождении каваса консулам. Итальянский консул как-то на днях высказал вали свое удивление по этому поводу, т[ак] к[ак] везде в Турции принято, чтобы часовые отдавали честь консулам.

Ген[ерал]-губ[ернатор] ответил, что, по соглашению с Хуссейн-Хильми-пашею, решено, чтобы часовые отдавали честь консулам только в том случае, если они будут в полной парадной форме.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростковский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455а, лл. 88—89 об. Подлинник.

8

1903 г. апреля 12. — Из донесения А. Ростковского
И. А. Зиновьеву о стремлении турецких властей
изменить существо предполагаемых реформ

№ 90

Битоль

[...] Ознакомившись с содержанием этого официального сообщения ⁷, я не замедлил обратиться к вали с указанием на полное искажение одобренных султаном реформ; на это вали мне ответил, что не он составлял это сообщение, а получил его от Хуссейн-Хильми-паши с приказанием обнародовать во всеобщее сведение и потому он не может ничего сделать.

Читая этот документ, более всего бросается в глаза старание составителей избежать употребления слова «христианин». Так, говоря о предстоящих новых назначениях на судебные, полицейские и жандармские места, сказано, что на таковые будет выбираться из среды султанских подданных лица, заслуживающие уважения, но о том, что половина должностей представляется христианам, ни полслова. Как видно, это сделано с двойкою целью; во-первых, успокоить мусульман и показать им, что и эти новые реформы не изменят положения дел в стране

⁷ Официально опубликованный в Битоле план предстоящих реформ.

и все останется по-старому, а во-вторых, отбить охоту у христиан добиваться назначений на государственную службу, что дает возможность генерал-губернаторам с главным инспектором во главе уверять консулов, что поневоле приходится назначать мусульман, т[ак] к[ак] нет желающих из числа христиан.

Говоря в общих выражениях о необходимости чиновникам быть справедливыми, никого не притеснять и т. д., турецкие власти не обмолвились ни словом о главном существующем здесь зле, а именно о сборе ашара (десятины урожая). В разговоре с вали я коснулся этого вопроса и спросил его, каким способом будет собираться ашар, сбор коего начнется через два месяца. Вали мне ответил, что никакой перемены в этом реформы не предвидели и потому ашар будет отдаваться по-прежнему на откуп тому, кто предложит высшую цену за каждое село в отдельности. Если же селяне пожелают участвовать на торгах, то, как и прежде, в случае равенства предложенных цен преимущество отдается селянам.

Ввиду того, что селяне никогда не осмеливались и теперь не осмелятся конкурировать с разными бейми и другими разбойниками-мусульманами, избравшими себе специальностью брать на откуп десятинный сбор, то можно заранее предсказать, что все прежние злоупотребления мюльтезимов (откупщиков) нисколько не уменьшатся и население будет по-старому страдать.

Такое положение тем более печально, что члены комитетов не преминут воспользоваться этим, чтобы указать населению на несбыточность русских обещаний, с целью побудить его принять участие в готовящемся восстании против турецкого ига.

В заключение позволю себе указать на то, что в параграфе о полевых сторожах сказано, что населению будут сделаны облегчения для выбора бекчи. В чем будут состоять эти облегчения, — должны ли в христианских селах быть христиане полевыми сторожами или нет, — об этом благоразумно умалчивается. . .

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., 1455^а, лл. 90—92. Подлинник.

9

*1903 г. апреля 12. — Из донесения А. Ростковского
И. А. Зиновьеву о деятельности революционных отрядов
в Македонии*

№ 91

Битоль

[. . .] По имеющимся у меня конфиденциальным сведениям, Сарафов ⁸ в офицерском мундире с бандою в 20 человек обошел села Прилепской, Битольской, Флоринской ⁹ и Касторийской

⁸ Борис Сарафов, офицер болгарской армии, видный член Верховного македонского комитета, одно время его председатель. Активно действовал в Македонии.

⁹ Леринской.

каз, имел свидания со всеми находящимися здесь бандами, которые, за исключением двух банд (Коте¹⁰ и Арсова¹¹), признали его своим главным начальником вместо убитого Давидова. Сарафов приказывал селянам продолжать покупать оружие с целью быть готовыми восстать по первому его приказанию, но когда именно произойдет восстание, не сказал[...].

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 95 об.— 96. Подлинник.

10

*1903 г. апреля 16. — Донесение А. Ростковского
И. А. Зиновьеву о неспособности турецких властей
справиться с революционными отрядами*

№ 95

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Турецкие власти, получив известие, что в селе Лесковец, недалеко от гор. Флорины¹², появилась инсургентская банда под начальством Танае, послали туда войска. Несмотря на то, что солдат было около трехсот человек с двумя горными орудиями, а также несколько сот башибузуков, турки, окружив это небольшое село, состоящее всего только из 30 домов, не рискнули атаковать 16 инсургентов, засевших в одном из домов, и простояли в бездействии целый день. С наступлением вечера подошла на помощь осажденным другая банда под начальством Дмитрия Влаха¹³, подкреплённая селянами из соседних сел и, сделав диверсию, помогла осажденным безнаказанно удалиться в горы.

Эти неоднократные неудачи турок сильно подняли престиж инсургентов в глазах населения, а также доказали полную неспособность турецких войск справиться с восстанием. Нынешнее положение дел тем более печально, что турецкие власти, озлобленные своею неудачею, вымещают свою злобу на жителях тех сел, из коих они сами по своей бездарности выпустили инсургентов, арестовывая и сажая их массами в тюрьму по обвинению в содействии революционерам.

Такое поведение властей озлобляет население, не принимавшее еще участия в движении, и наглядно им показывает, что только взявшиеся за оружие пользуются безнаказанностью.

¹⁰ Главарь четы, действовавшей в Костурском районе без тесного контакта с ВМОРО.

¹¹ Арсов Славейко — руководитель (воевода) Ресенского революционного района.

¹² Гор. Лерин.

¹³ Популярный воевода ВМОРО Митре Пенчаре, широко известный под именем Димитра Влаха.

Здесьняя тюрьма переполнена арестованными по политическим делам, которые еще не допрошены, так как наличный состав судебных следователей недостаточен и не справляется с непосильной ему работой. Крайне необходимо увеличить их состав, чтобы невинные не томились напрасно по целым месяцам в тюрьме.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростковский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 101—102. Подлинник.

11

1903 г. апреля 19. — Из донесения А. Ростковского И. А. Зиновьеву о неспособности турецкой администрации поддерживать порядок в вилайете

№ 97

Битоля

[...] Но и тут¹⁴ турки показывают свою полную неспособность справиться с этой задачей. Пока местное христианское население было запугано и не осмеливалось противостоять туркам, дела еще шли кое-как и находились среди христиан предатели, теперь же комитетам удалось, с одной стороны, искоренить предательство, а с другой — внушить населению смелость [...]

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, л. 104. Подлинник.

12

1903 г. мая 14. — Донесение А. Ростковского И. А. Зиновьеву о деятельности католических священников

№ 125

Битоля

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Здесьние французские католические священники, а также, как говорят, и австрийский консул, советуют болгарам принять унию, обещая в таком случае полное свое покровительство. Лазаристы громогласно заявляют, что в случае повторения в Битоли резни их духовная миссия и католические консульства откроют свои двери и предоставят убежище только принявшим унию, которые вместе с тем перестанут быть подозрительными в глазах турецких властей.

Эта последняя перспектива соблазнила двух болгар, находящихся в тюрьме, у коих при обыске найдены были патроны, и

¹⁴ Имеется в виду расследование и предупреждение политических преступлений.

они подали заявление вали, что желают принять унию. Болгарский митрополит, узнав об этом, прилагает все свои старания, чтобы подавшие заявления не были освобождены, так как это может соблазнить и других переходить в унию.

Кроме того, высокопреосвященный Григорий обратился к экзарху с просьбою прислать ему денег для оказания помощи нуждающимся, число коих ежедневно увеличивается вследствие застоя дел. Не имея никакой работы, и взрослые здоровые мужчины вынуждены вымалывать себе пропитание. Местные источники для оказания помощи бедным уже иссякли, и потому митрополит вынужден обратиться за содействием к экзарху, опасаясь, что в противном случае католические священники воспользуются безвыходным положением жителей для цели своей пропаганды.

Сообщив мне об этом, митрополит просил меня донести о сем Вашему высокопревосходительству и ходатайствовать перед вали о побуждении экзарха исполнить его просьбу оказать материальное содействие. Со своей стороны позволю себе удостоверить действительно существующую здесь нужду и необходимость прийти на помощь.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростковский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г. д. 1455^а, лл. 137—138. Подлинник.

*1903 г. мая 19. — Донесение А. Ростковского
И. А. Зиновьеву о бесчинствах турецких солдат*

№ 132

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Турецкие отряды постоянно рассылаются по деревням с целью преследовать инсургентов, которые, будучи всегда заблаговременно предупреждены, избегают встреч с войсками.

Не находя инсургентов, турки вымещают свою злобу на селянах, которых бьют, грабят и вообще бесчинствуют по селам.

Чуть не ежедневно я сообщаю вали, что в таком-то селе турецкий отряд бесчинствовал, грабил и, уходя, побоями добился от селян расписки в получении денег за все взятое для продовольствия.

Вали всякий раз обещает расследовать дело, наказать виновных, но редко сдерживает свое обещание. На днях в близлежащее село Смилево явился отряд в 150 солдат под начальством офицера (мулязима Малик Мехмеда) и несмотря на то, что в селе находится мудир, в его присутствии солдаты били прикладами всех

попадавшихся им навстречу, затем, войдя в школу, помещающуюся в прежней церкви, уничтожили все учебные принадлежности и поломали иконы.

С глубочайшим почтением и такового же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростковский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 151—152. Подлинник.

14

1903 г. мая 24. — Из донесения А. Ростковского

И. А. Зиновьеву о финансовом положении Битольского вилайета

№ 141

Битоль

[...] Разосланные по деревням сборщики податей разъезжают по стране с копьём в 40—50 солдат, бьют страшно селян, домогаясь уплаты налогов, а сопровождающие их солдаты пьют, едят и кормят лошадей на счет деревни, которую уже раньше неоднократно обирали то банды инсургентов, то отряды турок, посланных в погоню за революционерами, так что все здешние села разорены и жители доведены до нищенства. Я уже не раз указывал вали на необходимость пощадить население и не выколачивать с него податей, которых оно не может теперь уплатить, т[ак] к[ак] не имеет даже куска хлеба, а потому следует подождать сбора урожая. Вали обещал наказать некоторых сборщиков податей, отличавшихся особенною жестокостью, но прекратить временно сбор налогов он не в состоянии ввиду громадных расходов по содержанию мобилизованных, редифных батальонов.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., ю. 1455^а, лл. 164 об.—165. Подлинник.

15

1903 г. июня 4. — Донесение А. Ростковского

И. А. Зиновьеву об упорном стремлении турецких властей избежать назначения христиан в жандармерию и полевыми сторожами

№ 152

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Как я неоднократно доносил вашему высокопревосходительству, здешние власти прилагают все свои старания, чтобы не приводить в исполнение истребованных у Турции реформ для Македонии. Несмотря на постановление, что половина жандармов в Битольском вилайете должны быть христиане, т. е. 1300 человек, таковых до сих пор принято только 14 албанцев-христиан и 15 греков.

Что же касается полевых сторожей, то, благодаря постоянным моим напоминаниям, вали разослал нам список 33 христианских сел Прилепской казы, в коих бекчи христиане. Между тем по проверке оказалось, что в 15 из них de facto полевыми сторожами состоят мусульмане, а христиане только числятся, но обязанностей не исполняют. Кроме того, в других 37 христианских селах Прилепской казы, не помещенных в списках вали, полевыми сторожами официально числятся мусульмане. Таким образом, в Прилепской казе в 52 христианских селах бекчи мусульмане и только в 18 христиане. В Охридской казе дело обстоит еще хуже, так как только в 3-х селах бекчи христиане. В Кырчовской и Флоринской казах громадное большинство сел имеет мусульман полевыми сторожами. В Битольской казе, на глазах у самого вали, в 35 христианских селах тоже бекчи мусульмане. Вследствие всего этого я совместно с австрийским консулом обратился с энергичным протестом к вали, коему передали список христианских сел, имеющих до сих пор бекчи мусульман, и требовали немедленной замены их христианами. При этом, указав на обман Прилепского каймакама, записавшего в 15 селах полевыми сторожами христиан, тогда как эти обязанности исполняют мусульмане, мы настаивали на необходимости для вали честно исполнить принятые на себя Турцией обязательства.

С этой целью прежде всего следует дать христианам бекчи право носить оружие, т[ак] к[ак] в противном случае сами селяне принуждены будут для охраны своих полей нанимать негласно мусульман, коим поголовно разрешается ношение оружия, а безоружные христиане бекчи будут только служить для отвода глаз консулам. Вали ответил, что он расследует дело по представленному нами списку христианских сел с именами бекчи мусульман и предпишет о замене их христианами. Что же касается разрешения бекчи христианам носить оружие, то он будто уже сам запрашивал по этому поводу Хуссейн-Хильми-пашу, но до сих пор не имеет ответа. Ввиду того, что вали постоянно только обещает исполнить наши требования, а в сущности ничего не делает, причем обманывает, говоря, что дело еще окончательно не расследовано, я уверен, что и на этот раз он постарается всеми возможными средствами избежать необходимости дать ход нашим представлениям, находящимся в противоречии с его фанатической ненавистью ко всему христианству.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

А. Ростовский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 177—178 об. Подлинник.

1903 г., июня 9. — Из донесения А. Ростковского
И. А. Зиновьеву об успехах католической пропаганды

№ 156

Битоля

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Католическая пропаганда продолжает делать успехи среди болгар. В одном только городе Битоли 17 семейств подписали заявление о желании принять унию. Начальник здешней католической миссии не передал еще генерал-губернатору прошения о признании в городе униатской общины, т[ак] к[ак] для этого по закону необходимо, чтобы не менее 20 домохозяев входило в ее состав, поэтому он и старается подыскать среди горожан недостающих еще 3 домохозяев и затем требовать у турецких властей официального признания существования в Битоли униатов. Но движение среди болгар в пользу перехода в унию не ограничивается одним городом Битоли, а распространяется и по селам: слухи ходят, что уже 200 семейств, среди которых 45 признающих патриархию, согласны сделаться униатами. Французский консул уверял меня, что он ежедневно получает прошения о принятии в унию, которые передает начальнику французских лазаристов; по словам Г. Готье, он получил заявления не только отдельных лиц, но даже целые села изъявили желание сделаться униатами[...]

[...] католические священники стараются всеми силами поддержать среди населения идею, что всякий униат пользуется официальным покровительством в лице французского консула и поэтому он избавляется от произвола местных властей[...]

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^a, лл. 183, 184. Подлинник.

17

1903 г. июля 23. — Из донесения А. Ростковского
И. А. Зиновьеву о ходе восстания в Битольском вилайете

№ 181

Битоля

[...] Все население с трепетом ждало 20 июля, которое, однако, прошло спокойно, но в ночь на 21-е инсургенты перерезали все телеграфные провода, как правительственные, так и железнодорожные, и банды напали на мусульманские села Лера, Доленци, Прибильцы, жители коих пользовались всегда самой дурной репутацией. Нападения эти не увенчались особенным успехом [...]

За несколько дней до 20 июля масса молодежи, как городской, так и сельской, бежало в горы и присоединилось к бандам [...]

Дороги шоссейные разрушены, мосты взорваны, и инсургенты не позволяют проезжать. Многие ханы на дорогах сожжены, а также сообщают о многочисленных пожарах по селам, горят дома мусульман-землевладельцев. Город Крушево, исключительно христианский, занят инсургентами; находившиеся там солдаты, потеряв многих убитых, ушли. Вообще мелкие отряды, опасаясь быть перебитыми четами, стягиваются к Битоли. Город Ресна тоже подвергся нападению, но инсургенты были отбиты. Вали послал большие отряды в Крушево и Ресну. Железная дорога еще продолжает работать, т[ак] к[ак] удастся быстро исправлять испорченное. Железнодорожный телеграф не работает, ибо каждую ночь портится, несмотря на то, что многое тщательно охраняется солдатами [. . .]

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 219 об., 220—220 об. Подлинник.

18

1903 г. августа 10. — Из донесения русского консула в Битоли Н. Козманского И. А. Зиновьеву о спаде интенсивности восстания

№ 191

Битоля

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Общий подъем революционного движения в нашем вилайете, обнаружившийся в ночь с 20 на 21 июля и выразившийся в нападении инсургентских банд на мусульманские села, отдельные чифтлики и кулэ в окрестностях Битоля и в поджиганиях стогов сена и хлеба, продержался в относительной интенсивности лишь столько, сколько нужно было времени туркам для достаточного сосредоточения войск, с помощью коих было приступлено к подавлению восстания [. . .]

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, л. 228—228 об. Подлинник.

19

1903 г. августа 13. — Из донесения Н. Козманского И. А. Зиновьеву о вымещении турецкими войсками своих неудач на мирном населении

№ 194

Битоля

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Из разных мест Битоляского вилайета ежедневно приходят известия о столкновениях турецких войск с повстанцами, причем обстановка дела почти всегда одна и та же: инсургенты, с увеличением турецких сил, стараются избегать открытых встреч с неприятелем и вступают в сражение обыкновенно лишь, когда

бывают застигнуты врасплох или обнаружены турками благодаря предательству; в таких случаях их цель скрыться в горы, не оказывая серьезного сопротивления войскам, что им и удается с потерей нескольких человек убитыми, раненых же они уносят с собою. Турки, разъяренные всякий раз безрезультатностью стычек, в коих они подавляют противника своего численностью и вооружением (власти поспешили известить консульства, что в одной из стычек была взята у инсургентов пушка из черешневого дерева, сколоченная обручами — и против такого врага они употребляют новейшие крупновские орудия), набрасываются на встречные христианские села и дают волю своему неистовству, вымещая на них свои неудачи. Затем власти извещают консульства о происшедшем, причем в их версии оказывается, что село разрушено и спалено инсургентскими бомбами, жертвами коих пало и много христианских жителей; удивительно, что при этом турки не несут почти никогда потерь [. . .]

[. . .] Одновременно с бесчинствами войск, подавляющих восстание, начинают проявляться отдельные случаи убийств христиан, совершаемых при мирной обстановке [. . .]

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 232—233 об. Подлинник.

1903 г. августа 23. — Донесение Н. Кохманского И. А. Зиновьеву о спаде восстания

№ 201

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Инсургентское движение в нашем вилайете заметно ослабеваает под напором громадного количества стянутых сюда турецких войск.

Революционные банды, старающиеся избегать открытых столкновений со значительно их сильнейшим неприятелем, тем не менее почти повсеместно обнаруживаются турками при тщательном обыскивании ими гор и лесов, причем, по принятой турками тактике, два отряда направляются с противоположных сторон навстречу друг другу; вовлеченные поневоле в сражение, повстанцы терпят полное поражение и несут огромные потери убитыми, ранеными, а в последнее время также и пленными. В стычках на холмах в районе сел Николец, Лобойка и Братучино, например, погибло, по показаниям турок, 6 начальников банд и один взят живым.

Селяне, которые громадными массами присоединялись к инсургентам после объявления 20 июля общего восстания и во мно-

гих местах покинули свои деревни, видят теперь бессилие четников и весь вред дальнейшего сопротивления турецким войскам, а потому, разуверившись в обещаниях революционного комитета в самом скором времени доставить им свободу, начинают возвращаться в свои села и приносят повинную, полагаясь на милость турецкого правительства на основании последних официальных прокламаций. Турки, по-видимому, понимают всю выгоду для них такого оборота дела и ввиду этого пока, кажется, еще не злоупотребляют своей властью над сдавшимися христианами, а это, вероятно, склонит и остальных бежавших в горы возвратиться назад в села. Так, в одной Клиссурской нахии до 16 августа около 500 мужчин, женщин и детей, найденные в горах, водворены в гор. Клиссура и содержатся там за счет турецких властей; в Пресбу¹⁵ приведены 30—40 семей, найденных в окрестностях села Николец.

Возвращение этих расквашивающихся селян в их села встречает, однако, большое затруднение, т[ак] к[ак] в большинстве случаев они находят свои жилища разрушенными, сожженными и совершенно разграбленными. Главный инспектор сам этим вопросом сильно озабочен, тем более что не отрицает, что «иногда» подобные разрушения были делом рук турецких солдат и башибузуков, а потому он старается так или иначе облегчить судьбу добровольно возвращающихся с гор селян.

Хильми-паша даже высказал мне свою идею поселить сдающихся крестьян на время беспорядков в местах более безопасных или высылать их в Салоники, но такая мера была бы принята всеми с тревогою и недоверием, тем более что распространился слух, будто бы турецкое правительство задумывает колонизировать македонские вилайеты мусульманским элементом.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Н. Кохманский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^a, лл. 243—244 об. Подлинник.

21

1903 г. августа 23. — Из донесения Н. Кохманского И. А. Зиновьеву о стремлении турецких властей не допускать крестьян в европейские консульства

№ 202

Битоль

[. . .] За последнее время замечено, что селяне совершенно перестали приходить в консульства, коим они привыкли поверять свои скорби и нужды. Хотя их вообще мало приходит ныне в город, т[ак] к[ак], как утверждают, им не разрешают выходить

¹⁵ Так в подлиннике (вместо Преспа).

в большом количестве из сел, но все же к Хильми-паше являются те или другие депутаты от селян из разных концов вилайета, представляющие им прошения, к нам же после этого никто не заходит, как бывало всегда прежде. Это заставляет думать, что полиция быстро выпроваживает из города просителей и закрывает им доступ в консульство; сам Хильми-паша, как мне передавали, выразил, что раз он взялся за устройство дел селян, то какая нужда им еще обращаться в консульство.

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, л. 246 об. Подлинник.

22

1903 г. августа 30. — Донесение Н. Козманского И. А. Зиновьеву о положении христианского населения Битольского вилайета

№ 206

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Имею честь представить при сем на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства список сожженных христианских сел Битольского вилайета ¹⁶ за время общего восстания, объявленного в нашем вилайете 20 мин. июля, насколько его возможно было составить с достаточною достоверностью по официальным турецким частным источникам.

Из числа спаленных 98 сел, кои в среднем имели каждое по 100 дворов, большинство уничтожены совершенно; например, от Смилева Битольской казы, имевшего около 300 домов, не осталось целым ни одной хижины. Громадное число селян, бежавших в страхе перед турецкими войсками в леса и горы, ныне возвращаются в свои деревни, где находят одни пепелища; лишенные крова и ограбленные крестьяне приводятся в ближайшие административные пункты, где они содержатся за счет правительства. С каждым днем число возвращающихся с бегства христиан, преимущественно женщин с детьми, увеличивается. Конечно, турецкие власти не могут дать всем крова, а потому держат селян погорельцев под открытым небом, что в настоящее время еще терпимо, но через 1½ месяца наступает холодное время, а перемена в положении этих несчастных крестьян не предвидится.

Я представлял главному инспектору о необходимости теперь же и как можно энергичнее озаботиться о судьбе жителей тех сел, которые были сожжены во время столкновений войск с инсургентами, причем сами селяне, не принимавшие участия в революционном движении, оказывались лишенными всего достоинства и крова; в еще более тяжелом положении находятся женщины

¹⁶ В деле хранится поименный список пострадавших сел.

в тех селах, где все мужчины примкнули к повстанцам, покинув свои семейства на произвол турецких солдат и башибузуков — обремененные малыми детьми, не имея более жилищ, ни пищи — они разыскиваются в таком состоянии в лесах турками и сгоняются затем к городам, где и пребывают как бы в лагерях.

Ставя на вид Хильми-паше, что, без специальных существенных забот его об этих несчастных, к зиме произойдут новые ужасные бедствия, которые падут на ответственность турецкого правительства, я спросил его, какие меры думает он принять, но он ничего определенного ответить мне не мог, сказав только, что надо сначала, чтобы мужчины сдались и принялись за работу, обещая, что им будет доставлен материал от правительства; он проектирует еще расселять жителей погоревших сел в соседних селениях. На это я заметил, что нельзя требовать от женщин, чтобы они влияли на своих мужей и сыновей, т[ак] к[ак] они сами брошены на произвол судьбы, поэтому забота об их устройстве на зимнее время не должна стоять в зависимости от сдачи мужчин, присоединившихся к повстанцам. Да и откуда власти возьмут достаточное количество материала на сотню уничтоженных сел, если не будет специальных заготовок, о чем ничего не слышно.

Что Хильми-паша склонен взыскивать и с женщин и детей, свидетельствует тот факт, что он не хотел допустить в город шедших сюда женщин из погибшего села Смилева в количестве 500 человек, хотя они намеревались поселиться в домах своих родных и знакомых (смилевцы имеют в Битоле более ста собственных домов). Хильми-паша требовал, чтобы сначала мужчины, скрывшиеся из Смилева, вернулись, и тогда он озаботится об их судьбе, и даже выразился про смилевских женщин, что он не может увеличивать в городе опасного элемента. Я протестовал против такого заключения Хильми-паши и настаивал, что никто не в праве запретить этим женщинам вход в город, раз они имеют сами, где остановиться, и ничего не просят от турецких властей; опасности же от женщин, конечно, никому представиться не может. После трехдневного пребывания в виду города под открытым небом все женщины и дети были, наконец, впущены в Битоль.

Стычки войск с инсургентскими бандами продолжаются, причем повстанцы несут постоянно большие потери. Неуспех революционного движения и неоправдавшиеся надежды на вмешательство Европы все более побуждают приверженцев восстания сдаваться на милость турецких властей. Хильми-паша прощает всех добровольно несущих повинную¹⁷; один предводитель банды,

¹⁷ Это утверждение опровергается самим консулом в его донесении от 3 сентября 1903 г. (№ 209), где он пишет: «К сожалению, несмотря на распространенные Хильми-пашою прокламации, призывающие селян выдавать оружие и возвращаться по своим домам без опасения преследования со стороны властей, христиане, вопреки обещаниям, часто подвергаются наси-

скрывавшийся в Битоли после того, как его отряд был рассеян, по совету консула лично явился в конак и был выпущен на свободу.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Н. Кохманский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 247—249. Подлинник.

23

1903 г. октября 11. — Из донесения Н. Кохманского И. А. Зиновьеву о прекращении восстания

№ 245

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Ныне можно с уверенностью утверждать, что восстание в нашем вилайете окончательно потухло. Деятельность повстанческого главного штаба, пребывавшего в последнее время на горах Демир-Хиссарской нахии, прекратилась, члены его разошлись, причем Сарафов, пробираясь на юг, едва не попал в засаду, подстроенную турками, но ему удалось спастись; четы распущены самими главарями революции, и почти все население, бывшее в горах, уже вернулось на свои разоренные пепелища; единственное затруднение, представляющееся для селян, сдающих властям, это требование последних выдать оружие — помимо того, что не у всех бежавших в горы было оружие, даже бывшие четники не могут приносить с собою имевшиеся в их руках ружья, т[ак] к[ак] предводители перед роспуском чет их собирают, чему селяне воспрепятствоваться не смеют[. . .]

[. . .] Фактическое усмирение восстания, однако, несколько не улучшило положения христианского сельского населения. Кроме вопиющих насилий над ним не видящих преграды своему зверскому своеволию солдат, сопровождающихся грабежами, уводом скота и убийствами, причем во всех этих бесчинствах принимают самое горячее участие башибузуки, открыто сопровождающие войска, которые в случае обнаружения их консулами среди солдат выдаются властями за проводников отрядов по гористой местности. Кроме всех этих ужасных бедствий христиан, перечислить кои нет возможности, ныне положение их только еще более усложнилось вследствие того, что на сцене появились члены гражданской турецкой администрации.

лиям при конфискации добровольно выдаваемых ими ружей, а 8 селян из Златари, пришедших с гор к ресенскому мудиру и сдавшиеся ему, при водворении их в село были по дороге перебиты» (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, л. 256. Подлинник).

Принимать сдающихся на милость правительства бывших повстанцев в провинции поручено местным каймакамам и мудирам, которые поняли свою власть в том смысле, что христианское население выдано им головою для подобающей над ним экзекуции.

Эти чиновники, продолжая разыскивать по селам спрятанное оружие, в таком громадном количестве выданное уже крестьянами туркам¹⁸, обходят свои округа с отрядами войска и не только являются хладнокровными свидетелями чинимых солдатами зверств, но часто их поощряют и даже являются их инициаторами[. . .]

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 299—301. Подлинник.

24

1903 г. октября 18. — Донесение Н. Кожманского И. А. Зиновьеву о крайне тяжелом положении христианского населения Битольского вилайета

№ 247

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Положение христианского населения вилайета продолжает быть крайне тяжелым, несмотря на то, что восстание прекратилось и сражений больше не происходит, если не считать преследования войсками Чакаларова¹⁹, находящегося в пределах Касторийского округа, где еще случаются незначительные стычки.

Зато отряды войск бродят без всякой надобности по мирной уже ныне стране и под видом розыска скрываемого якобы селянами оружия творят повсеместно страшные насилия и грабят решительно все, что находят под руками, в особенности съестное, причем режут сельский скот, как им только заблагорассудится, конечно не уплачивая за него владельцам ни гроша. Мало-мальски не предупредительное отношение к таким насилиям со стороны христиан, осмеливающихся иногда протестовать или пробующих защищать свое имущество от грабителей, наказывается последними яростными побоями, достаемыми даже на долю женщин и детей.

Все это происходит в присутствии офицеров, а иногда и представителей местной гражданской администрации и очень часто при горячем участии толпы никому не подчиняющихся башибузуклов из соседних мусульманских сел, глядящих на приход в христианскую деревню отряда солдат, как на благоприятный момент для безопасного грабежа под прикрытием турецкого оружия.

¹⁸ На 27 сентября 1903 г. повстанцами было сдано и потеряно в сражениях более 2000 ружей (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, л. 275. Подлинник).

¹⁹ Один из видных деятелей Костурского революционного района.

Единичные случаи убийств христиан по дорогам и в полях также повторяются нередко и совершаются не только частными лицами из мусульман, но весьма часто жандармами или солдатами, коим поручается конвоировать арестованных, над этими же вверенными их охране арестантами.

Кроме того, нередко совершаются массовые избиения желающих сдаваться четников, рассчитывающих на добросовестное исполнение турками обещаний амнистировать всех сдающихся; в этих случаях власти чувствуют себя неуязвимыми и всегда отвечают на протесты консулов, что убитые пали в настоящем сражении, а не изменнически застрелены.

Австрийский консул и я не перестаем представлять главному инспектору о каждом случае в отдельности, но несмотря на видимые меры подавления подобных бесчинств, принимаемые Хильми-пашею, улучшения положения в вилайете совершенно не замечается: нет сомнения, что против насилий солдат гражданские власти бессильны, военные же бездействуют по попустительству ли или из страха перед возмущением недисциплинированных солдат, если к ним станут применять строгие меры. Даже полевой суд всеми силами старается обелять подсудимых солдат и офицеров: никто до сих пор не обвинялся ни в убийстве, ни в поджогах, а за насилия и грабежи виновные приговариваются к 3—5-месячному тюремному заключению, о чем власти затем извещают консульства. Наряду с таким отношением полевого суда к подсудимым из военных особенно ярко выдается злобное действие чрезвычайного безапелляционного суда над христианским населением, замешанным в восстанческом движении: тут достаточно свидетельского показания турка, даже не проверяемого контропоказанием христианина, чтобы подсудимые были приговорены к 10—15-летней каторге и ссылке.

Подобной каре подвергаются часто невиноватые селяне, бежавшие в горы из страха перед войсками и обвиненные солдатами в враждебных действиях, чтобы оправдать их жестокое обращение с ними, а с другой стороны, сдающиеся в Битоли заведомо участвовавшие в повстанческих бандах и даже предводители их, за искренность намерений коих никак нельзя поручиться, амнистируются в силу официальных правительственных объявлений.

Такое положение вещей производит здесь весьма тягостное чувство внутреннего неудовольствия, а потому крайне необходимо для успокоения тревожащегося за свою безопасность от турецкого суда христианского населения, чтобы хотя бы наиболее возмутительные процессы были пересмотрены и условие безапелляционного суда признано несуществовавшим, если не будет объявлена общая амнистия.

Но едва ли не больше всего терпит в настоящее время население от неослабного розыска оружия по селам, причем, как это происходило еще весною при бывшем вали, так и теперь отряды войск,

часто в сопровождении каймакамов и мудиров, истязают селян немилосердными побоями всех, подвергивающихся им под руку; кроме того, власти неизменно требуют от возвращающихся с гор по селам христиан выдачи ружей, не сообразуясь с тем, что большинство скрывалось от турецких зверств и никакого оружия не имело, в противном случае их предают суду и приговаривают к высылке.

Принимая во внимание, что со своей стороны предводители банд прибегают даже к террору, чтобы не позволять распускаемым четникам брать с собою оружие, приходится признать положение этих несчастных безвыходным. Часто от одного и того же села разные отряды солдат требуют ружей по несколько раз, т[ак] к[ак] при отобрании оружия до сих пор никаких свидетельств не выдавалось, а немогущих исполнить этого требования селян уводят в тюрьму.

После того как турки, по объявлению самих властей, собрали по селам более 3000 ружей, пора было бы прекратить подобное усердное преследование мирного населения, дающего простор безграничной разнузданности военного элемента и отражающегося на селянах такими муками, коим не предвидится конца.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Н. Кохманский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 304—307. Подлинник.

1903 г. октября 25. — Донесение Н. Кохманского И. А. Зиновьеву о материальных потерях христианского населения Битольского вилайета

№ 253

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Во исполнение предписания вашего высокопревосходительства имею честь представить при сем список пострадавших за время восстания в нашем вилайете сел ²⁰, насколько его возможно было составить с полною достоверностью по проведенным частным сведениям, периодически записываемым со слов самих селян. Общее число сожженных домов должно определить круглой цифрой 8000, т[ак] к[ак] в список внесено 4 села, точные повреждения в коих в настоящее время не удалось выяснить; цифра эта тем более отвечает истине, что сами турки признают ее за наиболее точную.

²⁰ Список сел хранится в деле.

Вместе с сим беру на себя смелость определить среднюю стоимость понесенных христианским населением убытков на основании оценки вполне компетентных лиц, знакомых с особенностями отдельных округов вилайета.

В Касторийской казе, наиболее состоятельной до последнего времени, каждый погибший дом с утварью должен быть оценен в среднем, по скромному расчету, в 60 лир, что за все 2500 домов составляет 150 тыс. лир; в остальных округах средний дом оценивается в 25 лир, а все сожженные (5500) — в 137 500 лир. Т[ак] к[ак] сельские училища обыкновенно помещаются в деревенском доме, то оценка этой статьи убытков должна быть сообразована со стоимостью сельского дома; только училищное здание в с. Смилево, представлявшее собою двухэтажный каменный дом, оценивается не менее 100 лир; таким образом, средняя стоимость 14 училищ в Касторийской казе определится в 840 лир, а 11 в других казах в 275 лир; итого восстановление всех 26 училищ потребует по средним выводам 1215 лир.

Сообразно с оценкою домов в Касторийской и остальных казах, должна определяться стоимость и разрушенных церквей, к коим должно присоединить и богатую церковь в Смилеве, выражается в 500 лир каждая, а всего 3000 л.; остальные 10 церквей, по средней оценке в 250 л. каждая, потребуются 2500 л.; итого общая сумма, нужная на восстановление 26 погибших церквей, выражается в 5500 лир. Отдельно стоит монастырь Всех святых в Охридской казе, преданный пламени со всеми постройками и службами, на приблизительное восстановление коего потребуются не менее 600 лир.

В заключение осмеливаюсь указать на несоответствие определенного турецкими властями вспомоществования пострадавшему от турецких войск и башибузуков христианскому населению с его действительными нуждами. Власти постановили выдавать по 15 пиастров в месяц всем старикам от 60 лет, женщинам и детям до 16 лет в течение 4 месяцев. Однако для селян, лишенных нынешнего урожая, спаленного в полях, скота, угнанного турками, и т. п. 15 пиастр недостаточно для месячного пропитания, принимая во внимание сильно поднявшуюся дороговизну жизни под влиянием последних событий; помимо этого, совершенно произвольно назначен срок раздачи вспомоществования на 4 месяца, т. е. кончая серединою февраля, когда здесь еще полная зима и все та же голодная нужда будет по крайней мере до середины апреля. Ввиду вышесказанного было бы более соответствующим назначить пособие не менее как по 20 пиастр ежемесячно старикам, женщинам и детям (т. е. приблизительно $\frac{2}{3}$ общего числа пострадавших) и непременно на полгода; таким образом, считая в среднем всего не менее 7 душ на каждый из 8 тыс. домов, определится, что выдаче вспомоществования подлежат около 30 тыс. душ по 20 пиастров на 6 месяцев: итак, потребная на вспомоществование населению сумма выражается в 36 тыс. лир.

На основании вышеизложенного на исполнение турецким правительством поставленных Россией и Австро-Венгрией требований для Битольского вилайета требуется:

На восстановление сожженных домов	187 500 л.
» » училищ	1 215 л.
» » церквей	5 500 л.
» » монастырей	600 л.
На вспомоществование населению	36 000 л.

Итого 230 815 л.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Н. Кохманский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 310—312. Подлинник.

1903 г. октября 29. — Из донесения Н. Кохманского И. А. Зиновьеву о непрекращающихся насилиях турок

№ 254

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Положение в нашем крае нисколько не улучшается. Солдаты большими отрядами продолжают бродить по селам все под прежним предлогом разыскивания оружия и истязать население яростными побоями; только грабеж и насилия принимают новый характер сообразно со временем года: насколько ранее опустошались поля, огороды и виноградники, настолько теперь, с наступлением холодов, солдаты силою и побоями заставляют селян давать себе дров и угля, составляющих в настоящем сезоне единственный источник доходов сельского населения; доставляющего топливо в город; если солдаты не находят готового материала для костров, они начинают разрушать сараи и ханы, разламывать их на дрова. Кроме того, они силою взыскивают с селян деньги, причем, смотря по зажиточности, отнимают у них до 7 лир с человека. Впрочем, солдаты не всегда сообразуются, конечно, с зажиточностью населения и отнимают даже у совсем обездоленных под влиянием последних событий крестьян вещи, раздаваемые ныне им от разных интернациональных благотворительных обществ; так, в Охридской казе американский агент снабжает пострадавшее население теплым платьем и одеяниями, которые немедленно же отбираются проходящими через данное село солдатами.

Центральные вилайетские власти, несмотря на периодические представления им от консульств каждого факта насилия и бесчинств турок по отношению к христианскому населению, действуют крайне слабо и с явным нежеланием предпринять что-либо серьезное: принимаемые ими для вида меры ограничиваются обращением по данному вопросу с запросом к соответствующей провинциальной власти, которая неминуемо объявляет самый факт неверно переданным, а в их версии оказывается, что во всем виноваты сами христиане. Да и как им отвечать иначе, когда административные правительственные агенты часто сами присутствуют при совершаемых солдатами и башибузуками безобразиях и если не участвуют в них лично, то явно им сочувствуют, а обращающимся к ним за защитой селянам угрожают еще большими насилиями, если они осмелятся подымать протестующий голос [. . .]

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 316—317. Подлинник.

27

*1903 г. ноября 22. — Донесение Н. Козманского И. А. Зиновьеву
об эпидемии натуральной оспы в вилайете*

№ 265

Битоль

Милостивый государь Иван Алексеевич!

С наступлением холодов стали приходиться из разных мест вилайета известия о появлении среди населения эпидемии натуральной оспы. Под влиянием голодовки, обнищания и лишения жителей во многих случаях даже крова болезнь распространяется с значительной быстротой и принимает угрожающие размеры, а ныне появилась и в самом Битоли в разных частях города, среди войск и горожан.

Турецкие власти совершенно не способны самостоятельно предпринять какие бы то ни было меры для борьбы с упомянутой заразной болезнью и совершенно к этому не подготовлены, так что пораженные оспою предоставлены по селам свободному течению болезни без медицинской помощи, а здоровые еще ничем не гарантированы от заразы, т[ак] к[ак] о каких-либо предохранительных прививках здесь нельзя и мечтать, оспопрививательной же лимфы нельзя найти даже в Битоли.

Такое положение вещей заставляет сильно опасаться большой смертности населения в нашем вилайете, обнищалою, недоедающего и мерзнущего; зима собственно еще не начиналась, и с наступлением обычной здесь стужи следует ожидать развития и иных эпидемий²¹. Пресловутое турецкое восстановление домов, под-

²¹ Прогнозы консула, к сожалению, оправдались. В донесении от 21 декабря 1903 г. (№ 290) он пишет об увеличении заболеваний и смертно-

вергшихся разорению во время восстания, рассчитанное лишь на внешний эффект перед Европою, к тому же предпринятое слишком поздно, отнюдь не может существенно облегчить настоятельных нужд потерпевших, а расселение лишенных крова по соседним деревням должно усилить и без того значительную скученность сельского населения, что при совершенном отсутствии санитарных мер создает благоприятную почву для возникновения и быстрого распространения заразных болезней.

Ввиду вышеизложенного является крайне необходимым командирование в наш вилайет на предстоящий зимний сезон европейских летучих врачебно-санитарных отрядов и в этом отношении помощь нашего общества Красного креста, располагающего обширным персоналом врачей, сестер и братьев милосердия и легко могущего на вербовать самоотверженных добровольцев для такой высокой цели, как оказание помощи гибнущему в беспомощном состоянии единоверному и единоплеменному населению Македонии, — могла бы оказать громадное влияние и в политическом смысле, т[ак] к[ак] сильно подняло бы престиж России среди македонцев, крайне отзывчивых к участливому отношению к их острым нуждам.

Ныне католическими духовными учреждениями в Битоли и Солуни командуются в пункты, где оспенная эпидемия особенно свирепствует, сестры милосердия, а т[ак] к[ак] у католиков на Востоке всякое благотворительное дело сопровождается религиозной пропагандой и имеет ее как основную цель, то и в этом случае результатом посещения сестрами православных сел надо ожидать усиления униатского движения. И в этом отношении участие нашего Красного креста могло бы само по себе уже удержать македонцев от навязываемого им отпадения от православной церкви.

С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства, покорнейшим слугою.

Н. Кохманский

АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 329—330 об. Подлинник.

сти во всем вилайете, вспышке эпидемии оспы в Касторийской и Охридской казах, отдельных случаях тифа (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 1455^а, лл. 338—339. Подлинник).

Н. И. ХИТРОВА

ДОКУМЕНТЫ
ПО ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИХ СВЯЗЕЙ
В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX В.

С начала XVIII в. Россия оказывала черногорскому народу, отстаивавшему свою независимость в борьбе против Османской империи, дипломатическую поддержку и значительную финансовую помощь. Вместе с тем между Россией и Черногорией установились тесные культурные связи. Черногорцам, как и другим славянам, обучавшимся в России, предоставлялись различные льготы при поступлении в учебные заведения¹. В целях облегчения получения ими образования, в 1856 г. был издан указ о том, чтобы славян, прибывавших в Россию, принимали в учебные заведения с освобождением от платы за обучение и с зачислением на казенное содержание². В дальнейшем славянским уроженцам был предоставлен еще ряд привилегий.

Среди черногорцев усилилась тяга к образованию. Однако в Черногории, вследствие отсутствия высших учебных заведений, они могли получать лишь начальное образование. В 70-х годах XIX в. в княжестве имелась всего лишь 41 начальная школа. В 1869 г. на средства, ассигнованные Россией, в Цетинье были открыты два средних учебных заведения: Учительско-богословская семинария и Женский черногорский институт. В первой гимназии начались занятия только в 1880 г. Для завершения образования черногорская молодежь уезжала за границу, преимущественно в Россию.

По этому поводу 27 сентября 1863 г. в отношении Азиатского департамента Министерства иностранных дел России министру финансов М. Х. Рейтерну за № 3133 указывалось: «Во второй половине XIX в. среди сербов и черногорцев обнаружилось замечательное стремление к образованию, но на своей родине, вслед-

¹ См. публикацию И. Ф. Ковалева, Г. М. Наспера, А. Д. Павлюкова «О помощи России южным и западным славянам в получении образования» («Славянский архив», М., 1961).

² Там же, стр. 200—201.

ствие политических обстоятельств, они могут получать в народных школах лишь первоначальное элементарное образование, а для усовершенствования в науках должны искать средств ехать за границу. Между тем, особенно в Сербии и Черногории, ощущается весьма сильно недостаток в людях, основательно изучивших технологию и могущих содействовать развитию в своем отечестве полезных ремесел, так как теперь эти княжества обязаны для всех работ платить весьма дорого иностранным мастерам»³.

Учитывая потребность Черногории в своей интеллигенции, русское правительство, помимо ряда льгот, предоставленных им ранее для уроженцев южнославянских стран, учредило в 1863 г. в Петербургском технологическом институте две казенные вакансии, предназначенные специально для сербов и черногорцев. На содержание зачисленных на эти вакансии студентов департаментом торговли и мануфактур отпускалось ежегодно 480 руб.⁴ В 1873 г. было решено учредить подобные стипендии в Горном институте и Московском технологическом училище⁵. Черногорцы обучались также на льготных основаниях в университетах, Военно-медицинской академии, медицинских институтах, духовных академиях, духовных семинариях и других учебных заведениях. Россия, предоставляя возможность получить образование в своих учебных заведениях, тем самым способствовала развитию просвещения и культуры в Черногории. Одновременно, оказывая поддержку черногорским учащимся, русское правительство укрепляло свое влияние в этой славянской стране.

Значительное содействие черногорцам в получении образования оказывали славянские общества в Петербурге, Москве и других городах. В распоряжение славянских обществ поступали добровольные пожертвования, за счет которых оплачивалось обучение черногорских учащихся, выдавались им стипендии и единовременные пособия. К сожалению, общества не всегда располагали необходимыми денежными средствами, чтобы удовлетворить все просьбы желающих получить образование в России.

В данной публикации помещены письма, адресованные в Московское славянское благотворительное общество попечительным педагогическим Советом Комиссаровской технической школы от 23 ноября 1873 г., русским дипломатическим представителем в Рагузе А. С. Иониным от 25 июня 1874 г. и членом попечительного Совета Комиссаровской технической школы Х. Мейеном от 14 января и 12 сентября 1874 г. В них сообщалось о предоставлении различными представителями русской обществу денежных средств на обучение черногорцев в Комисса-

³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 158, 1863—1879 гг., д. 7, лл. 1—1 об.

⁴ Там же, лл. 10, 99.

⁵ И. Ф. Ковалев, Г. М. Наспер, А. Д. Павлюков. О помощи России южным и западным славянам в получении образования, стр. 201.

ровской школе и других учебных заведениях. О размерах и характере помощи, оказываемой славянскими обществами черногорским учащимся, дает представление прошение черногорца Дмитрия Бакича, с которым он обратился 1 марта 1879 г. из Женевы к председателю Московского славянского комитета И. С. Аксакову⁶, прося о высылке денег для завершения учебы и возвращения на родину. До этого Бакич, после окончания Петербургской духовной академии, в 1878 г. прослушал курс лекций в Петербургском университете. В том же году он опубликовал в русских изданиях две статьи по истории Черногории: «Черногория под управлением владык» и «Черногория новейшего времени». По возвращении в Черногорию Бакич сначала преподавал в учительско-богословской семинарии в Цетинье, затем был назначен членом Великого суда, а с 1896 г. — чрезвычайным посланником Черногории в Константинополе.

Черногорская молодежь, находясь среди русского студенчества, испытывала влияние передовой общественной мысли и воспринимала демократические идеи. Некоторые черногорцы принимали участие в студенческих волнениях. В 1900 г. был выслан из России за участие в аграрном и студенческом движении черногорский подданный Вукосавович, обучавшийся в Никитском училище садоводства и виноделия⁷. 19 апреля 1902 г. директор департамента полиции С. Э. Зволянский направил в Министерство иностранных дел на имя Н. Г. Гартвига⁸ запрос относительно установления биографических данных черногорского доктора Перазича, собиравшегося приехать в Россию на конференцию врачей. Департамент полиции желал установить, не является ли Перазич тем черногорским подданным, который был выслан из России за участие в студенческом движении. В запросе указывалось: Перазич — «черногорец, родившийся в 1868 году в России, в конце 80-х гг., будучи студентом Харьковского университета, привлечен был к дознанию по обвинению в государственном преступлении и по отбытии тюремного заключения был выслан безвозвратно за границу, где продолжает иметь сношения с местными революционными элементами»⁹.

Понимал это и князь Николай, который опасался проникновения из России прогрессивных демократических идей. Для воспрепятствования этому он обратился с просьбой к русской дипло-

⁶ Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — известный идеолог славянофильства и публицист. Один из организаторов Московского славянского комитета. С осени 1876 г. — вице-председатель комитета и его фактический руководитель.

⁷ АВПР, ф. Славянский стол, д. 2200, 1900 г. К сожалению, более подробные данные отсутствуют, так как дело потеряно.

⁸ Гартвиг Николай Генрихович (1855—1914) — служил в Азиатском департаменте МИДа, затем был аташе в Цетинье и вице-консулом в Бургасе (с 1879 г.), в 1901—1906 гг. директор 1-го деп-та МИДа.

⁹ АВПР, ф. Славянский стол, д. 9223, 1902 г., лл. 2—2 об.

матической миссии в Цетинье о запрещении въезда в Россию всем черногорским подданным, которые направлялись туда без рекомендательных писем. Рекомендации же должны были выдаваться только русской миссией в Цетинье по специальным ходатайствам Министерства иностранных дел Черногории.

Чтобы попасть в Россию для поступления в учебные заведения черногорцы стали обращаться за визами в русские консульства, находившиеся в Турции и балканских странах, минуя русскую дипломатическую миссию в Цетинье. Об увеличении подобных просьб сообщил 23 декабря 1901 г. в своем донесении русский вице-консул в Скутари (совр. Шкодер) Г. С. Щербина в Министерство иностранных дел России. Чтобы поставить под свой контроль выезд в Россию и тех черногорских подданных, которые пытались миновать русскую миссию в Цетинье, князь Николай одновременно с письмом в русскую миссию в Цетинье обратился с такими же письмами в русские консульства в Турции и во всех балканских странах. Черногорское правительство сообщало всем русским дипломатическим представительствам фамилии лиц, которым запрещался выезд за границу.

Вместе с тем русский министр-резидент в Цетинье М. Власов доносил в Россию, что князь Николай установил строгий полицейский надзор за лицами, окончившими русские учебные заведения, и отказывал им в предоставлении работы. В качестве примера он приложил письмо черногорских подданных Лазаря Косича и Митара Паевича, окончивших Никитское училище садоводства и виноделия, которым черногорское правительство отказало в работе, вынудив тем самым вернуться в Россию. На наш взгляд этот поступок черногорского министерства можно объяснить тем, что оно не было уверено в политических воззрениях Косича и Паевича, так как за год до их приезда был выслан в Черногорию Вукосавович, обучавшийся также в Никитском училище.

Подобными репрессивными мерами черногорское правительство не могло закрыть доступ в русские учебные заведения нежелательным для него лицам. Так, начальник Азиатского департамента министерства иностранных дел Д. А. Капнист ставил в известность директора департамента полиции генерал-лейтенанта Н. И. Петрова о самовольном приезде в Россию черногорского подданного Перо Матова Вузнича, пользовавшегося репутацией неблагонадежного. В циркуляре Первого департамента русского министерства иностранных дел от 13 ноября 1901 г. указывалось на значительное увеличение наплыва молодежи из славянских стран, не располагавшей денежными средствами.

Депеша русского посланника в Черногории С. Арсеньева, направленная в Министерство иностранных дел России, свидетельствует, что демократические идеи воспринимала в России не только черногорская молодежь, окончившая гражданские учебные заведения, но и черногорцы, обучавшиеся в русских военно-учебных

заведениях. Двое черногорских воспитанников, окончивших в 1905 г. курс в Одесском юнкерском училище, по возвращении на родину приняли активное участие в борьбе против самодержавного режима князя Николая.

1

1873 г. ноября 23. — Из письма Совета Комиссаровской школы в Московский славянский комитет о помощи черногорским учащимся.

[...] Педагогический совет школы имеет честь препроводить при сем пояснительную записку в употреблении сумм, пожертвованных генерал-майором Александром Борисовичем Казаковым. Из этой записки комитет изволит усмотреть, что попечительный совет Комиссаровской технической школы, независимо от того, что в Комиссаровской технической школе несколько черногорцев получают воспитание и образование¹⁰, постоянно изыскивал меры и средства к поддержанию и тех черногорцев, которые обучаются в других учебных заведениях Москвы и Московской губернии.

Александром Борисовичем Казаковым пожертвована сумма три тысячи руб. сереб., которая и получена советом, но сей последний, как видно из прилагаемой пояснительной записки, истратил в 1872 и 1873 годах на черногорцев не воспитанников своей школы, обучающихся в различных учебных заведениях, 3430 р. 52 коп. и, кроме того, продолжает оказывать им постоянное содействие.

[...] Попечительный совет Комиссаровской технической школы препровождает при сем на первое полугодие для студента черногорца в Киевском университете Поповича сто двадцать руб. сереб. [...]

ЦГАОР, ф. 1750/и, д. 70, лл. 43—43 об. Подлинник.

2

1874 г. января 14. — Из письма Х. Мейена Н. А. Попову об обучении черногорских учащихся в России

[...] В 1870 году на средства, пожертвованные Петром Ионовичем Губониным (2000 руб.), прибыли в Москву из Черногории 11 мальчиков в Комиссаровскую техническую школу, из них трое по сие время продолжают учиться в этом заведении. Вместе с означенными мальчиками прибыли еще двое черногорцев Анжус и Княжевич, первый — для поступления в Духовную академию, а второй — в Московский университет.

Выражая готовность дать воспитание 11 черногорским мальчикам в Комиссаровской школе, предполагалось, что они, поступив в заведение, наравне с прочими воспитанниками не требуют уже никакой особенной заботливости и трат; на практике же

¹⁰ В Комиссаровской школе обучались Иован Матанович, Марко Станкович и Петр Челебач (ЦГАОР, ф. 1750/и, д. 59, л. 126).

вышло, однако, совершенно противоположное. В Комиссаровской школе собственно осталось трое только, прочие, по их собственному желанию, поступили в различные учебные заведения, а один, по болезненному состоянию, был отправлен в сопровождении особого лица, которое заботилось бы о нем в пути, на родину. Пришлось, за незнанием черногорцами русского языка, нанимать репетиторов для трех черногорцев, обучающихся в Вифанской семинарии и вместе с тем содержать их и одевать, что продолжается до сего времени. Черногорцам Анжусу и Княжевичу, поступившим в Духовную академию и Московский университет, ежемесячно производилось денежное пособие и первоначально выдана некоторая сумма на одежду. Затем, кроме этих черногорцев, стали прибегать ко мне за пособием и другие их соотечественники, и им по возможности не отказывалось в помощи.

Забываясь таким образом о черногорцах и употребляя на то свои средства, я обращался за содействием и старался склонить к этому делу и других лиц; таким образом мне удалось расположить к этому делу Александра Борисовича Казакова, Ивана Павловича Шаблыкина и Василия Васильевича Епишкина. От этих лиц получено мною в различное время: от г. Шаблыкина 5000 руб., г. Казакова 2000 руб. и г. Епишкина 500 руб., всего 7500 руб. Я не умалчивал об этих пособиях, доводил до сведения черногорского правительства и хлопотал о поощрении этих лиц [...]

ЦГАОР, ф. 1750/и, д. 64, лл. 49 об.—50 об. Подлинник.

3

1874 г. июня 25—июля 7. — Письмо А. С. Ионина секретарю Московского славянского комитета Н. А. Попову¹¹ о поведении в Москве черногорских учащихся

№ 83

Рагуза

Милостивый государь Нил Александрович!

Я счел полезным сообщить черногорскому правительству и затем и его светлости князю Николаю содержание письма Вашего, которое Вы благоволили адресовать мне от 10 мая сего года и заключающее сведения о предосудительном поведении черногорских воспитанников в Москве.

Его светлость, конечно, остался весьма недоволен этим поведением и приказал начальнику своей канцелярии сенатору Станко Радоничу предупредить об этом упомянутых черногорских воспитанников. Сенатор Радониц препроводил мне по этому случаю открытое письмо, коллективно адресованное всем черногорцам, находящимся в Москве, которое я считаю долгом препроводить при сем, дабы Вы сделали из него то употребление, какое сочтете нужным.

¹¹ Попов Нил Александрович (1833—1891) — историк, профессор Московского университета.

Письмо это написано немного в слишком резких выражениях, но в случае необходимости оно все-таки окажется полезным, чтобы обуздать этих зазнавшихся мальчиков.

Вообще князь меня просил передать Вам, что слишком мягкое обращение с ними их будет портить и приготовит из них дурных слуг для их отечества, где дисциплина и послушание суть необходимые следствия его военной организации.

Затем я имел честь получить и отношение Ваше от 21 мая за № 97, коим Вы извещаете меня, что г. Мейен доставил средства Врбице, Орахавцу и Калуджеровичу¹² воспитываться в университете.

При первом случае я не премину довести до сведения его светлости о таком великодушном поступке г. Мейена, которым князь Николай, вероятно, будет очень доволен, ибо образованные люди из университета крайне необходимы для Черногории, где уже учреждена и своя семинария, вполне могущая удовлетворить настоящим духовным потребностям страны.

С своей стороны я бы выразил желание, которое, я уверен, вполне соответствует и видам его светлости, чтобы некоторые из вновь поступивших в университет воспитывались на медицинском факультете, а другие на юридическом.

По той и другой специальности чувствуется большой недостаток на Цетинье.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Ионин

ЦГАОР, ф. 1750/и, д. 64, лл. 35—36. Подлинник.

4

*1874 г. сентября 12. — Письмо Х. Мейена Ц. А. Попову
о денежном содержании черногорских учащихся*

№ 200

Москва

Милостивый государь Нил Александрович!

С большим удовольствием получил Ваше извещение о том, что решение мое воспитывать черногорцев: Врбица, Ора[x]оваца и Калуджеровича в университете произвело приятное впечатление в Черногории. С своей стороны я, решившись раз протянуть руку помощи, считаю обязанностью продолжать начатое. Но при всем моем желаний оказывать помощь черногорцам я в настоящее время считаю для себя затруднительным жертвовать что-либо сверх положенных мною стипендий, тем более что, по моему мнению, отпускаемой ежемесячно суммы вполне достаточно для аккуратной

¹² Марко Врбица, Петр Орахавец, Иван Калуджерович обучались на юридическом факультете Московского университета. Им выплачивалась стипендия в размере 25 руб. в месяц.

жизни. При этом считаю нужным заметить, что мною в прошлом году сделано было им полное платье.

Надеюсь, что Вы не посетуете на меня за отказ, тем более, если примете во внимание, что на моих еще плечах находится целое заведение, где также воспитываются трое черногорцев на мой счет.

Прошу Вас принять уверение в совершенном уважении и преданности, с которыми имею честь быть всегда Вашим покорнейшим слугою.

Христиан Мейен

ЦГАОР, ф. 1750/и, д. 64, лл. 22—23 об. Подлинник.

5

1879 г. марта 1. — Прошение черногорского уроженца
Д. Бакича И. С. Аксакову с просьбой о высылке денег

Окончив с степенью кандидата курс С.-Петербургской дух [овной] академии еще в 1877 году, я после этого поступил на Петербургском университете *, где в продолжении года специально изучал историю русской словесности и в то же время посещал лекции Срезневского¹³ и Ламанского¹⁴ по славеноведению. Кроме того, в течение этого года я занимался еще историей своего отечества, по которой и написал две большие статьи и напечатал — одну в «Журн[але] Мин[истерства] нар[одного] просвещения» за 1878 г., месяц август, а другую — в «Гражданине» за тот же год в №№ 14—22.

По окончании 1878 академического года я уехал из России и решил, ранее чем отправиться в Черногорию, прожить один год за границей с целью заняться изучением иностранных языков и особенно итальянского, так как при занятии с черногорской историей знание этого языка оказалось необходимым, потому что главные документы по этой истории написаны на этом языке. С этой-то целью в месяце июне того же года я представил в Славян[ское] обще[ство] в Петербурге просьбу выдать мне для этого средства, на что Славян[ское] общество, по ходатайству Ламанского, благоизволило определить мне стипендию в 300 р. в год, и в то же время выдать 50 р. на проезд. Уезжая из Петербурга, по дороге я заехал в Москву, где имел честь представить Вашему высокоблагородию свои документы вместе с просьбой. На эту просьбу Вы выдали мне 100 р. и в то же время обещались выслать в продолжение года еще 100, или, если не выслать, то во всяком случае ходатайствовать у Славянского общества в Петербурге, чтоб повысил мне

* Так в тексте.

¹³ Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — выдающийся русский ученый-филолог, основатель школы славистов в Петербурге. Профессор Харьковского (с 1842 г.) и Петербургского (с 1847 г.) университетов.

¹⁴ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — ученик И. И. Срезневского и создатель школы славяноведов. Профессор Петербургского университета, академик (с 1900 г.). Примыкал к славянофилам.

стипендию, так как Вы сами нашли, что с 300 р. стипендии в настоящее время, когда курс русских рублей почти наполовину упал, никак нельзя прожить год за границей.

Теперь, находясь в крайне затруднительном положении и оставшись почти без всяких средств к существованию, я, пользуясь Вашим обещанием, решился написать эту просьбу, в которой честь имею найпокорнейше просить Ваше высокоблагородие выслать мне 100 р. из сумм Вашего общества, или, если найдете это за невозможное, выхлопотать их мне у Славян [ского] общества в Петербурге. Назад тому месяц дней я сам писал было в Петербург и просил повысить мне стипендию, но тамошнее Славян [ское] общество ответило, что, за неимением денег, не может этого сделать. Я положительно знаю, что у Петербургского Славян [ского] общества есть средства, а потому его заявление есть ничто иное, как одна отговорка. Между тем мне даже казалось было, что я как бы имею право просить у него еще 100 р., так как знаю, что Ваше общество выдает своим стипендиатам, помимо 300 р. стипендии, еще по 100 р. на одеж [д]у и книги. Вследствие этого-то я и думал, что Славянское Петербургское общество возьмет пример с Вашего, а потому и не откажет мне в просьбе.

Твёрдо надеюсь, что Ваше высокоблагородие примет во внимание мою покорнейшую просьбу. При этом считаю еще нужным заметить, что, если Вы не вышлете мне 100 р., в таком случае мне положительно не с чем будет отправиться в Черногорию, так как мне неоткуда достать денег на проезд.

Вместе с этой просьбой честь имею выслать Вашему высокоблагородию один экземпляр моей статьи, напечатанной в «Журн [але] мин [истерства] нар [одного] просвещения».

Дмитрий Бакич

Женева, 1 марта, 1879. Мой адрес: Suisse, Geneve, Chemin de gagonnant № 5 (Eaux—Vives).

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел, ф. Аксакова, д. 419. Автограф.

6

1893 г. ноября 27. — Отношение начальника Азиатского департамента МИД'а Д. Капниста директору департамента полиции генерал-лейтенанту Н. И. Петрову о приезде в Россию черногорца Перо Матова Вузнич без разрешения правительства Черногории

№ 258

Милостивый государь Николай Иванович!

Наш поверенный в делах в Цетинье уведомил меня по телеграфу, что черногорец Перо Матов Вузнич, пользовавшийся в последнее время репутацией крайне неблагонадежного человека без разрешения отправился в Россию и прибыл в С.-Петербург, где остано-

вился по Пушкинской улице № 2, дом № 16. Опасаясь неблагоприятных проделок и злоупотреблений Вузничя в России, князь Николай черногорский с своей стороны просил предупредить о том императорское правительство.

Передавая о сем для сведения Вашего превосходительства, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить Вам, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

На полях помета [Н. И. Петрова?]:

Учредить особое наблюдение за Вузничем; а также собрать о нем сведения, а равно о цели его приезда в Россию, для паспорта от черногорского правительства. 28 ноября¹⁵

ЦГАОР, ф. 102/и, оп. 91, д. 1192, 1893 г., лл. 1—1 об. Подлинник.

7

1901 г. ноября 1. — Депеша М. Власова В. Н. Ламздорфу¹⁶ о порядке выезда черногорских юношей в Россию для получения там образования.

№ 112

Цетинье

Милостивый государь граф Владимир Николаевич!

В разговоре со мною 19 октября князь Николай коснулся, между прочим, вопроса о черногорских юношах, стремящихся в Россию и Европу для получения там высшего образования.

Указывая на то, что большинство юношей этих отправляются туда без всяких средств материальных и затем, как нищие, переходя из канцелярии в канцелярию, от одного высокопоставленного лица к другому и добываясь зачисления их в учебные заведения на казенный счет, компрометируют их родину и их правительство, унижая достоинство нации в глазах чужестранцев, его королевское высочество обратился ко мне с требованием о воспрещении въезда в Россию всем черногорцам, отправляющимся туда без рекомендательных писем от императорской миссии в Черногории, которая должна выдавать таковые лишь по специальной просьбе, для каждого из них, княжеского министра иностранных дел, равно о воспрещении визы паспортов на проезд в Россию черногорцам нашим консульствам в Турции и во всех балканских странах.

¹⁵ 30 ноября 1893 г. Н. И. Петров направил отношение градоначальнику Петербурга за № 6747, в котором сообщал о приезде в Россию без разрешения своего правительства черногорского подданного Перо Вузничя и просил «сделать распор[яжение] об учреждении за названным Вузничем секретного наблюдения, а также о выяснении, с каким паспортом он сюда прибыл и чем занимается, и о послед[нем] не оставить уведомлением» (ЦГАОР, ф. 102/и, оп. 91, д. 1192, 1893 г., л. 3).

¹⁶ Ламздорф Владимир Николаевич (1841—1907) — русский дипломат; в 1900—1906 гг. — министр иностранных дел России.

Ранее я имел уже честь доводить до сведения императорского министерства о том, что его королевское высочество относился всегда крайне не симпатично и с нескрываемым предубеждением к молодым черногорцам, оканчивавшим курсы высших учебных заведений за границу и в особенности в России, если первые из них платились за воспитание свое тем, что по возвращении на родину оставались долго не пристроенными к местам, в то время, когда освобождающиеся вакансии замещались лицами, получившими лишь начальное образование в княжестве, за последними, помимо изложенного выше, учреждался строгий полицейский надзор, а лиц, вступивших в сношение с ними, наказывали, и тем, видимо, старались избавиться от них, как от людей беспокойных, свободомыслящих и опасных для государства, заставляя их тем поскорее покидать родину и навсегда¹⁷.

Не доллюбливая молодежь с высшим образованием и питая к ней полное недоверие за ее разумное и критическое отношение к делу, князь Николай стремится ограничить насколько возможно число ее и заодно уменьшить также и число лиц, кои, отправляясь в Россию, могли бы разносить там вести о неурядицах, безначалии и нищете, царящих в Черногории.

Донося о вышеизложенном, приемлю смелость представить при сем на благосклонное воззрение Вашего сиятельства, как образец, одно из многих прошений¹⁸, поступающих ко мне от молодежи, оканчивающей курс в учебных заведениях России.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою.

М. Власов

На л. 280 помета карандашом: копии —

- 1) для комиссии по образ[ованию] славян;
- 2) сообщить слав[янскому] общ[еству];
- 3) м[инист]ру народ[ного] просвещ[ения];
- 4) консулам¹⁹

АВПР, ф. Политархив, д. 1564, лл. 280—282 об. Подлинник.

¹⁷ В 1899 г. подвергся преследованиям капитан Подгорицкого округа М. Джакович, получивший университетское образование в России. По возвращении на родину он высказывал недовольство существовавшими в управлении страной беспорядками и критиковал условия службы чиновников (АВПР, ф. Политархив, д. 1558, 1899 г., л. 101. Депеша министра-резидента в Цетинье К. А. Губастова от 9 сентября 1899 г., № 25). Из-за преследований правительства Джакович был вынужден эмигрировать за границу, а когда снова вернулся на родину, его посадили в тюрьму (там же, д. 1561, 1900 г., л. 34. Депеша Губастова от 30 апреля 1900 г., № 10).

¹⁸ См. д.к. № 8.

¹⁹ Депеша Власова № 112 была направлена для сведения в следующие русские дипломатические представительства: посольство в Константинополе, генеральное консульство в Константинополе и консульства в Адрианополе, Битоли, Призрене, Салониках, Скутари, Ускубе, Янине; дипломатиче-

1901 г. октября 22. — Письмо черногорских юношей Лазаря Косича и Митара Паевича М. Власову с просьбой о выдаче денег на проезд в Россию

№ 263

Цетинье

Ваше высококорodie!

Как известно Вашему высококорodie, мы — два черногорца, посланные нашим государем в Россию в Никитское училище садоводства и виноделия. Мы были посланы еще малыми детьми, с полной надеждой наших родных и нас самих, что после окончания означенного училища мы будем люди с сравнительно обеспеченным положением и мы надеялись, имея пред собой крупное основание, а именно [.]* нас правительство, но после того, как мы прошли означенный училищный курс, когда мы взяли наши аттестаты в руки как материал, который нам давал право на кусок хлеба для нас и для наших бедных родителей, и когда мы по требованию правительства приехали в свое отечество, наши небольшие надежды рушились. Два месяца мы ходили день за днем в министерство узнать решение нашей судьбы и мы всегда получали один ответ, что для Вас служба обеспечена и что Вы люди найпотребней в нашем отечестве, но нужно подождать, и мы действительно ждали, и опять справлялись, не теряя надежды. Хотя, быть может, не один раз мы оставались без обеда и без вечера в означенный промежуток времени, и после всех тех обещаний нам вдруг отказали, говоря, что еще ничего не установлено и нужно подождать несколько лет, а за то время нас опять посылают в Россию с обещанием, что нас опять позовут и дав каждому из нас по пятьдесят рублей. Эта сумма денег для нас в то время была слишком мала, мы этими деньгами с трудом могли провести итог того, что потратили на необходимое в продолжение этого времени. Если бы нам как только мы приехали отказали в службе и снабдили нас означенной суммой денег, то мы не тратили бы времени на бесполезное пребывание тут, а немедленно поехали бы опять в Россию, где мы получили свое воспитание и где мы имели обеспеченный кусок хлеба.

Теперь, Ваше высококорodie, наше положение ужасно, мы остались на улице, не имеем никаких средств для существования здесь, а равно также не имеем ничего, чтобы поехать в Россию. Мы обращаемся к Вам, Ваше высококорodie! Обращаемся и умоляем, чтобы нам дали, если есть возможность, хотя малую помощь, с которой мы могли бы доехать хоть до границы России, а там мы рудились

ское агентство в Софии; генеральные консульства в Софии, Варне, Русуке, Филиппополе, Сараеве и Бургасе, миссию в Белграде, консульство в Нише, посольство в Вене (АВПР, ф. Политархив, д. 1566, 1901 г., лл. 123—124).

* Слово не разобрано, вероятно — «исключило».

бы и старались дойти до места, которое могло бы обеспечить наше положение. Мы всегда будем питать глубокую благодарность России за то, что она нас поставила на ноги и дала возможность дойти до куска хлеба*. Мы надеемся, Ваше высочорodie, что Вы и теперь не оставите нас и дадите возможность выйти из этого положения.

Остаемся в надежде. С совершенным почтением окончившие воспитанники Никитского училища садоводства и виноделия Лазарь Косич и Митар Паевич.

Цетинье
22/10.1901 г.

Росписи Лазаря Косича и Митара Паевича:

От российского императорского министра в Черногории получили на возвращение в Россию (120 ф.) сто двадцать флоринов. Цетинье. 25/X.1901 года

Лазарь Косич
Митар Паевич

На л. 283 помета Власова: 23/X — выдать под расписку на сем просителям 120 флор. В.

АВПР, ф. Политархив, д. 1564, лл. 283—284. Автограф.

9

1901 г. декабря 23. — Выписка из донесения русского вице-консула в Скутари (совр. Шкодер) Щербины по поводу визирования паспортов черногорских подданных и опасений князя Николая перед проникновением в Черногорию свободолобивых идей из России № 151

В Российское вице-консульство в Скутари за последние 5 лет неоднократно поступали просьбы черногорско-подданных, проживающих в Подгорице, Зете и других пограничных с Турциею городах, о снабжении их рекомендательными письмами для поступления в различные русские образовательные заведения, а равно о визировании их паспортов на въезд в империю. На запрос надв[орного] сов[етника] Щербины — почему они не обращаются с подобным ходатайством непосредственно в императорскую миссию в Цетинье, лица эти отвечали, что они боятся навлечь на себя таковым шагом гнев и немилость князя Николая, так как его королевскому высочеству неуютно, чтобы черногорская молодежь получала образование в России.

Таким образом, сообщенные в свое время министром-резидентом нашим в Цетинье сведения о том, что князь Николай с нескрываемым предубеждением относится к вопросу об образовании молодых черногорцев за границею и особенно в России, вполне

* Подчеркнуто в тексте красным карандашом.

подтверждаются и наблюдениями российского вице-консула в Скутари.

АВПР, ф. Политархив, д. 1566, л. 169. Копия.

10

1901 г. ноября 13. — Циркулярное отношение Первого департамента Министерства иностранных дел в русские миссии в Сербии и Черногории, дипломатическое агентство в Болгарии и консульство в Сараеве

№ 864

С.-Петербург

В последнее время замечается прилив в Россию из славянских государств молодых людей, которые, желая завершить свое образование, решаются на дальнюю поездку, не располагая необходимыми на то средствами и часто даже не имея никаких прав на поступление в высшие русские учебные заведения. Обыкновенно наибольшее число молодых славян приезжает в С.-Петербург, надеясь на то, что в столице, где сосредоточено немалое число означенных заведений, им всего легче будет добиться желаемого результата. Когда же отказ в удовлетворении возбуждаемых ходатайств вызывает необходимость возвращения на родину, прибывшие сюда славянские уроженцы по преимуществу обращаются в С.-Петербургское славянское благотворительное общество за пособием на выезд из России. Так как средства названного общества весьма ограничены, то, по необходимости, приходится отклонять большинство поступающих просьб. В свою очередь Министерство иностранных дел, имея в своем распоряжении на предмет выдачи пособий строго определенные суммы, также лишено возможности удовлетворять все представляемые ему прошения. Таким образом, молодые славяне нередко оказываются в незнакомом им городе, вдали от родины, в безвыходном положении, не имея ни средств к жизни, ни определенных занятий, найти каковые при плохом знании русского языка представляется им крайне трудным.

Ввиду изложенного являлось бы желательным, чтобы молодые славяне, имеющие желание обучаться в России, были предупреждены о тех условиях, какие им необходимы для того, чтобы они могли рассчитывать на материальную поддержку Славянского общества. В этих целях совет общества обратился в Министерство иностранных дел с ходатайством о предании возможной гласности текста прилагаемого у сего объявления.

Признавая с своей стороны подобную меру вполне целесообразной, Первый департамент имеет честь покорнейше просить сделать распоряжение о напечатании текста означенного объявления в местных органах печати.

Директор: [Гартвич].

Делопроизводитель: [Приклонский].

Объявление

Славянское благотворительное общество с самого своего возникновения заботилось об образовании молодых славян, прибывающих в Россию. В этом обществе видело и видит и поныне одну из своих главнейших задач; и действительно, благодаря помощи Славянского благотворительного общества, многие молодые славяне получили в России законченное образование. Между тем в положении славянских народов Балканского полуострова произошли значительные перемены: Болгария, Сербия имеют ныне собственные правительства, способные помогать своим подданным, стремящимся к высшему образованию. С своей стороны Славянское благотворительное общество по-прежнему готово сообразно имеющимся в его распоряжении средствам споспешествовать той же высокой цели; но средства эти следует расходовать производительно; между тем количество молодых славян, являющихся за помощью в общество, постоянно увеличивается. Надежды их оказываются иногда неисполнимыми как вследствие того, что средства общества уже распределены между прибывшими ранее молодыми людьми, так в особенности вследствие полной неподготовленности этих лиц к поступлению в русские учебные заведения; многих из них приходится отправлять обратно на средства общества.

Ввиду вышесказанного желательно строго придерживаться в этом деле нижеследующего порядка:

Прежде, нежели пускаться в путь в Россию, молодым людям необходимо заблаговременно списываться с Славянским благотворительным обществом, сообщая ему сведения как о своих летах, так и о своем образовании, и выезжать лишь по получении ответа о том, что на их воспитание и образование имеются средства и что они по степени своего образования и по своим летам могут рассчитывать на поступление в то или другое учебное заведение.

АВПР, ф. Политархив, д. 1566, 1901 г., лл. 128—129 об. Копия.

11

1910 г. июля 13(26). — Секретная депеша С. Арсеньева А. П. Извольскому²⁰ об увеличении приема черногорцев в русские военно-учебные заведения

Милостивый государь Александр Петрович!

Я имел честь получить предписание Вашего высокопревосходительства от 28 июня с. г. за № 564, в коем Вы изволите запрашивать мое мнение по вопросу об образовании в русских военно-учебных заведениях черногорских подданных.

²⁰ Извольский Александр Петрович (1856—1919) — русский дипломат; в 1906—1910 гг. — министр иностранных дел России.

В приложенной к этому предписанию копии телеграммы от 12 июня с. г. за № 892/893 сказано, между прочим, следующее: Особое междуведомственное совещание пришло к убеждению, что правительства и общество в югославянских странах считают будто бы нежелательным поступление в местные армии молодых офицеров, окончивших курс в России. Несмотря на возражения представителя Министерства иностранных дел, совещание признало, что прилив в южнославянские армии офицеров русского образования не приносит пользы России, в какие бы условия образование этих будущих офицеров ни было поставлено в России. С своей стороны с этим мнением особого совещания я никоим образом не считаю возможным согласиться, насколько это мнение особого совещания касается Черногории.

В Черногории вовсе не замечается недружелюбного отношения к воспитанникам русских военно-учебных заведений ни со стороны местного правительства, ни со стороны местного общества. Напротив, ежегодный прилив черногорских кандидатов для поступления в русские военно-учебные заведения так велик, что значительно превышает число свободных стипендий.

Вводимая ныне в Черногории военная форма русского покроя пользуется здесь большою популярностью, и черногорцы гордятся мыслью, что это их еще ближе сплачивает с русскою армией, коей они считают себя как бы частью, как бы русским корпусом на Балканском полуострове.

Большинство бывших воспитанников русских военно-учебных заведений занимает в Черногории видные места по службе. Так, один из них, майор Гаттало²¹, занимал пост военного министра; другой из русских воспитанников, майор Гойнич, состоит губернатором Цетинской области, трое других русских воспитанника, майоры Попович, Матанович и Меданец²², состоят начальниками штабов дивизий. При этом следует заметить, что черногорская армия состоит всего из четырех дивизий. Из более молодых офицеров четверо, поручики Радусевич, Новакович, Вучинич и Маркович, состоят курсовыми инструкторами в Цетинской юнкерской школе. К сожалению, среди русских воспитанников четверо (все окончившие курс в Одесском юнкерском училище в 1905 году) грубым нарушением дисциплины вызвали последовавшее исключение их из черногорской военной службы. Двое из них оказались впоследствии замешанными в 1907 году в антидинастическом революционном движении, а один из них поступил на австрийскую военную службу. Подвергая каре этих четырех офицеров, его королевское высочество князь черногорский пожелал

²¹ Данило Гаттало окончил Петербургское артиллерийское училище (АВПР, ф. Политархив, д. 1580, л. 175 об.).

²² Лука Гойнич, Мило Матанович, Раде Меденица и Михаил Попович окончили Одесское пехотное юнкерское училище в 1897—1898 гг. (ЦГВИА, ф. 401, д. 12, 1898, л. 3).

подчеркнуть, что доверие его к русским военно-учебным заведениям не поколеблено, и одновременно с исключением этих четырех бывших воспитанников Одесского юнкерского училища из службы пожаловал черногорские ордена начальнику и инспектору Одесского юнкерского училища.

Предпринятую ныне реорганизацию черногорской армии немислимо успешно выполнить без увеличения числа образованных офицеров. Если мы затрудним черногорцам доступ в наши военно-учебные заведения, то заставим их искать военного образования в Западной Европе, что вообще нежелательно, а при состоявшемся введении русских военных уставов в Черногории затруднило бы проведение реформ. Вообще желателен самый широкий прием черногорцев в русские военные училища, но с непременным обязательством по окончании курса вернуться на родину, где служебные права их точно определены законом: они принимаются на черногорскую службу тем же чином подпоручика, какой получили при окончании курса в России; затем, после двухгодичной службы в строю, производятся в поручики с правом быть командированными в одну из наших военных академий.

При этом крайне желательно, чтобы на экзаменах в наших военно-учебных заведениях относились к черногорцам без послаблений, имея в виду, что каждый прибывший из России офицер является в роли инструктора в Черногории и в случае плохой подготовки может компрометировать в глазах черногорцев постановку учебного дела в наших военно-учебных заведениях, и поэтому недопустимо было бы безучастное отношение нашего военно-учебного ведомства к прохождению черногорскими уроженцами учебных курсов.

Таков взгляд на этот вопрос нашего военного агента в Черногории полковника Потапова, с коим я вполне согласен.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностию имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорный слуга.

С. Арсеньев

АВПР, ф. Политархив, д. 1592, 1910 г., лл. 167—169 об. Подлинник.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В СБОРНИКАХ «СЛАВЯНСКИЙ АРХИВ»
В 1958—1963 гг.***

С т а т ь и

- М. Андреев. Является ли «Закон Соудный людьмъ» древнеболгарским юридическим памятником? вып. 1959 г., стр. 3—22;
- Г. К. Венедиктов. Об одном болгарском календаре на 1846 год (К описи болгарских печатных книг периода Возрождения) вып. 1962 г., стр. 75—83;
- А. П. Каждан. К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне вып. 1959 г., стр. 23—29;
- В. Д. Корольюк. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. вып. 1958 г., стр. 5—18;
- П. Ф. Крапивин, Ю. И. Чернецкая. О рукописях и изданиях первого Литовского статута вып. 1959 г., стр. 46—56;
- Л. П. Лаптева. «Acta consultatoria bohemica». вып. 1958 г., стр. 19—30;
- Л. П. Лихачева. Болгарское позвание «К христианству» (1876 г.) вып. 1962 г., стр. 84—94;
- Г. М. Лызлов. Состоялось ли посольство В. В. Унковского на Украину в 1651 г.? вып. 1961 г., стр. 3—9;
- Е. П. Наумов. К вопросу о датировке некоторых сербских грамот второй половины XIV в. вып. 1962 г., стр. 3—27;
- Е. П. Наумов. Кем написано второе житие Стефана Дечанского? вып. 1963 г., стр. 60—72;
- А. А. Никольская. Болгарские революционные прокламации 60-х годов XIX в. вып. 1961 г., стр. 10—29;
- В. В. Ниякий. Кому и кем написано письмо «Зманчевича»? вып. 1962 г., стр. 59—74;
- О. И. Подобедова. К вопросу об изучении миниатюр исторических летописей как источника для истории лицевого летописания вып. 1963 г., стр. 12—28;
- С. А. Токарев. Проф. Йован Цвич (К 35-летию со дня смерти) вып. 1962 г., стр. 95—116;
- Н. Т. Тодоров. Ярмарка в городе Хаджиоглу-Пазарджик в 70-х годах XIX в. вып. 1963 г., стр. 116—139;
- В. М. Фоменкова. Статуты Казимира III как источник по истории аграрных отношений в феодальной Польше вып. 1963 г., стр. 29—59;
- М. М. Фрейденберг. «Новиградский сборник» как источник по социально-экономической истории Хорватии вып. 1962 г., стр. 28—58;
- М. М. Фрейденберг. О формуляре нотариальных актов из Трогира вып. 1963 г., стр. 3—11;
- В. И. Фрейдзон. О Белградском «комитете» М. Бана (1860—1861). вып. 1963 г., стр. 100—115;
- К. В. Хвостова. К вопросу о терминологии летописи попа Дуклянина вып. 1959 г., стр. 30—45;

* Указатель составлен Е. П. Наумовым.

В. М. Чернов. Можно ли считать доказанным, что Литовский статут является источником V и IX глав Соборного уложения? вып. 1963 г., стр. 73—99.

Обзоры, заметки, рецензии

- С. П. Боброва, Г. И. Липатникова, А. Е. Москаленко. Ценное пособие (А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков, Л., 1955) вып. 1962 г., стр. 117—127;
- Ю. В. Бромлей. Ценные источники по средневековой истории словенского крестьянства (Обзор публикаций М. Коса «Srednjeveški urbarji za Slovenijo») вып. 1959 г., стр. 81—93;
- И. Ф. Балза. Вторая тетрадь дневника Елены Шимановской вып. 1963 г., стр. 152—158;
- С. А. Виноградов. Из истории славяноведения в России в XIX—начале XX в. (Обзор документальных материалов) вып. 1961 г., стр. 30—40;
- Е. И. Демина. О лингвистических изданиях памятников письменности вып. 1963 г., стр. 196—202;
- Т. Е. Зюзюкина. Новые документы по истории сербской социал-демократии вып. 1962 г., стр. 171—178;
- Т. Е. Зюзюкина. Сборник документов и материалов «Профсоюзное движение в Сербии (1903—1919)» вып. 1963 г., стр. 187—195;
- И. А. Калоева. Публикация архивных исторических материалов в Федеративной Народной Республике Югославии (1945—1955 гг.) вып. 1959 г., стр. 173—187;
- Г. В. Киселев. По следам одного письма Н. П. Огарева и А. И. Герцена (Из истории русско-польских революционных связей) вып. 1963 г., стр. 159—164;
- Л. С. Кишкин. Корреспонденция Бедржиха Вацлавека вып. 1962 г., стр. 187—192;
- Л. С. Кишкин. Чешские и словацкие автографы в архиве И. И. Срезневского вып. 1962 г., стр. 159—170;
- В. Н. Коцдратьева. Данные о торговле Боснии и Герцеговины в 1866—1869 гг. вып. 1961 г., стр. 41—50;
- В. Д. Королук. К вопросу о посольстве в Москву от запорожского гетмана Петра Сагайдачного в 1620 г. вып. 1958 г., стр. 34—38;
- Л. В. Милов. Новое исследование о Законе судом людем (Венелин Ганев. Законъ соудный людъмъ. София, 1959) вып. 1961 г., стр. 51—63;
- С. А. Никитин. Новые работы о водяных знаках в Югославии вып. 1958 г., стр. 31—32;
- С. А. Никитин. Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии вып. 1959 г., стр. 126—138;
- А. И. Озолин. «Гуситские сочинения Будишинской рукописи» как источник для изучения социально-политических требований и тактики бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении вып. 1959 г., стр. 57—80;
- П. Н. Ольшанский. Последняя рукопись Валериана Лукасинского вып. 1958 г., стр. 39—75;
- П. Н. Ольшанский. Новые документы о русско-польских революционных связях вып. 1959 г., стр. 94—115;
- Н. М. Пашаева. Рукопись Сикста из Оттерсдорфа — ценный источник по истории восстания чешских городов, вып. 1961 г., стр. 64—73;
- Н. М. Пашаева. Неизданная переписка Д. И. Зубрицкого вып. 1962 г., стр. 179—184;
- К. Л. Струкова. К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в., вып. 1963 г., стр. 184—186;
- К. Л. Струкова. К истории русско-болгарских отношений в 1876 г. (Материалы о деятельности Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте) вып. 1959 г., стр. 116—125;

- Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Важный источник по социально-экономической истории Словакии XVI—XVII вв. вып. 1962 г., стр. 132—158;
- В. М. Фоменкова. Интересное исследование (А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955) вып. 1962 г., стр. 128—131;
- М. М. Фрейденберг. Новый памятник по истории средневекового хорватского города вып. 1963 г., стр. 140—147;
- В. И. Фрейдзон. Корреспонденция Рачки-Штросмайер как источник по истории Хорватии второй половины XIX в. вып. 1959 г., стр. 139—172;
- Т. В. Цивьян. Русский перевод ценного источника по истории Дубровника вып. 1963 г., стр. 148—151;
- Г. П. Чеканова. Карел Гавличек-Боровский и царская цензура вып. 1963 г., стр. 165—175.
- И. В. Чуркина. Публикация документов по истории Любляны вып. 1963 г., стр. 176—183.

Публикации

- А. Д. Бачинский, М. Д. Дихан. Помощь ученых Новороссийского университета освободительному движению на Балканах (1875—1877) вып. 1962 г., стр. 247—255;
- Н. П. Бобрик. Неопубликованное стихотворение Фр. Карпиньского вып. 1959 г., стр. 188—194;
- Н. П. Бобрик. Неопубликованное стихотворение Т. К. Венгерского вып. 1959 г., стр. 195—198;
- В. А. Борис, И. С. Миллер. Воззвание к крестьянам Э. Дембовского вып. 1961 г., стр. 88—160;
- В. А. Борис, И. М. Нефедов. К жизни и деятельности Юлиана Госляра вып. 1959 г., стр. 224—283;
- М. В. Будылина. Автографы Костюшко в Государственном Историческом музее в Москве вып. 1962 г., стр. 203—206;
- Г. К. Венедиктов. Летописная заметка в одном новоболгарском дамаскине XVIII в. вып. 1961 г., стр. 74—76;
- Г. К. Венедиктов. Неизвестный список «Истории славяноболгарской» Паная Хилендарского вып. 1963 г., стр. 203—214;
- С. А. Виноградов. Документы о научных и культурных связях России с лужицкими сербами во второй половине XIX—начале XX в. вып. 1962 г., стр. 262—285;
- И. А. Голубцов. Две неизвестные грамоты из переписки царя Алексея Михайловича с гетманом Богданом Хмельницким в 1656 г. вып. 1958 г., стр. 76—87;
- Н. П. Жуковская, А. Е. Шнейдер. Листовки Московской секции Польской социалистической партии-левицы вып. 1959 г., стр. 321—329;
- Н. П. Жуковская, А. Е. Шнейдер. Записки Боголюбa Каталинича о военнополитическом положении в южнославянских землях в 1869—1870 гг. вып. 1961 г., стр. 215—236;
- А. А. Зайцева. Неопубликованные письма Я. Коллара вып. 1959 г., стр. 199—206;
- В. И. Злыднев. Неизвестные письма Ивана Вазова вып. 1961 г., стр. 240—257;
- М. А. Ильин, В. Д. Корольюк. К поездке Любора Нидерле в Россию в 1893 г. (Неопубликованное письмо Л. Нидерле А. К. Жизневскому) вып. 1963 г., стр. 252—255;
- Т. В. Киселев. Важный документ по истории польской революционной мысли второй половины XIX в. вып. 1962 г., стр. 256—261;
- Л. С. Кишкин. Письма Ф. Л. Челаковского к И. И. Срзневскому вып. 1963 г., стр. 228—234;

- Л. С. Кипшкин. Три письма Й. В. Сладека . . . вып. 1959 г., стр. 306—320;
- Л. С. Кипшкин. Из переписки чешских «будителей» с русскими учеными-славистами . . . вып. 1961 г., стр. 77—87;
- И. Ф. Ковалев, Г. М. Наспер, А. Д. Павлюков. О помощи России южным и западным славянам в получении образования . . . вып. 1961 г., стр. 200—214;
- И. В. Козьменко. Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник . . . вып. 1958 г., стр. 127—260;
- В. Н. Кондратьева. К истории австрийской экспансии на Балканском полуострове в XIX в. . . . вып. 1962 г., стр. 207—214;
- В. Д. Конобеев. О плане вооруженной борьбы Г. С. Раковского в Болгарии в период Крымской войны . . . вып. 1959 г., стр. 330—342;
- И. И. Костюшко. Новые материалы о крестьянском движении в Царстве Польском в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. . . . вып. 1958 г., стр. 88—126;
- И. И. Костюшко. Крестьянское движение в Царстве Польском в 1861 г. . . . вып. 1959 г., стр. 284—305;
- А. С. Мыльников. Новые автографы деятелей чешской и словацкой культуры XIX в. . . . вып. 1959 г., стр. 207—223;
- С. А. Никитин. Новые данные к биографии Л. Каравелова . . . вып. 1963 г., стр. 235—236;
- И. Д. Очак. Новые материалы В. Пелагича . . . вып. 1958 г., стр. 270—302;
- И. Д. Очак, Д. Ф. Поплыко. Новые данные о связях сербского революционера В. Пелагича с Россией во второй половине 60-х годов XIX в. . . . вып. 1961 г., стр. 161—199;
- Б. С. Попков. Иоахим Лелевель и русские ученые (Новые материалы из советских архивов) . . . вып. 1963 г., стр. 215—227;
- Д. С. Прокофьева. Три письма Казимежа Тетмайера . . . вып. 1961 г., стр. 258—271;
- Д. С. Прокофьева. Письма Ю. Крашевского В. В. Стасову . . . вып. 1962 г., стр. 215—223;
- Е. И. Рябова. Автограф Станко Враза . . . вып. 1958 г., стр. 261—269;
- И. Г. Сенкевич. Новые материалы по истории южных славян (Из рукописного наследства М. А. Хитрово) . . . вып. 1963 г., стр. 237—251;
- З. Н. Стрекалова. Два письма королевы Бони из рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (тексты на древнепольском языке) . . . вып. 1962 г., стр. 193—202;
- К. Л. Струкова. Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов) вып. 1963 г., стр. 256—285;
- С. М. Фалькович. Несколько документов польской эмиграции, относящихся к периоду восстания 1863—1864 гг. в Царстве Польском . . . вып. 1962 г., стр. 224—246;
- Н. И. Хитрова. Документы по истории русско-черногорских связей в конце XIX—начале XX в. . . . вып. 1963 г., стр. 286—302;
- Н. И. Хитрова. О попытке организации издания газеты «Вперед!» в Хорватии или Сербии . . . вып. 1961 г., стр. 237—239.

Хроника, рефераты

- А. И. Виноградова. Публикация архивных материалов в Словакии . . . вып. 1959 г., стр. 350—353;
- В. Д. Королюк. Малопольский исторический журнал . . . вып. 1959 г., стр. 343—344;
- В. Д. Королюк. Словарь славянских древностей. — вып. 1959 г., стр. 344—346;
- Г. Э. Санчук. «Общегосударственная выставка исторических документов» в Чехословакии . . . вып. 1959 г., стр. 346—350.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

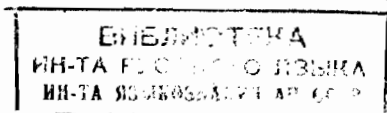
	Стр.
М. М. Фрейденберг (Великие Луки). О формуляре нотариальных актов из Трогира	3
О. И. Подобедова (Москва). К вопросу об изучении миниатюр исторических летописей как источника для истории лицевого летописания	12
В. М. Фоменкова (Киров). Статуты Казимира III как источник по истории аграрных отношений в феодальной Польше	29
Е. П. Наумов. (Москва). Кем написано второе житие Стефана Дечанского?	60
В. М. Чернов (Саратов). Можно ли считать доказанным, что Литовский статут является источником V и IX глав Соборного уложения?	73
В. И. Фрейдзон (Москва). О Белградском «комитете» М. Бана (1860—1861)	100
Н. Т. Тодоров (София, Болгария). Ярмарка в городе Хаджи-оглу-Пазарджик в 70-х годах XIX в.	116

Обзоры, заметки, рецензии

М. М. Фрейденберг (В. Луки). Новый памятник по истории средневекового хорватского города	140
Т. В. Цивьян (Москва). Русский перевод ценного источника по истории Дубровника	148
И. Ф. Бэлза (Москва). Вторая тетрадь дневника Елены Шимановской	152
Г. В. Киселев (Вильнюс). По следам одного письма Н. П. Огарева и А. И. Герцена	159
Г. П. Чеканова (Ленинград). Карел Гавличек-Боровский и царская цензура	165
И. В. Чуркина (Москва). Публикация документов по истории Любляны	176
К. Л. Струкова (Москва). К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в.	184
Т. Е. Зюзюкина (Москва). Сборник материалов и документов «Профсоюзное движение в Сербии (1903—1919)»	187
Е. И. Демина (Москва). О лингвистических изданиях памятников письменности	196
	307

Публикации

Г. К. Венедиктов (Москва). Неизвестный список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского	203
Б. С. Попков (Петрозаводск). Иоахим Лелевель и русские ученые (Новые материалы из советских архивов)	215
Л. С. Кишкин (Москва). Письма Ф. Л. Челаковского к И. И. Срезневскому	228
С. А. Никитин (Москва). Новые данные к биографии Л. Каравелова	235
И. Г. Сенкевич (Москва). Новые материалы по истории южных славян (Из рукописного наследства М. А. Хитрово)	237
М. А. Ильин (Калинин), В. Д. Королюк (Москва). К поездке Любора Нидерле в Россию в 1893 г. (Неопубликованное письмо Л. Нидерле А. К. Жизневскому)	252
К. Л. Струкова (Москва). Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов)	256
Н. И. Хитрова (Москва). Документы по истории русско-черногорских связей в конце XIX—начале XX в).	286
Библиография	
Указатель статей и материалов, опубликованных в сборниках «Славянский архив» в 1958—1963 гг.	303

Славянский архив

Утверждено к печати Институтом славяноведения АН СССР

Редактор издательства Г. В. Шелудько Технический редактор Н. Д. Новичкова
Корректор Н. Г. Васильева

РИСО АН СССР Рп-62. Сдано в набор 10 XI 1962 г.

Подписано к печати 30 I 1963 г. Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 19^{1/4}.
Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 1500 экз. Т.00953. Изд. № 1335. Тип. зак. № 921.

Цена 1 р. 28 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, В-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

1 р. 28 к.